

ДНЕВНОСТИ

ЖАН-КЛОД
БОЛОНЬ

ЖАН-КЛОД БОЛОНЬ

ИСТОРИЯ БЕЗБРАЧИЯ И ХОЛОСТЯКОВ

ИСТОРИЯ БЕЗБРАЧИЯ И ХОЛОСТЯКОВ

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

JEAN-CLAUDE BOLOGNE

HISTOIRE
DU CÉLIBAT
ET DES CÉLIBATAIRES

LIBRAIRIE ARTHÈME FAYARD
PARIS
2004

ЖАН-КЛОД БОЛОНЬ

ИСТОРИЯ
БЕЗБРАЧИЯ
И ХОЛОСТЯКОВ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА
2010

УДК 392.53(091)
ББК 60.561.5
Б79

*В оформлении обложки использована
гравюра Андерсона Ханидью «Холостяк» (1846)*

С разрешения автора книга публикуется с сокращениями

Болонь Жан-Клод

Б 79 История безбрачия и холостяков/ Пер. с французского О. Смолицкой. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 480 с.: ил.

Когда-то безбрачие было для многих «залом ожидания», в нем задерживались только старые девы и закоренелые холостяки, их жалели, над ними смеялись. Сейчас безбрачия никто не стыдится, ряды холостяков все время пополняются теми, кто развелся.

Известный бельгийский историк Жан-Клод Болонь рассказывает об эволюции понятия безбрачия и отношения к нему, знакомит читателей с образами и типажам западных холостяков, существовавшими с древних времен до наших дней.

УДК 392.53(091)
ББК 60.561.5

ISBN 978-5-86793-763-8

World copyright © Librairie Arthème Fayard 2004
© О. Смолицкая, пер. с французского, 2010
© «Новое литературное обозрение», 2010

От переводчика

Перевод книги Жан-Клода Болоня осуществлен с сокращениями. Сокращению подверглись:

1. статистические подсчеты, выкладки и таблицы (оставлены итоговые числа и, по большей части, отсылки к тем исследованиям, откуда подсчеты взяты). В связи с этим целиком изъята глава, посвященная статистике, однако в Заключении среди прочих представлены и основные выводы, сделанные в этой главе;

2. анализ терминологии, связанной с понятиями «холостяк» и «безбрачие», в тех случаях, когда на русском языке нет аналогичных терминов;

3. стихотворные цитаты при отсутствии адекватных переводов на русский язык (в отдельных случаях мы даем подстрочный перевод).

Переводы цитат осуществлены нами, если не указан другой переводчик.

Ольга Смолицкая

ВВЕДЕНИЕ

«И жили они долго и счастливо, и родилось у них много детей». Сказка, как правило, кончается свадьбой. Как много устойчивых представлений связано с этим традиционным финалом! История возникает тогда, когда что-то неблагополучно; одного лишь упоминания о благополучии достаточно, чтобы история завершилась. Благополучие связано с браком, безбрачие распространяется лишь на период поисков суженого или суженой. Что же касается счастья в браке, то оно измеряется количеством детей, особенно у принцессы (у Мальчика-с-Пальчик совсем другая история).

Детская сказка открыто и чуть наивно говорит обо всем этом, но и взрослая литература от самых своих начал повествует о том же: героями любовного романа, пьесы с запутанной интригой, оперы и т. д. и т. п. гораздо чаще бывают холостяки, чем состоящие в браке.

У БЕЗБРАЧИЯ НЕТ ИСТОРИИ

И вместе с тем безбрачие не кажется историкам слишком привлекательным предметом для изучения¹.

Может быть, оно интересно только в вымышленных историях? И наоборот, захватывающий сюжет редко строится вокруг семейной жизни (разве что речь идет об адюльтере), в то время как историки много и подробно пишут о браке и семье.

Согласно расхожему представлению о семейной жизни, она течет как тихая и спокойная река, без водоворотов и неожиданностей, которые необходимы для романа, а безбрачие — это своего рода гонка, скачки, бег к супружеству, и в них так много случайностей, столь любимых романистами. В известном романе Жюль Верна молодой китаец, готовясь вступить в брак с девушкой, с которой давно обручен, говорит, что хотел бы сначала испытать «горести и злоключения», неотделимые в Китае от холостой жизни.

До сих пор достаточно редко пишут о том, как в браке живет, каково это — быть супругами; гораздо чаще речь идет о том, как ими становятся. Что же касается холостой жизни, то она в наше время все чаще выглядит состоянием, расставаться с которым не торопятся. Расхожее представление о холостяке как о человеке, пребывающем в ожидании брака, имело свое оправдание в традиционном обществе. Но современная реальность иная. Холостая жизнь больше не зал ожидания для будущих супругов, но сознательный выбор. К этому образу жизни время от времени возвращаются женатые люди, вполне естественным холостяцкое существование считают разведенные — общественная группа, относительно недавно вошедшая в европейскую историю.

Рынок в последнее время особым образом отреагировал на эти социальные изменения. Отметим, например, что сократились порции в упаковках продуктов, по-

явились сиденья для одного человека в поездах, туристические агентства стали предлагать программы, рассчитанные на одиноких. Вспомним недавнюю моду на dating, сериалы и телевизионные шоу («джентльмены-холостяки»). В 2003 году фирма Lafayette Gourmet предложила устраивать «четверги для холостяков» (market dating). Речь шла о своего рода наборе товаров, корзине, предназначенной для неженатых и незамужних людей разного возраста, которые не успевают из-за работы или учебы делать покупки вовремя. В 2002 году в Париже открылся первый салон товаров для холостяков, провозгласивший своим рекламным лозунгом «одинокчество и свободу» (celiberté).

Холостяцкое одиночество вошло в моду и стало определять рынок. У каждой эпохи та система ценностей, которая под силу современникам. Социологи давно уже стали учитывать в своих построениях мужчин и женщин, не собирающихся вступать в брак.

Джон Хейнел в 1965 году предположил, что западноевропейская модель брака имеет две тенденции развития. С одной стороны, повышается возраст вступления в первый брак (сейчас он составляет 26–27 лет для мужчин и 23–24 года для женщин), а с другой — возрастает количество женщин и мужчин, отказавшихся от брака. Эти тенденции, по его мнению, установились к концу XVIII века, но отмечены уже в XVI–XVII веках в Западной Европе (от Финляндии до Испании и от Исландии до Италии) и противопоставлены модели брака в Восточной Европе (в Греции, Венгрии, Румынии, Боснии, Болгарии, России, Сербии), а также на других континентах².

Концепция Хейнела не только не была опровергнута — она получила подтверждение и была углублена и раз-

работана еще более детально. Однако в ходе изучения проблемы встал вопрос: по каким критериям определить безбрачие и холостячество как социальные явления.

Сложность состоит в том, что это явления относительно недавние, и к ним невозможно подходить с традиционными историко-социологическими мерками. Социальный статус закрепился за безбрачием совсем недавно, пока его можно определить только как отказ от заключения брачного союза или, по крайней мере, как отказ от сожительства с постоянным партнером.

Понятие безбрачия охватывает очень разные жизненные ситуации, порой они даже противоположны по характеру.

И девственница, давшая обет, и проститутка живут не в браке, в средневековой иконографии и та и другая изображаются «с волосами», то есть без характерного для замужней женщины покрывала. Однако кто решится провести параллель между Девой Марией и Марией Магдалиной?

Таким образом, перед моим исследованием, в частности, стоит задача отказаться от предубеждений и сложившихся представлений о безбрачии и холостяках и заново определить их место в истории и развитии общества.

БЕЗБРАЧИЯ НЕ СУЩЕСТВУЕТ

В Гражданском кодексе 1804 года слово «брак» упоминается 278 раз и почти всегда вместе со словом «имущество». Слова «холостяк» и «безбрачие» не встречаются ни разу. Сходное соотношение можно увидеть и в Библии³. В основополагающих для нашей культуры текстах не существует безбрачия, оно воспринимается

лишь как фон к главенствующему понятию «брак». Греческий термин «агамия» буквально означает «отсутствие брака».

Как следствие, и понятие «холостяк» связано лишь с отрицательными образами. Холостяк — это тот, кто не хочет или не может вступить в брак. Это человек, ставящий себя вне общества, или импотент. Можно также вспомнить, какие ассоциации вызывают словосочетания «старый холостяк» (сексуальный маньяк) и «старая дева» (сморщенная высохшая груша). 450 лет назад Генрих II установил желательный срок для вступления в брак впервые: не позже 30 лет для мужчин и не позже 25 лет для женщин. Кто не успел, считается или ущербным социально (их называют робкими, неловкими, недотрогами, «засидевшимися в девках»), или распутниками (донжуаны или мессалины, а также явные или скрытые приверженцы однополый любви). Некогда общественный статус обретался только в браке. Те, кто не вступил в брак, воспринимались как «ожидающие супружества». Даже краткое пребывание в браке делало женщину человеком уважаемым или, по крайней мере, свободным. И вдова, и разведенная могли рассчитывать на определенное место в обществе. Марсель Ашар в пьесе «Жан с Луны» (1929) с юмором упоминает некую ветреную девицу, семья которой уже отчаялась выдать ее замуж. Наконец находится человек, за которого она выходит замуж, но брак очень быстро заканчивается разводом. Брат девушки, однако, с облегчением говорит ее бывшему мужу: «Спасибо тебе хотя бы за то, что ты взял ее в жены. От всей семьи! Что бы она теперь ни делала, на семью не ляжет позор — она теперь просто разведенная!» С каким бы предубеждением ни относилось общество к разведенной женщине, она

все же обладала определенным социальным статусом, на который никак не могла претендовать незамужняя.

Итак, человек, находящийся вне брака, должен был обосновать свое положение какими-то особыми причинами, иначе он не мог ни избежать презрения, ни рассчитывать хотя бы на снисходительное отношение к себе. Существовала возможность войти в какую-либо социальную группу, требующую от своих членов безбрачия, например, стать священником. Обет безбрачия, который давало духовенство, долгое время считался единственно приемлемым обоснованием пожизненного безбрачия человека.

Однако существовали социальные группы, не столь явно противопоставленные обыденной жизни, внутри которых возможно было длительное существование вне брака. Таковы были юноши и девушки, до определенного возраста воспитывавшиеся в монастыре; позже появились молодые люди, проходившие начальную военную подготовку в специальных лагерях, — все они имели некий социальный статус, хотя им еще не скоро предстояло вступить в брак. Существование профессий, связанных с отказом от семейной жизни (во всяком случае, таковыми они были в определенные эпохи), способствовало формированию в сознании позитивного образа холостяка и даже отчасти оправданию распутного образа жизни. Это могут быть моряки («у них девушки в каждом порту»), солдаты («из гарнизона в гарнизон и от милашки к милашке», — поют герои фильма «Мушкетеры в монастыре»), творческие личности («они состоят в браке со своим искусством»), школьные учителя («это солдаты на службе Республики») и особенно учительницы (в обращении к ним так и видятся заглавными все буквы). Как толь-

ко возможность безбрачия утверждается в обществе, появляются и наполняются особым смыслом различные временные холостяцкие сообщества: молодежные банды с окраин, спортивные клубы, компании, собравшиеся для совместных поездок на каникулы, а также разного рода секты и предприятия, пропагандирующие «дух корпоративного единства».

Кроме того, вот уже столетие, как обрели право на существование альтернативные браку союзы: сожительство с постоянным партнером, гражданский брак на основе долгосрочного соглашения. Сожительство как общественное явление, имеющее определенный правовой статус, впервые упоминается в законодательных документах 1912 года. Лица, заключившие гражданский брак на основе соглашения, появляются в документах гораздо позже — в 1999 году, но и тот и другой тип союза в настоящее время закреплены законом. И хотя с точки зрения актов гражданского состояния сожительство и брак по временному соглашению приравниваются к безбрачию, они скорее должны быть рассмотрены с точки зрения истории супружеских отношений, а не в настоящей книге⁴.

Все эти предварительные замечания уже сами по себе дают наглядное представление о том, как сложно вычлнить объект моего исследования.

Словарный подход не облегчает задачи. Почти все термины, связанные с жизнью вне брака, слишком поздние. В принципе холостяки — это люди, пребывающие на определенном жизненном этапе. Каждый женатый человек когда-то был холостым. В статистических выкладках к лицам, не состоящим в браке, часто причисляют и детей, что вносит заметную путаницу в анализ этого социального явления.

Статус холостяка сохраняется за человеком, пока он занят подготовкой к бракосочетанию (супружеская чета образуется из союза двух холостых людей⁵), но статус этот утрачивается сразу же после заключения брака, и утрачивается навсегда. После прекращения брака человек может стать или вдовцом (вдовой), или разведенным (разведенной), но не холостяком. Однако многие проблемы у вдовых и разведенных те же, что у холостых, и в настоящее время правомочно говорить о холостячестве как об образе жизни, а не как о типе гражданского состояния. Мужей, возвращающихся к холостяцким привычкам, когда жена в отъезде, называют «холостыми мужьями». С другой стороны, существуют «женатые в безбрачии» — мужчины, давшие обет безбрачия, следуя которому они не вступают в супружеские отношения с женами⁶. Недавно появился термин «холостяк-одиночка» (*solibataire*), который охватывает всех, кто живет не в семье, — вдовых, разведенных, супругов, находящихся в длительной разлуке, и собственно холостяков.

Вместе с тем бывают холостяки, которые ведут себя как мужья и отцы семейства. Вот как говорит о таком человеке героиня романа Колетт «Бродяга»: «Вам надо жениться, такая роль подошла бы вам гораздо больше. Вы и сейчас-то выглядите как женатый. Вы обряжаете свое холостячество в одежду семейной жизни. Вам нужно уютное гнездышко, вы — слабый, ревнивый, упрямый, ленивый, как избалованный муж, а в глубине души вы деспот и с самого рождения хотели бы, чтобы у вас была одна-единственная, но ваша собственная жена»⁷. Настоящего холостяка героиня несомненно назвала бы словом «бродяга».

Обычно различают временное холостячество (это относится к половозрелым юношам и девушкам, не жела-

ющим вступать в брак до определенного времени — до завершения учебы или «пока не встанут на ноги»), длительное холостячество (это относится к взрослым людям со стабильным общественным и материальным положением, которые откладывают вступление в брак) и пожизненное холостячество. К представителям последнего типа, строго говоря, человека можно отнести только после его смерти, но обычно к ним причисляют тех, кто ни разу не вступал в брак до 50 лет. К этому типу, наверное, можно отнести и Бальзака, и Аполлинера, женившихся за несколько месяцев до смерти, а всю предыдущую жизнь проживших холостяками, равно как и Чайковского, который прожил в браке всего несколько недель, а потом понял, что не создан для супружеской жизни. Он писал: «Еще несколько дней — и я бы просто сошел с ума».

Приведем таблицу, в которой сведены понятия, определяющие как социальный статус, так и образ жизни тех, кого принято называть «холостяками». Эта таблица наглядно показывает, насколько различается смысл слова в официальном словоупотреблении (колонка по вертикали) и в обиходном представлении (горизонтальная строка).

Образ жизни	Социальный статус	
	Состоят (состоят ли) в браке	Не состоят в браке
Одинокие («холостяки»)	Вдовы, разведенные, «соломенные вдовы»	Холостяки-одиночки
Живущие в паре	Женатые	Сожители-любовники; живущие по временному соглашению

О каких же холостяках пойдет речь в книге? Для социологии вопрос ясен: она интересуется «одиночками», без различения вдовых, разведенных и собственно холостых. Но историк должен подойти к той же проблеме осторожно. Слишком жесткий отбор предмета исследования как по горизонтали, так и по вертикали может привести к нелепице. Кроме того, методологически неверно подходить с современными мерками к положению дел в прошлые эпохи.

Если мы будем опираться на статистические подсчеты, основанные на официальном положении о «гражданском состоянии», придется принимать во внимание и тех, кто еще не достиг брачного возраста, а, кроме того, как быть с детьми, умершими сразу после рождения? С другой стороны, придется включить в анализ всех сожителюющих в разного рода союзах, но не совершивших обряда бракосочетания. При этом из статистических данных будут исключены те, кто вступил в брак на смертном одре, прожив всю жизнь холостым.

Если мы будем использовать понятие «холостяк» в его современном обиходном смысле, то у нас возникнут трудности при обращении к истории безбрачия. Тогда нам придется, например, включить в предмет исследования супружеские пары, живущие врозь как на основании документов (разведенные, вдовы, те, чей брак признан недействительным), так и из-за особенностей профессии (моряки, купцы), и исключить тех, кто живет в паре без оформления брака, хотя они порой испытывают те же трудности, что и холостяки-одиночки. Пришлось бы рассмотреть также тех, кто находится на временном холостяцком положении в тюрьмах, домах для престарелых, приютах для умалишенных, интернатах⁸. Несомненно,

некоторые проблемы едины для всех, кто не живет в супружеском союзе, но это слишком расширило бы предмет нашего исследования.

Существует ряд профессий, связанных с временным или пожизненным безбрачием (солдаты, слуги, высшее духовенство). Включенные в определенное время и в определенной среде в статистическую картину, они могут ее существенным образом исказить; статистика представляет срез общества в конкретный момент, и в этот момент холостяков может оказаться гораздо больше, чем обычно.

Не менее сложно вычислить холостяков по документам. Можно определить, что человек был женат, если упоминается его супруга или законные дети, но отсутствие, например, наследников в завещании не обязательно означает, что человек прожил жизнь холостяком, — возможно, его жена умерла, не родив ребенка.

Серьезнейшей проблемой нашего исследования является то, что брак занимает доминантную позицию в общественном сознании. Холостячество подобно девственности: один день в браке — и человек уже не холостяк, даже если он прожил холостяком всю жизнь.

Бальзак женился на смертном одре, а до этого, в 30 лет, написал книгу «Физиология брака глазами холостяка». Жорж Санд вышла замуж, ушла от мужа, имела множество любовных связей, как и ее любовник Мюссе, но она официально считалась замужней женщиной, а он — холостяком.

С другой стороны, не всякий, кто не вступил в брак, может считаться холостяком. Жених, убитый в 20 лет в сражении, возможно, стал бы добропорядочным мужем и отцом. Ален Фурнье был убит в 1914 году 28 лет от роду —

можно ли утверждать, что он остался бы холостяком? Марат незадолго до своей гибели подписал обещание жениться: еще месяц — и он бы перешел в разряд женатых людей.

Таким образом, классификация, основанная на критерии «гражданское состояние», весьма условна. Однако и пренебрегать положением о гражданском состоянии тоже нельзя.

Я буду, опираясь на положение о гражданском состоянии, считать холостяками тех, кто никогда не вступал в брак, но при этом, добавлю, достиг половозрелого возраста. Однако применяться это определение будет достаточно гибко. Я исключаю тех, кто хоть и не состоял в браке официально, но жил по модели супружеской жизни. Иногда я буду обращаться к примеру тех, кто женился поздно, а большую часть жизни прожил холостяком. Таковы Бальзак и Жюль Верн, посещавший до женитьбы собрания «11 холостяков». Если рассматривать холостячество как особый образ жизни, то взгляд «длительных» холостяков не менее интересен, чем взгляд «пожизненных»; более того, психологию холостяков гораздо полнее смогли описать именно те, кто оставался холостяком долго, но не до конца жизни, и изучил эту психологию как изнутри, так и наблюдая со стороны.

Литература назидательного толка обращается к вопросу о холостяках гораздо чаще, чем статистика. Те, кто пишет о падении рождаемости, клеймят за это и холостяков, и бездетные супружеские пары, и разведенных. Заметим, что образ жизни старой девы и разведенной женщины схож, однако для сексолога положение этих женщин существенно различается.

Теперь я хотел бы дать слово самим холостякам. Так как я хочу рассказать их историю и историю «несуществующего» феномена, то никто лучше их самих не поможет нам выявить и определить трудноуловимые признаки безбрачия как реально существующего явления.

Н. В. Рамки моего исследования в основном остаются теми же, что и в предыдущих книгах: Западная Европа от установления христианства и до наших дней. Однако мне пришлось более подробно осветить историю безбрачия в античности — именно там коренятся истоки многих более поздних проблем безбрачия. По мере продвижения по историческим эпохам, дойдя до формирования современных государственных установлений, я счел необходимым сконцентрироваться на Франции, чтобы не слишком расширять поле исследования. Однако порой я выходил за пределы собственно французских установлений, чтобы обратиться к некоторым весьма важным явлениям в других странах (законы против холостяков в фашистской Италии и нацистской Германии и т. п.).

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ

«Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею» (Быт. 1:28). Таков был первый завет, данный Богом человеку, созданному по Его образу и подобию. «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле» (Быт. 1:22). Таков был завет, данный еще раньше рыбам и птицам. Сама земля была плодородна, производила животных, диких и домашних, и растения, и все они, каждый в своем роде, воспроизводили подобных себе. В начале времен все сеяло семя, дабы распространять жизнь. Почему один лишь человек должен был для того же заключать брак?

Некоторые виды животных живут в парах, а те, кто не может найти себе пару, обречены на одиночество. Однако идея супружества — и, соответственно, безбрачия — немыслима вне человеческого общества. Для большинства людей брак по определению связан с осознанием необходимости создания пары и официального ее закрепления. Холостяк принимает одиночество, желает его. Выбор между одиночеством и жизнью в паре характерен только для человека. Холостяк отличается от старого одинокого волка, таким образом, история безбрачия, так же как история брака или история целомудрия, есть история человечества.

Если рождение детей призвано сохранить вид, то есть физическое существование, то духовные сущности —

душа, разум — исчезают бесследно, во всяком случае там, где это не определено религией. Потребность или желание обеспечить продолжение духовного существования привело к необходимости укрепить связь между поколениями, передавая потомкам имя, наследство, создавая культ предков. Почитание предков стало первой формой религии. Но оно же предполагало необходимость брака.

В древних культурах основой брака становится религия. Священная связь между поколениями возникает лишь после совершения брачных ритуалов, благодаря этой связи и возникает культ предков, а незаконнорожденные не имеют права на предков, как не имеют права на наследство. Таким образом, холостяк добровольно лишил себя права на продолжение собственной жизни в будущем; у него не будет потомков, никто не воздаст ему почести — те самые почести, что он воздает своему отцу. Это ужасно, это форма самоубийства после смерти и потому безбрачие вдвойне порицаемо обществом. Ритор Исей, учитель Демосфена, в IV веке до н. э. четко определяет основополагающую установку: «Каждый человек обязан позаботиться в своих собственных интересах, чтобы дом его не пришел в упадок и чтобы после смерти его остался кто-либо, кто принесет погребальные жертвы и воздаст должные посмертные почести»¹. Тот, кто не обеспечит себе такое продолжение существования, бросает вызов божественному порядку. Добровольно остаться холостяком — нелепость или же бунт.

Таким образом, к нескончаемой цепи телесного воспроизводства добавляется духовная цепь, обеспеченная браком. Рождение сына означает, что однажды он станет жрецом того божества, в которое превратится умерший предок. «Человек рождался жрецом, умирал божеством,

но для этого надо было родиться в освещенном религиозном браке. [...] Остаться холостяком означало добровольно быть проклятым в будущей жизни»². При этих условиях кто захочет ломать установленные правила? Основания для брака были слишком существенными, чтобы им можно было пренебречь.

Разумеется, существовали вынужденные холостяки. В животных сообществах есть доминирующие самцы, определяющие правила жизни для всей стаи; возможно, то же самое существовало и в первоначальных человеческих сообществах. Неполноценные, инвалиды, импотенты или недостаточно мощные сексуально, те, кто не испытывает влечения к противоположному полу... С развитием общественных установлений утончаются чувства и появляются новые ценности, серьезным препятствием к обретению пары становятся уродство, чрезмерная робость, бедность. Существовали ли утвержденные запреты на заключение брака? Считается, что Конфуций запрещал вступать в брак пяти категориям девушек: тем, кто не поддерживает порядок в доме, тем, кто не почитает старших, девушкам дурного поведения, девушкам, отмеченным дурными метками или с наследственными болезнями³. В некоторых случаях безбрачие считалось законным. Христианское право считает импотенцию серьезным препятствием для заключения брака, но не запретом для супружества. Холостяки — всегда исключение. Безбрачие чаще всего диктуется интересами семьи и связано с нежеланием делить наследственное имущество. Запрет налагается законом или семьей, вынужденное безбрачие — это грустная реальность, пренебрегать существованием которой мы не можем.

Однако нас в большей степени интересует безбрачие добровольное — то, которое предполагает выбор опреде-

ленного образа жизни и вызывающий или хотя бы осознанный разрыв с общественными устоями. Такое безбрачие может быть порождено самим обществом (целибат священников), а может быть результатом личного выбора, но в любом случае следствием его становится отторжение мужчины или женщины от племени. Если же не общество в целом, не отец семейства склонили человека к безбрачию, то его выбор рассматривается как вызов или даже бунт против общественных установлений, против рода и обязательств по отношению к семье, чье имущество может оказаться выморочным. Вот почему в древних культурах безбрачие порицается⁴.

Тем более значимым оказывается решение остаться холостяком. Человек может отказаться от своего основного общественного долга, если им владеет чувство еще более сильное или долг еще более высокий. Возможно, он ищет в жизни более высокий смысл, чем простое самовоспроизводство. Будда Шакьямуни, прежде чем стать аскетом, выполнил свой долг и зачал сына, но уход от мира может освободить человека от обычных мирских обязательств. В «Махабхарате» рассказывается, как отец просит сына жениться и основать семью до того, как он уйдет от мира. Но юноша отказывается, говоря о тщетности жизни как таковой⁵. Здесь мы видим столкновение двух систем ценностей, попытку свободно выбрать такой образ жизни, который не противоречил бы собственному жизненному идеалу. И за этим стоит новый тип мышления, порождающий способность к оценке и переоценке общепринятых ценностей. Такое мышление, религиозное или философское, может возникнуть только в обществе, достаточно развитом культурно. Таким образом, отказ от брака – это факт культуры в еще большей степени, чем сам брак.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ПЕРСЫ

«В мирном уединении Фарнакии» в I веке до н. э. сестры понтийского царя Митридата, Роксана и Статира, жили незамужними, хотя уже достигли сорокалетнего возраста. Они жили в женских покоях царя вместе с двумя его женами — Береникой из Хиоса и Монимой из Милета. Пример милетянки особенно красноречиво свидетельствовал о превратностях супружества. Монима была наделена необычайной красотой и отказывала в любви Митридату, хотя он и осыпал ее подарками. Наконец он прислал ей царскую диадему и брачный договор по всей форме, она сдалась «и с тех пор жила несчастливо и проклинала свою красоту, из-за которой обрела вместо мужа хозяина, а вместо своего дома и хозяйства — заточение под охраной варварских солдат».

Это маленькое замечание дает представление о том, чем оказались женские покои понтийского царя для милетянки, воспитанной в относительной свободе греческих колоний Ионии. Быть может, сестры царя боялись, что если они выйдут замуж за какого-нибудь чужеземного принца, то окажутся в таком же заточении, далеко от дома.

Когда римский полководец Лукулл разбил Митридата, царь послал евнуха умертвить всех обитательниц гарема, разрешив каждой выбрать себе смерть. Монима попыталась повеситься на диадеме, но безуспешно. Она проклинала диадему: «Ты не годишься даже для этого!» Незамужние сестры выбрали яд. Роксана выпила его, осыпая брата упреками и проклятиями, а Статира, наоборот, поблагодарила его «за то, что он позаботился о достойной смерти для них и избавил от поругания и бесчестья»⁶.

Государство Митридата уже восприняло элементы эллинской культуры, обычаи Древней Персии казались ушедшими в прошлое. Однако на заре своего существования все ближневосточные культуры резко осуждали безбрачие как противоречащее семейному и религиозному долгу. На обширном пространстве Персидской империи, раскинувшейся до самого Средиземного моря, диктовала свои законы книга Сад-дар («Стоглав») — одно из первых практических наставлений маздеизма, включавшее предписания как религиозные, так и связанные с каждодневным бытом. Эта книга стала известна на Западе благодаря латинскому переводу Томаса Хайда (*Historia religionis veterum Persarum* — «История религии древних персов», 1700).

Восемнадцатое предписание Сад-дара касается брака: «Необходимо, чтобы мужчина в молодости позаботился о том, чтобы жениться и родить сына, а женщина должна всячески пестовать в себе желание выйти замуж». Разъяснение гласит, что «любое дело и благодеяние», совершенное детьми, считается совершенным и их родителями, точно так же, как то, что они сделали собственными руками. Слово *rûg* (сын) звучит почти так же, как *rûl* (мост). Дети, таким образом, это не только мост между поколениями, но и мост в вечную жизнь для родителей — знаменитый мост Кинвад в иной мир.

Того, у кого нет детей, называют «человеком, мост которого обрублен»: для него закрыта дорога в иной мир. Он так и останется у входа на мост Кинвад. Даже если он сам, своими руками, сотворил немало добрых дел, «они не будут ему зачтены», ибо дети — это естественная «замена» отца и матери при отправлении религиозных ритуалов. Если детей нет, ритуалы не могут быть соблюде-

ны. После смерти перед каждым человеком у входа на мост Кинвад появляется архангел и вопрошает: «Оставил ли ты зримое продолжение себя на земле?» Если нет, то все остальные оттолкнут этого человека и пройдут через мост, «а его душа останется на месте, полная тоски и тревоги».

В столь строгом суждении есть и лазейки: осуждаются не только холостяки, но и бездетные семьи, то есть речь идет не о намерении, а о результате. Сад-дар говорит о том, что человек, неспособный зачать или родить ребенка, может взять приемного. Если у него нет приемных детей, то после его смерти жрецы и близкие могут назначить кого-либо в дети умершему. Тут уже речь идет об обязательстве по отношению к усопшему: если им пренебречь, то душа так и останется у моста Кинвад поджидать и горько упрекать тех, кто мог бы ей помочь, но не сделал этого. Доброе дело по отношению к умершему зачтется ангелом и поможет пройти по мосту, а те, кто не сделал этого, останутся, в свою очередь, стоять у входа на мост⁷. Вот утешение для холостяка, вот религия, которая возлагает действительно настоящую ответственность на священнослужителей.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ИУДЕИ

Во II веке в Палестине жил Шимон бен Азай, и был он танна⁸ — известный и уважаемый ученый, толкователь священных книг, чьи изречения во множестве вошли в Талмуд. Его ученое призвание было столь велико и всепоглощающе, что он отложил на неопределенное время женитьбу на дочери своего учителя рабби Акибы.

Такое, судя по всему, случалось нередко. В Талмуде часто говорится о молодом муже, который оставляет новобрачную в ночь после свадьбы ради 12 лет учения. Сам рабби Акиба в свое время поступил точно так же и вернулся к невесте через 12 лет с 12 тысячами учеников. По возвращении он услышал разговор своей жены с ее отцом: она не сетовала на судьбу, но выказала готовность ждать еще 12 лет. Рабби ушел, даже не повидавшись с ней, и вернулся еще через 12 лет, уже с 24 тысячами учеников. Впоследствии его жена передала такую же готовность своей дочери, дочь не хотела оказаться менее стойкой, чем мать, и последовала ее примеру. «Овцы идут друг за другом, а дочь — за матерью», — говорится по этому поводу в тексте. Увы, дочь рабби Акибы напрасно ждала Шимона бен Азая: он так и не отвлекся от своих ученых занятий и не женился на ней⁹.

Однако, как всякий добрый талмудист, бен Азай проповедовал необходимость брака и сурово осуждал безбрачие. «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека» (Быт. 9:6), сказано в Писании. Благочестивое собрание решает, какие деяния можно уподобить убийству, и бен Азай добавляет к списку «уклонение от продолжения рода», забыв, вероятно, о собственном безбрачии. Рабби Элеазар бен Азариа упрекает его: «Слова звучат истинно лишь в устах того, кто действует, бен Азай говорит хорошо, но речи его расходятся с делом». «Моя душа целиком принадлежит Горе, — возразил танна, — пусть другие позаботятся об этом мире»¹⁰. Перед нами безбрачие, принятое добровольно в мире, где оно все еще кажется возмутительным, но оправдывается безбрачие аргументами, уже ставшими традиционными.

Быть может дочери бен Акибы удалось бы в конце концов обрести нареченного. Но имя бен Азай встречается среди мучеников, умерщвленных при императоре Адриане в эпоху гонений на монотеистические религии. Танна умер, как и жил, холостяком.

«...Нехорошо быть человеку одному», – говорит Яхве-Элохим, сотворив Адама (Быт. 2:18). Этот завет пришел от Бога, причем одним из самых первых. Он определяет иудейское мышление. Человек проклят, если он одинок – знаменитое «горе одному» Екклесиаста (Еккл. 4:10), подхваченное всеми борцами с безбрачием. Однако это проклятие шире, оно распространяется и на тех, у кого нет ни рода, ни племени. Тому, у кого нет брата или сына, никто не поможет в работе или против врагов; того, кто один ложится в постель, никто не согреет; того, кто один и падает, никто не поднимет. У Иисуса, сына Сирахова, говорится о более материальных изъянах безбрачия: «Без замка имущество будет разграблено, без жены человек стонет и опускается» (Сир. 36:25). Брак – это норма. Назареи, посвятившие себя Богу, как Самсон, не отказываются от жен.

Екклесиаст (поздняя книга), перечисляя, в чем проявляется мирская суета, предостерегает человека от тоски одиночества, когда никто не поможет ему против врагов. Законодательные тексты более определенно настаивают на необходимости жениться. Так, например, законы левирата обязывают жениться на вдове умершего брата, если брат умер бездетным, «и первенец, которого она родит, останется с именем брата его умершего, чтобы имя его не изгладилось в Израиле» (Втор. 25:6). Таким образом, в Библии необходимость брака и продолжения рода диктуется необходимостью не дать исчезнуть имени умершего.

Для женщин Израиля считается позором, если они не могут найти себе мужа, и пророк Исая так грозит им: «И ухватятся семь женщин за одного мужчину в тот день, и скажут: свой хлеб будем есть и свою одежду будем носить, только пусть будем называться твоим именем. Сними с нас позор» (Ис. 4:1). В древнееврейском языке даже нет слова, обозначающего безбрачие, противное божественному порядку, как если бы не вступить в брак казалось невысказанным или, во всяком случае, невыговариваемым¹¹.

Талмуд углубляет библейское порицание безбрачия. Человек создан по образу Божию, общество представляет подобие Божие в целом, не жениться — это значит уменьшить всеобщее подобие Божие¹². Для рабби Элеазара не жениться — это отказаться от человеческой природы, ибо она явлена Адамом и Евой вместе, а не одним только Адамом. Разве не сказано в Книге Бытия: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог» (Быт. 1:27–28)? Отсюда следует неопровержимый вывод: холостяк не может считаться человеком. Отказ от того, чтобы дать жизнь ребенку, может быть приравнен к убийству: «Жить в безбрачии так же худо, как совершить убийство»¹³.

Такая суровость понятна, если мы вспомним, что имеем дело с народом, пребывающим в рассеянии, для которого самое главное — выжить среди других народов, сохранив свою непохожесть на них. Отсюда и такие углубленные размышления по поводу сущности брака. Впрочем, абсолютной свободы в этой сфере нет ни у одного народа, все законодательные установления изобилуют запретами. В еврейском обществе, однако, безбрачие осуждается особенно яро. Даже отец семейства, остав-

шийся вдовцом, не может уклониться от женитьбы. «Всякий мужчина обязан жениться, чтобы иметь детей, разве что он уже имеет их», — говорит Мишна. Гемара добавляет: «Даже если у мужчины уже есть дети, ему нельзя оставаться без жены»¹⁴.

Оправданием для безбрачия может быть лишь серьезный физический изъян: следуя Мишне, не могут жениться мужчины, имеющие рану на яичках, или те, у кого отрезан пенис выше венчика, так как они бесплодны. По закону Моисееву им не дано будет войти в общество Господне (Втор. 23:2). Но относительно тех, у кого осталась часть венчика, «хотя бы тонкая, как волос», Гемара добавляет длинное рассуждение о том, какие обстоятельства делают или не делают мужчину бесплодным¹⁵. Таким образом, обязательство иметь детей становится основным аргументом в порицании безбрачия как позора, а размышления законодателей направлены на то, чтобы свести к минимуму те случаи, когда брак невозможен.

Разумеется, между библейскими текстами, собранными в V веке до н. э., и Талмудом, появившимся в IV–V веках н. э., есть разница: происходит эволюция нравственных представлений, и она заметна в эллинизированных еврейских общинах Александрии. В больших средиземноморских метрополиях к I веку до н. э. складывается единая система нравственных ценностей, воспринятая с некоторыми изменениями разными народами, живущими бок о бок. Безбрачие более не осуждается, а плодовитость уже не воспринимается как высшая ценность.

Мы еще вернемся к этой новой системе нравственных представлений, ставшей колыбелью христианства. Сейчас же заметим, что и еврейские мыслители не стояли в стороне от общей тенденции. Почему же несколь-

ко веков спустя они вернулись к старой морали, причем сформулировали еще более строгие правила? Быть может, еврейские установления развивались бы в том же направлении, что и греческие и римские, если бы два века спустя еврейский народ не оказался в рассеянии и не встал перед необходимостью выживания и сохранения идентичности. Утверждать это, разумеется, нельзя. Но христианство, ставшее главенствующей религией, развивалось на той же почве (строгий монотеизм, единая священная книга), использовало тот же культурный багаж и смогло выработать новый, более гибкий взгляд на общество. Этот взгляд был подготовлен мыслителями предшествующей эпохи, среди которых существенное место занимают еврейские мыслители Александрии.

Греция: философия безбрачия?

Эпаминонд (ок. 418–362 до н. э.), один из самых знаменитых греческих военачальников своего времени, не нуждался ни в чем. Ни в чем, кроме жены и детей. И хотя существует некое расхожее представление о «греческой любви», его пример свидетельствует, что безбрачие все же считалось постыдным.

Эпаминонд, выходец из знатной обедневшей семьи, получил в Фивах в Беотии утонченное воспитание: он сочетал любовь к музыке, танцам и философии с военными упражнениями и при случае охотно менял меч на лиру. В 371 году его выбрали беотархом, и вместе со своим другом Пелопидом, одним из вождей народной партии Фив, он пытался — впрочем, безуспешно — добиться мира со Спартой. Тогда Эпаминонд взялся за реорганизацию армии, придумал новую тактику и разбил спартанцев при

Левктрах в тот же год, когда его избрали беотархом. Так началась счастливая эпоха для Фив. Эпаминонд навязал союз с Фивами всей Центральной Греции, в 370 году завоевал весь Пелопоннес и создал новую – Мессенскую – конфедерацию.

Казалось бы, ничто не омрачало славу знаменитого воина. Но завистники плели интриги и, воспользовавшись отлучкой Эпаминонда, спровоцировали бунт народа, уставшего воевать. Эпаминонд был предан суду за то, что сохранил пост командующего сверх положенного срока, но ему быстро удалось привлечь общественное мнение на свою сторону. Тогда его главный противник, Менеклид, избрал другое, более личное поле для нападения. Он стал упрекать Эпаминонда в том, что тот ни разу не был женат. Бывшему стратегу было уже около 50 лет, и к этому возрасту он мог бы найти себе жену. Однако, по словам Плутарха, «привычка к бедности, унаследованная от предков» вызывала у Эпаминонда желание быть «легким на подъем и не отягощенным ничем»; он жил, предаваясь философским размышлениям, и отказался от брака¹⁶. Итак, речь шла об обдуманном выборе, продиктованном бедностью и связанном с изучением философии. Это было благородное оправдание безбрачия, как у бен Азая или юноши из «Махабхараты».

С другой стороны, те, кто попрекал Эпаминонда безбрачием, подчас имели мало оснований гордиться собственным браком, в особенности Менеклид: повсюду ходили слухи, что жена изменяет ему. И когда Эпаминонд возразил на его обвинения: «Менеклид, достаточно упрекать меня и говорить о браке. По этому поводу, столь тебе дорогому, я готов выслушать советы любого, но не твои»¹⁷,

все поняли скрытый намек. Впоследствии, после нападков на Пелопида, Менеклид был изгнан из Фив.

Но и Пелопид не оставлял друга в покое и упрекал в том, что тот недостаточно заботится об отечестве, не оставляя после себя потомков. И опять аргумент был выбран неудачный, так как сын самого Пелопида пользовался дурной репутацией. «Остерегайся еще более навредить отечеству, оставляя ему таких потомков, как твой сын», — так сказал Эпаминонд другу. И затем произнес слова, вошедшие в историю: «Как можно говорить, что мой род угаснет со мной? Моя дочь — моя победа при Левктрах, ее слава переживет меня... Кто же из нас более обеспечил себе бессмертие?»¹⁸

Если считать, что в представлении носителей примитивного сознания ребенок должен в первую очередь обеспечить духовную преемственность, передавая из поколения в поколение имя отца, слава может считаться заменой плодовитости. Эпаминонд не удовлетворился победой при Левктрах, он продолжал воевать в Пелопоннесе против Союза греческих городов (Спарты, Афин, Мантинеи) и умер в Мантинее, одержав победу над войсками коалиции. С его смертью роль Фив в греческой политике заметно уменьшилась. Так случилось, что именно холостяк смог обеспечить городу военно-политическую гегемонию в Греции.

На примере знаменитого военачальника можно увидеть, как изменилось сознание в античной Греции. Безбрачие вызывает порицание, но дурной брак не лучше, и занятия философией могут быть предпочтительнее для мужчины, чем жизнь в неудачном браке. Разумеется, лишь в стране, где история, литература и наука занима-

ют важное место, память о человеке остается после смерти и без его отпрысков. Эпаминонд — отец победы при Левктрах, и она сто́ит всех детей на свете.

Как это часто бывает в древних культурах, структура человеческого общества находит свое отражение в мифологии. И в греческой мифологии мы видим ту же эволюцию в сознании. Первое поколение олимпийских богов — поколение женатых. Это эпоха великих битв с титанами, великанами, эпоха, когда могущественное племя силой навязывает свою власть более слабому. Победа Зевса и воцарение его на Олимпе — это победа прежде всего семейная. Он правит землей и воздухом вместе с женой и детьми, а его братья правят морем и преисподней. Зевс и его братья женаты: Аид — на Персефоне, Посейдон — на Амфитриии, сам Зевс — на Гере. Правда, среди сестер Зевса есть и незамужняя мать — Деметра, и девственница Гестия, но три царства — земля, море и подземный мир — поделены между тремя супружескими парами, для которых весьма важен их супружеский статус, а Гера даже выступает в роли защитницы брака, необузданно ревнуя Зевса.

Зато второе поколение олимпийских богов — поколение неженатых и незамужних: Арес, Илифия, Афина, Артемида, Аполлон, Гермес, музы... Среди них, правда, есть несколько супружеских пар — Афродита и Гефест, Геба и Геракл, Дионис и Ариадна. Но дети, родившиеся от этих браков, занимают второстепенное место в грандиозной мифологической конструкции, как если бы вся сила уже была исчерпана предыдущими поколениями. Сказания о них изобилуют любовными приключениями, изменами, тайными встречами, в то время как предыдущее поколение богов-патриархов было озабочено созданием семьи, равноценной их власти. Даже в браке боги второ-

го поколения ведут жизнь холостяков, оставаясь вечно молодыми перед лицом богов-патриархов.

И здесь мы видим целую гамму проявлений холостой жизни. Есть среди богинь убежденные девственницы, такие как неприступная Артемида и воительница Афина. Есть неукротимый ходок, не пропускающий ни одной юбки (хитона) Аполлон, не гнушающийся даже тем, чтобы задрать хламиду юноши. Есть страстные любовники Арес (Марс) и Афродита (Венера), чьи свидания породили череду отпрысков: Эроса и Антероса, Деймоса и Фобоса, Гармонию, Приапа...

Даже самые стыдливые небезупречны. Энциклопедисты – знатоки тысячи и одной подробности античной мифологии – писали, что представление о девственности богинь весьма относительно, и они отнюдь не были подобны монахиням; «Весту часто изображали с ребенком, откуда он у нее появился? При Минерве был Эрихтоний, было интересное приключение с Вулканом, в некоторых храмах ее чтили как мать. При Диане состоял Вирбий, а то удовольствие, которое она испытывала, созерцая спящего Эндимиона, говорит само за себя: не слишком ли оно было сильным для богини-девственницы? Миртил упрекает муз в чрезмерном пристрастии к некоему Мегаллону и называет по имени детей, порожденных каждой из них»¹⁹. Все эти обвинения имеют силу в глазах автора-христианина, но христианское отношение к безбрачию совершенно другое; в античности не существовало культа девственности, хотя она и лежит в основе некоторых сказаний²⁰. Безбрачие богов – зеркало, в котором отражается отношение к безбрачию у людей, и в этом зеркале видны те изменения, которые происходят в общественном сознании.

Во-первых, изменяется представление о власти. После войн, которые вели между собой боги первого поколения, устанавливается незыблемый олимпийский порядок, и залогом его оказывается безбрачие богов. Зевс свергнул своего отца Кроноса, который ранее сверг своего отца Урана. В сказаниях о первых богах на передний план все время выходит тема плодovitости и, соответственно, проблема наследства. Кронос оскопил отца и проглотил детей, попытавшись тем самым уничтожить и прошлое, и будущее и остановить время, образ которого постепенно стал называться его собственным именем²¹. Добавим, что он низверг в Тартар братьев, пожелав править единолично со своей женой Реей. Быть может, он воплотил основную проблему родоплеменного общества – проблему раздела власти и соперничества между братьями, которое неизбежно вырастает из этого раздела. Зевс, пришедший на смену отцу, безраздельно властвует на Олимпе, ибо ему не противостоит никакая иная династия. Безбрачие, таким образом, оказывается решением изначальной проблемы власти. Время внутриродовых войн проходит, между богами воцаряется согласие, и хочется верить, что оно воцаряется между людьми. На смену браку приходят любовные приключения – они нужны, чтобы продолжить род, но никак не угрожают законной власти. Безбрачие – залог статус-кво, на Зевсе и его детях заканчиваются все божественные династии.

Проблема власти возникает вместе с развитием цивилизации: было отмечено, что боги и герои, живущие в безбрачии, – это «боги ума», воплощения духовной и интеллектуальной жизни²². Афина (Минерва) покровительствует ремеслам и ученым занятиям, Аполлон и девять муз – искусству, Геката – таинству и волшебству, Гер-

мес (Меркурий) — письму, образованию, теоретическим знаниям... Грубая сила Ареса часто вынуждена отступить перед умом Афины или судом богов. Бог войны нередко изображается побежденным или признается виновным — это, несомненно, свидетельствует о том, что в упорядоченной жизни на Олимпе утверждаются новые ценности. Военная тактика усложняется, и бог войны, воплощение примитивной силы, изображается влюбленным в красоту (Афродиту) или же побежденным разумом (Афиной). Вот лучший символ новых идеалов!

Разумеется, связывать напрямую развитие общества, культуру и безбрачие было бы преувеличением²³. Однако именно в древнегреческую эпоху возникает мысль о том, что наряду с физиологическим воспроизводством человека, обеспеченным браком, существует и духовное, обеспечивающее возможность наследования от отца к сыну для тех, кто не родил детей. Олимпийские боги были платониками, сами того не зная.

Разное отношение к безбрачию и эволюция этого отношения особенно отчетливо видны на примере двух великих греческих городов — Афин и Спарты. И в том и в другом городе были знаменитые законодатели — Ликург в Спарте и Солон в Афинах. Но развитие закона в ахейском городе шло по пути смягчения первоначальной суровости, а лакедемоняне сохранили ее в неприкосновенности.

В Спарте брак связан в первую очередь с вопросами владения имуществом и передачи его по наследству. Брак обязателен для всех граждан, имеющих надел земли, то есть для первенцев, и не обязателен для младших братьев. Они живут со старшим, пока не представится случай жениться на наследнице имущества²⁴. То есть для части

населения безбрачие было возможно, но влекло за собой зависимость от старших братьев, а независимость молодому человеку давал только брак. Здесь мы оказываемся перед лицом навязанного, а не выбранного безбрачия.

Для нации, состоящей по преимуществу из воинов, холостяк — это тот, кто не может поставлять родине защитников. Ликург (IX век до н. э.), легендарный законодатель Спарты, законы которого считаются самыми строгими из известных законов той эпохи, предлагает применять суровые меры против холостяков. Им запрещено присутствовать на празднествах — гимнопедиях, а зимой «городские власти заставляли их обходить голыми городскую площадь, распевая хулительную песню, специально сочиненную ими же самими себе в порицание. В песне должно было говориться, что они несут справедливое наказание, потому что не подчинились закону. Кроме того, их лишали тех почестей и уважения, что младшие обязаны оказывать старшим»²⁵. Плутарх приводит пример того, как действовало это предписанное законом презрение. Деркиллид, заслуженный военачальник, упрекал молодого человека, что тот не встал, чтобы уступить ему место. На что молодой человек ответил: «У тебя нет сыновей, которые в будущем могли бы уступить место мне», и никто не осудил его за дерзкие слова. По словам Атеня, холостяков проводили с позором перед алтарями храмов, а женщины били их²⁶.

Итак, карательные меры: хлыст, поносные песни, публичное унижение — приводились в исполнение теми, кто наиболее страдал от эгоизма холостяков: женщинами, оставшимися без мужей, юношами, обеспокоенными будущим государства. Городские власти тоже имели право налагать взыскания. Некое публичное наказание ἀγαπίου

гарнê («действие против безбрачия») могло быть направлено против тех, кто, достигнув «возраста, установленного законом», все еще не был женат. Однако мы плохо представляем себе, в чем состояло это публичное наказание²⁷.

Трудно сказать, существовали ли в Афинах законы против безбрачия. Некоторые свидетельства позволяют предположить, что Солон предписывал меры, сходные с теми, что рекомендовал Ликург, но точные описания до нас не дошли²⁸. В «Пире» Платона можно найти упоминание о том, что супружество предписывалось законом, так как даже гомосексуалисты «от природы» были обязаны вступать в брак. Миф об андрогине говорит, что гомосексуалисты произошли от существа, обе половины которого были мужскими, поэтому они могут любить только мужчин. «Брак и отцовство не интересовали их – такова была их природа, но закон обязывал к браку, хотя было достаточно жить бок о бок с женой, не вступая в супружеские отношения»²⁹. Получается, что гомосексуалисты у Платона изобрели фиктивный брак.

Но даже если предположить, что законы против холостяков существовали, они, похоже, не применялись. Количество холостяков в Афинах, многочисленные дела о наследовании, где нет имен прямых наследников, похвалы безбрачию, возносимые в некоторых текстах, позволяют считать, что для афинян культ личной свободы был важнее, чем страх падения деторождения. Борьба против безбрачия вряд ли могла принять в Афинах формы, сходные со спартанскими. Зато законы давали определенные привилегии отцам семейства: только они могли назначаться стратегами и произносить речи в интересах государства³⁰. Если мы правильно интерпретиру-

ем некоторые античные тексты, можно сказать, что холостяки не вовлекались в общественную жизнь, так как считалось, что они менее заинтересованы в делах государства, чем те, кто имеет семью и детей и кому соответственно есть что защищать.

Единственный, кто предлагал меры, направленные на увеличение народонаселения, был Платон, почитатель спартанских законов. Знаменитый холостяк не слишком жаловал себе подобных. В книге VI его «Законов», где подчас проявляется нетерпимость утописта, некий афинский путешественник затрагивает проблему безбрачия. Предлогом служит вымышленная беседа афинянина и уроженца Крита, задумавшего основать колонию, идеальный город, где действовали бы идеальные законы. «Жениться будут в 30–35 лет, так как род человеческий наделен известной тягой к бессмертию, и жажда бессмертия является врожденной у каждого мужчины. Эта жажда проявляется в желании прославиться и оставить потомство, которое будет носить имя отца после его смерти». Таким образом, и здесь, как в большинстве древних цивилизаций, желание иметь потомство связано с возможностью обрести бессмертие. «Благочестие не позволяет никому оскотить себя, но тот, кто добровольно лишается возможности иметь жену и детей, подобен тому, кто себя оскотляет». На того, кто не вступил в брак до 35 лет, налагается штраф, чтобы он «не мог извлечь выгоды из безбрачия». Как и в Спарте, холостяк лишается общественного уважения, однако телесное наказание (кнут) заменено денежным штрафом — житель Афин более цивилизован!³¹

К общественным доводам благочестивый философ добавляет и религиозные: «Следует оставить в вечности

после себя множество и множество потомков, кои будут служить богам, встав на наше место». Он уточняет далее, что в брак должно вступать между 26 и 35 годами, а затем налагается штраф. Штраф составляет 100 драхм для гражданина из высшего сословия, 70 — для второго сословия, 60 — для третьего и 30 — для четвертого. Эти денежные взыскание, похожее более на налог, чем на штраф, взимается ежегодно и отдается на нужды храма Геры, покровительницы брака. Если деньги не отдаются вовремя служителю храма, то сумма увеличивается, а если служитель забывает взимать штраф, он обязан заплатить его сам. Кроме того, как и в Спарте, холостяк лишается уважения младших, и они не могут быть наказаны им³².

Эти суровые правила, сформулированные для вымышленного государства, несомненно, никогда не применялись. Они связаны с принципом превосходства коллективного над личным, свойственного всем утопиям коммунистического типа. «Ни вы, ни те блага, о которых вы говорите, не принадлежат лично вам: и вы, и ваше имущество принадлежит вашему роду, вашим предкам и вашим потомкам, а точнее, и вы, и ваш род, и ваше наследство — все это принадлежит Городу»³³. Брак и деторождение — это обязательства мужчины перед Городом, будущее которого скрыто от него. Безбрачие — утверждение главенства личного над общественным, оно появляется тогда, когда система ценностей коллективного общества размывается, а индивидуальные убеждения становятся важнее традиционных ценностей.

Суровость, проповедуемую Платоном, несомненно, можно объяснить эволюцией самосознания в афинском обществе и страхом, что новый человек может вообще отворотиться от брака. В мире, где женщин презирают, так

как они живут взаперти, в гинекее, и любая общественная жизнь для них запретна, будь то политика или участие в соревнованиях, занятия философией или армия, в этом мире и домашний очаг считается не слишком почетном местом. Литература того времени говорит о жизни мужчин, протекающей вне дома, и не так-то легко, лишь по косвенным упоминаниям, можно отличить женатых от холостяков. В «Пире» Платона Сократ забывает, что он женат на Ксантиппе.

Агора — площадь — вот истинный домашний очаг афинянина. Счастье принадлежит только мужчинам, а брак составляет тяжкую обязанность и никак не связан с естественной склонностью. Платон в «Пире» утверждает: мужчины, склонные к политике, не интересуются женщинами, их тянет к мальчикам, значит, закон должен обязывать их вступать в брак. Вот какова отправная точка размышлений философа о безбрачии.

Философия, бурно расцветшая в Афинах с V века до н. э., изменила сознание людей: опора на традицию отходит на второй план, уступив место разуму, личные ценности становятся выше коллективных. Первыми распшатывают устои брака философы, и хотя говорится о них с легкой усмешкой, пример заразителен. Еще раньше рассказывали о мудрецах из греческих колоний Ионии (Бианте, Фалесе). Стобей повествует, что Фалес на уговоры матери жениться отвечал: «Время еще не пришло», она послушалась, подождала, снова приступила к уговорам и услышала: «Время уже ушло»³⁴. Что касается Бианта, то он заключил вопрос о браке в силлогизм, который впоследствии стали называть его именем: «Ты женишься на красавице или уродине: красавица станет тебя обманывать, уродина сама станет для тебя наказанием. Ни то ни

другое тебе не подходит — не женись»³⁵. Разумеется, тот же силлогизм можно перевернуть: «Красавица меня вознаградит красотой, уродина меня не обманет — надо жениться!» А между двумя крайностями располагаются не слишком красивые, не слишком уродливые, те, кого Фаворин назвал «подходящими для брака».

Все эти аргументы скорее забавны, чем действенны. Они подаются с улыбкой и не затрагивают суть культуры, основанной на супружестве. Но количество холостяков среди греческих философов, и не только афинских, так велико, что удивляет историков. Холостяками были Демокрит, Платон, Зенон, Эпикур, Аполлоний Тианский, Фалес и многие другие, и среди прочих Диоген, публично совершивший бракосочетание со своей правой рукой... В кругу философов V века до н. э. — так, как он представлен в «Пире» — впервые было предложено теоретическое обоснование безбрачия. На пир, состоявшийся около 420 года до н. э., о котором рассказал (или который сам придумал) Платон, были созваны Сократ и другие философы — лучшие умы своего времени, — чтобы поговорить о любви. Есть о чем поговорить холостякам!

Любовь (Эрос) в представлениях древних греков — это космическая энергия, которая порождает мир и не дает ему погибнуть. Сократ в «Пире» вписывается в эти представления, но сообщает им новый масштаб: бессмертие для человека возможно только в деторождении, а любовь побуждает рожать в Красоте (Афродита). Но существуют две Афродиты, два типа деторождения, два рода плодовитости, составляющих два взаимодополняющих способа обессмертить себя: телесный и духовный. Более того, после «Пира» духовной красоте стало отдаваться предпочтение перед телесной, соответственно,

духовное воспроизводство стало цениться выше, чем телесное. Духовный брак с педагогикой, наукой, искусством и их «потомками» — поэзией, литературой, законотворчеством и т. п. — создает совершенно иные возможности для бессмертия, чем обычное телесное воспроизводство, которое уравнивает людей и животных. Тот, у кого плодотворяющая душа, «несет в себе божество» и, когда приходит время, сочетается с прекрасным и порождает прекрасное³⁶.

Этот аргумент отныне станут использовать очень многие, приспособивая его к собственной системе ценностей. Святой Павел породил множество детей, не вступив в сношения с женщиной, — этими детьми были его ученики. Абельра оскопили, но он основал монастырь в Параклете, и монахи чтити его как отца. Ницше игрой слов формулирует по-латыни мысль, высказанную Сократом: «Aut liberi, aut libri» («Или дети, или книги»). Так было закреплено, впервые в западном мире, распределение обязанностей перед Городом: одни дают ему детей, другие обогащают достижениями своего ума, что также продлевает его существование в веках.

Не случайно первые размышления о демографии также появляются у Платона. В «Государстве», написанном несколько иначе, чем «Пир», философ высказывает серьезную озабоченность ростом населения. Чем больше становится в государстве людей, тем более оно заинтересовано в войнах с соседями (373) и тем более уязвимо его единство (423). В воображаемом диалоге с Сократом Платон, одержимый идеей законодательных мер, проповедует мальтузианство задолго до его возникновения или, скорее, евриенические теории в их самом неприглядном воплощении. Он предлагает в первую очередь соединять

в браке «избранных» и сокращать количество браков между «низшими» сословиями. Кроме того, воспитывать так же следует детей из «высших» сословий, причем все это следует делать тайно, ибо слишком явная политика такого разделения может вызвать волнения в государстве (458–461).

Вот пример безбрачия, навязанного некоторой группе людей по соображениям евгеники. На городские власти возлагается обязанность следить за количеством супружеских союзов, за количеством детей, за отбором детей, пригодных для воспитания, за посещением гражданами женщин. В идеальной модели, созданной Платоном, деторождение и брак неразделимы: ребенок может родиться только после официального бракосочетания с совершением религиозной церемонии, иначе он считается незаконнорожденным. Однако половые отношения не ограничиваются браком: мужчины и женщины, чей возраст уже не позволяет рожать государству детей (женщины после 40 лет и мужчины после 55) могут сочетаться браком с кем хотят, и это не считается позорным адюльтером. Но если от такого союза родятся дети, они не имеют права получить воспитание и образование.

Конечно, здесь речь идет об утопии, о законах, которые никогда не применялись в Древней Греции. Интересно, что одна и та же эпоха дает и обоснование безбрачию, и первые мальтузианско-евгенические положения. Здесь, как и во многих других сферах жизни, Греция и, в частности, Афины намечают идеи, которым еще только предстоит развиться в более поздние эпохи.

РИМ: НАЛОГ НА БЕЗБРАЧИЕ

Любовь, вино и радости жизни – именно так обычно расшифровывают знаменитую фразу Горация *Care diem* («Лови день, пользуйся настоящим»). Квинт Гораций Флакк (65–8 до н. э.) – сын вольноотпущенника из Венузии, городка на юге Италии. Совсем маленьким мальчиком отец привез его в Рим, видимо затем, чтобы дать сыну возможность получить достойное образование. Гораций учился вместе с детьми знатных римлян, продолжал образование в знаменитых афинских школах. Шел 44 год до н. э. В Риме только что был убит Цезарь, пронзен кинжалом на глазах всего сената. Его убийца и приемный сын Брут скрылся в Греции, где молодые римляне восторженно принимали его: Цезаря не любили, так как его честолюбие ставило под угрозу республиканское правление. Гораций был среди сторонников Брута, он вошел в его войско как военный трибун (командир легиона) и испытал в полной мере все последствия поражения при Филиппах в 42 году. Он был осужден, затем амнистирован, но лишен права владеть имуществом, доставшимся по наследству. У Горация хватило денег на то, чтобы купить должность секретаря казначейства. Однако доход его был слишком мал, чтобы завести семью.

Может быть, именно этим объясняется его безбрачие³⁷? Или незавидной внешностью (Светоний описывает его как толстяка маленького роста)? Или слабым здоровьем (еще в юности он жаловался на боли в голове, глазах, желудке)? Или, может быть, «невоздержанность в любви» (*ad res venegas intemperantior traditur*) удерживала его от серьезных обязательств? Или его робость и утонченный вкус обернулись против него самого? Он так

часто повторял, что его беспокоит мысль о неустроенности собственного будущего – возможно, именно поэтому он вступал лишь в кратковременные связи? Так или иначе, но в эпоху Августа в окружении императора холостяков было больше, чем отцов семейства. Отвлекаясь от споров, которые велись по этому поводу, заметим, что количество холостяков выросло настолько, что это не могло не беспокоить власть. Холостяк Гораций вел образ жизни, характерный для молодежи своего времени, и находил этому множество оправданий.

Он был поэт и мелкий чиновник, подогреваемый воспоминаниями о бурных политических событиях своей юности, приверженец золотой середины и светского эпикурейства; в нем отразилась эпоха, когда мало-помалу остыли политические страсти, сотрясавшие республику накануне падения, и на первый план стала выходить радость жизни. Вергилий и Варий представили молодого поэта Меценату, и внезапно, не достигнув еще и 30 лет, он оказался близок к власти. Вскоре между ним и Октавианом – будущим Августом – завязалась настоящая дружба. Однако Гораций отказался от предложенной ему должности личного секретаря Октавиана, предпочитая оставаться в кругу Мецената. В сабинском поместье, подаренном покровителем, Гораций вел жизнь спокойную и уединенную, предпочитал общаться с крестьянами, а не с горожанами, посвящая время творчеству и размышлениям... Таким будет потом Монтень в библиотеке, но при этом Гораций – холостяк.

Его назначили официальным поэтом и поручили ему во главе 54 юношей из знатных семей составить «песнь века», восхваляющую победу Августа на Востоке. Но последующие императорские заказы он не принял.

Гораций был холостяком, но не девственником. Светоний пишет, что он чрезмерно стремился к наслаждению: велел обставить спальню зеркалами, так, чтобы его сексуальные подвиги отражались повсюду, куда ему захочется бросить взгляд. Его влекли и женщины, и юноши — лишь бы были молоды; «Страсть меня больше, чем всех, принуждает / К мальчикам нежным иль девам пылать» (Эподы, XI, стт. 3–4, пер. А. Фета). Не скрывалась ли в этой любви боязнь состариться рядом с супругой? Не случайно он так часто высмеивал влюбленных старух, потерявших всякую оболстительность. Он опасается измен (Сатиры, II, 7, ст. 72), но не отказывается от сладостного удовольствия охотиться в чужих владениях. «Тебя влечет жена другого», — упрекает его раб и описывает, как переодетого хозяина тайком проводила к женщине служанка-сообщница и как он прятался в сундуке, боясь быть застигнутым мужем своей любовницы.

Он был эпикурейцем и стремился насладиться сиюминутными радостями жизни — *Carpe diem*, но более всего он страшился того, что могло бы нарушить размеренный ход его жизни в уединении. «Хочешь смеяться — взгляни на меня: Эпикурова стада / Я поросенок; блестит моя шкура, холеная жиром» (Послания, I, 4, стт. 15–16, пер. Н. Гинцбурга). Конечно, это шутка: эпикуреец Гораций больше всего стремится освободиться от будущего, от надежды на будущее, что воодушевляет мужчин, от страха за завтрашний день. Однако с возрастом он все более погружается в нравственные размышления.

Он с яростью обличал охотников за наследством, обхаживающих стареющих холостяков или отцов больных детей (Сатиры, II, 5), но сам так и не узнал ловушек одинокой старости. В 55 лет на него обрушилась болезнь,

он умер скоропостижно, не составив завещания, и только успел произнести одно слово, сделав своим наследником Августа.

О взглядах Горация мы можем судить в первую очередь по его стихам. Условность лирической поэзии, строгость нравов республиканской морали искажают их, но все же дают представление о том, какова была жизнь римского холостяка на закате республики.

Великий историк «античного города-полиса» Фюстель де Куланж рассматривал первоначальную враждебность римлян по отношению к безбрачию в русле существования фамильного культа. У каждой семьи были свои божества, и служение им возможно было только внутри gens — рода. В каждой семье были свои обряды, свои строгие правила, как поддерживать священный огонь, приносить жертвы манам, исполнять священные песнопения и справлять похоронную трапезу, и лишь pater familias — отец семейства мог следить за неукоснительным исполнением этих обрядов. Безбрачие в этих условиях рассматривалось как нечестие, ибо оно ставило под удар благополучие семейных манов. «Мужчина принадлежал не себе, а своей семье», не было необходимости даже закреплять такое положение вещей законодательно, так как «сами верования достаточно долго препятствовали безбрачию»³⁸.

Однако возможно, что даже на ранней стадии существования римского общества были и законы против безбрачия. Дионисий Галикарнасский упоминает один из них, когда рассказывает о гибели семейства Фабиев, убитых при осаде Кремеры в 475 году до н. э. По свидетельству некоторых его предшественников, 306 воинов, при-

надлежащих к одному роду, оставили после себя всего одного ребенка. Дионисий возражает, что все, кто погиб при Кремере, должны были иметь жену и хотя бы одного ребенка, так как по старинному закону каждый мужчина, достигший определенного возраста, обязан был жениться и воспитывать детей, родившихся в браке. Невозможно, чтобы Фабии уклонились от этого закона, так как тогда слава и имя рода пришли бы в забвение, ибо никто не приносил бы жертвы предкам³⁹.

В одной речи Августа также упоминаются законы против безбрачия, существовавшие от начала республики, равно как и «декреты, принятые сенатом и народом» впоследствии⁴⁰.

Мы недостаточно знаем о древних законах против безбрачия, но точно известно, что к 443 году контроль за семейными отношениями перешел к цензорам — чиновникам, обязанностью которых было вносить в специальные списки сведения об имуществе граждан. Эта обязанность давала им право надзирать и за нравственностью граждан, что объясняет последующее изменение смысла слова «цензор». Цензор исполнял свои обязанности в течение 18 месяцев переписи, и граждане должны были под присягой правдиво отвечать на его вопросы, после чего каждый гражданин вносился в списки того или иного класса общества.

И вот цензоры становятся завзятыми свахами. В 403 году до н. э. Камилл и Постумий⁴¹, пока делятся их полномочия, требуют, чтобы все, кто «до старости остался холостым», платили штраф в казну. Если граждане противились наложению такого штрафа, недостаточно обоснованного юридически, он накладывался в двойном размере, причем с наставлением: «Природа позволила вам родиться,

значит, и вы должны дать жизнь кому-либо; родители воспитали вас и наложили обязанность воспитать для них внуков, и вы должны выполнить ее, если дорожите своей честью. У вас было достаточно времени, чтобы исполнить свой долг, — вся жизнь. А вы растратили ее попусту, не став никому ни мужем, ни отцом. Так заплатите же своими руками деньги в пользу многолюдных семей». Вот такая трогательная речь!

Желая установить социальное положение гражданина, цензор задавал ему вопрос, который звучал серьезно и торжественно и не мог быть воспринят легкомысленно: «Отвечай по велению души и сердца, имеешь ли ты жену?» Один шутник ответил: «Имею, но не по велению сердца». Цензор наложил на него наказание: вписал в разряд «эрариев», то есть лиц, которые не облагались налогами по цензу, а платили подушную подать, размер которой определялся произволом цензоров⁴².

Закон, о котором мало что известно, штраф, однократно налагаемый цензором, — все эти меры оказывались не слишком эффективными. В строгих нравах эпохи брак воспринимался как обязанность, а не как удовольствие. Любовь не возбранялась, но если она препятствовала воспроизводству — истинной цели брака, — она должна была отойти на второй план. В качестве примера — история Спурия Карвилия Руги, послужившая основой для установлений о разводе. В 231 году до н. э. Руга отверг жену — женщину достойную и любимую им. Причина была одна — ее бесплодие. Раз некогда он принес перед цензорами клятву, что женился, дабы иметь детей, то теперь «уважение перед клятвой должно было оттеснить любовную склонность»⁴³.

Можно ли удивляться, что римляне порой стремились уклониться от долга без удовольствия! Цензоры, боровшиеся с холостяками, первыми признали это. Вот что говорил Метелл (131–130 до н. э.), чей язвительный юмор не раз, должно быть, смущал матрон: «Если бы мы могли жить без жен, Квирит, мы бы обошлись без их докучливого общества. Но раз природа распорядилась так, что поколение за поколением мужчина не может ни жить с ними без неприятностей, ни совсем обойтись без них, будем видеть в браке спасение и продление рода в будущем, а не бесконечное наслаждение»⁴⁴. Лучше не скажешь!

Персонажи Плавта – такие же убежденные женоненавистники. Пьеса «Хвастливый воин» сложена по греческому образцу и действие ее разворачивается в Эфесе, но характеры персонажей – римские. Периплектомен, «старик» 54 лет, так излагает во всеуслышание свои принципы свободной холостой жизни: «Дом свободен, я свободен и хочу свободно жить ... нет охоты в дом пустить свой бабищу сварливую» («Хвастливый воин», пер. А. Артюшкова). Однако от женитьбы его удерживает не отвращение к браку, а невозможность найти добродетельную женщину: «Хорошо жену ввести бы добрую, коль где-нибудь отыскать ее возможно». Женские капризы и «многочисленные траты женские» отвращают его от брака. Он думает о рождении детей, однако это не столь важно, так как у него достаточно много других родственников. Наоборот, воображение рисует ему в будущем охотников за наследством, суесящихся вокруг него: «приглашают на пирушку, завтракать, обедать к ним». На пирах он «обходительной Венеры истинный воспитанник», но при этом говорит: «На пиру не стану трогать я чужой любовницы». Этот образ жизни персонажа, та роль, которую он игра-

ет в интриге пьесе, помогая соединиться влюбленным, создают ему репутацию «полустарца» – молодого душой, старого телом⁴⁵. Во времена Плавта такой персонаж вызывал мягкое неодобрение, позже заслужит порицание.

Постепенное смягчение нравственных устоев к концу республики и при империи еще более отвращает римлян от брака. В ряду высказываний против женщин особое место занимает шестая сатира Ювенала, порицающая ненасытность женщин в удовольствиях и роскоши. Сатира обращена и к браку, который, по Ювеналу, состоит из непрерывных ссор, разорительных расходов и измен: «Зачем же ты готовишь брачные клятвы и заключаешь брачный контракт?» Зачем совать голову в ярмо, подставленное женщиной, если вокруг есть окна и в них можно выпрыгнуть?

С другой стороны, возможность взять приемных детей, не будучи женатым, и завещать им свое состояние снимают самый сильный аргумент против безбрачия. Семейный культ может не прерываться, имущество не упадет в запустение. Но вокруг холостяка роем вьются льстецы, рассчитывающие получить наследство и готовые на все ради богатства. Ювенал (сатира XII) оказывает дружескую помощь некоему отцу семейства и сам удивляется своему поступку: «Кто пожертвует хотя бы камешек отцу семейства? Помогать ему – бессмысленно тратить деньги, ведь от него не получишь наследства». Но к богатым и бездетным Галлите и Пацию при малейшем недомогании сбегаются друзья, предлагающие в жертву сотни быков. Предложили бы и слонов, если бы они были в Риме, не говоря уж о рабах. Сходную ситуацию находим в «Сатириконе» Петрония (гл. СХVI), где Рим описан под вымышленным названием Кротон. Отцов семейства ни-

куда не приглашают, в то время как богатые холостяки — желанные гости на всех пиршествах. Их сажают за свой стол в надежде быть вписанным в завещание.

Литературная условность? Совсем нет. Тацит ярко описывает процесс, возбужденный против Помпея Сильвануса, проконсула в Африке, обвиняемого в растрате. Обвинителям понадобилось много времени, чтобы найти свидетелей. Их искали слишком долго — обвиняемый был оправдан очень быстро, причем сам произнес речь в свою защиту. Объяснение содеянному укладывалось в три слова: он был «богат, стар, бездетен»⁴⁶.

Во времена республики силы традиции было достаточно, чтобы сдерживать безбрачие, несмотря на то что в искусстве весьма популярными были обличение женщин и изложение выгод холостой жизни. В I веке н. э., когда влияние Рима распространяется на все Средиземноморье, настроение умов меняется. Перепись отмечает существенное падение численности населения: 450 тысяч граждан в 81 году до н. э., 320 тысяч в 50 году. А по свидетельству Плутарха, при диктатуре Цезаря население составляло 150 тысяч⁴⁷. Разумеется, это неточные данные, особенно сомнительные у Плутарха, но они выдают обеспокоенность римлян демографическим положением в государстве. Первая нация в мире повсюду воюет. Внешние конфликты, в том числе Пунические войны, необходимость противостоять восстаниям колоний в Азии, длительное завоевание Галлии, восстания рабов, гражданские войны, бунты союзников в Италии, непрерывная война против пиратов на море... Можно понять обеспокоенность властей, которым приходится с помощью римского населения, количество которого небезгранично,

удерживать необъятную территорию. Предоставление права гражданства некоторым колониям не обеспечивает безопасности на всех фронтах. Все меняется (*mutatis mutandis*), и в XIX веке, когда вновь ожесточится борьба с безбрачием, колониализм достигнет апогея, и маленькие западные страны будут пытаться удерживать огромные территории с непропорционально большей численностью населения.

Первые меры, принятые в Риме, были направлены скорее на то, чтобы поощрять брак, чем на то, чтобы наказывать тех, кто отказывается в него вступать. Одной из причин, по которой многие избирали холостую жизнь, были путешествия. Рим отправился на завоевание мира, и римляне уезжали учиться в Грецию, управлять провинциями, основывать колонии, торговать — лишь бы бороздить Средиземное море. Все это откладывало на неопределенное время создание семейного очага. Неукротимую жажду освоения мира следовало ввести в рамки, и Цезарь попытался удержать римлян на одном месте в надежде, что они станут жениться. Он запретил гражданам в возрасте от 20 до 40 лет покидать Италию более чем на три года (за исключением военной службы), а сыновьям сенаторов позволил уезжать за границу лишь в качестве сопровождающих при должностных лицах. Если им недостаточно Рима — пусть осваивают невозделанные земли, селятся на них и рожают новых граждан. В доказательство своих слов он разделил между 20 тысячами граждан богатую Кампанию, причем предпочтение было отдано женатым и многодетным гражданам⁴⁸.

Насколько эффективны были эти меры? В эпоху Августа, на рубеже христианской эры, власть все еще

была обеспокоена слишком большим количеством холостяков. Нам известны два закона, направленные против холостяков, однако понятие «холостяки» толкуется в них достаточно широко и касается всех, кто «не женат», включая вдовцов и разведенных.

Первый из двух законов, закон Юлия, известен плохо. Не слишком ясно, когда он был принят — примерно около 736 года по римскому летоисчислению (18—17 до н. э.). До нас дошел не сам текст, а лишь отклики на него. Сенат и комитеты с возмущением восприняли меры, направленные против холостяков, и всадники пришли с протестом к Августу. Закон, по-видимому, был отменен, к радости Проперция, влюбленного в Цинтию. Если бы закон не отменили, Проперцию пришлось бы оставить ее и жениться на женщине, равной ему по положению. «Велика была радость Цинтии, когда отменили закон, из-за которого пролили мы столько слез, который грозил нам разлукой», — так пишет он, воображая, как прозвучали бы погребальным звоном в ушах его возлюбленной флейты его собственной свадьбы (Элегии II, 7).

Если речь идет именно о законе Юлия, то радость была недолгой: в 762 году римского летоисчисления (9 н. э.), все еще при Августе, были провозглашены новые меры против холостяков в законе Папия—Поппея. И опять всадники выразили возмущение, воспользовавшись открытием игр во славу подвигов императора — это событие часто служило для императора поводом проявить милосердие, о чем позже напишет Корнель. Рассчитывая на подобный акт милосердия, они обратились с просьбой отменить новый закон. Вместо ответа император на форуме разделил их на две группы: в одну вошли отцы се-

мейства, в другую — бездетные. Император был удручен, что первых значительно меньше, чем вторых, и произнес две речи, вошедшие в анналы истории.

Обратившись к отцам семейств, император похвалил их за гражданственность. Именно благодаря им Рим превзошел соседние народы не только мужеством, но и количеством населения. «Мы должны помнить о том, что человек смертен, и можем побороть недолговечность человеческого существования непрерывным следованием друг за другом поколений, подобных факелам, что передают из рук в руки; так, заменяя друг друга, мы становимся подобны бессмертным богам». Сами боги, подчеркнул он, имели детей и вступали в брак. От поколения к поколению передается слава отцов и нажитое ими имущество.

Затем он обратился к холостякам и первым делом задал вопрос: как их называть. «Мужчины? — Но вы не исполняете долга мужчины. Граждане? — Если бы все были такими, как вы, город погиб бы. Римляне? — Вы делаете все, чтобы имя города впало в забвение». Самые страшные преступления — ничто по сравнению с их поведением. «Вы убийцы, ибо не даете жизни детям, что могли бы быть рождены от вас. Вы бесчестны, ибо даете угаснуть имени и славе ваших предков. Вы нечестивцы, ибо даете исчезнуть роду вашему, некогда произошедшему от богов, и отказываете богам в высшем из приношений, уничтожая саму природу человеческую, а значит, разрушая храмы и жертвования, что могли бы быть построены и принесены».

Но более всего приводит императора в ярость разврат, что с некоторых пор воцарился в городе. Если холостяки решились походить на весталок, воздерживаясь

от брака, то пусть их ждут такие же кары за нарушение целомудрия. Действительно, хранительницы священного пламени давали обет девственности, нарушение которого каралось смертью. Император напомнил о прежнем законе и о том, какие тогда были приняты меры: он ведь проявил понимание, положив три года отсрочки от суровых мер при расхождении с законом в первый раз и два года — во второй.

Порицая нечестие и безнравственность, император выдвигает на первый план демографические проблемы; несомненно, что в основе законов лежат невзгоды и разрушения, накопившиеся за столетие в государстве. «Подумайте о том, как необходимо после болезней и бед, что косили римлян, восстановить естественным рождением население государства, а иначе ему не выжить». В заключение он дает всадникам еще год, чтобы прийти в согласие с законом.

Ирония истории заключалась в том, что законодатели Марк Папий Мутил и Квинт Поппей Секунд, давшие имя закону, сами не были женаты, «что само по себе говорит о необходимости принятия этого закона⁴⁹».

Два закона — Юлия и Папия—Поппея — обычно цитируются вместе, и нелегко отделить один от другого⁵⁰. Первая проблема, вставшая перед законодателями, — как определить холостячество. В целом решения Августа обязывают жить в браке всех мужчин от 25 до 60 лет и женщин от 20 до 50 лет. Они распространяются без различия и на тех, кто никогда не состоял в браке, и на вдовцов, и на разведенных, и на бездетные пары. Однако предусмотрены некоторые исключения. Они касаются весталок, жриц богини Весты, что давали обет целомудрия на 30 лет; женихов и невест, которым необходимо ждать несколько

лет, чтобы оформить брачный союз; импотентов — нельзя человека наказывать дважды; военных, которым было запрещено жениться⁵¹; сыновей, что не могут получить отцовского благословения на женитьбу — они не виноваты в том, что не могут вступить в брак. Для последнего случая существовал еще один закон, обязывавший отцов женить детей. Для женщин, оставшихся без мужа, был установлен срок, в течение которого следовало снова выйти замуж: для разведенных — от шести месяцев (по закону Юлия) до полутора лет (по закону Папия—Попея), для вдов — от года до двух⁵².

За исключением перечисленных случаев узаконенного безбрачия, предполагалось принимать меры трех типов: благоприятствовать вступлению в брак, поощрять отцов семейства и наказывать бессемейных. Так, законы о чистоте крови препятствовали союзам между отдаленными по положению социальными группами; Август смягчил их, разрешив, например, браки между свободными по рождению и вольноотпущенницами. Правда, сенаторы имели право жениться только на свободных по рождению, а женщины, свободные по рождению, имели право выходить замуж только за себе подобных: свободных мужчин было больше, чем свободных женщин, и римлянину не всегда было просто найти жену в своем кругу.

Второй тип принятых мер предполагал поощрять отцов и матерей семейства после рождения третьего ребенка. Закон предполагал защиту от уголовного преследования, освобождение от опеки матерей, родивших трех детей, возможность на год раньше установленного минимального возраста занимать должности в магистратуре. Сенаторы, имеющие наибольшее количество детей, записывались в верхних строчках списка. Все эти меры созда-

вали вокруг отцов семейства почет и уважение, к которым граждане были особенно чувствительны. Никакого материального поощрения, никаких выплат или налоговых послаблений, привычных в наше время: безбрачие распространялось среди богатых римлян.

На холостяков налагался штраф и, что было особенно существенно, запрет на наследование имущества.

Все завещательные распоряжения по отношению к бездетным отменяются. На холостяков накладывается абсолютный запрет на владение завещанным имуществом, на бездетные пары — половиной завещанного. К ним приравниваются женщины, имеющие меньше положенного количества детей (троих для свободнорожденных и четырех для вольноотпущенниц). Возможно, те же правила распространялись и на вдовцов и разведенных⁵³. Разумеется, нельзя предвидеть внезапную смерть супруга, поэтому холостяку, вписанному в завещание, предоставлялось право в течение ста дней вступить в брак, затем имущество отходило к другим родственникам покойного или же в налоговую службу (после принятия соответствующих установлений императором Антонином⁵⁴).

В законе Папия—Поппея были предусмотрены меры, несомненно вдохновленные законами Ликурга. Холостякам на празднествах и играх отводились худшие места, самые же почетные — отцам семейства⁵⁵. Молодым незамужним мужчинам и незамужним девушкам запрещалось присутствовать на ночных играх. Однако запрет был снят сенатус-консультум с тех особых игр, которые «можно увидеть лишь раз в жизни» и для которых ритуал требовал «насколько возможно большое число зрителей»⁵⁶.

Как только был принят закон Папия—Поппея, возникли способы его обойти. Самым уязвимым оказался

возраст наследников. Надо было лишь постараться, чтобы наследство досталось мужчинам после 60 или женщинам после 50 лет – с этого возраста они уже не попадали под закон против безбрачия. Однако такая возможность скоро исчезла: Тиберий провозгласил, что людей, столь долго нарушавших закон, безнравственно внезапно освободить от ответственности, и сенатус-консультом, получившим впоследствии название Персицианского (по имени Павла Фабия Персика, консула в 34 году), было решено, что запрет на наследование распространяется и на холостяков, перешагнувших заветный возраст⁵⁷.

Другая уловка – обручиться с девочкой 7 лет, что разрешалось, при том что официальное заключение брака возможно было только по достижении 12 лет. И вот в распоряжении холостяка пять лет, в течение которых можно заполучить наследство. Как только родственник, на смерть которого рассчитывали, умирал, деньги можно было припрятать, а помолвку расторгнуть. Подход не всегда бывал настолько циничен, но в любом случае тут было к чему придраться. Август запретил помолвки с девочками до 10 лет и установил максимальный срок в два года между помолвкой и свадьбой⁵⁸.

Однако и это не помогло: вместо фиктивных помолвок возникли фиктивные браки. Однажды унаследованное имущество не отбиралось, разводы по взаимному согласию производились легко, и вот появились скоропалительные браки, за которыми следовали столь же стремительные разводы. Простота процедуры усыновления также помогала обойти закон. В преддверии выборов или жеребьевки в провинциях получал распространение «досадный обычай» – многие бездетные мужчины фиктивно усыновляли детей, получали, воспользовавшись правом

«отца семейства», провинцию или должность, а затем отказывались от усыновленных. Настоящие отцы семейств возмутились и обличили мошенничество перед сенатом. В 62 году был принят указ, в соответствии с которым фиктивное усыновление не дает права занимать государственные посты и даже возможности наследования по завещанию⁵⁹.

Наконец, если нельзя было получить наследство напрямую, оставался фидеикомисс: наследство завещалось другому с обязательством передать его тому, кто не имел права на наследование. Такое установление было некогда принято, чтобы позволить владеть наследством иностранцам, которых римский закон не признавал гражданами. Этот способ обойти закон также известен нам по тем мерам, что были приняты, чтобы воспрепятствовать обману: было принято постановление, по которому все завещанное может принадлежать лишь тем, кто указан в завещании, или же отходить к государству⁶⁰. Но чем строже законы, тем более разнообразны идеи мошенников...

А кроме того, в государстве, где воля единоличного правителя важнее, чем закон, закон очень часто оказывается нарушен именно теми, кто призван его охранять.

В 17 году Гатерий Агриппа, родственник Германика, домогался должности претора, и мнения сенаторов разделились. Самые честные пытались доказать, что предпочтение должно быть отдано тому, у кого больше детей, но все было напрасно. Большинство проголосовало за Агриппу. Император забавлялся, глядя, как колеблется сенат, выбирая между законом и желанием угодить сыновьям императора. «Закон потерпел поражение, но не сразу и малым перевесом сил, как бывают постепенно повержены все законы, даже самые строгие⁶¹».

Охота на холостяков не повышает нравственности общества. Плутарх писал с насмешкой: «Теперь римляне женятся и рожают детей не для того, чтобы иметь наследников, но чтобы иметь право получить наследство»⁶². Если отец семейства использует своих детей, чтобы получить гражданские права, может ли он быть почитаем?

В одной сатире Ювенала любовник замужней женщины жалуется, что не может рассчитывать на наследство, хотя немало сделал для того, чтобы муж возлюбленной смог получить его: «Теперь у тебя все права отца, благодаря мне ты имеешь право быть наследником и получать любое наследство, даже то, что — ирония судьбы — отчуждено у бездетного!»⁶³ Другая причина недоразумений: завещатели часто не знают, каково гражданское состояние тех, кому они завещают наследство, и не сведущи во всех тонкостях закона. Их имущество оказывается бесхозным помимо их воли⁶⁴. Это было возмутительной несправедливостью в глазах римлян.

В конце концов охота на холостяков превратилась в фактор общественной морали. По закону Папия—Поппея были утверждены блюстители (*custodes*), которым вменялось в обязанность следить, чтобы при отсутствии наследников, пользующихся привилегиями отцов семейства, имущество умершего уходило к римскому народу. Эти блюстители, заинтересованные в соответствующем вознаграждении, превратились в доносчиков и отравляли общественную жизнь Рима. «Не стало больше браков, не появилось больше детей, и все чаще имущество оказывалось без наследников», — пишет Тацит, но в домах римлян «не было покоя» из-за доносчиков. Законы, принятые ради общественного блага, оказались источником бедствий. И в 20-е годы Тиберий был вынужден их смягчить⁶⁵.

Законы против холостяков, порождавшие мошенничество, скандалы, возмущение, приводившие к принятию все более строгих декретов и все более разнообразных исключений из правил, три века сеяли смуту в имперском городе. Беспольные и несправедливые, они вызывали по большей части критику, а не одобрение и в конечном счете послужили предостережением всем законодателям, которые впоследствии брались регулировать брак и безбрачие в государстве.

Несостоятельность этих законов проявилась особенно четко на фоне нового умонастроения, распространившегося по всему Средиземноморью: с христианством пришла новая система ценностей, где девственность ценилась выше, чем плодовитость. Как только Константин издал указ о веротерпимости и позволил христианам выйти из подполья, законы против холостяков вступили в противоречие с новыми идеалами. В 320 году Константин отменил наказание за безбрачие, это решение было подтверждено в 339 году его сыном Константином II, а в 534 — Юстинианом: «Пусть будут упразднены все меры против холостяков, что существовали в древних законах, пусть им будет разрешено жить в безбрачии, ибо достаточно живет супружеских пар»⁶⁶. Такова была надгробная речь на могиле законов Августа.

ТРЕБОВАНИЕ ЧИСТОТЫ

Новые требования? Несомненно, но они впрямую шли от древних верований. Люди всегда смутно догадывались, что требования пола и священные обряды противостоят друг другу или, во всяком случае, соперничают. Изначально и в Греции, и в Риме существовали обряды,

во время которых предписывалось воздержание: деметрии (праздники Деметры), мистерии Вакха и *Vona Dea*, отправление культа Изиды, инициации... Здесь проявился тот древний менталитет, который присутствует во многих культурах: взаимосвязь с высшими, иномирными силами безотчетно воспринималась как нечто несовместимое с животным началом в человеке. Сексуальные запреты сочетались с пищевыми, как если бы все телесные нужды могли оскорбить устремленность к духовному.

Воздержание было также обязательным для жрецов богинь-девственниц Афины, Артемиды, Геи, а иногда и для жрецов Аполлона. Пифия и сибиллы должны были воздерживаться от соитий, а также — и это понятно — жрец Геракла Женоненавистника.

Однако отсутствие половых сношений не требовало ни безбрачия, ни девственности. Воздержание могло распространяться лишь на время проведения церемоний, а вне их не нарушало обычную жизнь супружеской пары.

Если воздержание требовалось на долгое время, оно постепенно становилось образом жизни, а не только диктовалось особенностью культа. В Древней Греции принималось во внимание, насколько трудно длительное время соблюдать предписанное воздержание. Обязанности жриц часто возлагались на старых женщин. Дельфийская пифия, жрицы Гестии, жрица Артемиды в Орхомене были вдовами или «увядшими». В некоторых восточных культах радикальным решением проблемы была кастрация жрецов. Такая операция проделывалась, например, со жрецами Кибелы, напоминая, кроме всего прочего, о том, что подобное испытание прошел и Атгис, возлюбленный богини. Схожая практика существовала во Фри-

гии, но когда культ Кибелы распространился по всему средиземноморскому бассейну, в Греции и Риме обязательная кастрация не привилась⁶⁷.

Безбрачие жрецов не имело ничего общего с подобными обязательствами. С одной стороны, обязанности жреца носили, как правило, временный характер, соответственно временным было и воздержание. С другой стороны, требование воздержания не было всеобщим, и многие священные функции, наоборот, могли исполняться только женатыми людьми. Так, фламин Юпитера должен был быть отставлен от обязанностей, если его жена умирала; кроме того, фламинам запрещался развод⁶⁸. Во многих других культах, перечислять которые здесь нет нужды, половые сношения входили в саму церемонию. Политеизм давал возможность по-разному решать проблему воздержания.

Помимо всего прочего, воздержание вовсе не рассматривалось как противопоставление воспроизводству. (Так оно виделось лишь в контексте платоновской философии, повлиявшей впоследствии на христианские представления о браке.) Например, на тесмофории — празднества в честь Деметры — допускались лишь замужние женщины. Мужчинам и девушкам участие было запрещено. Воздержание было правилом для этих церемоний, но некоторые обряды, связанные с плодородием, предполагали благотворное хтоническое воздействие на детородную функцию женщины, и воздержание становилось не угрозой для воспроизводства, а его гарантом.

Култ Гести, богини домашнего очага, которая впервые упоминается у Гесиода, по-видимому, был единственным, требовавшим от жриц постоянного воздержания. Тому были причины: богиня сама принесла обет девствен-

ности, и за это Зевс дал ей место у каждого домашнего очага. Однако этот культ появился достаточно поздно, под влиянием философских идей и в подражание римским весталкам. Но в отличие от весталок, жрицами Гестии в Афинах и Дельфах были не девственницы, а вдовы⁶⁹. Греция определенно была не склонна к идее священной девственности.

Римские весталки стояли, как кажется, ближе всего к последующим христианским воззрениям на девственность. Но это не совсем так. По преданию, эти жрицы очага, посвященные богине Весте, появились еще до основания Вечного города, и одной из них была Рея Сильвия, мать основателя Рима Ромула. Ее приговорили к смерти за то, что она, полюбив бога Марса, нарушила обет девственности. По мнению Цицерона, священные девственницы заняли важное время в Риме со времен Нумы. Их часто сравнивают с христианскими монахинями, но, в отличие от последних, весталки были очень немногочисленны: количество их ограничивалось двумя от каждого племени. Первоначально, когда римляне состояли из двух племен, весталок было всего четыре, потом племен стало три, а весталок — шесть и во времена поздней Римской империи — семь. Они считались воплощением Весты, священного огня, и должны были хранить ту же чистоту. Их отбирали из девочек от 6 до 10 лет, и служение их длилось 30 лет.

Таким образом, девственность весталок не была пожизненной: они могли выйти замуж по окончании священного служения. Но так как некоторым из них к этому времени было около 40 лет, они иногда предпочитали продолжить священное служение. Есть свидетельства, что некоторые из весталок находились при храме до 60 лет.

Однако они не были затворницами, и уподобление их монахиням неверно. После того как на территории Рима распространилось христианство, весталки были упразднены.

Таким образом, истоки новых взглядов надо искать не у древних священнослужителей, хотя некоторые культы и требовали чистоты и непорочности. Несомненно, на их формирование повлияла греческая философия, особенно платоновская идея разделения тела и души. Однако самые значительные изменения происходят в I веке до н. э. в иудейской среде.

Библия настаивает на обязанности каждого человека жениться. Но есть и исключение — Книга пророка Иеремии. Разумеется, мрачный и пессимистический настрой его пророчеств объясняется обстоятельствами вавилонского пленения. «Не бери себе жены, и пусть не будет у тебя ни сыновей, ни дочерей на месте сем» — так советует он сынам Израилевым (Иер. 16:2). Этот запрет связан с ожесточенным желанием пророка отнять у народа Израиля всякую надежду и утешение. Слова Иеремии не имели бы такой силы, если бы его безбрачие не выглядело исключительным и непонятным в иудейской среде, где и священнослужители, и пророки не освобождались от обязанности жениться. По его словам, нельзя жениться, ибо дети умрут от смертельных болезней «и не будут ни оплаканы, ни похоронены» (Иер. 16:4). То есть следует отказаться от надежды, что хотя бы следующее поколение освободится наконец от небесного проклятия. Проклятия особого, ибо оно превосходило то, что было произнесено несколькими веками ранее во время исхода и обращено на восставших иудеев: тогда проклятое поколение обречено было 40 лет бродить по пустыне, а дети

проклятых могли бы войти в Землю обетованную. Безбрачие Иеремии вовсе не отрицало универсальность брака, наоборот, оно его подчеркивало, ибо сила пророчества исходила именно из того, что безбрачие ужасно. Через 500 лет, в Апокалипсисе, старое пророчество обретет несколько иной смысл.

Когда преследования надолго отсрочили надежду еврейского народа на торжество справедливости, в некоторых течениях иудаистской мысли ожидание конца веков стало важнее, чем мысль о необходимости воспроизводства поколений. Философские влияния извне (греческие, египетские, палестинские) могли стать благодатной почвой для подобных размышлений, быстро распространившихся во II–I веках до н. э. среди эллинизированных иудеев Александрии и в некоторых сектах на земле Израиля.

Изменения очень заметно чувствуются в апокрифических книгах эпохи. Книга Еноха говорит о том, что не следует жениться тому, кто хочет иметь видения: два видения, которые он описывает, явились ему до женитьбы, и он подчеркивает это (I Ен. 83:2; 85:3). В Апокалипсисе Илии (2:30–31) оплакивается участь плодovитой жены и восхваляется девственница или же бесплодная, рождающие детей на небесах, а не на земле. Апокрифические книги Ветхого Завета в изобилии представляют проклятия и перевернутые благословения подобного рода. Брак больше не является синонимом благодати.

Некоторые из этих поздних книг, написанных по-гречески и исключенных из иудейского канона, были включены в христианский канон Библии. Речь идет о второканонических текстах, которые, несомненно, были составлены в Александрии в эпоху Птолемеев, во

II–I веках до н. э. Проблемы, встающие перед жителями густонаселенного и разноплеменного города, каким была Александрия, совсем другие, чем те, что волнуют маленькое государство или народ в рассеянии, а смешение культур ведет к смягчению первоначальной строгости, если не к переоценке ценностей. На смену представлению о том, что лишь процветающая и многодетная семья несет на себе знак божественного покровительства, мало-помалу приходит представление о добродетели, разумеется божественного происхождения, но неотделимой от обычной человеческой жизни с ее проблемами. «Лучше бездетность с добродетелью, ибо память о ней бессмертна: она признается и у Бога и у людей, ибо память о ней бессмертна и воистину известна и Богу и людям», — говорит Книга премудрости Соломона (4:1).

В той же среде сформировался Филон Александрийский (I век). Он был глубоко верующим иудеем, но проникся греческой культурой. Его теологическая концепция весьма оригинальна, она основана на идее возвращения к невинности через добродетель. Его стремление к чистоте, страх перед всякой нечистотой привели к представлению об особом месте девственности в системе ценностей. Несомненно, в соответствии с библейскими представлениями евнух для него «проклятый», но душа евнуха избежала порока, его бесплодность стала «счастливой плодовитостью». Девственность, продленная отказом от брака, достойна похвалы, если она может породить «бессмертное потомство». Бог оплодотворяет девственную душу.

Здесь видны отзвуки платоновской мысли о двойном продолжении рода — в теле и в душе. Филон все же остается в рамках иудейской культуры, он понимает девствен-

ность аллегорически, что не исключает брака как такового. «Божественный промысел превращает замужних женщин в девственниц», — говорит он. Однако впервые в иудейской традиции безбрачию отведено значительное место. Брак трудно сочетать с мистической жизнью, от брака «мудрость увядает раньше девственности», и философ восхищается теми набожными женщинами Александрии, что предпочли божественный брак для бессмертного воспроизводства. Пусть безбрачие прерывает плотскую цепь поколений — оно создает другую, цепь душ, начала которой лежат в Мудрости.

Здесь оказывается перевернутой традиционная иерархия плодovitости и девственности. Жизнь в браке остается общим правилом, но она предстает неким средним путем между развратом и абсолютной чистотой. Однако для Филона этот путь предпочтительнее опасного поиска абсолютной чистоты, и в этом его склонность к греческой культуре совпадает с иудейским предпочтением брака. Тем не менее здесь можно разглядеть и начала христианской иерархии ценностей, которая будет развита позднее святым Павлом, другим эллинизированным иудеем и соотечественником Филона⁷⁰.

Заметим, что новая система ценностей распространилась не только среди иудеев Александрии. Те же требования чистоты можно найти в некоторых религиозных движениях Святой земли, например в сектах ессеев и яхадов, действовавших вблизи Мертвого моря (сейчас, кажется, установлено, что это были разные секты)⁷¹. По свидетельству Плиния, ессеи жили «без женщин, без половых сношений и без денег» на побережье Мертвого моря. Отрывок, приписываемый Филону, говорит о том, что отказ ессеев от любви не был свободен от женоне-

навистничества: «Никто из ессеев не женится, ибо женщина полна тщеславия и ревности, доведенной до крайности, она ставит заслоны всем начинаниям мужа и обольщает его множеством уловок»⁷². Добродетель ессеев распространяется и за пределы Святой земли и впечатляет многих набожных иудеев, например Иосифа Флавия, родившегося в Иерусалиме (ок. 37–38) и умершего в Риме в начале II века. Он утверждал, что сохранял девственность до 30 лет, и не скрывал своего восхищения перед идеей постоянного воздержания, проповедуемой ессеями. То же восхищение испытывал и Филон Александрийский, знавший их под именем «терапевтов»⁷³.

Вот все, что нам известно об этой секте; ее связь с рукописями Мертвого моря сейчас ставится под сомнение. Проповедь безбрачия, непривычная в иудейском мире, шокировала тех, кто жил рядом с ессеями. Но в Кумране существовало еще одно, более известное в наше время сообщество — яхадов. По-видимому, они требовали постоянного воздержания от воинов. Дамасский текст запрещает половые сношения в военном лагере, в том числе и для женатых мужчин; «Кто попытается сойтись со своей женой, что несовместно с правилами, пусть уйдет навсегда» (Отрывки, 11). Одержимость «похотливыми желаниями» проходит сквозным мотивом через эти тексты и завершается идеей вечного противостояния Добра и Зла. Половые сношения, даже в браке, излияние семени, даже невольное — это проявления нечистоты, которых надо остерегаться или же проходить обряд очищения.

Однако эта секта не проповедовала безбрачия, в отличие от ессеев, почему их сейчас и различают. В Кумране жили бок о бок женатые и холостяки. Мужчина имел право жениться в 20 лет, при условии что его жена — по-

следовательница секты. Однако лишь в 25 лет он имел право занять место «среди столпов святого сообщества» и начать службу. Во время войны он должен быть чистым, из секты могли исключить даже за ночную поллюцию.

Что можно понять из этих разрозненных фрагментов? Боязнь нечистоты, доведенная до крайности, все же не исключает брака. Половые сношения, даже оформленные законом, несут в себе нечистоту. Необходимость воспроизводства заставляет человека подвергаться риску стать нечистым, но после того как обязательство выполнено, то есть в 25 лет, молодые люди обращаются к целомудрию (постоянному?), дабы уважать воздержание, которого Бог требует от своих воинов. В апокалипсическом контексте эпохи войны таким образом готовятся к последней и окончательной битве между Князем Света и Ангелом Тьмы. Ежедневная практика воздержания распространялась и на священников во время отправления культа. Однако Кумранские тексты рассматривают безбрачие как временное явление, связанное с важностью битвы: в конце времен, как предписывает Книга Бытия, воины-победители обретут жен.

Требование чистоты напоминает новую христианскую систему ценностей, однако она входит совсем в иной контекст, чем средневековые военно-монашеские ордена. Ни у ессеев, ни в Кумранской секте ничего не сказано о взаимосвязи между безбрачием как изъявлением Святого Духа и царствием Божиим, а это будет одним из важнейших положений христианской доктрины⁷⁴. Воины-монахи Средних веков боролись не со Злом как таковым, а с сарацинами. Они не ждали, что после конечной битвы обретут жену. Будем остерегаться поспешных сближений!

Глава 1. Древние культуры

Итак, в языческом мире, так же как в иудейском мире первых веков христианской эры, возник новый образ безбрачия. Безбрачие теперь ставится выше брака, если оно связано с духовной чистотой, воплощенной в вечном целомудрии; безбрачие порождает потомство в сфере Духа. Лишь раввинистическая философия по-прежнему считает бесплодность проклятием. И вот появляется холостяк, которому предстоит изменить ход развития человечества, — Иисус из Назарета.

ХРИСТИАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

«Говорят Ему ученики Его: если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться.

Он же сказал им: не все вмещают слово сие, но кому дано.

Ибо есть скопцы, которые из чрева матери родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит» (Матф. 19:10–12).

Если мы вспомним, как осыпала проклятиями Книга Второзакония евнухов, кои должны быть изгнаны из Божественного Соборания, то слово «революция» не покажется нам слишком сильным для того, чтобы обозначить изменения, произошедшие за несколько столетий на земле Израиля. Тот, кого апостолы все еще называют по традиции «рабби» – учитель, а значит, считают наставником в еврейском законе и лишь потом признают Мессией и живым Богом, именно он решительно изменил основные пункты иудейского вероучения.

НОВЫЙ ЗАВЕТ

Учение Иисуса из Назарета – это учение живущего в безбрачии, и обращено оно к холостякам или же к тем, кто ради него оставил жену. В окружении Иисуса, очевидно, были женщины – самая известная среди них Мария

Магдалина, однако их присутствие не заметно ни в поведеньях Христа, ни в организации духовной и эмоциональной жизни Христа и апостолов.

Правда, по одному средневековому преданию, свадьба в Кане Галилейской была свадьбой евангелиста Иоанна, и после чуда превращения воды в вино жених Иоанн оставил свою жену — Марию Магдалину. Оба они, таким образом, оказались причисленными к ученикам в безбрачии: он девственник, она блудница — лицо и изнанка безбрачия. «Враги человеку — домашние его» — так говорил Учитель (Матф. 10:36)

Можно ли сказать, что Мессия был враждебно настроен по отношению к браку? Несомненно, это не так, и многие его слова говорят о том, что он, наоборот, защищал нерушимость брака. Но брак касается жизни в этом мире и лишь косвенно интересует того, кто пришел из мира иного. «Чада века сего женятся и выходят замуж;

А сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых ни женятся, ни замуж не выходят», — поясняет Иисус (Лук. 20:34–35).

И многие уже сейчас принимают образ жизни иного мира, не случайно безбрачие — *caelibatus* (лат.) связано и со словом *caelebs* — «чистый, нетронутый», и со словом *caelum* — «небесный». Еще Августин из Гиппона соединил эти два понятия, и в последующие века их часто и охотно смешивали.

Слова Иисуса о браке необходимо понимать в соответствии с теми изменениями, которые произошли в сознании людей к I веку, и в контексте апокалипсических представлений. Тот, кто предрекает дочерям Израилевым оплакать своих детей (Лук. 23:28), благословляет бесплодных; тот, кто провозглашает, что Царствие Небесное

близко (Матф. 4:17), верит, как и большинство людей его поколения, в близость конца света.

Павел еще яснее связывает безбрачие и конец света в Послании к Коринфянам: «Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие. [...] А я хочу, чтобы вы были без забот. Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; А женатый заботится о мирском, как угодить жене. Есть разность между замужнею и девицею: незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою и телом и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу. [...] Посему выдающий замуж свою девицу поступает хорошо, а не выдающий поступает лучше» (1 Кор. 7:29–38). Холостяк, избавленный от земных забот, может посвятить себя Богу. Так был сделан еще один шаг: безбрачие – не только небесное состояние, но еще и лучший способ достичь Царствия Небесного здесь, на земле. И вот уже в монастырях, созданных как бы подобием рая, монахи желают, как ангелы, жить в безбрачии.

С этого момента вступление в брак нуждается в оправдании. Святой Павел видит в браке крайнее средство для тех, кого слишком мучат плотские желания: брак необходим для того, чтобы избежать нечистых сношений вне брака. «Говорю, что вдовам и холостым лучше оставаться как я. Но если не могут воздержаться – пусть женятся: лучше жениться, чем разжигаться» (1 Кор. 7:8–9). Сказав это, апостол прославляет красоту брака, в котором любовь между мужем и женой становится образом любви между Христом и Церковью (Ефес. 5:22–23).

Богословие брака по святому Павлу, несомненно, восходит к редким наставлениям, данным непосредственно Иисусом. Но оно должно быть понято и в контексте

его времени. Разделение между заботами земными и небесными восходит к классическому платоновскому разделению; явная несовместимость духовности и брака отсылает нас к псевдо-Еноху; восхваление девственности предстает в духе учения Филона Александрийского. Что же касается требования плотской чистоты от холостяков, то оно напоминает речь, с которой обращался к всадникам Август. По сути, Павел говорит следующее: женитесь, если не можете блюсти себя в чистоте; Август же говорит так: раз не женитесь – блюдите себя в чистоте. Мысль та же, хотя и вывернута наизнанку. В Римской империи во времена, когда суровые античные нравы стали расшатываться, строже всего каралась сексуальная распущенность холостяков: сожитительство-форникация (связь между неженатым мужчиной и незамужней женщиной вне брака), ступра (связь между женатым мужчиной и незамужней женщиной) и прелюбодеяние (связь между женатым или холостым мужчиной и замужней женщиной). Разница состояла в том, что император, беспокоившийся об устоях в гражданском обществе, благоволил к браку, а Апостол, приготавливающий Царствие Божие на земле, – к безбрачию.

К прямым высказываниям Павла и Иисуса Средневековье добавляет собственные интерпретации евангельских притч. Так, например, в притче о званых на пир приглашенные отказываются один за другим, и хозяин дома, приготовивший трапезу, вынужден идти искать гостей на улице. Этот пир буквально сравнивается с Царствием Небесным (Матф. 22:2), а один из отказавшихся прийти на пир ссылается на то, что только что женился (Лук. 14:20). Значит ли это, что женатые не смогут обрести

вечного блаженства? Несомненно, если верить Апокалипсису, где 144 тысяч избранных праведников – все девственники (Откр. 14:4).

Для христиан, живущих в мире, которым правили не они, возможность управлять своим телом была не только знаком независимости и стойкости души, но также доказательством того, что кончилось старое время, когда после грехопадения природа человеческая была во власти демона. В античности половой инстинкт виделся несокрушимым, ибо он был создан могучим божеством Эросом, которого христиане уподобили демону. Победа над Эросом стала означать, что близко время, когда человек снова обретет рай. Если Ева увлекла человечество на путь сексуальности, то новая Ева – Дева – вернет человечество к первоначальной непорочности¹.

Итак, девственность как единственный путь к спасению. Для религии меньшинства, верующего в близкий конец света, такая крайняя точка зрения была возможна. Но когда христианство стало государственной религией, призванной организовать общество, проповедовать безбрачие как единственный путь к спасению оказалось немыслимо. И началась постепенная реабилитация брака, которую я уже проанализировал в другой книге².

В христианском сознании остается перевернутая иерархия традиционного соотношения между браком, воздержанием и непорочностью. В средневековой интерпретации притчи о Сеятеле все, кто слушал и понял слова Христа, спасутся, ибо слово упало на добрую почву. Но одни соберут по сто гран с семени, другие – по шестьдесят, третьи – по тридцать. Христос ничего не добавил к этим словам, но средневековые мыслители увидели здесь некое социальное разделение: девственницы

будут вознаграждены сторицей, воздерживающиеся (вдовы, священники, супруги, живущие без супружеских сношений) получают в шестьдесят раз больше, а женатые и замужние — в тридцать раз.

Относительная реабилитация, конечно, произошла, но перевернутая иерархия, установленная святым Иеронимом (конец IV века), просуществовала долго и вошла в «Сумму теологии» святого Фомы Аквинского в конце XIII века.

ОРТОДОКСАЛЬНОСТЬ ИЛИ СЕКТАНТСТВО?

Тертуллиан, сын проконсульского центуриона, родился в Карфагене в языческой семье во II веке н. э. Он получил классическое образование и готовился к карьере оратора — одной из самых почитаемых в Римской империи. Он написал книгу о недостатках брака, не дошедшую до наших дней, готовился стать «светским литератором», как вдруг в 195 году его жизнь круто повернулась: он принял христианство. В то время ему было 30 лет.

Христиане составляли тогда гонимую секту меньшинства. Тертуллиана, несомненно, потрясла стойкость мучеников или, может быть, их обряды изгнания дьявола, в чем он увидел доказательство божественного могущества новой веры. Он обратился как раз тогда, когда собирался жениться, а через некоторое время стал священником.

Тертуллиан поставил свой талант оратора на службу новой веры. Он был бойцом и вел себя соответственно. Выступая против сектантов: маркионитов, каинитов, валентиниан, — он защищал свою веру «перед народами»,

написал «Апологетика», где ополчился на язычников, включился в полемику с евреями. Очень быстро он стал бойцом на всех фронтах.

Первая битва – против вторичного брака вдовцов и вдов. Он призвал свою жену не выходить вторично замуж, если он умрет первым. Несомненно, он не отвергал брака, освященного Богом, но воздержание лучше, и он прославлял красоту девственниц, обручившихся с Господом: «Отказавшись от брака, они уподобляются ангелам» (IV, 4). Он ставит их в пример своей жене: «Следуй примеру этих женщин, постарайся жить в воздержании, как они» (IV, 5)... после его смерти, конечно, но совет может быть принят к сведению уже сейчас.

Выступив защитником супружества, он на деле разрушает все доводы в пользу заключения брака. Удовольствия плоти? Воздержание готовит гораздо большие удовольствия рядом с Богом (IV, 5). Желание иметь детей? Оно уходит, если мы понимаем, что мир иной лучше, чем здешний. «К чему рождать детей, если мы хотим пожелать им оказаться раньше нас в могиле?» (V, 1). Что же касается его самого... «Не достаточно ли было однажды склониться под необходимостью и того и другого (удовольствия плоти и желания иметь детей), чтобы удовлетворить в одном-единственном браке все искушения подобного рода?» (V, 3). И он прославляет супругов, «кои по взаимному согласию избегают плотских сношений, избрав участь евнухов ради любви к Царствию Небесному» (I, 6). Быть может, и сам он жил в невинном браке, в совместных молитвах с супругой и в ожидании близкого конца света.

В полемике с Маркионом, желавшим запретить брак вообще и избавить мир от искушений плоти, Тертуллиан

выступил в защиту брака. Без брака более не будет людей, и некого будет спасать, что ставит под сомнение миссию Христа. Без брака нет добродетели, так как нет воздержания, да и самого Маркиона не было бы, если бы не существовало брака...

Вместе с тем Тертуллиан предпочитает «соблюдающих чистоту» женатым, уступившим позывам плоти. Брак – это всего лишь меньшее зло, но никак не благо. Лучше бежать от искушения, чем мучиться, но как долго можно его избегать? Как счастлив был Адам до женитьбы – зачем только он послушал женщину!³

Однако к 207–208 году он сам, очевидно, попал под влияние проповедей фригийского священника Монтана, осужденного Римской церковью за слишком горячие проповеди и нравственную непримиримость. Воззрения Тертуллиана стали более строгими. Он по-прежнему не высказывается открыто против брака, но все больше и больше говорит о чистоте безбрачия, считая ее предпочтительней, чем брак. И он уже осуждает не только вторичное супружество. «Ты теперь выступаешь и против единственного брака», – говорили ему, а он отвечал: «Единственный брак основан на таком же разврате, что и вторичный»⁴.

К 213–214 году Тертуллиан присоединяется к последователям Монтана. Но он не может просто следовать за сектантами, как и за Римской церковью – и те и другие не могут удовлетворить его слишком яркую натуру. Он в конце концов создает свою собственную секту, и многие карфагенские монтанисты идут за ним. «Тертуллианство» пережило своего основателя на 200 лет, святой Августин привел эту секту в лоно церкви. Труды Тертуллиана, написанные в период основания секты, до нас не дошли⁵.

«Итак, как много мужчин и женщин склоняются к воздержанию; они предпочли вступить в брак с Господом, они восстановили достоинство своей плоти, они теперь освящены как дети иного мира, победившие страсть и похоть и все то, что не может существовать в раю»⁶.

Тертуллиан последовательно воплотил два полюса отношения к безбрачию: суровый запрет и снисходительность; христианство пыталось найти средний путь между этими полюсами. Расцвет многочисленных ересей, которые проповедовали крайние формы отношения к браку – и за, и против, – говорит о том, насколько сложной была проблема.

Поначалу на первый план вышло строгое отношение к браку, в традиции посланий Павла и по примеру первых христиан-мучеников. Святую Агнессу насильно отдали в публичный дом, но ангел испепелил слишком ретивых клиентов, осмелившихся приблизиться к ней; святую Люцию не смогли отвести туда же тысяча пар быков и тысяча развратных мужчин; Анастасия сказалась больной, чтобы не вступать в сношения с мужем; Цецилия призвала в первую брачную ночь ангела, чем охладила пыл своего мужа; Евфимия боролась «как мужчина» с судьей, пытавшимся ее изнасиловать; Юстиния расплавила, как воск, дьявола, пытавшегося ее соблазнить. Святые первых веков христианства постоянно являют примеры превосходства девственности над супружеством. Иногда дело заходит слишком далеко: у святого Петра, если верить Деяниям апостолов, была дочь невероятной красоты, и некий богатый человек посватался к ней. Петр, чтобы уберечь девственность дочери, стал молиться Богу, чтобы ее разбил паралич и она была бы недвижима «от пальцев ног до головы». «И мы понесли ее, воздавая сла-

ву Господу, что уберег свою рабу от осквернения, нечистоты и разрушения»⁷. Рядом с этим знаменитым примером встают многие другие случаи чудесных изменений, произошедших, чтобы уберечь девушку от замужества.

Девственность становится важнее, чем Божий завет плодиться и размножаться: дьявол, который чуть было не победил сопротивление Юстинии, попытавшись напомнить ей об этом завете, растаял, как воск. И в самом деле, завет был дан Отцом Адаму в первые века мира, когда земля не была еще заселена. Но потом, уже со времен Отцов Церкви, на земле достаточно людей, и завет «плодитесь и размножайтесь» более не имеет права на существование. Кроме того, Христос искупил своей жертвой первородный человеческий грех, теперь человек силен и может противостоять искушению. В браке больше нет необходимости ни для продолжения рода, ни для того, чтобы ввести в законные рамки половое влечение. Теперь безбрачие не только разрешено, но расценивается как средство достичь блаженства – разумеется, если пребывающий в безбрачии не впадает в блуд. Все эти теории, основанные на посланиях Павла и разработанные в трудах Отцов Церкви, окончательно оформляются в XIII веке Фомой Аквинским⁸.

В первые века христианства холостяк чаще чем когда-либо рассматривается как «житель небес». Греховная и смертная плоть после грехопадения Адама может вернуться в первоначальное райское состояние только через девственность. Таковы воззрения на брак множества движений внутри христианства, позднее ставших сектами.

В Сирии Татиан и энкратиты (от греческого «энкратейя» – умеренность) утверждают, что брак – это разврат

и порча, порожденные грехопадением Адама и Евы: «Вслед за женщиной возник брак, за браком — рождение новых людей, за рождением — смерть»⁹. Во Фригии Монтан проповедует скорый конец света, встретить который следует в девственности. Монтанизм быстро распространяется по всему средиземноморскому бассейну. Различные секты гностического толка проповедуют, что мир был создан непокорным архонтом, а постоянное воспроизведение рода людского не дает душе выйти из тюрьмы плоти. Такой же дуализм мы находим и у маркионитов, которые видят в браке соучастие в деяниях демиурга и позволяют креститься только холостым и женатым, пожелавшим жить в браке без половых сношений.

Из слияния этих сектантских теорий вырастает манихейство, которое станет одним из серьезнейших препятствий к дальнейшему распространению христианства и брака. Последователи Мани, персидского ересиарха III века, верят, как и гностики первых веков, в изначальный дуализм: мир был создан злым демиургом, заточившим в материю частичку божественной природы. Частичка божественного света, пребывающая в заточении в каждом мужчине и каждой женщине, переходит от родителей к детям и может высвободиться лишь тогда, когда цепь воспроизведения рода прервется. Самые ярые манихейцы проповедуют полное воздержание, как гностики и маркиониты, но они не требуют его от всех своих последователей, сознавая, что человеческая природа слаба. Те, кто не способен воздержаться от половых сношений, должны применять средства предохранения от продолжения рода. Манихейцы накладывают запрет на брак, основной целью которого является продолжение рода. До сих пор спорным является вопрос, насколько

ко манихейство III–IV веков связано с ересью катаров XII–XIII веков. Во всяком случае, и те и другие строят свое неприятие брака на представлении о том, что злой демиург заточил в теле часть божественного духа. Именно так излагал свои представления катарский пастух XIV века, пожелавший отказаться от брака¹⁰.

В самых древних апокрифах Нового Завета иногда слышны отголоски былой полемики о браке. Так, например, в Деяниях Павла, составленных около 150 года, апостол (или тот, кто говорит от его имени) проповедует безбрачие и расторгает браки, провозглашая, что счастливы будут лишь те, кто «сохраняют в чистоте тело, ибо они станут вместилищем Бога». Юная Фекла, услышав его проповедь, застыла, потрясенная, «как паук в окне», и отказалась выйти замуж за своего жениха Фамирида. Ревнивые спутники апостола, Демас и Гермоген, стали убеждать отвергнутого юношу, что это учение несет лишь вред: «Он отрывает юношей от женщин, девушек от мужчин, говоря, что воскресение возможно лишь для того, кто не осквернит плоти и соблюдет себя в чистоте». Они же, наоборот, проповедуют, что залогом воскресения будут дети, «коих мы породим». Феклу, как противницу брака, приговорили к сожжению на костре, но костер под ней был погашен чудесным дождем. Тогда ее бросили на растерзание зверям, но и они пощадили ее¹¹.

Сходный пример в Деяниях Филиппа: Филипп восхваляет девственность и провозглашает, что женщина, проклявшая свое супружество в отчаянии после смерти сына, вдохновлена Богом¹².

Восхваление безбрачия и девственности, основанное на истолковании некоторых высказываний Христа и Пав-

ла, не нравилось Отцам Церкви. Его нельзя было объявить ересью, так как подтверждение проповедники находили в Писании. Отголосок неудовольствия можно видеть в Деяниях Андрея, созданных, как считается, в III веке.

Этот текст вряд ли вышел из кругов ересиархов, но они черпали в нем примеры и обоснование для своего учения. Один отрывок греческого текста рассказывает о том, как апостол проповедовал безбрачие и отвратил от свадьбы жениха и невесту. Этот отрывок стал лакомым кусочком для присциллиан, выступающих против брака. В послании, приписываемом Титу, пересказывается этот эпизод: «Когда Андрей прибыл на свадьбу, ради славы Божией он расторг союз мужчин и женщин, обрученных друг другу, и учил их жить в святом безбрачии».

То, что еретики использовали этот эпизод, могло бросить тень на Деяния Филиппа, особенно после того, как присциллиане были осуждены, а Присциллиан казнен в 385 году. Но Деяния были очень популярны во всем христианском мире. Тогда эпизод был попросту несколько подслащен. В латинской версии, дошедшей до нас в более поздней обработке Григория Турского (VI век), Андрей протестует против брака между братом и сестрой и уточняет, что он не против брака вообще, так как брак установлен Богом¹³. К этому моменту уже торжествовала иная политика в области брака, закрепленная Блаженным Августином, и Деяния, таким образом, оказались надежно защищены от использования еретиками.

Именно Августин сумел окончательно обрядить брак в христианские одежды. «Три блага», провозглашенные епископом Гиппонским, и сейчас являются основой богословского обоснования брака. Я не буду здесь подробно останавливаться на них¹⁴. Однако споры первых веков

оставили неизгладимый след в истории безбрачия, ибо именно в это время мало-помалу оформилось требование целибата для священников.

ЦЕЛИБАТ СЯЩЕННИКОВ: ИСТОКИ

Около 370 года н. э. в семье землевладельцев — выходцев из Греции, поселившихся в Киренаике (Северная Африка), родился Синезий. Молодость его была обеспеченной и радостной, он обучался философии в Александрии и Афинах, увлекался охотой и написал о ней трактат «Синегетики». Он был значительным человеком у себя в провинции, и в 399 году его послали во главе посольства в Константинополь, а по возвращении он возглавил движение против грабителей-варваров в своей родной Киренаике. В 405 году Кирену захватили ассирийцы и мацеты. Правитель города бежал, но Синезий защищал город и победил. Он писал стихи, философские и шуточные трактаты (например, «Похвала лысине»), размышления на политические темы. Это был типичный вельможа поздней империи — спортивный, образованный, умный.

Но в 411 году — неожиданная развязка. Философ-неоплатоник, он, несомненно, был знаком с христианскими взглядами, хотя они и не присутствовали слишком явно в его трудах. И вдруг его призывают занять кресло христианского епископа в Птолемаиде, столице провинции. Странный выбор: ничто не говорило о склонности Синезия к священному служению. Однако должность епископа — это прежде всего административная, если не политическая должность, и Синезий обладал всеми необходимыми для нее достоинствами.

Письма того времени выдают смятение в его душе, которое он, впрочем, преодолел: «Я бы предпочел тыся-

чу раз умереть, чем занять пост священнослужителя» (письмо 96). Несколько месяцев он медлил с окончательным ответом, но понимал, что не может отказаться. «Я возьму на себя эту обязанность и буду рассматривать ее как веление свыше», — пишет он брату (письмо 105). Более прозаический аргумент заключается в том, что, отказавшись, он может подвергнуться изгнанию, «рискуя стать самым презируемым человеком, проклятым и ненавидимым толпой людей» (письмо 96).

Его колебания можно понять. Хоть он и знаком с христианством, но не разделяет все «массовые» догмы и не верит в воскресение (письмо 105). Он не знает, как следует говорить с христианами, и понимает: в синоде он не сможет сказать ничего, «что походило бы на те речи, что привыкли слышать священники». И почему выбрали его, предпочли «того, кто не знает Слова Божия, тем, кто его знает?» (письмо 13).

Он знает, от чего придется отказаться: от спокойствия, философии, радостей охоты и ... жены. Ибо наш священник поневоле женат. Не о нем ли думал его более знаменитый современник Августин, епископ Гиппонский, когда говорил, что священники против воли обречены на чистоту¹⁵? А с женой он расставаться не собирался: «Я никогда не откажусь от нее. И не собираюсь жить с ней тайно, как с любовницей, ибо это самое нечистое и самое незаконное. Нет, я желаю в будущем иметь много детей» (письмо 105).

Однако общественная воля оказывается сильнее. В 412 году Синезий занимает кресло епископа и расстается с женой. Несчастья преследую его: один за другим умирают трое его детей. Через год в возрасте 43 лет умирает и он сам.

Не будем делать из Синезия мученика-целибата. Он вспоминает о жене слишком редко, вряд ли речь шла о горячей любви; ему тяжелее было отказаться от своих прежних идей и охотничьих собак, чем от законной супруги. Но на его примере видно, как много проблем возникло, когда появилось новое требование, предъявляемое всем, в том числе и тем, у кого не было глубокого призвания к священному служению.

Вопрос об истоках церковного безбрачия — целибата достаточно сложный и во многом спорный¹⁶. Апостольская церковная традиция придает особое значение словам и высказываниям Иисуса и его первых учеников. Если необходимость обета безбрачия восходит к этим временам, против нее трудно возразить: Иисус, очевидно, не был женат. Но некоторые апостолы, возможно, были. Одно место из посланий святого Павла позволяет это предположить. Когда его права апостола были поставлены под сомнение, он стал защищаться, требуя, чтобы ему и Варнаве дали те же возможности, что и другим ученикам, в частности право не работать и жить на содержании общины: «Или мы не имеем власти есть и пить? Или не имеем власти иметь спутницею сестру-жену, как и прочие Апостолы, и братья Господни, и Кифа? Или один я и Варнава не имеем власти не работать?» (1 Кор. 9:4–6).

Кто были эти «жены-христианки» при апостолах? Поначалу интерпретаторы считали, что речь идет о законных супругах. В евангелиях (Матф. 8:14; Мр. 1:30; Лук. 4:38) упоминается теща Петра. А святой Амбросий в IV веке уточняет, что именно имеется в виду, когда говорится, что спасение души возможно только для девственных. Если бы это требование следовало понимать в прямом

смысле, рай был бы недоступен для слишком большого числа людей, «ибо все апостолы, кроме Иоанна и Павла, были женаты»¹⁷.

Однако вскоре Отцы Церкви предпочли иное толкование. Тертуллиан со II века видел в «женах-христианках» служанок, а не супруг. Однако он признавал, что Петр был женат, «так как говорится о его теще»¹⁸. Напомним, что Тертуллиан ратовал за строгое воздержание, близкое к требованиям монганистов, для него было очень важно разобраться в высших примерах. Если бы Петр женился после обращения, в евангелиях это было бы уточнено. Несомненно, таким образом, что речь идет о браке до обращения. Ничто не указывает и на то, что, после того как он был призван создать новую Церковь, брак был расторгнут. Святой Павел явно запретил разводиться с женой в подобной ситуации (1 Кор. 7:12). Если бы Петр развелся, Павел должен был бы как-то оправдать это исключение из правила. Остается лишь один вопрос: продолжал ли Петр поддерживать с женой обычные супружеские отношения? И ничто в текстах евангелий не дает нам ответа. Заметим, однако, что Павел, настаивающий на том, что имеет право взять с собой женщину, в том же самом послании напоминает, что хочет остаться девственником (1 Кор. 7:8). Если бы другие апостолы нарушили воздержание, он бы упомянул об этом.

Следует отметить, что лишь для самых непримиримых Отцов Церкви имело значение, были ли женаты апостолы. Средневековые без какого-либо смущения поддерживали легенду о том, что с Петром уже после его обращения жила девушка. Ее почитали впоследствии 31 мая под именем Петронилии (Пьеретты, Перрины, Пернелии). И в этом не было ничего исключительного: «Золо-

тая легенда» упоминает о двух девушках, живших при апостоле Филиппе, и четырех, живших при диаконе Филиппе¹⁹.

С тех пор устоялось следующее мнение: некоторые из учеников могли до обращения иметь жен и детей; после того как Христос призвал их, браки не были расторгнуты, но они жили в воздержании. Однако лишь малая часть христиан следовала их примеру с тех пор, как появилось общество, где рождались, росли и умирали в христианской вере.

Пример Петра тем более значим, что он считался первым папой. Каково должно было быть изначально отношение к браку тех, кто посвятил себя Богу или был призван возглавить христианские сообщества? «Епископы» не были обязаны соблюдать целибат. Однако Павел требовал, чтобы они женились только один раз (1 Тим. 3:2; Тит. 1:6). А святой Клемент Александрийский (II век) еще признает право жениться за священниками и диаконами. Археологи нашли множество эпитафий на могилах епископов, священников и диаконов, в которых упоминаются их жены, причем порой это достаточно поздние эпитафии: например эпитафия Кассию, епископу Перузы, и его жене Фаусте датируется 558 годом²⁰.

Требование безбрачия родилось не среди высших чинов церковной иерархии, а в самих общинах. В сознании людей нравственная чистота и отказ от половых сношений были связаны еще с ветхозаветных времен. Первыми сказали о необходимости постоянного целомудрия не те церковники, что составляли часть мирского клира, а аскеты, ставшие впоследствии монахами, живущими по уставу. Со II века аскетов, уличенных в половых сношениях, подвергали публичному наказанию, и это позволяет

предположить, что уже существовала практика принесения обета целомудрия, пусть и не в таком торжественном обряде, который установился к XIII веку. Таким образом, монахи жили в безбрачии по обету, а не из-за запрета. Под давлением верующих необходимость принятия обета распространилась постепенно и на мирских священнослужителей. В общинах Египта и Рима уже во времена святого Иеронима (IV век)²¹ от священников требовали целомудрия и безбрачия, Галлия тоже достаточно рано вступила на этот путь.

Однако в восточном Средиземноморье представления о нравственности были несколько другими. Собор Гангра, собравшийся в 324 году в Пафлагонии (северное побережье современной Турции), обязывает строптивых верующих присутствовать на мессах, которые служат женатые священники. Собор высказался также против тех, кто слишком гордится своей девственностью и презирает женатых. Так как девственность и воздержание вызывают почтение лишь вкупе со смирением, собор даже предал анафеме тех, кто остается неженатым не из почтения к девственности, но из отвращения к браку²².

Во многих общинах взаимосвязь между служением у алтаря и отказом от половых сношений устанавливается с первых веков христианства. Первые решения такого рода были приняты в местных церквях и лишь потом распространены на весь христианский мир. Собор в Эльвире, вблизи Гранады, состоявшийся в первое десятилетие IV века, стал самым ранним свидетельством отношения церковных властей к целибату. Собор обязал к постоянному воздержанию епископов, священников и диаконов, то есть тех, кто служит у алтаря, под страхом лишения сана (канон 33). Им даже было запрещено совместное прожи-

вание с любой чужой женщиной, за исключением сестер или девушек, давших обет девственности (канон 27). Это еще не целибат, так как им не возбраняется иметь жену до принятия сана и они не обязаны расторгать брак; кроме того, требование не распространяется на все духовенство²³. Однако общего централизованного требования на этот счет не существовало, и Рим учитывал региональные особенности.

Самое удивительное, что первые попытки законодательного закрепления этих требований не встретили сопротивления. До нас не дошло никаких сведений о протестах, что говорит о том, что обычай существовал в испанских общинах еще до того, как был закреплен решениями собора. В послании папы Сириция в 385 году (*Directa*) подтверждается это правило и говорится о том, что оно восходит к началам церкви²⁴. Богословское обоснование запрету дал в начале V века папа Иннокентий I, писавший в послании, что те священнослужители, через руки которых передается благодать крещения и тело Христово, обязаны к телесному воздержанию, а так как они служат ежедневно, то воздержание должно быть постоянным²⁵.

Здесь видно прямое продолжение древних представлений о том, что половое влечение оскверняет человека, как и все то, что связывает человека и животное и оскорбляет идею о божественном призвании человека. Те места из Нового Завета, где говорится о девственности избранных или о скопцах ради Царствия небесного, закрепляли такое отношение к полу, хотя впрямую оно в священных текстах не выражено.

Итак, целибат священников возник на разных основах. Целибат для монахов и монахинь связан с торжествен-

ным обетом, который они приносят. Целибат для высших священнослужителей связан с их службой у алтаря.

Для нижних церковных чинов (служек, певчих, причетников и др.), всех тех, кто не выходит к алтарю, требование целибата возникло позже и было связано с тем, что их в церковь привело призвание. В разных местах требования к нижним церковным чинам были разными. В 390 году собор в Карфагене позволил им оставаться с женами²⁶. В 393 году собор в Гиппоне обязал причетников, пришедших в церковь в половозрелом возрасте, жениться или дать обет воздержания; он признал существование женатых священнослужителей, так как только они имели право посещать вдов и девушек без разрешения епископа²⁷. В 461 году Турский собор позволил нижним церковным чинам жениться, но только на женщинах, не бывших до этого замужем²⁸. Христианский император Юстиниан (527–565), наоборот, запретил мирским священнослужителям жить с женой под страхом отлучения от сана – редкий пример светского законодательного закрепления решений церковного собора. Но как в действительности реализовывался этот запрет – вопрос спорный²⁹. В 746 году папа Захарий напоминает в своем послании майордому Пипину Короткому, что лишь епископы, иереи и диаконы обязаны блюсти целибат: «Иные церковнослужители не могут быть к нему принуждаемы, но они должны соблюдать обычай каждой церкви»³⁰. Заметим, что папа Захарий был греком по происхождению и, кажется, проявлял большую терпимость, чем многие законодатели его времени³¹.

Все эти мелкие детали свидетельствуют о том, что пока не считается возможным навязывать церковнослужителям определенный образ жизни, хотя он и представляется более достойным.

Разрешение нижним церковным чинам жениться вызвало неожиданные проблемы. Продвижение вверх в церковной иерархии стало с некоторого времени рассматриваться как завидная карьера. Однако как только нижние чины, в свое время женившиеся, добивались возможности стать иереями, им следовало расставаться со своими женами. Какая участь ожидала этих женщин? Они поступали на попечение церкви, и их отправляли в монастырь, причем многие не имели никакого призвания к монастырской жизни и не желали жить в постоянном воздержании. Так постепенно целибат распространился и на нижние церковные чины: выйти замуж за служку или причетника означало потерять его, как только он поднимется вверх по служебной лестнице. И вполне логично, что через некоторое время церковные соборы потребовали целибата и для нижних чинов.

Как были приняты эти новые правила? Если верить тем историям, что рассказывает Григорий Турский, следовать новым правилам иногда было очень сложно. Аббат Дагульф, уличенный во множестве адюльтеров, был убит в постели с любовницей обманутым мужем этой женщины. «Пусть эта история послужит уроком для всех церковнослужителей» — такой вывод делает святой епископ, напоминая о недавно принятых указах. Клирик из Мана, «неравнодушный к женщинам», едва избежал смертной казни за то, что выкрал свою любовницу, переодев ее в мужской костюм. Его помиловал епископ Этерий из Лизье, он «вернулся к своим привычкам и, позабыв о прошлых злключениях, возжелал мать одного из детей, отданных ему на обучение»³². Целибат стал для нижних церковных чинов вопросом жизни и смерти.

Новые требования, первоначально существовавшие только в некоторых общинах, распространились повсе-

местно лишь в западном христианском мире. Еще до великого раскола 1054 года Рим и Константинополь расходились во взглядах на многие вопросы церковного обихода, в частности на целибат священнослужителей. В первые века церковные соборы носили локальный характер, их решения не распространялись на весь христианский мир, и решения соборов греческой церкви часто выглядели более гибкими, чем решения латинских церковных соборов. Неокесарийский собор (314–325) запретил брак для иереев; собор в Анкире (324) разрешил брак диаконам, если они во время назначения заявляли, что не могут блюсти целомудрие; Никейский собор (325) запретил епископам, иереям и диаконам проживать совместно с посторонней женщиной, но ничего не сказал о законных супругах³³.

В 680–681 годах и затем в 692 году Восточная церковь снова обратилась к проблеме брака и безбрачия на Трулльском соборе в Константинополе. Этот собор, названный также Пято-Шестым, потому что он шел как бы в дополнение к V и VI Вселенским соборам, принял правила, которые существуют в Восточной церкви до сих пор. Вопрос целибата обсуждался широко, и целых семь канонов (3, 6, 12, 13, 26, 30, 48) посвящены ему³⁴. Решения собора не были приняты папой Сергием I, однако позже папа Иоанн VIII (872–882) принял те решения собора, которые не противоречили практике Римской церкви (эти решения не стали причиной раскола между церквями).

Решения собора сходны с теми, что были тремя веками ранее приняты Эльвирским собором: в одних вопросах они очень жесткие, в других, наоборот, неожиданно мягкие. Как только клирик поступает на церковную

службу, он не может заключать брак; данное правило не распространяется на певчих и причетников (канон 6). Однако брак, заключенный ранее, не должен расторгаться (канон 13). Вместе с тем некоторые типы браков (например, повторный) могут стать препятствием для назначения на церковную должность (канон 3). Многие из женатых церковнослужителей имеют право вести обычную супружескую жизнь, но те, кто служит у алтаря, должны соблюдать воздержание: для епископов оно постоянное (канон 12), для других – временное (канон 13). Таким образом, лишь епископы оказываются полностью лишены супружеской жизни. Однако они не обязаны расторгать предшествующий брак. Их жены должны вести монашеский образ жизни. Основное отличие от Западной церкви состоит, таким образом, в том, что иереи, диаконы и субдиаконы могут вести нормальную супружескую жизнь в те дни, когда они не служат у алтаря.

БЕЗБРАЧИЕ СВЯЩЕННИКОВ: ЖЕНООНАВИСТНИЧЕСТВО В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (XII–XVI ВЕКА)

Ламберт Ватерлосский родился в 1108 году в Нетхайме, в приходе Турне. Его семья была знатной и богатой, родители имели возможность воспитать свое многочисленное потомство. Адульфус и Гисла – отец и мать Ламберта – имели шестерых сыновей и четырех дочерей и постарались определить им место в жизни, более или менее следуя призванию каждого. Перечислив своих братьев и сестер, Ламберт подчеркивает, что родители его были богаты, чем выдает некоторое сожаление по поводу той участи, которая выпала на его долю.

Его еще с колыбели предназначили к священному служению: на этом настоял брат матери Ришар, аббат Мон-Сен-Элуа. Согласие или отказ не требовались, участь Ламберта была определена. Как только мальчику исполнилось 7 лет – на излете детства, – дядя забрал его. В памяти Ламберта расставание с домом оставило глубокий след: он говорит о разлуке, об изгнании, о прощании с семейным очагом. И все это без особой к тому необходимости – не случайно он подчеркивает, что его родители богаты³⁵. Но дело было сделано. На следующий год он вступил в церковное сословие и шаг за шагом стал одолевать ступени церковной иерархии. В 10 лет он каноник, в 13 – служка, субдиакон в 14 и диакон в 16. Он принял сан священника в 1139 году в возрасте 32 лет. В этот год состоялся II Латеранский собор, принявший новые правила безбрачия для священнослужителей.

Воззрения поздней античности были восприняты христианским миром рано, но распространились неравномерно. На Западе постепенно все церковники были принуждены давать обет безбрачия или, по крайней мере, целомудрия. И получилось, что, хотя на мирских священнослужителей возлагались нравственные, юридические и политические решения, сами они были крайне невежественны в вопросах пола. Чрезмерная строгость меровингских законодателей по отношению к «грехам» сексуального характера дает представление о том, какой была сексуальная жизнь эпохи. Правила воздержания для клира сказались и на мирянах, самые строгие блюстители веры должны были воздерживаться четыре дня в неделю, не считая праздников и двух-трех сорокадневных постов. Фландрин подсчитал, что для супружеской пары,

желающей следовать всем церковным предписаниям, оставалось в году лишь 81–83 дня для супружеских сношений³⁶. Один раз в четыре дня и долгие периоды воздержания во время постов — половая фрустрация коснулась не только церковников.

Каково же было церковникам жить в обычном мире, где не царила стыдливость?

Аббат Жан Мошу (VII век) рассказывает о муках некоего монаха Конона, который должен был крестить новообращенных. Нагота одной из молодых женщин так потрясла его, что он убежал из монастыря, лишь бы не выполнять этой повинности³⁷. Некоторые священники были поразительно невежественны в вопросах строения женского тела. Так, например, в IX веке священники, призванные разобрать дело о поведении королевы Теутберги, написали письмо епископу Хинкмару, человеку весьма эрудированному. Они спрашивали, может ли женщина остаться девственной после выкидыша, и просили проверить это по Священному Писанию и в трудах Отцов Церкви³⁸.

Достаточно много примеров и противоположного свойства. Средневековье очень по-разному относилось к целомудрию. Поначалу оно соблюдалось довольно строго, но в X–XI веках происходит падение нравов. В это время встречаются и женатые священники, и даже целые потомственные династии епископов. Незаконнорожденные дети могли стать епископами, это не рассматривалось как препятствие к назначению. Кроме того, хотя священникам и было запрещено жениться, они не должны были расторгать уже существующий брак. Женатые мужчины могли получить назначение на церковные должности, хотя теоретически их жены после этого должны были уйти в монастырь. Церковь пытается безуспешно бороть-

ся с практикой незаконного сожителства, которое распространяется повсеместно и среди духовенства.

Ослабление авторитета папы, возникшее в XI веке из-за постоянного соперничества знатных римских семей, порождает распущенность и злоупотребления, которые все порицают, но никто не может побороть. Созываются многочисленные церковные соборы: в Госларе (1019), Бурже (1039), Лизье (1055), Руане (1064)... Папы и церковные писатели от Петра Дамиана до Льва IX, а также Григорий VII, Урбан II, Каликст II пишут обличительные послания. Жалобы на падение нравов подкрепляются действиями: с середины XI века во Францию, Италию, Германию направляются папские легаты, чтобы обеспечить выполнение решений соборов. Нарушители задержаны, супруги, отказавшиеся покинуть мужей-священников, осуждены на принудительные работы, верующих призывают не ходить на службы женатых священников... Тот церковный целибат, который дошел до наших дней, стал результатом деятельности ярых реформаторов XI века.

В своем рвении они предлагали запретить вступать в брак всем церковным чинам, включая служек и причетников, на которых до сих пор это правило не распространялось. Собор в Госларе в 1019 году принял эдикт подобного рода, который впоследствии обрел силу закона³⁹. Однако за ним не последовало других столь же строгих мер, и в средневековых текстах мы часто находим упоминание о женатых клириках.

Второй Латеранский собор, состоявшийся в 1139 году, всерьез занялся проблемой целибата. Епископам, иереям, диаконам и субдиаконам, а также монахам и каноникам в орденах запрещалось вступать в брак. Обряд посвящения,

который проходили все церковные чины, уже исключал возможность женитьбы. Предшествующее вступление в брак, таким образом, оказывалось не имеющим силы, и союз мог быть расторгнут⁴⁰. Для нарушителей были предусмотрены меры, в частности лишение права отправлять службу и пользоваться бенефициарными доходами с прихода. Дети, рожденные от женатых священников, объявлялись незаконнорожденными и лишались права наследования. Если же супруги продолжали вести совместную жизнь, они обвинялись в незаконном сожителстве и подвергались соответствующему наказанию. Такое решение трудно было привести в исполнение сразу, оно неоднократно подтверждалось декреталями и другими соборами на протяжении всего XII века. В 1215 году на IV Латеранском соборе требование celibата для высших церковных чинов было окончательно закреплено.

Аргументы, которые приводились в оправдание celibата священнослужителей, вписывались в античную и средневековую традицию женоненавистничества. Еще Сократ жаловался на свою жену Ксантиппу; Феофраст, Эпиктет и в особенности Цицерон перенесли в Средневековые сетования на женщин, подхваченные Отцами Церкви, святым Иеронимом, Климентом Александрийским... Семейная жизнь рождала заботы о хлебе насущном (напомним, что жена находилась на полном попечении мужа), забота о семейном очаге отвлекала от духовного призвания. У женатого священнослужителя не оставалось времени для паствы и Бога. Знаменательно, что ожесточение против женатых священников возросло именно тогда, когда все шире распространялась практика исповеди. У супругов не должно быть секретов друг от

друга. Как же священник может сохранить тайну исповеди? Напомним здесь и о расхожем представлении о болтливости женщин. Разве может жена священника не быть сплетницей? В истории культуры юношеские страхи приобретают иногда неожиданный вес⁴¹...

Кроме того, разве не обращался святой Павел к христианам с призывом освободиться от груза домашних забот (1 Кор. 7:32–34)? Святой Павел, античные философы, Отцы Церкви – все это, в особенности после Латеранского собора 1215 года, привело к возрастанию женоненавистничества в средневековой культуре, что объясняло, кроме прочего, почему целибат для духовенства утвердился.

Однако время от времени этот вопрос заново подвергался обсуждению. Случайно ли ужесточение норм церковного права совпало с появлением новых форм духовного мышления, более гибких, чем монашеские обеты? Я говорю здесь, в частности, об ордене бегинок, появившемся к концу XII столетия, где не давались окончательные монашеские обеты. В отличие от монахинь, бегинки могли отказаться от обета целомудрия, вернуться к мирской жизни и выйти замуж.

С XIII века появляется и отрицательная реакция на целибат священников. Во второй части «Романа о Розе», написанной Жаном де Меном, говорится, что это правило противоречит законам природы: «Если бы Господь желал, чтобы некоторые из нас оставались девственными Ему в угоду, почему он не потребовал этого от всех, почему Он отвратился от такого замысла?» Гений, капеллан дамы Природы, видит в обете девственности исключение из всеобщего и разумного порядка, где все воспроизводит себе подобное. Однако осторожный Жан де Мен не затевает спора: «Кто хочет ответить, пусть ответит»⁴².

Жизнь духовенства подчас дает повод для возмущения. Некоторые не скрываясь держат любовниц, как, например, Никола д'Оржмон, каноник собора Парижской Богоматери и, более того, брат епископа Парижского. Он поселил свою любовницу — ту, которую Вийон называет Прекрасной Оружейницей, — не где-нибудь, а во внутреннем дворе собора⁴³.

С конца XIV века, особенно после 1370-х годов, голоса против celibата раздаются все громче и даже появляются обоснованные аргументы за его отмену⁴⁴. На Базельском соборе князь Амедей Савойский был избран на папский престол. Многие епископы возражали против этого, ссылаясь на то, что некогда он был женат, однако секретарь совета Энеа Сильвио Пикколомини заявил, что брак — в прошлом или в настоящем — не может быть признан препятствием к избранию. Через несколько лет Пикколомини станет папой Пием II. Ему Платина приписал такое высказывание: «Существует множество причин, чтобы запретить священникам жениться. Однако еще больше их для того, чтобы отменить запрет»⁴⁵. Впрочем, эта позиция папы не была им выражена письменно, и ее оказалось недостаточно, чтобы вернуться назад.

Самым последовательным выступлением против celibата священнослужителей является трактат Гийома Сенье, сенешаля Бокерского, советника при дофине и герцоге Анжуйском. Трактат был написан приблизительно в 1417–1418 годах. Его «Жалоба природы человеческой на Никейские установления» стала известна в основном по отповеди, которую дал трактату знаменитый канцлер Парижского университета Жан де Жерсон в своем «Диалоге о celibате духовенства». Сенье говорит о том, что существуют законы природы, которые влекут

человека к плотскому союзу, а безбрачных священников — к лицемерию. Мусульмане и неверные, не знающие целибата, плодятся и разрастаются, а целибат не дает вырасти детям, которые могли бы сразиться с ними. Духовенство впадает в содомию или же плодит незаконных детей...

Жерсон не опровергает эту картину — он приводит традиционные аргументы о ценности целомудрия и добавляет более конкретные доводы, такие, например, как расходы на содержание семьи, которые легли бы на плечи женатых священнослужителей и позволили впасть в грех алчности и мздоимства ради благосостояния собственных детей. В этой полемике завершается Средневековье. Ренессанс ее углубит вплоть до раскола.

ЦЕЛИБАТ ДУХОВЕНСТВА: СВЯЩЕННОЕ ПРИЗВАНИЕ (XVI–XVIII ВЕКА)

В эпоху, когда священный сан принимали ради карьеры, а не по призванию, при дворе появились аббаты лишь по названию и по бенефициям, которые они получали. Система коммендов, позволявшая получать доходы с отдаленных аббатств, ни разу там не побывав, полностью исказила сам институт аббатства. Так, например, Гийом Анфри де Шолье (1636–1720), происходивший из провинциальной дворянской семьи, без особого труда получил несколько бенефициев и зажил на ренту светской жизнью, абсолютно не соотносимой с обетами, которые он некогда принес. Он был вхож в дома знатных и влиятельных придворных и пользовался их поддержкой. Ему покровительствовали герцог Вандомский и его брат — Великий приор Мальтийского ордена. Герцоги Вандомские были сродни Генриху IV по линии Габриэля д'Эстре,

они были могущественным родом и приближенными короля. Аббат де Шолье служил у них интендантом, а потом стал получать жалованье домашнего поэта. Вокруг Великого приора образовался маленький кружок тех, кто ценил радости жизни, не слишком стеснял себя нормами морали, эпикурейцев, и аббат де Шолье стал одним из заметных лиц этого кружка.

Впоследствии ему пришлось заплатить и за излишества в еде и питье, и за любовниц, и за вольные стихи, которые не пришлись по вкусу Французской академии. Его конец сочли знаменательным и справедливым те, кто верит в справедливость Провидения: в старости он был измучен подагрой, почти ослеп, постоянно думал о смерти и, как большинство распутников-вольнодумцев эпохи, на смертном одре покаялся во всех грехах⁴⁶.

Духовенство Нового времени весьма отличается от церковников предшествующей эпохи. Многочисленные реформы, в частности движение Контрреформации, свидетельствуют о стремлении к нравственному очищению церкви. Но одновременно появляется система коммендов, которая позволяет отдать церковные бенефиции (от аббатств, приоратов и т. д.) придворным в качестве награды. Практика коммендов не имела широкого распространения до 1516 года, когда Булонский конкордат наделил короля Франции правом раздавать бенефиции. И вот во главе аббатств появились люди светские, даже женщины и дети, не имеющие никакого представления о том, где находятся их аббатства. Ни брак, ни вероисповедание не были препятствием к назначению: министр Генриха IV герцог Сюлли, женатый человек, протестант, был по коммендам аббатом четырех монастырей.

Целибат духовенства подвергался обсуждению, и особенно протестовали против него реформаторы XVI века. Буало писал в своей 12-й сатире:

*Когда Лютер и Кальвин, переполненные знанием,
Задумали реформировать церковь,
Они освободили священство от целибата
И, надругавшись над самыми священными обетами,
Освободили от них монахов.*

Буало бросает упрек самым известным последователям протестантской ереси, нарушившим целибат. В 1525 году Лютер, бывший монах, женился на монахине Катарине фон Бора; Кальвин в 1540 году женился на Иделетте де Бюр; Цвингли, бывший каноник, в 1524 году женился на Анне Райнхард... Однако пример реформаторов не означал конец целибата. Наоборот, он в какой-то степени усилил его: нарушение целибата рассматривалось теперь не только с точки зрения нравственности, но и с точки зрения верности доктрине — нарушивший правило мог быть заподозрен в ереси.

Тридентский собор в 1563 году подтвердил, что рукоположение отменяет брак⁴⁷. Однако брак сам по себе не мог быть препятствием к рукоположению, так как женатый человек с согласия супруги мог принять сан; она же после этого уходила в монастырь.

Теоретически возможно было существование женатых священников, если они женились до принятия сана. Однако такие случаи встречались все реже; деятели Контрреформации постарались изменить само отношение священников к браку и тем самым решить вопросы, поставленные еще на Латеранском соборе. Тридентский собор

расширил смысл обетов, приносимых священнослужителями, и обосновал необходимость принимать сан в celibate. Создание духовных семинарий⁴⁸ для подготовки к принятию сана было нацелено не столько на то, чтобы снабдить кандидатов необходимыми знаниями, сколько на то, чтобы воспитать юношей «без пороков и вредных склонностей». Молодые люди, которым с юных лет внушали необходимость блюсти целомудрие, не испытывали сожалений по поводу былых плотских радостях, как священнослужители, принявшие сан женатыми. По словам кардинала Стиклера, «это было самое серьезное решение Тридентского собора, позволившее укрепить celibat духовенства».

Кроме того, определяя смысл таинств Евхаристии и Священства, собор заложил основы «мистики священнослужения», которая превращает священнослужителя в «орган святых деяний Христа». Уподобление священника Христу, подтвержденное II Ватиканским собором, стало мистическим обоснованием принесения обета теми, кто осознает в себе призвание к божественному служению. Такое видение священства является основой того, что и в наши дни папа Иоанн Павел II проявлял особую требовательность в вопросах celibata: «Церковь, как Супруга Иисуса Христа, хочет быть любимой священнослужителем полностью и безраздельно, как любит Ее Супруг и Глава Иисус Христос»⁴⁹.

С этого момента появляются совершенно новые аргументы в защиту celibata, не имеющие ничего общего с женоненавистничеством античности и Средневековья. Они базируются на словах Христа о «скопцах ради Царствия Небесного» (Матф. 19:12) и на призыве оставить жену и детей, чтобы следовать за Ним (Матф. 19:29;

Мр. 10:29; Лук. 18:29). Церковь, как прообраз Небесного Иерусалима, собирает у себя тех, кто дает обет жить как в Царствии Небесном, где «не женятся и не выходят замуж» (Лук. 20:35). Бенедикт XIV в 1746 году говорит, что тех, кто отказался от брака на земле, ожидает брак на небесах: «Еще до того, как познать радость супружества на земле, те, кто сохранил телесное и душевное целомудрие, уже тем самым познали сладость брачного союза; изгнанные из этого мира, они наполнены сладостными и драгоценными благами иного мира и соединятся в будущем с небесным Супругом»⁵⁰.

Леонтий де Лармандийский говорит о «высшем безумии целибата» и, «не будучи враждебен теоретически» женатым священникам, видит в целибате «героическое деяние», позволяющее «самым лучшим священнослужителям во всей истории Церкви» служить во благо «чести и спасения человечества»⁵¹. Итак, больше не приводятся теоретические обоснования, которые рано или поздно могут быть опровергнуты, речь идет о добровольном, почти мистическом обете. Сходный взгляд и у Иоанна Павла II, для которого целибат — это «направленность» к тому «эсхатологическому состоянию» царствия небесного, где не женятся и не выходят замуж, а духовенство оказывается «харизматически избранным»⁵².

Такое положение вещей, основанное на соположении нескольких стихов из евангелий и развитое в постановлениях Тридентского собора, существует уже пять столетий, несмотря на нарушения и злоупотребления тех, кто принял обет вынужденно или по легкомыслию. Франция официально не подтвердила решений собора, но применяла их в каждом конкретном случае через решения парламента.

Итак, обет должен был быть принят по призванию, по гласу Божьему, помогающему преодолеть позывы плоти. Но реальность, экономические и социальные условия диктовали свои требования. Целибат становился уделом детей в слишком многодетных семьях, он снимал проблему выделения доли наследства для сыновей или приданого для дочерей, насильно постриженных в монахи. В XVII–XVIII веках женские монастыри, рыцарские и монашеские ордена, епископаты стали не столько местом, где процветала духовная жизнь, сколько местом насильственной изоляции тех, кто не был предназначен для брака. Иногда, когда было очевидно, что у ребенка слишком пылкий характер, заботливый отец отказывался от первоначального намерения. Такая ситуация описана в романе аббата Прево, герой которого, кавалер де Грие, так рассказывает о своем отце: «Кавалер, — сказал он, — до сей поры всегда желал я видеть тебя рыцарем Мальтийского ордена; убеждаюсь, однако, что склонности твои направлены в иную сторону; тебя влечет к красивым женщинам; я решил подыскать тебе подругу по вкусу» (пер. М. Петровского, М. Вахтеровой). Однако де Грие любил не женщин, а женщину — Манон, и, чтобы забыть о ней, он решил вступить в орден⁵³.

Можно ли удивляться тому, что распутство духовенства стало расхожей темой литературных произведений. Вспомним средневековые фавлю, новеллы Боккаччо, сказки Лафонтена, «Монахиню» Дидро, сюжет которой основан на реальном факте, вольтеровского «Кандида», где Кунигунда оказалась в объятиях инквизитора, а Пакетта — в объятиях театинца. В 1684 году появился анонимный памфлет «Адамит, или Бесчувственный иезуит». В нем рассказывается о некоем проповеднике, который

превратил монастырь в секту адамитов. Он убедил послушниц и монахинь, что можно обрести райскую первоначальную чистоту, раздевшись донага. Он установил разные степени совершенства, соответствующие степени обнаженности: от обнажения плеч на стадии послушничества до полного обнажения «без смущения и краски стыда». Был ли этот памфлет чистым вымыслом или в основе его лежали какие-либо факты, неизвестно, но он вписался в традицию обличения похотливости тех, кто насильственно обречен на безбрачие. Подавленные желания порождают странные фантазии.

В начале XVI века архивы церковных судов полны свидетельствами о священниках, вступающих в преступную связь со своими служанками или вдовами из паствы. Мессир Луи Лемер был осужден за то, что имел связь с вдовой и одновременно с ее внучкой, а мессир Сансон Кеньон, капеллан в Неви, имел восемь любовниц, перечисленных поименно. Но за два века ситуация изменилась. Так, например, в канцелярии Труа между 1515 и 1531 годами отмечены 50 случаев обвинения священников, а между 1685 и 1722 годами, то есть за период в два раза более длинный, мы находим только два упоминания о священниках-распутниках. Тридентская реформа наконец принесла свои плоды⁵⁴.

Сама церковь стремилась несколько ослабить рамки доктрины. В те времена, когда духовное звание открывало путь к карьере, носителей духовного звания было больше, чем церковных должностей. Получение tonsury не означало назначение в храм, и принявшие сан могли жить в миру, но скромно и не были обязаны помогать кюре своего прихода. Нижние церковные чины могли отказаться от привилегий духовенства и от обетов. Грани-

цы между духовенством и мирянами стали слишком расплывчатыми, и власти забеспокоились. В 1723 и 1724 годах Иннокентий XIII и Бенедикт XIII издали декреты, в соответствии с которыми по распоряжению епископа каждое лицо духовного сословия могло быть призвано в случае необходимости к отправлению какой-либо церковной должности. Это могло быть преподавание катехизиса и помощь при службе. Духовенство все более отделялось от прочих верующих.

Один из знаменитых примеров этой реформы — диакон Пари, на могиле которого с 1727 года происходили чудеса излечения от конвульсий. Он был назначен диаконом в 1720 году в возрасте 30 лет. Некоторое время он жил в доме у брата, потом в бедном доме вместе с двумя товарищами, один из которых был мирянином. Они основали маленькую общину среди местного населения. Франсуа Пари раздавал милостыню, на которую шла пенсия, назначенная ему братом, советником парламента, и вязал чулки, чтобы обеспечить собственное существование. Он ходит к мессе вместе с прихожанами-мирянами. В 1725 году кюре Сан-Медара в соответствии с папскими постановлениями приказывает ему надеть рясу и вместе с другими церковниками прихода участвовать в богослужении — петь в хоре. Отныне граница между двумя мирами проведена четко. Диакон Пари в дальнейшем был назначен преподавать детям катехизис и читать лекции нижним церковным чинам, готовящимся к принятию сана⁵⁵.

Ослабление церковной дисциплины вызвало к жизни новые реформы и иронические обличения. Вопрос о целибате снова всплыл, появился и новый, демографический аргумент. Дети священников, воспитанные благочестивыми и добродетельными отцами, могли бы стать

достойными подданными. Тем самым можно было бы избежать постоянных скандалов, связанных с распутством священников. Другие аргументы были еще более поразительными: «Разве священник, смиренно сносящий недостатки жены и детей, не более достоин перед Богом, чем тот, кто постоянно борется с зовом плоти?»⁵⁶ Из этого вытекает другая мысль — он и его жена заполнят свою часть чистилища...

Разумеется, окончательного решения ждут из Рима. Но, может быть, стоит созвать национальный конгресс, который разрешил бы французским священникам жениться? Многие теологи думают так же; все это вписывается в проблему галликанизма.

Что касается философов, то они призывают на помощь законы природы, о которых уже говорил Жан де Мен. «Знаете ли вы, что слово “аббат” означает “отец”? — спрашивает он у монаха. — Если вы станете отцом, вы принесете пользу государству. Вы совершите самый достойный поступок, какой только может совершить мужчина: от вас родится мыслящее существо. В этом есть нечто божественное»⁵⁷. Однако контекст этих высказываний другой, чем у Жана де Мена. С одной стороны, прославление отцовства вписывается в более широкое обличение безбрачия и среди духовенства, и среди мирян, и к нему мы еще вернемся. С другой стороны, на повестку дня встает вопрос об изменении основ общества, которым вскоре займутся революционеры.

ОБСУЖДЕНИЕ БЕЗБРАЧИЯ

Пьер Доливье, кюре из Мошана, был образцовым гражданином. Он принадлежал к тому духовенству, что

сразу принял революционные идеи, и стал членом избирательного собрания своего департамента. Образцовый гражданин понимал, что, когда республика нуждается в солдатах, надо сделать все, что от него зависит. В конце 1791 года он женился «под натиском законов природы» и стал отцом семейства. Его отцовство не вызвало никакого возмущения.

С момента принятия закона об общественном статусе гражданина кюре рассматривается как обычный гражданин и пользуется теми же правами, что и любой гражданин Франции. Как только была провозглашена республика, то есть 21 сентября 1792 года, отец семейства пошел к мэру своей коммуны, согласившемуся зарегистрировать его гражданский брак. Более того, он обратился к трем кюре соседних приходов, и один из них согласился благословить супружескую чету, хотя церковный брак официально заключен не был. 12 ноября состоялась свадьба.

И лишь тогда разразился скандал, о котором Доливе поведал сам в речи, произнесенной перед прихожанами, а затем и изданной. «Мысль о том, что кюре может быть женат, кажется людям отвратительной», — жалуется он. Загадка человеческой природы: образ кюре-прелюбодя вызывает больше снисхождения. Новый закон непривычнее, чем извинительная слабость плоти.

Вопрос в предвзятом отношении. И кюре видит только один способ исправить положение дел: узаконить браки священников, увеличить их жалованье и наоборот, уменьшить жалованье священникам-холостякам старше 60 лет. Идея была интересная, но не встретила поддержки. Хотя избирательное собрание, членом которого он был, и поддержало его, скандал попытались замять дру-

гим образом. Пьера Доливье назначают судьей – должность, подходящая женатому человеку. Он соглашается на нее, а потом ему предлагают выбирать между саном и судом. Пьер Доливье возмущен, он пишет жалобу в Конвент: разве где-нибудь сказано, что нельзя быть одновременно и кюре, и судьей? С ним соглашаются, но через некоторое время Конвент принимает новый закон специально для него: отныне кюре не имеют право занимать общественные должности. Растерянный Доливье решает, что останется кюре. На этом кончается изданная им книжечка⁵⁸.

С 1789 года появилось множество прошений, привлекающих внимание властей к участи священнослужителей, приговоренных к целибату, и особенно деревенских кюре, живущих в изоляции: служанки совращают их, а потом шантажируют⁵⁹. Просители вспоминают и о Декларации прав человека, и о пресловутом изначальном всеобщем равенстве: «Люди рождаются свободными, остаются свободными. И ничто не должно ограничивать их свободу [...] Справедливо ли, что одно из общественных сословий лишено тех прав, коими пользуются все другие?»⁶⁰ Целибат, церковное право, таким образом, противоречит высшему закону, закону прав человека и закону Господа, заповедовавшему каждому быть женатым. Здесь противопоставлены великие принципы. Нижние церковные чины, особенно в деревнях, благосклонно встречают новые мысли, но главным образом вдохновлены ими миряне, так как видят в реформе возможность залучить кюре в национальную гвардию.

Но что могут сделать просители от народа – разве что принести прошение «к подножью трона» в надежде, что королевское вмешательство сломит папскую волю?

Некоторые пробуют вынудить к решению в свою пользу Национальное собрание, как поступил, например, Реми Веншон, кюре Эрбиссы в приходе Труа. 11 мая 1790 года он заключил «временный контракт» с любимой женщиной и ее родителями в ожидании декрета Национального собрания, разрешающего священникам жениться. По его словам, такой декрет должен был вот-вот выйти, но не вышел и через год. В деревне разразился скандал. Мэр пришел, чтобы разрешить ситуацию, но ему был представлен заключенный годом ранее контракт, и мэр, составив протокол своего визита, отослал его и сам контракт в Национальное собрание⁶¹.

Так мало-помалу возникает мысль, что вопрос о целибате — это вопрос не вероучения, а права, и Национальное собрание как «Совет нации» вполне компетентно решать эти вопросы. Целибат — установление человеческое, он «противоречит законам природы, чистоте нравов, благу общества» и может быть отменен решением нации⁶².

По-видимому, возможность такого решения была предложена во время недолгого председательствования в Собрании Рабо Сент-Этьена, протестантского служителя и женатого человека. Католические памфлеты обвиняли его в намерении разрушить церковь, дискредитируя ее⁶³. Однако закон об общественном статусе духовенства был принят уже по истечении его полномочий, а отмена торжественных обетов произошла до его вступления на пост.

Разрешение вступать в брак монахам и духовенству не было закреплено декретом, однако Национальное собрание признает за ними все обычные для остальных граждан права. Декретом от 13 февраля 1790 года монахи освобождаются от принесенных торжественных обе-

тов. Правда, они не могут полностью воспользоваться свободой, так как пока брак заключается в церкви. Но по Конституции 3 сентября 1791 года брак рассматривается как один из общественных договоров⁶⁴. Серия законов и декретов осуждает тех, кто будет препятствовать заключению таких браков, вплоть до указа о депортации недовольных епископов (декрет от 19 июля 1793 года). Разумеется, французское законодательство распространяется только на Францию: в Риме священники, нарушившие обет целомудрия, автоматически отлучаются от церкви.

После конкордата 1801 года, когда Франция восстановила отношения с Римской церковью, отлучение было снято, но женатым священникам не позволили отправлять службы. Правда, они не составляли большинства в духовном сословии. Среди делегатов от духовенства, собравшихся между 1789 и 1791 годами обсудить реформу церкви, женатыми были только 15 из 331 (4,53 %), а ведь там должны были присутствовать самые активные сторонники реформ⁶⁵. Самый известный из женатых священников – Шарль-Морис де Талейран-Перигор (1754–1838), принявший сан вместо военной карьеры. Он был епископом Отенским и сыграл выдающуюся роль в политике Директории, империи и Реставрации.

Однако ни конкордат, ни Гражданский кодекс (1804) не пересмотрели революционные законы. В начале XIX века во французском праве ни рукоположение в сан, ни монашеские обеты не считаются препятствием для заключения гражданского брака. Теоретически духовенству разрешено жениться по гражданскому праву, но запрещено каноническим правом. Однако, следуя обычаям и представлениям эпохи, были попытки запретить торжествен-

ное празднование гражданского брака священников, которое могло вызвать дипломатические осложнения во взаимоотношениях с Римом.

Поскольку государство в это время считалось охранителем культа, оно обязано было рассматривать и «устранять все возможные посягательства на отправление культа». Разрешить сочетаться браком священнику, принявшему сан, означало бы посягательство на высокий принцип рукоположения, которое связано с принесением обетов безбрачия и целомудрия. Кроме того, если священник хочет жениться, он нарушает данные обеты и подпадает под санкции канонического права, к которым гражданские установления не имеют никакого отношения. В мэрию для гражданского бракосочетания он приходит как обычный гражданин. Разумеется, невеста должна знать о том, что ее жених ранее давал обеты, так как они составляют «существенное свойство личности того, кто вступает в брак». По установлениям 1811 года даже чрезмерная религиозность бывшего священника может рассматриваться как «введение в заблуждение будущей супруги» и привести к аннулированию брака⁶⁶.

В конце XIX века дискуссии обострились. С одной стороны, в 1860-е годы во Франции разразился демографический кризис, усиленный поражением в войне 1870 года. Реваншистские настроения и растущий антиклерикализм объединились по вопросу последствий celibата для государства. Лефор в 1867 году подсчитал, что во Франции на то время существовало около 204 477 безбрачных священников, от которых не может быть детей, что способно привести к резкому снижению роста населения, как это произошло, например, в Испании⁶⁷. Кроме того, в христианских кругах возникли новые идеи социального христи-

анства, выдвинутые Львом XIII (1878–1903). Эти идеи открыли новые горизонты для осмысления религиозной доктрины и пересмотра старых проблем без груза старых традиций.

Стало возможным открыто говорить о том, что обет целомудрия противен законам природы. Гарнье упоминает о кюре, который умер в 32 года от сатириза, вызванного длительным воздержанием, или о мучениях монаха 33 лет, который пытался медицинскими способами бороться с ночными поллюциями. Он приводит впечатляющий список болезней, вызванных воздержанием, как физиологических (болезнь семявыводящих путей, простаты, мочевого пузыря), так и психических (безумие, бред, галлюцинации; к ним же можно отнести и мистический экстаз). Гарнье считает целибат священников антиобщественным, порочным явлением, вопиющим нарушением здравого смысла. Разумеется, существует много старых священников, довольных тем, что они жили в целибате. Однако Гарнье приводит статистику смертности среди молодых священников, которая гораздо выше, чем среди мирян того же возраста. Правда, те, кто перешагнул возрастной порог, когда воздержание мучительно, оказываются гораздо крепче и здоровее, чем их пожилые сверстники-миряне: сказывается отсутствие семейных забот и огорчений⁶⁸. Здесь опять мелькает тень Ксантиппы.

Смертоносный целибат представляет еще и угрозу обществу. Монашеские ордена, как представляется Гарнье, таят в себе особую опасность, так как в них рождается «социализм без брака, без семьи, без собственности. Появляется нечто вроде коммунизма среди разделенных полов, разрушается понятие собственности, так как она принадлежит не кому-либо в отдельности, но сообществу,

представленному людьми под вымышленными именами». Он осмелился уподобить монастырь фаланстеру! Гарнье не верит, что церковь когда-либо полностью отменит целибат священников и монахов. Он хочет, чтобы были приняты хотя бы половинчатые меры, налоговые или социальные, например воинская обязанность. Пусть у священников будет право брать приемных детей, чтобы они, по крайней мере, могли жить в окружении детей⁶⁹. Другие времена, другие нравы ... и другие представления о невинности.

В христианских кругах разразился и исторический спор: восходит ли целибат к апостольскому наказу, как считает Густав Бикелл (1878), или к законодательству IV века, как утверждает Франц Функ (1897)? А за этим вопросом уже вырисовывается представление о том, что целибат не является изначальным принципом.

Бреешь пробита, и в нее бросаются беглецы. В 1910 году аббат Долонн пишет книгу «Современное духовенство и целибат», а аббат Клара в 1911 году — «Брак у священников». Эти книги направлены против целибата и в 1912 году включены в Индекс запрещенных книг.

Приходится резать по живому. Вопрос целибата священников урегулирован каноническим правом в кодексе 1917 года. Этот кодекс канонического права был первым систематизированным сводом после сборника Грациана XII века. Впервые брак рассматривается как препятствие к рукоположению, а это означает, что женатый человек не может войти в духовное сословие. Отныне существование женатых священников невозможно, так как запрещены равным образом и бракосочетание священника (разрешенное с 1139 года), и рукоположение женатого (только с 1917 года). Последняя мера лишь закрепила

существующее положение дел: после создания семинарий сан принимают только юноши, привыкшие к мысли о том, что им сужден целибат. Вопрос шестнадцати веков христианства закрыт, но надолго ли?

Новый кодекс канонического права, предложенный Иоанном Павлом II, составлен в том же духе. Он подтверждает «обязательство блюсти постоянное и вечное воздержание из-за Царствия Небесного», следствием которого становится целибат для духовенства (канон 277, § 1) и для всех, кто вошел в религиозные установления (монахи, каноники) и публично принес три евангельских обета, один из которых – обет целомудрия (канон 654), и подпадает под действие канона 277, регулирующего жизнь духовенства (канон 672). Выход из духовного сословия не влечет за собой отмены обета безбрачия – оно допустимо только по личному разрешению папы римского или по юридическому решению, выявившему несостоятельность проведенного рукоположения (канон 290, § 1).

Действенность закона проверяется по тому, как разработаны меры его соблюдения. При старом режиме существовала церковная юрисдикция, отличная от гражданской, и нарушения канонического права, в том числе закона о целибате, влекли за собой тяжелые последствия. Религиозное призвание рассматривалось как настоящее супружество, даже если оно было притворным. Так, например, в 1389 году некий уголовник, который сделал тонзуру, чтобы избежать суда, а годом ранее обещал сочетаться браком с проституткой, был осужден и казнен, причем перед казнью ему обрили голову как двоеженцу. Считалось, что он дважды дал обещание жениться, причем оба обещания были лживыми⁷⁰.

Можно вспомнить также «Монахиню» Дидро: героиня романа страдала, потому что не могла избежать принесения монашеского обета против своей воли — этот случай не выдумка писателя.

С 1870 года церковь потеряла политическую силу, в западных демократических странах санкции, наложенные церковными властями, не влекут за собой гражданских наказаний, они касаются жизни христианина. К ним относятся отлучение, вывод из духовного сословия, запрет в служении. Это серьезные санкции для тех, кто придает большое значение вере, но они не могут повлечь за собой ни наложения штрафа, ни заключения под стражу.

Итак, нарушение целибата возможно, но оно сразу же влечет за собой выход из духовного или монашеского звания. Разрешение на выход дает папа или епископ в зависимости от обстоятельств, и оно означает освобождение от обетов (каноны 691–692). Заключение брака влечет за собой отставку (канон 694) или наложение интердикта (канон 1394). Нарушение обета целомудрия без заключения брака может повлечь отставку с должности, если уличенный продолжает упорствовать в нарушении обета.

Сторонники и противники целибата опираются на разные системы доводов, несовместимые друг с другом. Идея целибата родилась в ту эпоху, когда девственность и целомудрие ценились весьма высоко. После возникновения психоанализа с его теорией замещения и сексуальной революции система ценностей перевернулась. Павел говорил повсюду о том, что он девственник, но в наши дни это вряд ли вызвало бы восхищение и уважение. Священник должен вызывать у верующего абсолютное восхищение, но возможно ли это, если он лишен того, что в

сегодняшней иерархии ценностей занимает важное место? В повести Камю «Посторонний» священник приходит в тюремную камеру к главному герою Мерсо, чтобы ободрить его перед казнью. С каким яростным презрением говорит о нем герой: «Как он уверен в своих небесах! Скажите на милость! А ведь все небесные блаженства не стоят одного-единственного волоска женщины. Он даже не может считать себя живым, потому что он живой мертвец»⁷¹ (пер. Н. Немчиновой). Многие сегодня смотрят на священников, добровольно отказавшихся от радостей плоти, не с восхищением, а с жалостью, и эта жалость снижает их социальный статус. Эпидемия СПИДа заново вызвала к жизни требования целомудрия. Однако теперь речь идет о выборе образа жизни, который никак не связан с церковными обетами, но и не порождает, как это было некогда, сочувственных пересудов.

И наконец, следует принять во внимание, что в современной общественной жизни установилось негласное требование открытости и искренности. Внимание привлечено не к половому акту как таковому, если он не нарушает ничьих прав, а к признанию в том, что он совершается. Сейчас никакой образ жизни не порицается, лишь бы тот, кто его исповедует, признавался в нем открыто. Незаконное сожительство и гомосексуализм, не говоря о педофилии, по отношению к которой закон наиболее строг, — можно ли сказать, что они более всего распространены в среде, вынужденной придерживаться целибата? Утверждать подобное было бы слишком смело. Но несомненно то, что проблемы, которые раньше не обсуждались, так как считались деликатными, которые предпочтительнее было скрывать и с ними мириться, сейчас выходят на свет. Скандал, разразившийся в США,

когда американские священники были обвинены в том, что они покрывают священников-педофилов, свидетельствует, что современный менталитет существенно изменился. С другой стороны, женщины, сожительствующие со священниками, больше не хотят делать это втайне. Связь позорна не сама по себе, а лишь тогда, когда выясняется, что до определенного момента она скрывалась, хотя и существовала. Терпимость вырастает перед лицом искренности, и признаться в незаконной связи, как это ни парадоксально, почти равнозначно тому, чтобы снять с нее обвинение в греховности.

Проблема celibата монахов и священников остается актуальной, так как в каждую эпоху она поворачивается другими гранями. Это явление существует уже семнадцать веков, и в нем, как ни в каком другом, проявилась изменчивость самой Истории.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОДЕЛИ

После падения Западной Римской империи античная модель семьи не исчезла сразу. Но рядом с ней появилась новая, германская, и до поры до времени они не смешивались. В многочисленных государствах, образовавшихся в VI веке, сосуществовало несколько законодательных систем, и разные народы жили на одной территории по разным законам.

Примером может служить Бургундское королевство, где до 517 года король Гундобад издал эдикт, получивший название «закон Гюмбетта» и распространявшийся на германских подданных, и затем — «закон Папиана», предназначенный для тех, кто имел римское гражданство. Это, разумеется, случай не единичный: установления, регулирующие брачные отношения, возникали и в других местах. Церковные соборы принимали собственные законы относительно брака, и, хотя кодификация их произошла только в XII веке, они играли существенную роль в эпоху Каролингов. В проблеме признания или непризнания законного брака ставки высоки: ведь речь идет о наследовании, а значит, о богатстве и власти.

Германские законы признавали две формы брака, и мужчина, женатый с точки зрения германского закона, мог считаться неженатым (или сожителем с женщиной) с точки зрения церкви. Женщина, разведенная с мужем по римскому закону, не считалась таковой с точки зрения церкви, вообще не признававшей развода. Кста-

ти, по германскому закону право на развод было только у мужчин. Существование разных законодательных систем порождало проблемы.

Унификация законов была необходима, и она постепенно происходила. Сначала выстраивались законодательства внутри разных королевств, а потом, когда вся Европа стала христианской и обрела сильную власть, появилась возможность объявить, что законы, установленные церковью, имеют силу для всех.

Семья в Каролингскую эпоху

Как только франкские короли объединили под своим началом все германские государства, создание единой юридической системы стало возможным, хотя бы в идеале. Ее основы заложил отец Карла Великого Пипин Короткий, сначала майордом, а затем — король франков (740–760). После того как в 747 году его брат Карломан отрекся от престола, он решил опереться на папскую власть, чтобы ослабить власть последнего короля из династии Меровингов и со временем занять его трон. В том же 747 году он отправляет папе Захарию список из 27 вопросов о законе и праве, добрая часть которых касалась брака и семьи (возможность брака для монахов, посвящение девственниц, супружеская измена, развод, степени родства и др.). Полученные им ответы вошли в так называемый Каролингский кодекс и легли в основу каролингского права¹.

Второй шаг был сделан в 774 году, когда папа Адриан прислал Карлу Великому свод, названный «сводом Дионисия-Адриана». В нем были собраны решения соборов по различным вопросам, и он стал первой попыткой

кодификации церковного права. То, что франкское королевство, а впоследствии и созданная Карлом империя приняли церковные законы, означало, что появилась база для единого законодательства, хоть и исходящего от папы, но поддержанного местными церковными собраниями, имперскими капитуляриями и обеспеченного эффективной системой управления.

Определение понятия законного брака и, соответственно, безбрачия занимает в этих установлениях важное место. Сразу после синода в Вере (Уаза), созванного в 755 году Пипином Коротким в его дворце близ Санлиса, король потребовал от всех свободных мужчин, как знатных, так и незнатных, публичного объявления о совершенном браке, в ином случае он не считается законным, а пары, пребывающие в таком браке, считаются пребывающими в незаконном сожительстве². Не будем преувеличивать воздействие синодальных решений на все еще раздробленную Европу, однако именно из этого требования узаконить брак тем или иным способом родилось само понятие безбрачия.

Общество стало приспособляться к новым условиям. Церковные писатели, которые в это время имели наибольший авторитет во всех областях общественного устройства, предлагали делить общество не на духовенство, монахов и мирян, как было раньше, а на женатых и пребывающих в безбрачии. И духовенство, и монахи оказываются с одной стороны, а миряне — с другой. Исключения и с той и с другой стороны кажутся весьма подозрительными. Разделение общества по разрядам и орденам носит в идеологии этого времени всеобщий характер. Соответственно, брак становится фундаментом мирского общества в качестве основы *ordo conjugatorum* — «ордена людей, состоящих в супружестве»³.

В разнообразных *specula conjugatorum* — «зерцалах брака», популярных в каролингскую эпоху, мирянин-холостяк предстает изгоем, человеком, которому почему-либо не удалось жениться. Когда епископ Иона Орлеанский в IX веке посылает своему другу Матфреду трактат «Об установлениях в жизни мирян», его цель — снабдить правилами жизни всех тех, кто «связан узами брака»⁴. Так как брак был в первую очередь направлен на производство потомства, «установления» временами напоминают религиозный трактат по сексологии. Отождествление слов «мирянин» и «женатый» так же естественно для епископа, как «холостой» и «клирик». И так будет на протяжении всего Средневековья. Не случайно во французском языке для обозначения холостого положения остались слова с латинским корнем «целибат» (*célibat, célibataire*), а собственно французские слова-синонимы происходят от тех, что обозначали молодого человека по признаку возраста («юноша» — *jeune homme*) или социального положения («оруженосец, паж» — *valet*; «тот, кто готовится к посвящению в рыцари» — *bachelier*; «подмастерье» — *garçon*), но не по семейному статусу.

Насколько верно отражали положение в обществе все эти зеркала? Разумеется, лишь частично. Процесс реорганизации европейских государств в каролингскую эпоху снабдил историков многочисленными документами и источниками, касающимися семейных отношений IX–X веков. Например, по приказу крупных землевладельцев составлялись так называемые полиптихи — подробные описи владений-доменов с перечислением семей, поселившихся на них. Этими документами, однако, следует пользоваться с осторожностью.

Многие сведения просто не входят в описи, имевшие чисто практическое значение. Так, например, долгое время считалось, что подавляющее большинство иммигрантов были холостыми, и лишь потом выяснилось, что имена их жен просто не фигурируют в документах, если женщины сами не являлись владелицами доменов⁵.

Несмотря на то что сведения, содержащиеся в документах этого типа, дают нам неполное представление о положении дел, из них можно почерпнуть сведения о господствующих тенденциях. Семьи этого времени, как правило, небольшие (в среднем по пять человек) и состоят только из родителей и детей. Дети остаются в семье до вступления в брак (особенно девушки). Семьи более многочисленные обычно образуются или за счет возвращения к родителям вдов и вдовцов, или за счет затянувшегося холостячества. Жизнь в одиночестве, по-видимому, совсем не была распространена, хотя иногда на целом мансе указан лишь один человек. Не указаны и сообщества, основанные не на супружеских парах, такие как фратрии (совместное проживание братьев, независимо от того, женаты ли они), распространенные позже. В теории и на практике супружеская модель доминирует над всеми прочими.

Неточность данных не позволяет представить картину в целом. Дети и жены владельцев упоминаются крайне редко. Мы приведем здесь полиптих с описью доменов в регионе Конде-сюр-Марн. Он составлен около 861 года, сведения, включенные в него, носят приблизительный характер, и мы даем его здесь скорее как иллюстрацию, чем объект анализа⁶.

Из 114 человек, упомянутых в полиптихе, 55 взрослых (30 мужчин и 25 женщин) и 59 детей, они живут при-

близительно на 19 мансах, причем большинство мансов разделено пополам между двумя семьями; всего же на этой территории 33 семьи⁷. Нам ничего не известно о том, где находится надел сеньора: ни один из мансов никак не выделен. Население распределяется по мансам неравномерно, но крайности редки. Например, упоминается об одном человеке, занимающем целый манс, и четверых взрослых и пятерых детях на половине манса. Состав семей следующий: большинство населения — это свободные люди, обрабатывающие чужую землю (колоны); половина взрослых (28 из 55) упоминаются вместе с именем супруги; если к ним добавить вдов, очевидно проживающих вместе с детьми, то брачная модель общества остается доминантной. Женщины, упомянутые без имени мужа (вдовы, незамужние?), как правило, живут внутри другой семьи, в то время как мужчины, упомянутые без имени супруги, живут по большей части одни. Ничто не дает нам возможности различить, в каком случае речь идет о вдовцах, а в каком — о холостых или же — случай редкий, но возможный — о тех, кто на момент переписи был разведен с женой. Напомним также, что упоминание или неупоминание жены могло быть связано с той экономической ролью, которую она играла в семье.

Вот несколько примеров. На одном мансе живут два брата, Деэр и Гунтберт, и их сестра Ансиарда. Все трое определены как колоны. На том же мансе живут колон Вульфиад и его жена, рабыня Теудехильда, и двое их детей, рабы по социальному статусу. На половине манса живет Адельмар — один, на другой половине манса — Атильда с сыном; вероятно, она вдова, так же как и Асавия, что живет на половине манса с пятью детьми. Но непонятно, каково положение Вуалеранна, Станигера,

Адельфрида, Вюитгара и Аделинды, каждый из которых живет один на целом мансе или на половине манса. Они вдовые или холостые? Молодые люди в ожидании создания семьи или старые холостяки, обреченные на одиночество? Информация о них крайне скудная и не дает возможности ответить на эти вопросы.

Однако мы видим, что доля мужчин, упомянутых без супруг, достаточно значительна. Идеальная брачная модель знает исключения, и это заставляет нас с осторожностью относиться к утверждению, что традиционное аграрное общество основано на крепкой семье, а в современном индустриальном обществе семья распадается. Нюансы существуют, хотя они и трудноразличимы.

Новый порядок

Гийом де Марешаль был четвертым сыном Жана де Марешаля, так что едва ли мог рассчитывать на наследство. Его воспитал двоюродный брат отца — Гийом де Танкарвиль, а когда племяннику исполнилось 20 лет, посвятил его в рыцари. После первого турнира сеньор Танкарвиль предупредил молодых людей, воспитанных им, что теперь они «пойдут по свету», а он более не будет их кормить. «И так каждый год по весне сотни молодых людей оказывались выброшены за укрепления родного замка и становились бродилом отваги и бесшабашности»⁸.

Гийом возглавил отряд храбрецов, и слава о них разнеслась по владениям английского короля. Он поступил на службу к графу Солсбери, потом к королю Генриху Молодому, делившему трон со своим отцом Генрихом II. Пятнадцать лет Гийом живет жизнью военного и придворного, по-прежнему холостого, по-прежнему в сраже-

ниях. Несомненно, у него бывали любовные приключения, рассказывали даже, что он покори́л королеву. Было ли это правдой или похвалой с его стороны? Однако слухи об этой связи привели к тому, что Гийома удалили от двора: «К началу 1183 года, едва достигнув 40 лет, он был удален от сражений и королевского стола и вынужден был, как в ранней молодости, вести жизнь странствующего рыцаря». Будем считать, что он отложил на будущее надежду найти себе в жены богатую наследницу.

Но вот он стал знаменит. Граф Фландрский и герцог Бургундский спорят, к кому из них он пойдет на службу. Поверенный Бетюна хочет выдать за него свою дочь с рентой в тысячу ливров — Гийом отказывается. После крестового похода и смерти Генриха Молодого его призывает к себе в Лондон старый король Генрих II. И вот теперь наступил момент осесть на месте. Отказ от той первой партии вознагражден: Гийом рассчитывает на брак с Изабель де Стригуил, сиротой, богатой наследницей и владелицей 65 с половиной фьефов. После некоторых передраг он ведет ее к алтарю; ему почти 50 лет. «Наконец-то он вышел из юности. В эту ночь, когда он лишился девственности Изабель де Стригуил и постарался зачать с ней ребенка, он перешел в другую часть общества — в разряд “сеньоров”».

Судьба Гийома де Марешаля характерна для нового общественного устройства, установившегося в XI веке вместе с феодальными отношениями и грегорианскими реформами. Реформы эти носят имя папы Григория (1072–1085), который закрепил тенденции и изменения, затронувшие как духовенство, так и мирян. Непреклонность, с какой духовенству начиная от субдиаконов пред-

писывается целибат, лишь одна из составляющих реформирования общества в целом. Брак, который теперь подчиняется каноническому праву, а в 1184 году впервые отнесен к семи таинствам, становится высшим, священным понятием. Сакрализация брака проникает даже в интимную жизнь супружеской четы. Не случайно именно в это время так распространены культы святых, отказавшихся после брака вступать в супружеские отношения: святого Алексия, императора Генриха II, Кунигунды Венгерской. Экзальтированное восприятие целомудрия распространяется не только на супружеские пары, но в еще большей степени — на холостяков.

Разделение общества на три сословия, установившееся к этому времени, связано скорее с тем, какую функцию выполняет каждое сословие, чем с его социальным статусом. Теперь общество делится не на духовенство, живущее в безбрачии, и мирян, живущих в браке, но на тех, кто молится, тех, кто сражается, и тех, кто работает. Само собой разумеется, что тот, кто молится, неженат. Но и рыцарь не обязательно женат, наоборот, постепенно формируется идеал рыцаря-аскета. В XII веке на основе этого идеала рождается куртуазная модель: рыцарь блюдет целомудрие, так как предан своей даме, и его преданность не имеет никакого отношения к супружеским узам. А в XIII веке появится образ рыцаря Галахада, девственника, обретшего священный Грааль.

В образах рыцарей, отправившихся на поиски Грааля, отчетливо видна постепенная эволюция идеала. Гавейн, закоренелый соблазнитель, один из старейших персонажей артуровского цикла, терпит поражение в духовном предприятии. Ланселот, раскаявшийся грешник, сумел добраться до замка Грааля, однако не был впущен

туда. В замок Грааля попадают только Борс и Персифаль, давшие обет воздержания. А остается там навек только девственник Галахад. Все эти рыцари — холостяки, они совершают свой подвиг не ради женщины, как герои эпических сказаний. На скрещении двух идеалов безбрачия — рыцарского и монашеского — рождается образ тамплиера.

Все эти модели появились не сами по себе, их возникновение отвечало новым потребностям феодального общества. Между тысячным годом и чумой 1348 года население Европы невероятно выросло. Оно увеличилось вдвое, а на территории Франции и германских стран — даже втрое. Рюссель приводит такие цифры: в Европе к 1000 году было 38,5 миллиона человек, а к 1340 году — 73,5 миллиона; во Франции за то же время население увеличилось с 6 до 19 миллионов⁹. Общественные структуры должны были как-то приспособиться к демографическому взрыву, требовалось также новые модели для жизни и поведения людей.

Для того чтобы избежать бесконечного дробления земельных владений, часто принимается решение женить только старшего сына; сакрализация брака и невозможность развода укрепляют брачные узы, которые заключаются не столько между двумя людьми, сколько между двумя семьями, причем цель брака — передача наследства в надежные руки. Младшие сыновья либо вступают в монашеские ордена, либо посвящают себя истовому рыцарскому служению, либо склоняются к более или менее длительным формам сожителства, пусть и не столь благородным, как заключение брака. Сожителство с любовницей, обращение к проституткам или любовь служанки — вот что насыщает половое влечение, которое не может проявить себя официально, по крайней мере до

тех пор, пока не будет подыскана достойная партия в виде богатой наследницы. Холостяк занимает свое место в обществе, будь его безбрачие временное, продолжительное или окончательное.

Как организовать жизнь множества молодых неженатых людей, живущих как вне традиционных рамок церковного celibата, так и вне семейного союза? В знатных семьях идеальной участью для молодого человека без состояния или для младшего сына без надежд на наследство становится военная служба у более могущественного сеньора. Молодого человека отправляют к соседу-сеньору, чтобы он мог овладеть военным искусством, а потом он служит оруженосцем, пока его не посвящают в рыцари и он не занимает своего места в «семье» сеньора, понимаемой достаточно широко.

Такие расширенные «семьи» вписываются в родословную дофеодалных структур и восходят, вероятно, к античным «племенам». В каролингскую эпоху жизнь стала организовываться вокруг «вождя», под защитой и покровительством которого были «люди», «воины-домочадцы»; вождь содержал их независимо от того, были ли они женаты. Такая структура будет существовать и в феодальном обществе, и еще позже, хотя и в несколько другом обличье: молодых людей будут отсылать ко двору Людовика XIV, чтобы именно там они сделали первые шаги на военном поприще. Молодой человек до того, как будет «пристроен», живет при дворе, практически в семье знатного сеньора. «Множество молодых холостых людей объединяются вокруг одного господина; их связывает почти родственная преданность ему»¹⁰. Двоюродные братья, обучающиеся военному делу, равно как и внебрачные дети, также входят в эти группы, свидетельствующие о

знатности и могуществе сеньора. Образуется нечто вроде частной армии, клана, куда входят десятки, а то и сотни людей. Они не всегда живут в одном доме, но предпочитают селиться поблизости друг от друга.

В конце XV века рождается легенда о вражде кланов Монтекки и Капулетти, легенда о Ромео и Джульетте. В пьесе, созданной Шекспиром, ссора кланов, причина которой давно уже изгладились из памяти потомков, затрагивает по очереди все поколения: стариков, племянников (Бенволио, Тибальт), пока не касается наконец наследников двух родов — Ромео и Джульетты. Князь Вероны не в состоянии прекратить эту распрю и лишь тогда принимает меры, когда гибнет один из членов его дома — Меркуцио. «Ромео и Джульетта» — это история о холостяках; некоторые из них надеются жениться (и Ромео, и Парис добиваются Джульетты), однако жизнь их протекает в рамках «племени»: они защищают его честь и отстаивают его сторону в битвах.

В исторических документах часто говорится о таких расширенных семьях. Так, например, Альберти насчитывал среди своих «людей» 22 молодых человека с 16 до 36 лет, живших без жены и детей¹¹. Его очень беспокоило такое положение, и он говорит об упадке семьи, которая больше не является пристанищем для молодого человека.

В средневековых текстах словом «юноша» (*jeune*) обозначается рыцарь, прошедший посвящение, но еще не женившийся. А иногда так же обозначается и женатый, пока у него не родится первый ребенок и он не станет «главой дома и продолжателем рода»¹². Таким образом, представление о молодости связано не с возрастом и даже не с холостой жизнью, но с отсутствием детей.

«Юноши», «холостяки» редко жили поодиночке. Несколько друзей объединялись в компании, чаще всего их всех в один и тот же день посвящали в рыцари. Один из них, тот, кто пользовался наибольшим уважением, или сын сеньора, посвятившего их в рыцари, становился «капитаном», и они пускались на поиски приключений. Для них начиналась веселая жизнь: траты без счета, всяческие удовольствия, извинительные в силу возраста и отсутствия какого-либо наставника... Они участвовали в турнирах, полученные трофеи тут же пускались в оборот, а деньги тратились на пирушки. Старшие сыновья в семье со временем возвращались домой и вступали во владение наследством, младшим доставалась лишь незначительная, а то и убыточная часть наследства.

Единственным шансом преуспеть в жизни была храбрость. Они не отказывались ни от какого приключения — военного или любовного — в надежде, что их заметит могущественный и богатый сеньор или богатая вдова. В романах XII века таковы рыцари короля Артура, бросающие вызов в доказательство своего мужества, или же отдельные герои, ищущие приключений, такие как Гавейн, Ивейн, Эрек, Ланселот. Они летят на помощь прекрасной кастелянше на выданье, надеясь, что их храбрость не останется без награды. Если они поступают на службу к королю или сеньору, то надеются, что рвение их однажды будет вознаграждено и они получают какой-нибудь фьеф, владелец которого скончался, и руку молодой вдовы впридачу. А если они женятся, как Эрек или Ивейн, то считается, что они утратили смелость и отвагу, воплощением которой были до брака. Когда Ивейн женится на госпоже де Ландюк и становится сеньором, король Артур и весь его двор в беспокойстве отправляются на поиски

пропавшего рыцаря. Насмешки преследуют Эрека, вступившего в брак с прекрасной Энидой, и, чтобы доказать, что он по-прежнему полон смелости, Эрек снова пускается в путь.

Так обстоит дело у самых храбрых и самых удачливых. А как у других? Компании молодых неженатых людей, оторванных от семьи, небезопасны для замужних дам и незамужних девушек (других статусов нет и не может быть у добродетельных женщин). Вряд ли можно запретить этим юношам вступать в связь с женщиной. Не потому ли в итальянских городах позднего Средневековья, где в браки вступали поздно, а девушки жили под неусыпной опекой, так расцвел гомосексуализм, позволяющий «хотя бы создать видимость собственной частной жизни»¹³?

Что же касается эмоциональной стороны жизни таких холостяков, то она быстро нашла выход в весьма своеобразном явлении — «возвышенной любви» (*fin'amor*), которую исследователи XIX века называли «куртуазной любовью». Она естественно вытекала из обстоятельств жизни, из невозможности оскорбить честь девиственницы или скомпрометировать замужнюю даму.

Жорж Дюби видит в куртуазной любви форму испытания, своеобразную игру, где, как и на турнире, молодой человек рискует жизнью. В обществе, где оскорбленный муж имел право сам решать, каким образом наказать за адюльтер, спеть о любви к замужней женщине означало подвергнуть себя опасности. «В определенной социальной среде возможности предаться любви были очень ограничены для молодых людей, и, не имея возможности жениться, они завидовали тем, кто женат, кто каждый вечер ложится в постель с женщиной»¹⁴. Од-

нако в этой фрустрации ковался их характер, они учились сдерживать инстинкты и направлять энергию в другое русло, на служение даме или сеньору. И то и другое требовало преданности и верности, вассальной или любовной отваги в военных или любовных испытаниях. И самоотречения, если требовалось оказаться от дамы ради служения сеньору.

Так протекала жизнь любовная. Что же касается сексуальной жизни, то она очень тщательно отделялась от любовной, во всяком случае в тех моделях, которые предлагались молодым людям. Во взаимоотношениях с женщинами ниже по положению — девицами легкого поведения, крестьянками, служанками или горничными — излишняя щепетильность не требовалась. Большой сеньор Гийом Аквитанский в своей пасторели о встрече с пастушкой явно показывает нам, что, даже если рыцарь предан чистой любви, она не охватывает всех сторон его поведения. Разве может знатная дама считать себя оскорбленной связью рыцаря с крестьянкой или служанкой?

Было и нечто среднее между любовными интрижками и преданностью недоступной даме. Если сеньор устраивает турнир как некое подобие военного сражения для молодых людей, его жена устраивает для них такое же подобие любовной жизни, организуя соответствующие развлечения. Когда Ивейн принимает в своем замке в Броселиандском лесу короля Артура и его свиту, он, вернее его молодая жена, госпожа де Ландюк, представляет гостям 90 молодых девушек. Все устремляются к ним, целуются, обнимаются, разговаривают — «и это меньшее из того, что каждый получил». Кретьен де Труа не видит здесь ничего предосудительного: хозяйка выполняет долг гостеприимства.

Понятие вытеснения, разумеется, не исчерпывает ни феномена куртуазной любви, ни расцветшей в ту же эпоху мистики. Однако Жорж Дюби показал нам, что сознание монаха и рыцаря во многом сходно, опирается на одни и те же факторы общественной жизни эпохи. Во времена, когда сакрализация брака, с одной стороны, и рост населения — с другой привели к введению жестких ограничений на возможность вступления в брак, и рыцарь, и монах оказались изгоями матримониальной жизни. «Одни с оружием в руках замещают половое влечение битвами, риском и теми смягченными формами, какие половое влечение принимает в куртуазной любви. Другие, монахи и клирики, ожесточенно набрасываются на все, что есть плотского и радостного в браке, и изнуряют себя в исступленном служении Деве Марии»¹⁵.

Однако как бы долго ни длилось вынужденное безбрачие молодых рыцарей, предполагается, что рано или поздно оно кончится. Целью каждого мужчины, если он не рукоположен в священники, остается произведение на свет детей; к ним перейдет его имя и благодаря им не иссякнет память о его роде. Однако средневековые законы не обладают с этой точки зрения той гибкостью, что была присуща законам античным. Римское право позволяло передавать наследство приемным детям, устанавливая некое подобие отцовства для холостяков. В Средние века такая возможность почти не используется, хотя формально она не исключена даже для клириков¹⁶. Что же касается незаконнорожденных, то «терпимость по отношению к ним, закрепленная в германских законах, исчезла»¹⁷. Передача наследства возможна только в браке. Старший сын не может уклониться от своих обязанностей, а в случае его преждевременной кончины — млад-

ший. Рамиреса Монаха, короля Арагона, отозвали из монастыря после того, как два его брата умерли бездетными. Он правил три года, с 1134 по 1137 год, женился, произвел на свет наследницу и вернулся к монашеству, к обету безбрачия и бедности.

К устоявшимся ассоциациям «священник и безбрачие», «мирянин и брак» добавляется еще одна — «безбрачие и бедность».

БЕЗБРАЧИЕ И БЕДНОСТЬ

Пьер Мори в разные периоды своей жизни мог считаться обеспеченным человеком. В начале XIV века он обладал кругленькой суммой в 2000 су, жил в Сабартесе — крае катарской ереси, в укрепленном городе Арке, и надеялся получить наследство в Монтайу. Однако когда в его края прибыла инквизиция для борьбы с катарами, он бежал и даже не смел заикнуться о полагающемся ему наследстве. Отныне он был слишком беден, чтобы жениться, и стал наниматься пастухом к жителям Экс-ле-Терма и Пюигсерда. Работа позволила ему скопить денег и обзавестись собственным стадом в сотню овец и несколькими ослами. Однако из страха перед инквизицией он продает стадо и отдает вырученные деньги на сохранение своему куму из Ургелла. Новый удар судьбы: тот, кому он доверился, отказался вернуть деньги. Дом его отца трижды разрушен во время борьбы с еретиками, однако Пьер Мори не желает отречься от веры предков.

Он вступает в братство людей, называющих себя «добрыми христианами»; они по большей части пастухи и живут в горах, не обременяя себя заботами, подобно морякам. «Мне теперь хорошо, ибо у нас есть обычай, и

он — завет божий: если есть у тебя обол, раздели его в нужде с братьями». Он верен этому идеалу. Увы, он верен ему более, чем его новые друзья.

Пьер Мори считает себя слишком бедным, чтобы жениться. Ему не на что содержать семью, он может содержать только себя. Он живет в той социальной среде, где безбрачие почти обязательно. Некоторые пастухи имеют жен, такие как Гийом Раффр из Акса, женившийся в Кодьесе, или Жан Мори, брат Пьера, нашедший себе жену в одной каталанский деревне. Однако это исключения. Пастух все время переходит с места на место, возвращаясь в свое селение лишь изредка, как моряк возвращается в порт. Пастух чувствует себя уверенно лишь среди других пастухов. Маленькая община, где сосуществуют пастухи, катарские проповедники, шпионы, живет во временных пристанищах, где спят по трое-четверо на одной кровати. Ничего бесстыдного: гомосексуализм — это городская выдумка, да и распространен только среди ученых людей.

Пьер живет бедно, но свободно и все свое имущество носит за плечами. Он ночует то у родственников, то у хозяина, то у друга. Одну зиму Пьер и Жан проводят в Кастелдансе, в доме нотариуса Беранже де Сагрия, кума Жана, другую — на пастбищах Тортосы с восемью другими пастухами.

Они независимы, но не одиноки. Пьер хоть и холост, но живет внутри сообщества. Он спускается с гор в деревню, чтобы заработать денег или купить необходимое, и приносит обратно вещи, которые ему заказывают купить. Во время праздников или крестин он обзаводится кумовьями и крестными детьми и навещает их потом время от времени. На праздниках он тратит все, что заработал. Но

можно ли его в этом упрекнуть? «Тем, кто меня упрекает, я отвечу, что могу тратить по своей воле то, что сам заработал, и я всегда буду помогать другим, ибо так приобретаются друзья». Друзья не отвечают тем же, но ему это безразлично.

Да и безбрачие его относительно. У него есть любовницы, к которым он ходит, или же они сами поднимаются к нему в хижину. Он знакомится с девушками в тавернах и на выгонах. Он даже упоминает о браке с верующей катаркой Раймондой, однако это тайный брак, не освященный в церкви. Этот брак, едва он был заключен и скреплен плотской связью, не встретил одобрения у друга Пьера, катара Гийома Белибаста. «Он велел нам более не видаться и освободил от брачных обязательств». Это воспоминание не окрашено никаким сожалением, вообще никаким чувством. Следует сказать, что внутри секты Пьер был связан обещанием жениться. «Добрые христиане» поначалу вызвали в нем симпатию, потом он отделился от них. Тогда один из «добрых христиан», думая, что Пьер «возвращается к глупостям» и хочет жениться, попытался вернуть его, предложив жениться на какой-либо «добромыслящей» девушке, то есть принадлежащей к их секте. Невесте, предназначенной ему, 6 лет (!), однако она достаточно богата, чтобы, женившись на ней, Пьер мог больше не работать. В дальнейшем, однако, вопрос о браке не возникнет, тем более что Пьер Мори стал пасти овец своего тестя Раймона Пейра. К слову сказать, Раймон Пейр с приходом инквизиции раскаялся в ереси и выгнал Пьера Мори из дому!

Он легко заводил друзей и однажды поплатился за свое легкомыслие: его друг Арно Сикр оказался доносчиком, и Пьер предстал перед судом инквизиции, от кото-

рого всю жизнь пытался убежать. Приговор, вынесенный 12 августа 1324 года, был жестоким: «заточить и держать на хлебе и воде»¹⁸.

Мы редко можем восстановить с такой точностью обстоятельства жизни простого человека, который не совершил ничего, что позволило бы ему оставить свое имя в истории. Нечасто также мы сталкиваемся с судьбой, где чередуются периоды безбрачия, жизни в сообществе, брака и более или менее постоянных связей. Безбрачие для Пьера Мори и его товарищей не отмечено печатью позора. Мораль катаров достаточно гибка для верующих, если человек еще не достиг «утешения», которое превращает его в «доброего человека». Катары не одобряют ни брака, ни воспроизводства, а сожителство и распутство в их глазах ничуть не более постыдны, чем торжественно скрепленный союз. Однако безбрачие не является обязательным для катаров, наоборот: те два брака, что упоминаются в истории Пьера Мори, заключены внутри «секты», одним из них даже попытались вернуть пастуха обратно. Безбрачие не презирается, но не является образцом для подражания. Только бедность мешает Пьеру Мори жениться. Это традиционное препятствие, на него ссылался еще Эпаминонд. Средневековые проповедники, осуждающие распутников, слышат из их уст слова, подобные тем, что говорит Джон Бромьярд: «Я бы женился, если бы у меня был дом, куда можно поселить жену и детей»¹⁹.

Бывают разные степени бедности; превратности судьбы Пьера Мори – тому свидетельство. Те, кто находится внизу социальной лестницы, от Диогена до Ма Помма, маргиналы, бродяги, разносчики, нищие, как правило, холостые. Последние кочевники в мире, пред-

назначенном для оседлых, где все стремятся утвердиться на своем месте, они не могут найти себя в нем. Мы не будем писать здесь историю бродяжничества, но упомянем о трех бродягах, вынужденных жить холостяками; их истории дошли до нас благодаря судебным архивам.

В 1389 году некий Жан ле Брен, родившийся в Арфлере, арестован за воровство в церкви Святого Креста де ла Бретонри в Париже. Сам он внебрачный ребенок, родившийся от наваррца, осевшего в Шербуре, и женщины из Котантена, «странствующей с ним». Рождение вне брака – плохое начало жизни. Однако незаконнорожденный – это все-таки не брошенный ребенок. Отец привез мальчика в Арфлер и отдал в учение к кузнецу. К 1381 году Жан занимается ремеслом в Руане, живет в доме неподалеку от кузницы. Он мог бы вести достойную жизнь ремесленника в большом городе, неплохо зарабатывать и жениться.

Но его сбил с толку некий оружейник, такой же, как он, внебрачный сын, если судить по его прозвищу – Жаке Бастард. Зачем по крохам копить деньги в кузнице, если можно заполучить богатство на войне? Двое молодых людей отправились за богатством в Лимузен, где нанялись в английскую армию. За 6 лет Жан перебрал множество занятий: был помощником скорняка, солдатом, жил мелкими грабежами и получая выкуп за французских рыцарей, которых помогал брать в плен. Вскоре он решил, что зарабатывает недостаточно, продал коня и отправился в Париж. В Париже он жил без каких-либо занятий, пока «не истратил всех имевшихся у него денег как на игру в кости, так и на таверны и развратных девок». Он даже обещал жениться на одной проститутке, но осмотрительно не уточнил, когда состоится свадьба.

Жан вел жизнь разбойника, то один, то вместе с другими лихими молодцами, то в организованных бандах. В конце концов его арестовали за кражу полушубка из кролика. Служба наемником у англичан оказалась преступлением гораздо более серьезным, чем все его грабежи и убийства. Его осудили за измену, отсекли ему голову, а потом повесили в мешке во славу королевского правосудия²⁰.

ПРОФЕССИИ ХОЛОСТЯКОВ: УЧЕНАЯ БРАТИЯ

В 1461 году Франсуа де Монкорбье, взявшему фамилию своего опекуна Вийона, было 30 лет, и он написал «Завещание». Два года спустя он исчезнет из всех исторических документов, пройдя перед этим через два смертных приговора и помилования и через изгнание из Парижа. Наследник клириков без состояния, пытавшихся выжить, сочиняя стишки для богатых сеньоров за кров и еду, он — один из тех студентов, которые не могли продолжать учиться, захваченные разгульной жизнью «в тавернах и по девкам».

Он называет себя «школяром» (студентом) и в одном из своих лэ (лэ XXVII) упоминает о степени, полученной в университете. Действительно, он получил степень бакалавра, лиценциата, а потом и магистра искусств в Парижском университете (1452), и те скудные упоминания, которые остались о нем в документах, рисуют нам жизнь безработного грамотея в Латинском квартале Парижа. Он живет в комнате, где от холода замерзают чернила в чернильнице (лэ XXXIX) и где слышен колокол Сорбонны (лэ XXXV). В той же среде совершены все его преступ-

ления: ограбление Наваррского коллежа (1456), убийство священника в монастыре Святого Бенедикта (1455), драка с папским нотариусом.

Студент – это, скорее всего, клирик, по крайней мере потенциальный. Был ли Вийон рукоположенным священником без прихода? В одном месте его «Завещания» упоминается «голова с простой тонзурой», которую он завещает некоему Шаплону (строфа CLXXII). Однако он нередко перечисляет вымышленные завещательные дары, и этот, адресованный сержанту, видимо, навеян игрой слов – сходством его имени с церковной должностью капеллана. Даже если Вийон имел право получить бенефиций с прихода, вполне возможно, что он ни разу не пытался его добиться²¹. Двойственность социального статуса подчеркнута тем, что он попеременно обращается то к «магистру завещаний» (церковному судье), то к Жану де Кале, нотариусу в Шатле, составляющему завещания для мирян. Он играет таким неопределенным статусом, но в обоих случаях это статус, предполагающий безбрачие.

Вийон и «бродячие клирики» Средних веков составляют некую прослойку между бродягами и священниками – двумя типами холостяков, граница между которыми подвижна. Не только бедность препятствует браку – многие социальные группы поставляют холостяков. Долгое время ученость была уделом клириков, любое дело, требовавшее образования, во всяком случае обучения в университете, становилось занятием клириков, так что слова «клирик» и «ученый» стали восприниматься как синонимы. Современное слово «клерк» пришло к нам из того времени.

Богословие, право, медицину изучали в университетах, которые по большей части были религиозными; светские университеты, такие как, например, в Болонье, были редкостью.

Итак, клирик и интеллигент — одно и то же. Были ли интеллигенты холостяками? В теории — да, еще со времен студенчества. В Средние века студентов часто называли «клириками», не случайно район Парижа, некогда принадлежавший студентам, именуется *Pg -aux-Clergs* (Луг клириков). Университет в Средние века имел статус сообщества: *Universitas magistrorum et scholarium* — это ассоциация учителей и учеников, которые выделены из всех прочих по статусу, а не по месту, где они пребывают. И в большинстве случаев университеты, выросшие из школ при соборах, остаются религиозными заведениями, несмотря на все свои привилегии.

И студенты, и магистры пользовались некоторыми преимуществами как клирики, в частности в сфере права (они подлежали только церковному суду) и налогообложения. Они даже могли, хотя на практике это случалось редко, получать бенефиции с приходов и тратить их на образование. Налагались ли на них обязательства клириков? Ответ на этот вроде бы простой вопрос дать сложно. Они должны были носить простую и неброскую одежду, похожую на одежду клириков, иногда темного цвета, как, например, в Лувене, но у них не было тонзуры и они не приносили обет безбрачия. Разумеется, юный возраст и необходимость уделять много времени занятиям не располагали к браку, а те, кто пользовался доходами с бенефициев, женившись, теряли их²².

Тонзура была желательна, хотя и не обязательна, и часто делалась кое-как. В 1252 году устав, регулирующий

порядок экзамена по искусствам для англичан, уточняет, что, если студент имеет тонзуру, она должна быть аккуратной; это доказывает, что тонзура не была правилом, но отсутствие ее могло раздражать экзаменаторов²³.

Статус студента остается неясным: права клириков не совмещены с обязанностями этого сословия. В некоторых студенческих сообществах, таких, например, как Базош, объединение стряпчих Парижа, требовалось безбрачие²⁴. Оперетта Мессаже «Базош» построена на этой теме: Клеман Маро избран королем Базоша и должен скрывать, что женат, что влечет за собой квипрокво в интриге.

Должны ли были студенты сохранять безбрачие после получения диплома? Все зависело от амбиций. Для того, кто намеревался сделать карьеру на церковной ниве, предпочтительнее было оставаться в безбрачии. Известный ученый и эрудит Жак Амио (1513—1593) делает карьеру вне церкви: сначала он наставник детей философа-гуманиста, потом переводчик у Франциска I, затем наставник детей Генриха II. Ни одна из этих должностей не требует безбрачия, но одновременно с этим он пользуется бенефициями с епископата и шаг за шагом поднимается до чина епископа. Безбрачие оказалось для него мудрой мерой предосторожности.

Но многие склонялись к мирской жизни. Клирики, стоящие на иерархической церковной лестнице ниже иподиакона, имели право жениться. И если каноническим правом не зафиксирован статус «женатого клирика», то в судебных делах они встречаются нередко. Клирики настаивают на своем статусе клирика, чтобы подлежать не светскому, а церковному суду, решения и приговоры которого были мягче. В завещаниях позднего Средневе-

ковья достаточно много женатых людей, заявляющих о своем духовном звании. Иногда они занимаются неожиданным для клириков делом, например работают мельниками, или мясниками, или содержат кабачок, что было клирикам запрещено.

Так, например, в Авиньоне во времена правления папы Урбана V (1362–1370) некий отец семейства по имени Занубио, авиньонский гражданин, меняла по профессии, выдал дочь замуж за своего компаньона Франческо д'Ареццо, клирика. Занубио в завещании назначает зятя опекуном над своим сыном Жантилем, тоже клириком. Жантиль собирался жениться, что вывело бы его из-под опеки Франческо. Все было бы прекрасно, если бы невеста Жантиля, Катерина, не принадлежала к семейству Альтовити — тосканских менял и опасных конкурентов в замкнутом мирке этой профессии. Не собирались ли Альтовити прибрать к рукам наследство Занубио? Франческо забеспокоился и направил прошение в папский суд. И он, и Жантиль формально подлежали церковному, а не светскому суду, однако Жантиль предпочел предстать перед последним, так как был в хороших отношениях с местными судейскими. Сменив темную одежду клирика на двцветную мантию юриста, он вышел из духовного сословия, освободился от обязательств клирика и предстал перед светским судом Авиньона вместе с Франческо. Суд постановил арестовать Франческо, но тот отправил прошение на имя папы. Прощение сохранилось в архивах, и именно из него мы знаем об этой истории²⁵. Интересно, что здесь присутствует некоторая расплывчатость между разграничением духовных и светских лиц.

Как только появились профессии, требующие некоторого образовательного минимума, строгое разграниче-

ние между образованным клириком, живущим в безбрачии, и женатым мирянином стало стираться. К слову сказать, оно существовало лишь в теории, в идеале, а в реальности до грегорианских реформ женатые клирики и даже священники были не так уж редки. Если профессия, которой они занимаются, не имеет ничего общего со священным служением, зачем нужно безбрачие?

Что это за профессии? Первым приходит на ум ремесло нотариуса, ибо до наших дней дошло понятие «клерк при нотариусе». В текстах XIV–XV веков нотариусы чаще всего принадлежат к духовному сословию, однако постепенное обмирщение профессии налицо, и постепенно появляется все больше упоминаний о женатых нотариусах-мирянах. Потребность в клириках для церковной службы была велика, однако в XII–XIII веках всех охватила тяга к обучению в университетах, и духовная карьера уже не могла рассматриваться как единственное приложение сил для образованного человека. «Основным занятием для образованного человека, не желавшего посвящать себя церкви, стало нотариальное дело»²⁶.

Нотариус не должен был отказываться от семьи, и, читая завещания клириков-нотариусов, мы видим, что многие из них были женаты и имели детей. Появлялись целые династии клириков-нотариусов. Разумеется, женившись, клирик-нотариус не может более продвигаться по церковной карьерной лестнице и рассчитывать на доход от бенефициев — он должен кормиться только своим ремеслом.

Однако для занятий другими профессиями существовали более жесткие правила. От университетских профессоров также требовалось жить в безбрачии. Это можно было бы понять по отношению к преподавателям

духовных дисциплин, таких как богословие или каноническое право. Но к чему целибат для профессора медицины, который преподает анатомию и должен досконально знать строение и мужского, и женского тела? Долгое время при описании строения женских половых органов опирались на их сходство... со свинями, что приводило к некоторым неточностям в описании²⁷.

Изначально для профессоров четырех университетских факультетов (искусств, медицины, права, теологии) безбрачие или расставание с законной супругой было обязательным. Так, например, в 1290 году Жан Флори ради сохранения места старшего преподавателя на факультете искусств поклялся, что официально разведен с женой в Руане. Если бы он снова стал жить с ней, ему пришлось бы оставить преподавание²⁸.

Обязательное безбрачие преподавателей было связано не только с их статусом клириков, но и с древним, еще дохристианским представлением о том, что занятия науками несовместимы с семейной жизнью. Отчасти это представление было у Платона; не преследовал ли ученых Средневековья все тот же дух Ксантиппы, сварливой жены Сократа? Можно также вспомнить Цицерона, который после расставания со своей женой Теренцией отказался жениться еще раз, чтобы не прерывать ученых занятий, или Феофраста, написавшего трактат о женитьбе, известный нам в пересказе святого Иеронима²⁹.

Несомненно, расхожие представления о браке перенесли в Средневековье ученые церковники. Мы найдем эти представления в переписке Элоизы с Абеляром, в «Романе о Розе» Жана де Мена, в трактате «О браке» Гуга де Фульва, в «Зерцале брака» Эсташа Дешана. Элоиза описывает семейную жизнь как кошмар, где ученые занятия

и размышления над Писанием постоянно прерываются плачем младенцев и пением кормилиц. Учение — это духовное обручение со знанием, с книгами; такое мнение, возникшее в античности, хором повторяют многие средневековые авторы³⁰. Вместе с тем, как ни живуча оказалась эта традиция в веках, университетские преподаватели стали мало-помалу вырываться из оков безбрачия.

Первым смягчил свои требования медицинский факультет³¹. Изначально «ученая» медицина была по преимуществу религиозной, несмотря на то что в некоторых странах, например в Италии, сохранялись традиции светской медицины, возникшей под влиянием арабской науки. Медицина со времен раннего Средневековья была религиозной в силу обстоятельств, так как знание и образование долго концентрировалось в монастырских школах. Ноткер Целитель из Санкт-Галленского монастыря (умер в 975) и Хильдегарда из аббатства в Бингене (XII век) — самые известные монахи-врачи.

Однако с XII века вместе с расцветом университетов количество монахов-врачей сокращается. С XII по XV век среди известных нам врачей монахи и монахини составляют лишь 1,5 %, а во второй половине XV века врачи с университетским образованием составляют уже 67 % от общего числа. Разумеется, закончивший университет врач мог принять монашеский обет и продолжать врачебную практику с разрешения папы, как это сделал, например, Никола Салицетус, вошедший в цистерцианский орден. Однако это скорее исключение, чем правило.

Медицинский факультет в Болонском университете (1306) — светский, однако в Париже (1213) и в Монпелье (1220) на медицинских факультетах преподают клирики; так же обстоит дело в большинстве европейских универ-

ситетов. Окончившие университеты становятся младшими церковными чинами, чаще всего диаконами или иподиаконами, и могут получать доходы с бенефициев. Несмотря на существующий запрет, восходящий еще к папе Юнорию III, медики-клирики могут и дальше продвигаться по церковной лестнице, становиться священнослужителями, а Петр Испанский даже был папой в 1276–1277 годах. В Средние века был популярен анонимный медицинский трактат, приписываемый Иоанну XXI; он назывался «Сокровище бедных» и содержал среди прочего некоторые рецепты предохранения от беременности и прерывания беременности.

Соединение духовной карьеры с занятиями медицинской вызывало определенные сложности. С того момента, как врач принимает сан, его работа становится делом доброй воли, и в 1293 году папа Целестин V просит священников-медиков не брать денег за свои услуги. Врачи духовного звания постепенно встречаются все реже, однако еще в XV веке был известен Гаспар Торелла, епископ монастыря Святого Юстиния в Сардинии и придворный медик папы Александра VI и Цезаря Борджиа, он же автор одного из первых трактатов о сифилисе (1497).

Врачи, достигшие высших уровней церковной иерархии и подлежащие целибату, лечат и женщин. Так, например, Гийом Буржуа — лицензиат медицины, в 1398 году ставший каноником в храме Сен-Донатьен в Брюгге и рукоположенный в 1404 году, лечил герцогиню Бургундскую и герцогиню Брабантскую, а Никола Танн, священник, магистр медицинского факультета Парижского университета, был с 1376 года врачом графини д'Артуа.

Еще поразительнее упоминание о многочисленных врачах-священниках, приглашенных засвидетельство-

вать, что Жанна д'Арк — девственница. Среди них — Гийом Дежарден, магистр медицины с 1408 года и кюре храма Сен-Пьер-дю-Марше-Неф в Руане, дважды назначавшийся каноником; Жан Тифен, священник и каноник Сент-Шапель; а также Гийом де ла Шамбр, магистр медицины с 1436 года, декан факультета медицины Парижского университета в 1448—1450 годах — он был послан на процесс Жанны д'Арк, когда был лицензиатом медицины, тщательно обследовал ее и подтвердил, что она девственна. Какой шаг вперед по сравнению с невинностью каролингских священников, которые просили епископа Хинкмара проверить по Священному Писанию, можно ли остаться девственницей после выкидыша! Что же касается представлений о нравственности таких медиков, священников или монахов, то они были достаточно гибкими. Сошлемся на чуть более поздний пример — Франсуа Рабле, имевшего трех внебрачных детей.

Врачи могли не становиться священниками или монахами и жениться, несмотря на то что в университетские годы принадлежали к духовному званию. Даниель Жакар приводит такие цифры: из 4104 медиков, упомянутых в документах между XII и XV веками, 230 женаты, у 191 есть дети, 63 входят в монашеские ордена, 214 принадлежат к белому духовенству³². Между тем многие врачи упомянуты без указания на то, женаты ли они, так что окончательные выводы о распространении брака или безбрачия среди средневековых медиков делать нельзя.

Если медик преподает в университете, он должен носить церковную одежду и пребывать в безбрачии. Однако в разное время в зависимости от чинов, а также порядков, принятых в той или иной местности, были возможны послабления, но решение должно было исходить от папы.

Арно де Вильнев, профессор университета в Монпелье (ок. 1285), был женат, в 1305 году он упоминает в завещании жену Агнессу. Правда, в Монпелье порядки были достаточно мягкие, и упоминания о женатых ректорах университета встречаются и в XIV, и в XV веках.

В Парижском университете, наоборот, предъявлялись более жесткие требования. Преподаватели-бакалавры должны были неукоснительно соблюдать celibat, хотя в XIV веке в отношении преподавателей-магистров были сделаны некоторые исключения. Так, в 1331 году Майнинусу де Манерии, женатому клирику из Милана, было разрешено преподавать в Парижском университете, а в 1375 году женатый преподаватель Гийом Карнифисис был оставлен в должности. Оба вступали в брак с девицами — повторный брак все еще рассматривался как двоеженство — и оба получили разрешение от папы³³. Брак оставался исключением из правил, и каждый случай рассматривался особо.

Ситуация изменилась в 1447 году под угрозой скандала. Шарль де Морегар женился на вдове, был обвинен в двоеженстве и исключен из преподавательского состава Парижского университета. Правда, за ним оставили звание «почетного преподавателя» и все привилегии. Однако он пригрозил, что доведет дело до суда; судебный процесс мог бы вызвать слишком большой и нежелательный шум, и в 1451 году его восстановили в должности³⁴. Упорство Морегара дало свои плоды: в 1452 году после реформы университетского образования, проведенной Гийомом д'Эстувилем, обязательное безбрачие для преподавателей-медиков было упразднено. Разумеется, это не касалось тех, кто вступил в тот или иной монашеский орден, но их количество стало стремительно сокращать-

ся, и к 1500 году из 21 медика, имеющего докторскую степень, лишь трое были монахами. Однако имеющие более низкую ученую степень все еще не могли жениться; например, те, кто собирался стать бакалавром, должны были принести торжественную клятву, что не собираются вступать в брак. Это правило было отменено лишь в 1598 году.

На факультете права, где преподавалось каноническое и гражданское право, безбрачие для преподавателей было обязательным. Профессора были клириками, и это привело к тому, что к концу Средневековья стало очень трудно найти преподавателей гражданского права.

В 1534 году профессора — преподаватели юридического факультета потребовали дать им разрешение вступать в брак, подобно коллегам-медикам, получившим такое разрешение еще 60 лет назад. Им было категорически отказано. Они обратились к гражданским властям, в парламент, и в 1552 году парламент впервые разрешил жениться одному из них — профессору Ларивьеру. Однако факультет не подчинился постановлению парламента и выдвинул свой весомый аргумент: женившиеся профессора будут отстранены от высших преподавательских должностей. Преподавателей поставили перед выбором — профессиональная карьера или женитьба. Требования были смягчены лишь в 1556 году — для магистров искусств, а с 1558 года женатым профессорам было разрешено преподавать гражданское право³⁵.

Такое положение дел сохранялось недолго. В 1589 году, когда в Париже хозяйничала Лига, и вплоть до воцарения Генриха IV университетские власти снова запретили женатым профессорам занимать начальственные должности на факультете права. Однако 30 лет не прошли бесслед-

но: специалистов духовного звания оказалось слишком мало, и пришлось все же обратиться за помощью к женатым преподавателям. При Лиге было снова запрещено преподавание в Парижском университете гражданского права; запрет был отменен лишь в 1679 году, а до этого парижанам, желающим изучать эту дисциплину, приходилось отправляться в университеты Орлеана или Пуатье³⁶.

Официальное разрешение на брак выдавалось в каждом конкретном случае, а появление женатых магистров искусств или правоведов вызывало шум вплоть до скандала. В 1677 году некий Жан Гудуен, женатый преподаватель факультета искусств, отстаивая свое право на брак, предстал перед судом деканата французского землячества. До нас дошли речи адвокатов на этом процессе, причем полемика, судя по всему, завязалась очень оживленная. Один из адвокатов, отстаивая в целом право профессоров жениться, произнес речь о том, что целибат стал не столько обетом для лиц духовного звания, сколько прибежищем для холостяков-мирян, которые ведут на факультете искусств беспечную жизнь, заботясь лишь о своем удобстве и не имея никаких обязательств перед ближними. Затем адвокат перешел к обвинению холостяков в распутстве, а в конце сделал поразительный вывод: «Кому же можно ныне доверять воспитание молодежи, как не женатым людям, ибо холостяки ведут себя так, что рассказ об их поведении заставит содрогнуться всех ярых защитников целибата»³⁷. Вспомним, насколько стар именно этот аргумент!

Спор выходит за рамки университета. Когда во Франции, как и во всей Европе, начинает формироваться целостная система образования, воспитание и обучение

юношества возлагается в основном на религиозные организации, и образование слабо контролируется королевской властью. Светские власти недовольны таким положением дел, и это недовольство накладывается на всплеск национального галльского самосознания, характерный для XVII—XVIII веков. Из коллежа Людовика Великого в Париже изгоняются иезуиты, а Карадек де ла Шалоте, королевский прокурор в Бретани, произносит по этому поводу пламенную речь. По какому праву, возмущается он, люди, получающие приказы из Рима (то есть иезуиты), берутся обучать и воспитывать французов? Все равно как если бы афиняне просили спартанцев обучать их! «Почему хотят убрать из гражданских учреждений всех, кто не дал обета безбрачия? Что за нелепость! Неужели для того, чтобы обучать детей, надо не иметь собственных? Можно подумать, что кто-то специально не желает, чтобы росло народонаселение в государстве, или считает, что во Франции слишком много жителей»³⁸. Так проблема безбрачия преподавателей приобретает еще и политическое звучание.

В 1790 году возникает еще одна проблема, связанная с духовным статусом Парижского университета. В этом году были приняты Гражданская конституция для духовенства, но большинство преподавателей отказались принести присягу, что было расценено как неподчинение. Начались разного рода репрессии, и в 1792 году факультеты университета были закрыты один за другим. Университет восстановили лишь в 1805 году.

Вопрос о безбрачии преподавателей возникал снова и снова. Закон от 11 флореаля X года (1 мая 1802 года) потребовал назначать на ответственные должности в лицах женатых или вдовцов и в то же время запретил

женщинам появляться в здании лица. Император в свою очередь настаивает на том, чтобы преподаватели университета соблюдали целибат и жили коммунами в общежитиях (декрет от 17 марта). Профессора не обязаны соблюдать целибат, но должны жить в коммуне, а это возможно только для холостых³⁹. Правила эти невыполнимы и поэтому остаются только на бумаге. Обратим, однако, внимание, что император считает себя вправе предъявлять требования к заведению, имеющему религиозный статус.

Вопрос о безбрачии для преподавателей светских школ больше не встанет, однако до XX века школы будут прибежищем для холостяков и особенно для одиноких женщин.

НЕЗАМУЖНЯЯ ЖЕНЩИНА

Робер Гискар, нормандский военачальник, завладел обширной территорией на юге Италии и стал герцогом Апулии, Калабрии и Сицилии. Он пользовался поддержкой папы римского и враждовал с Византией. И вот константинопольский император Михаил VII решил заключить с Гискаром долговременный союз и предложил женить своего сына Константина на одной из семи дочерей Гискара. В 1074 году после долгих колебаний Гискар согласился выдать за Константина свою дочь Елену. Ее привезли в Константинополь, она приняла вторичное крещение по греческому обряду и стала жить в покоях дворца, где продолжала образование и ждала совершеннолетия. Но Византийская империя переживала кризис, в 1078 году Михаила свергнул с престола Никифор Вотазиат, причем узурпатор недолго удержался на троне. Разгорелась гражданская война, и в 1081 году императором

стал Алексей Комнин. Все это время Елена жила в монастыре, куда ее поместили после падения Михаила VII, лишь изредка выходя оттуда, чтобы прислуживать императору. Алексей Комнин, как пишут историки, любил Елену как родную дочь; обязанности ее сводились к тому, чтобы подавать императору салфетку, если он запачкается, и ухаживать за его бородой⁴⁰. Она ни в чем не нуждалась и была окружена почетом.

И вдруг рассерженный Робер Гискар затеял поход против Византии. Предлогом послужили оскорбленные отцовские чувства, но это был лишь предлог: если бы его действительно беспокоила участь Елены, он уже давно изыскал бы способ вернуть ее домой. Робер Гискар пошел на Комнина потому, что, изгнав византийцев из своих владений, он стал вынашивать честолюбивые планы и обратил взоры на саму Восточную империю. Поход оказался успешным, однако Гискар внезапно повернул вспять, пришел на помощь папе римскому, сражающемуся с германскими императорами, и погиб в 1081 году. Все это время Елена по-прежнему расчесывала императору бороду.

Если верить Ордерίκу Виталию, служба Елены при императорской бороде длилась 20 лет, как вдруг Алексей Комнин решил вернуть сироту домой, и, как пишет хронист, «мы не знаем, вышла ли она замуж, так как шансы ее на вступление в брак были весьма малы»⁴¹.

Девушки из знатных семей часто служили ставкой в матримониальной и политической игре, причем их мнение никого не интересовало. Новая концепция брака, поддержанная церковью, во многом облегчила положение женщины, так как впервые в центр представления о брачном союзе была поставлена любовь — разумеется, речь шла о любви, возникшей уже после заключения бра-

ка. Однако церковь не видела ничего зазорного в том, что брак служил политическим целям, а супружеские союзы между детьми закрепляли политические и военные союзы, заключенные их родителями.

В XII веке Петр Ломбардский составил своего рода пособие по законодательству, долгое время бывшее весьма популярным; там он говорит, в частности, о том, что брак служит примирению врагов и установлению мира. При этом традиционные блага, вытекающие из брака и сформулированные еще Августином, такие как приумножение богатства и возможность любить красивую женщину или красивого мужчину, кажутся ему не столь важными⁴².

Если виды на брак срывались, как это произошло с Еленой, невесту просто-напросто держали как заложницу до старости, пока она не становилась непригодной для другого брачного союза, который мог оказаться на руку противникам. Вот цинизм, достойный Макиавелли, но появившийся задолго до него. Безбрачие знатных девушек стало такой же ставкой в игре, как и брак. У Карла Великого не было недостатка в наследниках мужского пола, однако он не желал, чтобы после его смерти право сыновей на престол кем-то оспаривалось, и предусмотрительно не выдал замуж ни одну из дочерей. Некоторые из них вступили в «законное сожительство» (*Friedelehe* — торжественно скрепленный брачный союз, не признаваемый, однако, церковью), но дети, родившиеся от такого брака, то есть внуки Карла, не могли бы претендовать на корону⁴³.

Большое наследство для знатной девушки, оставшейся без родных, часто становилось не благом, а проклятием и вместо того, чтобы обеспечить ей хорошую партию,

обрекало на вечное безбрачие. Так, например, Альенора Бретанская после смерти отца в 1186 году и брата Артура Бретанского в 1202 году стала наследницей герцогства, на которое претендовали как французы, так и англичане. Более того, у нее было больше прав на английский престол, чем у ее дяди Иоанна Безземельного. Нечего и говорить, что с самого ее рождения многие положили глаз на завидную невесту. Альеноре был всего год, когда она осталась сиротой, и Филипп Август стал — впрочем, безуспешно — добиваться права опеки над девочкой. В 7 лет ее руку обещали сыну Леопольда Австрийского как выкуп за освобождение Ричарда Львиное Сердце, дяди Альеноры. Она уже отправилась в путь к будущему жениху, но герцог Австрийский умер, и Альенору вернули домой. Когда ей исполнилось 10 лет, король Франции стал добиваться ее руки для сына — будущего короля Людовика VIII, но император возражал против этого брака, и обручение не состоялось. Затем, когда один за другим умерли ее мать (1201) и брат (1202), девушка стала представлять серьезную опасность для Иоанна Безземельного, и с 1203 года до самой своей смерти в 1241 году она жила у него в плену⁴⁴.

Для женщины, не имеющей на кого опереться, будь то вдова или сирота, оставался один путь — обратиться к могущественному сеньору, а то и к королю с просьбой выдать ее замуж. В эпических сказаниях говорится, как женщина пришла во дворец Карла Великого со словами: «Мой отец умер два месяца назад. Я прошу вас дать мне мужа». Обычай признавал за сеньорами право контроля над богатыми наследницами, не возражал против такого порядка и сам папа, который, в принципе, должен был гарантировать, что брак будет совершен по взаимному согласию⁴⁵.

Богатая девушка иногда была обречена на безбрачие, но бедная девушка, к сожалению, имела еще меньше возможностей выйти замуж: для нее это было труднее, чем для бедного мужчины найти себе богатую жену.

В тех странах, где в Средние века еще действовало римское право (по преимуществу на юге Европы), женщина должна была приносить в брак приданое. Если она не может его собрать, ей приходится очень долго ждать своего прекрасного принца. Легенда рассказывает, как святой Николай оделил приданым трех бедных девушек, которых отец хотел продать в проститутки, и в память об этом деянии многие благотворительные организации стали поддерживать неимущих девушек.

Самой известной из таких организаций было братство Благовещения, созданное в 1460 году испанским доминиканцем кардиналом Хулио де Торквемадой (дядей инквизитора). Центром братства стала доминиканская церковь Санта-Мария-сопра-Минерва в Риме. Вокруг нее поначалу объединились 200 римских граждан, и в первый год существования братства они снабдили приданым около 400 молодых девушек. Все они, разумеется, были девственницами, родившимися в Риме от законных родителей, и репутация их была безупречной. Начинание заинтересовало папу и в дальнейшем приняло необычайно большой размах; иногда приданое получали 10 тысяч девушек в год!

Монтень описывает, как проходил подобный церемониал в 1581 году: «церемония подаяния девственницам» была приурочена к празднику Благовещения (25 марта)⁴⁶. Папа направлялся в церковь Санта-Мария-сопра-Минерва, причем процессия была пышнее, чем обычно: 25 лошадей в расшитых золотом пополах, 10–12 мулов в тем-

но-красном бархате и, для полного счета, все папские кардиналы. На мессе присутствовали 107 девушек в белых вуалях с прорезью для глаз; их сопровождали престарелые родственницы. По окончании службы девушки одна за другой поднимаются на хоры, где восседает папа, и целуют его туфлю. Он благословляет каждую и вручает кошелек из белого дамасского шелка, в котором лежат не деньги, а письмо, подтверждающее, что приданое будет получено, как только девушка найдет себе жениха. Размер приданого колебался в это время от 25 до 100 экю — столько стоило белое платье. Целью этого действия было устройство молодых девушек, а если они решали пойти в монахини, приданое увеличивалось⁴⁷.

Постепенно по всей Европе римское право возобладало над обычным правом варварских государств. Тогда та же проблема приданого возникла во всех странах, и появилось множество организаций, помогающих бедным девушкам выйти замуж. Во второй половине XVIII века во Франции каждая знатная дама считала необходимым раз в год снабдить приданым бедную и добродетельную девушку.

Одна христианская благотворительность не могла решить проблемы всех незамужних девушек. Что ожидало тех, кто не вышел замуж к 25 годам, а в 30 лет уже считались старухами? Какая участь ожидала одинокую женщину — вдову или незамужнюю — в мире, которым правили мужчины?

Редкие статистические данные того времени весьма красноречивы. Во Флоренции в 1427 году возраст вступления в брак для мужчин колеблется от 14 до 50 лет; что же касается женщин, то 97 % замужних вступают в брак до 25 лет, а те, кто переходит 30-летний рубеж, рискуют

остаться в девушках навсегда⁴⁸. Те, кто к 20 годам не вышел замуж, вызывают сочувствие; иногда беспокоиться о замужестве начинают задолго до этого возраста. Церковь разрешает выдавать девочек замуж с 12 лет; 25-летние незамужние празднуют день святой Екатерины, и все окружающие их жалеют.

Франческо да Барберино рассказывает о бедняжке Фелисии, одинокой девушке из Санлиса. Ее отец умер, семья пыталась выдать ее замуж, но безуспешно, и к 20 годам она все еще была в девушках. Все жалели ее, но она кротко отвечала женщинам, сочувствующим ее судьбе: «Почему вы так огорчаетесь из-за того, что ничуть не огорчает меня саму?» Терпение или, вернее, самоотверженность Фелисии были вознаграждены: король дал ей приданое, и она вышла замуж за доблестного рыцаря.

Сходное вознаграждение получила и Жанна, девушка, которую отец хотел выдать замуж в 12 лет, — раньше, чем ее старшую сестру, — ссылаясь на то, что она добродетельнее старшей, но менее красива. Однако старшая, Маргарита, с высоты своих 14 лет обиделась и решила, что ее совсем не хотят выдавать замуж, во всяком случае выдадут очень не скоро, так как потребуется время для того, чтобы приготовить второе приданое. Она прибегла к жалобам и угрозам: если ее не выдадут замуж раньше младшей, она выйдет за первого встречного. Отец сдался и отложил замужество младшей. В одном Маргарита оказалась права: и через 10 лет второе приданое, но теперь уже для младшей, не было собрано. Отец совсем отчаялся выдать ее замуж... Надо ли говорить, что в конце концов младшая, Жанна, стала герцогиней⁴⁹?

Увы, жизнь не всегда походила на сказку, и прекрасные принцы не встречались на каждом шагу. Если девуш-

ка без приданого не идет в монахини и почему-либо не может жить с семьей, ей остается искать покровителя со стороны. Знатные девушки вручают себя под покровительство сюзерена или короля. В романах Кретьена де Труа нередко описывается, как девушка пытается отстаивать свои права на наследство и охранять его от жадных соседей, рассчитывая при этом, что ее защитит какой-нибудь заезжий рыцарь и затем женится на ней. Заплаканная владелица замка, встретившаяся рыцарю в пути, — образ, который очень часто появляется в куртуазной литературе.

Вместе с тем были случаи, когда женщине с твердым характером удавалось удержать свои владения при себе. Однажды незамужняя дама правила Византией, и о ее правлении отзывались весьма благосклонно, но какие препятствия пришлось ей преодолеть по дороге к трону? В 1028 году, после смерти императора Константина VII, не оставившего сыновей, на трон взошли две его дочери — обе незамужние, несмотря на вполне зрелый возраст. Старшей, Зое, было 50 лет, она вскоре вышла замуж и отослала младшую сестру, Феодору, в монастырь. Зоя выходила замуж трижды, причем между ее вторым и третьим замужеством сенат призвал на престол Феодору, но после нескольких недель правления она опять была отослана сестрой в монастырь. В 1055 году Зоя умерла, и Феодора стала наконец править единолично и по закону. Правила она разумно, но недолго и в 1056 году умерла⁵⁰.

Если женщина бралась самостоятельно распоряжаться своим имуществом в том мире, где право почти всегда было на стороне сильного, на ее долю выпадали многие невзгоды, и происходило это не только в Византии.

Так, например, Людовик Святой получал многочисленные жалобы на своеволие королевских уполномочен-

ных, и по его приказу было проведено расследование, в ходе которого выяснилось, что даже те, кто был призван следить за соблюдением прав наследования и владения фьефами, не гнушались брать поборы, а то и полностью разорять женщин, не имеющих покровителя-мужчины. В 1224 году Мария де Лепиньян жалуется, что после смерти отца она была изгнана из принадлежащего им замка. Предлогом послужило то, что отец Марии сражался вместе с графом Тулузским и впоследствии был несправедливо обвинен в ереси. Мать Марии даже не получила полагающуюся ей вдовью пенсию, им было не на что есть и пить, и никакой рыцарь короля Артура не пришел на помощь⁵¹!

Эммелина де Бретевиль-сюр-Див в Кальвадосе требует вернуть ей надел земли в полтора акра, который держал ее отец и платил за владение три каплуна, три курицы и три хлеба. Неподалеку, в Меле, некая Аэлис приносит подобную жалобу от своего имени и от имени своих пяти сестер. Оделина, дама из Шавенье, измученная враждебными выходками сеньоров-соседей, поместила свои земли и имущество под королевскую опеку и вручила сто су королевскому судье — байи. Но соседи продолжали по-немногу обкрадывать ее: отнимали у нее то 30 су, то несколько мер овса, то несколько мер пшеницы; дошло до того, что у одного из ее людей отобрали лошадь стоимостью в сто ливров⁵²! Множество жалоб подобного рода говорят о том, сколько незамужних женщин и вдов было среди мелких землевладельцев XIII века и как тяжело приходилось им отстаивать свои законные права.

Если незамужние женщины или вдовы не находили покровителя и не имели наследства, они должны были сами зарабатывать на жизнь. В перечне парижан

1292 года упоминается немало женщин, занимающихся разнообразными ремеслами: прачки, горничные, пергаментщицы, шляпницы, швеи, бельевицы, знахарки, повитухи, свечницы... Однако не всегда можно сказать, замужем или одиноки женщины, указанные в перечне. Те, кто называется по фамилии брата, а не мужа, скорее всего одиноки (не замужем или вдовы), как, например, «Мабиль Пирожница, сестра покойного Жака де л'Эстеля», или «Пьеретта, сестра Шапью-Сека», или «Жаннетта, сестра Жана», что живет с братом и матерью⁵³.

Некоторые преуспевают в своем деле и открывают небольшие предприятия. Так, например, во второй половине XV века сестры Фижен и Севис ван Берхем вдвоем владели несколькими мастерскими по изготовлению шелковых чулок в Кельне и его окрестностях; про Севис доподлинно известно, что она была незамужней. Она умерла в 1489 году, и к этому времени в ее мастерских работало 19 подмастерьев⁵⁴!

Каким бы почтенным ремеслом ни занималась одинокая женщина, о ней ходят недобрые слухи. Холостяк, что волочится за каждой юбкой, — это удалой парень; незамужняя женщина, что снимает порчу и врачует, — потаскуха. Ее подозревают в самом худшем. Раймонда, парикмахерша в Бокере, мыла голову клиенту. Через некоторое время он был обвинен на основе ложных слухов в том, что вступил в связь с замужней женщиной, и приговорен к штрафу⁵⁵. А Раймонда должна была подтвердить, что у нее нет мужа и что только профессиональные обязанности заставили ее дотрагиваться до головы мужчины.

Раймонда была всего лишь парикмахершей. Но если женщина обращалась к книгам, причем не к священным, а к светским, ее репутация подвергалась опасности. Изот-

та Ногарола (1418—1466), гуманистка из Вероны, получила утонченное образование, так же как ее сестра Джиневра, и занялась писательским трудом. В небольшом кружке итальянских гуманистов она быстро нашла единомышленников. Один из них, Гварино Веронезе, посоветовал ей ради забавы взять мужской псевдоним. Однако злые языки были тут как тут: ее обвинили в любовной связи со своим братом и сестрой. В одном из писем она жалуется Гварино: «В мире так много женщин, зачем же и я тоже родилась женщиной, почему меня презирают за мои дела и мои поступки?»

Ее обвинили в нечестии, так как она занимается мужским делом, и в конце концов она бросила перо. После поездки в Венецию в 1438—1441 годах, после замужества Джиневры, потребовавшей, чтобы сестра оставила ученые занятия, Изотта отказалась от карьеры гуманистки и решила посвятить себя изучению священных книг. Она жила с матерью, а после ее смерти — в одиночестве, уединенно и очень скромно, ела простую пищу и одевалась в неброскую одежду, хотя и обладала приличным состоянием. Она почти не выходила из комнаты, более похожей на келью... Только так могла она избежать общественного порицания. Она отказалась от замужества ради учения? Пусть тогда останется девственницей и живет как монахиня. Она не захотела уйти в монастырь? Пусть живет в миру, но по монашеским правилам. Изотта подчинилась общественному мнению, так как была женщиной. Под конец жизни она ведет дружескую, почти любовную переписку со знатным венецианцем Людовико Фоскарини. Она призывает его уйти от дел и жить, как она, в полуотшельническом уединении. Он отказался. Будучи мужчиной, он был не обязан доказывать свою безгрешность⁵⁶.

Как защититься одинокой женщине от тяжких обвинений или, по крайней мере, подозрений в том, что она ведет неподобающий образ жизни? Некоторые из одиноких женщин селятся вместе. Так, например, Бланш Марти, дочь кузнеца из Жюссака, поселилась в Монтайу вместе с престарелой Эспертой Сервель, вдовой тарасконского кузнеца. «Они жили втроем с дочерью Эсперты Матеной в доме, расположенном на мосту в Лерида»⁵⁷. На севере Европы к концу XII века возникла организованная система женских сообществ-бегинажей. Особенно актуальной проблема одиноких женщин была для больших городов, где не так часто, как в деревне, одинокие члены семьи могут жить вместе с родственниками⁵⁸.

Причины возникновения сообществ бегинок разнообразны, у исследователей нет единого мнения на этот счет. Говорят и о том, что после крестовых походов количество мужчин значительно сократилось и женщин стало заметно больше, и о том, что городское население все больше беднело; следует принять во внимание и желание многих одиноких женщин жить в благочестии и сообщая с другими, не принося при этом окончательных монашеских обетов. Некоторые монашеские ордена, такие как норбертинцы, а потом цистерцианцы, берутся помочь этому новому движению и ввести его в нужное русло. Некоторые священники, например Ламбер Заика в Льеже или Гидон, зять Марии д'Оньи, в Нивеле, помогают новым сообществам решить многие организационные проблемы. В 1216 году папа римский официально признает новую форму духовного общежития, и после этого организации бегинок растут как грибы по всему христианскому миру.

Особенность движения бегинок была в том, что одинокие женщины не были отторгнуты от мирской жизни и могли в любой момент вернуться к ней. Иногда они становятся бегинками, продолжая жить в семье, во всяком случае, на первом этапе становления движения бегинки — это образ жизни, а не орден. Затем они селятся в отдельных домах, а с середины XIII века в Нидерландах появляются сообщества бегинок в той форме, в какой они существуют до сих пор. Эти сообщества представляют небольшие огороженные поселения внутри большого города. Бегинки селятся по двое в небольших домах, стоящих вокруг церкви; у них есть свое отдельное кладбище и лечебница. Движение мужчин-бегинов (или бегаров) было не таким многочисленным, мы знаем об их существовании лишь потому, что из них выросли некоторые секты. Сообщества мужчин-бегинов не пошли дальше стадии дома-общезития. В 1311 году бегинаж был осужден папой, и на юге Европе движение прекратилось, однако на севере продолжало распространяться.

Самый ранний устав бегинок относится к 1246 году, он утвержден князем-епископом Льежа Робером де Тором. Он говорит о девушках и вдовах, которые не смогли «пойти по пути послушания» (один из трех монашеских обетов), но желают блюсти чистоту в достойном общезитии. Устав общества приоткрывает нам материальные причины возникновения бегинок: бедность или невозможность найти мужа, равного по положению. Молодые женщины не дают окончательных обетов. Они обязуются хранить целомудрие, пока живут среди бегинок, и исполнять принятые в сообществе правила. Они обязуются вести скромную жизнь, но не приносят обета бедности, и их имущество может быть им возвращено, если они пожелают оставить бегинок.

Наряду с «бедными бегинками», живущими только своим трудом и на пожертвования, существуют и более обеспеченные «бегинки-рантье», живущие на проценты со своего имущества. Так, например, Катрин Вандер Нотиа, богатая анверская бегинка, имела служанку, тоже бегинку. Свидетельство тому – документ 1596 года, когда по смерти служанки, «богатой невинностью, но бедной доходами», возник вопрос о необходимости положить ее рядом с хозяйкой, умершей за 7 лет до этого и похороненной в церкви перед алтарем⁵⁹. Жизнь Катрин Вандер Нотиа ничем не отличалась от жизни состоятельной одинокой женщины со служанкой, но положение затворницы за оградой бегинок спасало ее от недоброй молвы, неизбежно сопровождавшей каждую одинокую женщину.

Так понемногу определяется образ жизни вдовы или молодой женщины в ожидании замужества. Бегинка могла в любой момент отказаться от целомудрия и выйти замуж. Такое положение дел раздражало многих в Средние века, когда брак и священное безбрачие мыслились как два совершенно разных жизненных пути, и выбор одного означал отказ от другого. Вернуться в мир после того, как отказался от него, было так же немислимо, как развестись с мужем.

Благодаря организации бегинок молодые девушки могут вести достойную жизнь в ожидании замужества, пусть и без поддержки семьи, не разрывая при этом связей с миром. Бегинки живут своим трудом: переписывают книги, работают на маленьких текстильных предприятиях, зарабатывают шитьем или плетением кружев... Некоторые служат горничными или сиделками, открывают школы для бедных детей.

Однако постепенно жизнь бегиннок все более напоминает монастырскую; их одежда и нравы становятся все строже, а обеты даются на все более продолжительное время. Теперь они могут жить в одиночестве только по окончании послушничества, длившегося многие годы, и эти долгие годы они живут в общежитии. Им запрещено посещать какие-либо светские собрания, а посещения мужчин, даже священников, ограничены и проходят под строгим надзором.

Итак, в Средние века женское безбрачие представляет достаточно сложное явление, охватывающее богатый социальный диапазон, от императрицы до бедной бегинки. И если деревенская жизнь почти никак не отражена в цифрах, то города, где все чаще организуются переписи населения, представляют нам более или менее конкретные свидетельства.

НОВОЕ ВРЕМЯ

В XVI веке отношение к семье и проблеме народонаселения во Франции существенно изменилось. Повсеместно составлялись реестры прихожан, в которых систематически записывались даты крещений, браков и смертей, что говорит о внимании властей к демографической стороне жизни страны, а историки, опираясь на эти реестры, могут составить довольно точную картину статистики брака и рождаемости. Эдикт о тайных браках, изданный Генрихом II в 1556 году, стал первым фактом вторжения светской власти в область, до сих пор целиком принадлежавшую церкви; гражданские парламенты рассматривали вопрос о возможности взять на себя законодательную регистрацию браков.

Римское право, до сих пор действовавшее лишь в южных областях Франции, стало распространяться и на север, что способствовало изменению взглядов на женщину и ее место в обществе.

До недавнего времени считалось, что в XIX веке в Европе произошла резкая смена представлений о семье. Однако современные исследователи вносят поправки в эти концепции, считая, что эволюция семьи происходила плавно, что такие явления, как нуклеарная семья, то есть состоящая из супружеской пары и детей, появляется уже в Средневековье, хотя несомненно, что путь от большой семьи — рода к семье, опирающейся лишь на супружескую пару, был долгим и занял не менее трех столетий. Другой тенденцией в эволюции семьи стало бо-

лее позднее вступление в брак — для юношей средний возраст первой женитьбы 25 лет или больше, — соответственно более продолжительным стал период холостой жизни. В XVII веке слово «подросток» (adolescent), существовавшее еще с XIII века, стало обозначать, как это утверждает Робер Мюшембле, «человека на определенной психологической и социальной стадии развития». К XVII веку относится и появление во французском языке понятия «личность» (слово *individu* впервые зафиксировано в 1680 году). Рука об руку с этими явлениями идет и все возрастающая роль холостой жизни в обществе.

ОБЪЕДИНЕНИЯ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

19 сентября 1552 года, в воскресенье — выходной день — Пьер Креспель с пятью друзьями, «парнями-женихами» (слова «холостяк» пока еще не существует), зашел пропустить стаканчик в таверну Сен-Венан в Дуэ. В церквях уже отслужили вечерню, наступала ночь, по праву принадлежащая молодым людям. В таверне они наткнулись на другую группу молодежи. Между ними вспыхнула перепалка, связанная с тем, что одни задолжали другим денег, но она быстро затихла, так как кругом были люди.

Чуть позже, к 9 часам вечера, две группы молодых людей встретились снова у рынка; на этот раз они вооружены, да и хмель от выпитого в таверне ударил в голову. Они бросают вызов друг другу, один спрашивает, чего хотят противники — «ссоры или спора», выбрана ссора, и очень быстро некий Женне, тот самый, что не отдал вовремя долг, падает, пронзенный двумя ударами шпаги.

Стражи порядка обвиняют Пьера Креспеля в том, что он нанес удар, и он пишет объяснительную записку, которая и сохранила для нас память об этой стычке¹.

Архивы кишат документами такого рода. Холостяки, собравшись в компании, ведут себя агрессивно. Молодые самцы должны утвердить свою мужественность на «брачном рынке» и покорить тех, кто дает себя покорить. И если насилие не отведено в русло ритуализированной бравады перед самкой, оно может дойти до убийства. В Средние века агрессия, рожденная духом соперничества, выплескивалась на турнирах, в которых сражались «молодцы». С XVI века образ рыцаря постепенно вытесняется образом придворного, и мужское соперничество находит иные выходы: в словесном поединке, в изысканном ухаживании за женщиной.

Однако в простонародных кругах, как городских, так и деревенских, новые формы не прививаются, и долго еще основной формой проявления удали будет «банда молодцов». Примерно к концу XIV века — точнее определить невозможно — в городах и деревнях появляются организованные группы неженатых молодых людей. Они называются «аббатства молодых», «аббатства Могувера», «принципаты любви», «королевства зари» и т. п., создаются поверх социальных рамок, объединяя молодых и неженатых мужчин, и во многом напоминают «банды рыцарей» былых времен.

Для юноши от 14 до 17 лет примкнуть к одной из таких групп становится необходимостью, иначе он не найдет себе места в обществе, враждебном к любому проявлению индивидуальности. Вступив в группировку, юноша 10–12 лет от подросткового возраста и до вступления в брак обретал социальные рамки и модель поведения.

Общество благожелательно относилось к этой модели поведения и этим рамкам, так как они давали выход агрессивности холостяков и направляли ее в определенное русло, иначе молодой человек слишком увлеклся драками и насилием, вместо того чтобы постигать нормы и законы взрослой жизни. Власти видели в «аббатствах молодых» структуры, способные «умиротворять ссоры, смягчать крайности, направлять молодежь в достойных развлечениях, оберегая покой населения»².

Действительно, некоторые проявления агрессии молодежи стали смягчаться. Так, например, на свадьбах, особенно на свадьбах тех, кто женился вторично, молодежь устраивала разного рода бесчинства, особенно часто это были шаривари — «кошачьи концерты» под окнами новобрачных. После того как «аббатства молодых» вошли в жизнь, достаточно было внести определенную мзду главе аббатства, чтобы откупиться от «кошачьего концерта».

Сообщества молодых различались по структуре и составу членов. Иногда под началом одних и тех же лиц в сообществе объединялись члены двух ранее противостоявших друг другу группировок. Были сообщества, где сосуществовали бок о бок неженатые и женатые, но были и «холостячества», куда входили только неженатые. К примеру, в Кадруссе часто сливали в одно братство *maridas* (женатых) и *jocunditas* (холостых). По-видимому, в деревнях были более распространены сообщества холостяков, а в городах — женатых. Несколько по-разному обстояло дело в различных регионах. Так, на юго-востоке Франции, как это следует из скрупулезного исследования Жака Россью, чаще всего собирались вместе и холостяки, и женатые; в центре и на западе, как показала Николь Пе-

легрин, были особенно распространены «холостячества», предназначенные для юношей «на выданье». Изменения в региональных особенностях появляются не раньше XVII века.

В XV–XVI веках молодежные содружества играли значительную роль в жизни общества. Например, содружество «Безумной Матушки» в Дижоне насчитывало около 200 членов, а в Лилле было 89 сообществ, строго разграничивших между собой участки, на которых каждое из них действовало. В 1559 году король одного из сообществ, Каркок, свергнул герцога Дюлака и стал властвовать на улице Никез и части улицы Малад³. Жесткое разделение территории характерно и для сегодняшних бандитских группировок; оно отразилось и в некоторых фольклорных карнавалах, в частности в сиенских палио.

В сообщество вступали примерно в 12 лет (четко обозначенного возраста не существовало), причем прием новых членов всегда носил торжественный характер, а новичок обязан был «прописаться» (чаще всего он ставил всем в таверне выпивку в неограниченном количестве); кроме того, существовали разные «испытания» и розыгрыши новичка. В тех холостячествах, членство в которых оканчивалось с женитьбой, существовали разного рода обычаи и «церемонии», которые должен был пройти покидающий сообщество; эти обычаи, возможно, восходили к более древним обрядам «похорон» холостяцкой жизни. Так, новобрачный должен был откупаться, причем откуп часто носил провокационное название («налог на яйца»). Надо сказать, что иногда молодожены оставались членами холостых сообществ довольно долго, вплоть до рождения первенца.

Члены сообществ в основном занимались тем, что устраивали кавалькады, карнавальные шествия, кошачьи концерты, а также состязались в различных играх и упражнениях. Во время праздников в течение года проводились комические испытания и обряды, часто носившие скрытый сексуальный смысл⁴: разбить с закрытыми глазами горшок или надеть кольцо на копьё, поймать птицу, подбросить и заставить перевернуться овцу.

Некоторые из этих испытаний были призваны демонстрировать удаль и, соответственно, мужскую силу на глазах у девушек, в других присутствовал скрытый сексуальный смысл (разбить горшок, надеть кольцо на копьё); кроме того, они приносили известный доход в кассу сообщества, так как новобрачные должны были вносить плату «за разбитые горшки», откуда, возможно, происходит французское идиоматическое выражение *payer les pots cassés* — «расхлебывать кашу» (дословно: «платить за разбитые горшки»).

Объединения молодых не имели юридического статуса; чаще всего они существовали под покровительством семьи кого-либо из членов, и гражданские и религиозные власти иногда протестовали против учиненных молодыми беспорядков. «Холостяки занимали подчиненное место в обществе, над ними всегда стояла какая-либо семейная или социальная власть»⁵. Ночные бесчинства в большой степени связаны были с желанием компенсировать социальную фрустрацию, которой холостяки подвергались днем. Членство в «аббатстве» давало им определенный общественный статус и признание. «Аббатства призваны были дать своим членам ощущение принадлежности к некоей общности, в рамках которых реализовывалась потребность в социальном самоопределении и

собственной значимости — всего этого они, живущие под опекой старших родственников, были за рамками сообщества лишены»⁶.

Кроме обычных развлечений, характерных для всякой молодежной компании: спорт, разгул, стычки с другими группировками, «королевства молодых» занимались тем, что сами они называли «исправлением нравов». Группы молодых жили в вынужденном строгом ограничении сексуальных потребностей, и их агрессия и накопившаяся молодая энергия зачастую находили выход в ожесточении против тех, кто вышел за рамки подобных ограничений.

Особенно ярко непримиримость молодых проявлялась на свадьбах. «Брачный рынок» был относительно невелик, и молодые холостяки ожесточались против тех, кто, как им казалось, злоупотребил своими правами и отдалил для них самих возможность вступить в брак. Тогда на свадьбах устраивались шаривари — кошачьи концерты; это были свадьбы вторично женившихся вдовцов (они уводили с брачного рынка девушку, которая могла бы составить партию для кого-либо из молодых), пришедших «охотиться» в края, по праву принадлежащие местным группировкам; не избегали порицания и девушки, совратившие женатого мужчину или вставшие на путь проституции: и те и другие как бы теряли возможность стать достойной женой для одного из молодых холостяков. Шаривари устраивались и для женатых мужчин, уличенных в адюльтере, и для оказавшихся под каблуком у жены: и те и другие увели с брачного рынка жену, не будучи достойными мужчинами, в то время как она могла выйти замуж за более достойного.

Шаривари состояли не только из безобразного шума, устроенного под окнами новобрачных, но и из оскорби-

тельных действий: на дом, где проходила свадьба, мочились, устраивались глумливые процессии и пр. Кроме того, на жениха иногда налагался «штраф»: он должен был всем поставить выпивку в таверне, и это, как ни странно, тоже могло смягчить оскорбленное мужское самолюбие молодых холостяков.

Членство в сообществах оказывало своего рода воспитательное воздействие на молодых: они видели, что кроме писаных законов существуют и неписанные, регулирующие брачные отношения, и их следует защищать и охранять. Подросток, вступив в сообщество, постигал правила, по которым жили те, с кого он хотел брать пример, и правила общества в целом. Участвуя в спортивных играх и состязаниях, юноша мог быть замечен будущей женой или ее отцом. Когда один из членов сообщества женился, другие становились его шаферами.

Постепенно структура сообществ менялась, в них оказывалось все больше «закоренелых холостяков», то есть неженатых мужчин, стремившихся не к тому, чтобы обрести социальный статус в ожидании брака, а к приключениям и разгулу. Кроме того, шаривари становились все более вызывающими, и к концу XVIII века сообщества молодых исчезли. В некоторых деревнях холостяцкие сообщества существовали и в XX веке, но в них можно найти лишь отдаленные черты сообществ, существовавших при старом режиме.

В эпоху Средневековья и Возрождения сообщества холостяков сыграли заметную роль в создании общественного равновесия. В результате их постепенного исчезновения в XVII–XVIII веках отношения между отцами и сыновьями ухудшились, что заметно, например, в комедиях Мольера, где отцы и дети постоянно ссорят-

ся. Но к этому моменту само общество изменилось, и старые проблемы уже нельзя было решать методами прошлых веков.

Изменения в социальной структуре XVII–XVIII веков были вызваны множеством причин. Продажа должностей за деньги привела к тому, что молодым людям стало еще сложнее обрести устойчивое положение, а число богатых наследниц среди девиц на выданье значительно уменьшилось. Увеличение населения и продолжительности жизни привело к тому, что брачный рынок для мужчин переполнился, и средний возраст вступления молодых мужчин в брак достиг 30 лет.

С другой стороны, движение Контрреформации привело к ужесточению нравственных норм и усилению борьбы с разного рода разгулом. Проституция и адюльтер теперь наказывались самым жестоким образом. Следствием этого стало заметное сокращение незаконнорожденных детей и детей, зачатых до брака, что можно проследить, в частности, по данным регистрационных приходских книг во Фландрии с 1670–1680-х годов по 1770–1780-е годы⁷.

С ростом и развитием городов организованные группировки молодежи сменились на другие, построенные по корпоративному принципу (гильдии, корпорации, братства) или же объединяющие тех, кто имел одинаковое социальное происхождение. Кроме того, развитие системы образования для юношей, в частности распространение коллежей, и, с другой стороны, новый обычай отдавать девочек на воспитание в монастырь приводят к тому, что период между подростковым возрастом и взрослой жизнью проходит в изоляции от общества.

Некоторые исследователи считают, что именно в это время появляется феномен подросткового сознания как тяжелого разрыва между детством и взрослой жизнью⁸. В этом есть доля истины, во всяком случае, именно в это время молодые неженатые юноши утратили возможность социальной самоидентификации, что приводило к растерянности и потере ориентиров.

Заметим, что, по утверждениям некоторых медиков, привычка к мастурбации резко возрастает именно в это время; не связана ли она с удлинением добрачного периода жизни, с одной стороны, и ужесточением норм поведения в половой сфере — с другой? Такая точка зрения основана на том, что именно в XVII—XVIII веках этой проблеме уделяется пристальное внимание. Беккер, автор книги «Онания», вышедшей в 1710 году, обеспокоен всевозрастающим количеством онанистов, однако еще в позднем Средневековье проповедники осуждают то, что они называют «грех рукоблудия», а медики XVII века, говоря о том, как вреден онанизм, напоминают старинный обычай, благодаря которому обеспечивалась чистота юношей: на половой член надевалось кольцо, и любая эрекция становилась болезненной⁹.

Несомненно, мастурбация появилась не в XVII веке, и маловероятно, что она получила особое распространение в XVIII веке. Но пристальное внимание к этому феномену со стороны врачей и проповедников не случайно возникает именно тогда, когда общество задумывается над последствиями холостой жизни.

КОНФЕРИИ ХОЛОСТЯКОВ

В 1757 году некий молодой человек вышел из родного города Парижа и отправился странствовать по Фран-

ции. Его имя — Жак-Луи Менетра, он стекольщик и рассчитывает по пути присоединиться к Союзу Подмастерьев Долга («Компаньон де Девуар»), но уверен, что и до этого сможет найти выгодные заказы в больших городах королевства.

Надо сказать, что прошлое у него богатое. Он остался без матери в два года, его поочередно воспитывали суровый отец, няньки, бабушка, мачеха. Он прославился как «первый озорник в своем квартале». Однажды женщина высокого звания, у которой он работал, «посвятила его в тайны любви» — за деньги, и то, что он узнал, ему понравилось. Голова его с этих пор была занята новыми любовными победами, а насмешки он сносил все тяжелее и однажды решил бежать в Орлеан. Там он на некоторое время пристроился к королевскому вербовщику, и путешествие по Франции началось.

После Орлеана он отправился в Тур, а по дороге встретил Подмастерьев Долга и был принят ими в сообщество под именем «Парижанин, Добро Пожаловать!». Его странствие наполнено любовными приключениями: фермерша, встреченная по пути, жена седельщика, пастушка — всех их он называет «моя добыча». «Молодость проходит, и надо пользоваться всеми возможностями. Я пройду по женам хозяев и по сестрам хозяев; в каждом добропорядочном доме меня ждет искушение».

Быть может, ему следовало жениться и обзавестись собственным домом, но конфрерия, в которую он входил, предъявляла строгие правила к своим членам. Подмастерье Долга должен был быть холостым. Однажды Менетра сошелся с вдовой и мог бы стать хозяином лавки, но вместо этого бежал, не попросившись с возлюбленной. «Мне все время хотелось чего-то нового, и я бежал с ме-

ста на место». В Лионе он отказался от брака с дочкой «буржуа», на которого работал и который предлагал передать ему свою лавку сразу после брака.

Странствие по Франции закончилось, и Менетра потянуло в родной Париж. Там любовных приключений стало еще больше, и мемуары Менетра этого периода превращаются в некий сексуальный дневник, иногда с нотками грусти. Он подумывал о том, чтобы жениться на вдове из Нима, но поссорился с ней из-за ее чрезмерной набожности и ушел не без сожаления. «Я познал лишь ту любовь, что дают наслаждения, но не ту, что дает истинная привязанность» — так пишет он с грустью, собирая вещи, чтобы уйти от вдовы.

Друзья упрекают его за беспутное поведение. Он уже стал «мастером Парижа», почему не положить конец скитаниям и не осесть на одном месте? Его познакомили с милой девушкой. «Она мне понравилась, я согласился посвататься, и вскоре мы пришли к взаимному согласию». Согласие могло быть скреплено капиталом в виде лавочки, но у него не было средств, чтобы ее приобрести. Нареченная ссудила денег, и Менетра женился на ней.

Повествуя о своем браке, Менетра упоминает и о мелких любовных приключениях, к которым отнюдь не потерял вкуса. «Если случай предоставлял мне побаловаться с хорошенькой курочкой, я не упускал возможности украдкой немного подпортить свой брачный контракт». Был ли он счастлив в браке? Любил ли жену? Во всяком случае, он обрел семейный уют, искренне любил своих детей и даже простил своего недостойного отца. Что же до остального... «И мужчине, и женщине следовало бы пожить некоторое время совместно до брака, чтобы понять, могут ли они слиться друг с другом»¹⁰.

Среди группировок холостяков, объединенных по профессиональному принципу, одна пережила века: компаньонаж, или союз подмастерьев. Это сообщество организовалось в конце XV века и призвано было защищать права работников и ремесленников, окончивших обучение, но еще не утвердившихся в статусе мастера. Члены «Долга», как называлось изначально сообщество, могли быстро перемещаться из одного региона в другой («странствующие подмастерья»), что в сочетании со строгой дисциплиной внутри сообщества привело к установлению его монополии на многие виды деятельности в больших городах, а это означало, что плотники, сапожники, гранильщики камня — члены сообщества могли устраивать забастовки и добиваться от хозяев многочисленных уступок.

Пока подмастерье перемещался по всей стране, он обязан был не жениться. Безбрачие было временным, и, как правило, подмастерье женился, как только устраивался на одном месте. Но странствующие подмастерья жили коммунально, а эта жизнь требовала строгого безбрачия.

Сообщество подмастерьев было изначально мужским, и сам принцип быстрого перемещения по стране естественно предполагал необремененность семьей. Обычно подмастерья жили на постоялом дворе под опекой «матушки»-хозяйки (с XVI века появляются упоминания о «папашах»). Однако четкое требование безбрачия было сформулировано лишь в XVIII веке (именно к этому времени относятся более или менее подробные сведения о жизни подмастерьев), и оно было настолько строгим, что многочисленные кратковременные любовные связи вызывали меньше нареканий, чем сколько-нибудь постоянная связь. Считалось, что верность сообществу и верность

одной женщине несовместимы между собой, даже если это верность не жене, а сожительнице. В 1770 году кузнецы обязывают уйти из города того, кто поселится «на долгое время» с женщиной, ибо «мастеру Жаку это не нравится, и он говорит, что тот, кто живет с женщиной, думает только о ней и что женщины – погибель для его детей». Но если подмастерья проводят лишь по две ночи в неделю с одной и той же подругой, они не подвергаются взысканиям¹¹.

На картинках и в песнях часто изображается уход подмастерьев из города, и всегда при этом присутствует заплаканная «добрая подружка». А веселые и скабрзные прозвища, которые дают друг другу подмастерья, позволяют судить, насколько «странствование по Франции» было и любовным странствием, в котором молодые люди, не позволяющие себе иных привязанностей, кроме преданности делу, познавали и Францию, и жизнь. Конец странствования означал, как правило, конец холостой жизни: молодой человек утверждался в ремесле, женился и платил «благодарность» Союзу Подмастерьев Долга – больше он среди его членов не числился.

По тому же образцу, что союз подмастерьев, и в соперничестве с ним в 1643 году была образована Конфрерия Благочестивых Сапожников. Основателем конфрерии стал бельгиец Генрих Буш по прозвищу Добрый Генрих. На создание сообщества его, несомненно, вдохновил опыт Братства Святых Даров. Братья-сапожники давали клятву, что будут сочетать работу с молитвой и благочестивыми размышлениями. Ремесленники, не будучи монахами, приносили монашеские обеты celibата, бедности и послушания «собрату мастеру». Конфрерия распространилась по другим городам Франции, но движе-

ние это быстро заглохло, и к 1670 году подобное сообщество осталось только в Тулузе, где просуществовало вплоть до революции.

У девушек тоже были сообщества под покровительством святой Екатерины. Легенда рассказывает о том, что Екатерина, дочь правителя Александрии Костоса, была ученой и набожной девушкой и могла ответить на любые вопросы самых известных мудрецов. Она решила посвятить свою жизнь наукам, но понимала, что вряд ли сможет заниматься ими в замужестве. И тогда она, подобно принцессе Турандот, провозгласила, что выйдет замуж лишь за того мужчину, кто будет так же прекрасен и умен, как она. Претендентов на ее руку не нашлось, но отшельник Анания открыл девушке, что Дева Мария может послать ей идеального мужа. И действительно, Дева Мария явилась ей с женихом — ребенком Иисусом. Екатерина согласилась выйти за него замуж, но сам младенец Иисус отверг ее, сказав, что она слишком уродлива. После этого Екатерина приняла крещение, постигла суть христианского смирения и стала монахиней, то есть невестой Христовой, и покровительницей безнадежно умных и благочестивых девственниц¹².

В том, что именно святая Екатерина стала считаться покровительницей девственниц, возможно, сказались отзвуки и другой легенды — о святой Екатерине Сиенской (1347–1380), дочери красильщика, которая отказалась выйти замуж и постриглась в монахини доминиканского ордена. Те, кто поклонялся святой Екатерине, называли себя «катеринаты», и, возможно, из этого слова и родилось более позднее «катеринки», обозначающее незамужних девушек от 25 лет.

Во многих народных обычаях, относящихся к более позднему времени, сохранились следы некогда существовавших содружеств молодых девушек. В различных областях Франции Катеринами называли девушек от 15 лет и до замужества. Катерины могли ходить на специальные балы в особенном головном уборе, но они теряли это право, как только выходили замуж. В день святой Екатерины — 25 ноября — самая старшая из Катерин «надевала чепец на Святую», то есть на статую святой Екатерины. «Песнь о мученичестве святой Екатерины», восходящая, очевидно, к XVIII веку, постепенно превратилась в народную песню-просьбу послать достойного жениха.

*Святая Катерина была дочкой короля.
Отец ее язычник, христианкой мать была.
О Дева Мария, святая Катерина,
Пошлите хорошего мужа для меня¹³.*

В XIX веке среди парижских модисток было принято называть «катеринетками» (слово зафиксировано в 1882 году) девушек, не нашедших к 25 годам мужа; они надевали причудливые чепцы, которые сами себе шили.

На балу в день святой Екатерины девушки могли приглашать на танец юношей, но те предавались более жестоким развлечениям и порой могли устроить шаривари старой деве, сжигая у нее под окном чучело.

Может быть, праздник святой Екатерины был еще и праздником освобождения? По эдикту Генриха II (1556) именно по достижении дочерью 25 лет с родителей снималась обязанность найти ей мужа, и девушка имела право сама искать себе жениха. Может быть, катеринки праздновали наступающую свободу? Подобным образом

молодые неженатые мужчины в 30 лет праздновали день святого Николая — покровителя юношей, и именно с 30 лет по эдикту Генриха II молодой мужчина мог вступать в брак по собственному, а не родительскому выбору. Разумеется, в XIX веке простонародье не думало об эдикте Генриха II, но, может быть, именно оттуда пришло представление о 25 и 30 годах как о возрасте, когда можно выйти из-под родительской опеки.

День святой Екатерины отмечается 25 ноября, то есть за месяц до прихода зимы; иногда в этот день выпадает первый снег. Символика зимы связана со старостью, которая для катеринок еще не наступила, но близка, а снег — и символ зимы, и символ «белого покрывала», окутывающего невесту. Отсюда многочисленные пословицы и поговорки, сближающие снег и брачную символику святой Екатерины: «Святая Екатерина приходит всегда в белом»; «Святая Екатерина, в белом покрывале приди, снег с собой приведи»; «Святая Екатерина в белом покрывале, приведи снега и воды вволю». Святая в поговорках приходит, одетая как невеста, и это никого не смущает. С другой стороны, в день святой Екатерины можно было обеспечить себе продолжение жизни и весенний расцвет, пусть и несколько запоздалый: «На Святую Екатерину любое полено пускает корни»¹⁴. Не подумайте дурного!

Сообщества со строгой структурой не были единственными способами совместного существования и общения холостяков. Как тут не вспомнить об английских клубах, мода на которые пришла во Францию в XVIII веке? В Англии первые заведения такого рода возникли в 1588 году, но особое распространение получили во время гражданской войны и при Кромвеле. Именно в Англии, как нигде в Европе, разрешалось свободно обсуж-

дать политические новости, а интерес британцев к политическим дискуссиям способствовал появлению мест, где можно было этим дискуссиям предаваться. Первое заведение, получившее название «клуб», открылось в кафе «Голова турка» (Turk's Head) и называлось «Рота-клуб». Разумеется, никто не требовал от членов клуба безбрачия, однако компания, собирающаяся в клубе, была исключительно мужской, и женатый человек, попавший туда, мог на время ощутить себя холостяком, со всеми атрибутами холостяцкого времяпрепровождения: выпивкой, грубыми шутками и распеванием непристойных песен. Очень редко появлялись женские клубы – в 1803–1804 годах они составляют 5 % от общего числа заведений. И совсем уж редки были клубы смешанные, но внутри них женские и мужские компании все равно разделялись.

Однако существовали и такие клубы, куда женатым мужчинам вход был запрещен. Например, «Агли Фейс клуб» в Ливерпуле принимал в свои члены холостяков всех возрастов, лишь бы в их внешности было что-то «нелепое, выделяющееся, заметное, выходящее за общепринятые рамки». Быть может, из-за уродства им как раз и не удалось жениться? Так не лучше ли пойти в клуб, чем пытаться привлечь девушек косыми глазами, длинным носом или впалыми щеками¹⁵? Клуб в Эдинбурге, основанный в 1712 году, также предназначался для молодых людей «21 года, или на несколько месяцев больше, или на несколько месяцев меньше, неженатых, но готовых ввязаться в то предприятие, о котором ни один человек, как бы изощрен он ни был в знании, не может с уверенностью сказать, обретет ли он свое счастье или нет»¹⁶. Этот клуб, таким образом, превращался в своеобразный трамплин для семейной жизни.

В одних клубах принимали женатых, в других им отказывалось в членстве, но и в тех и в других холостяки всегда преобладали. Это было связано с тем, что возраст вступления в брак еще более увеличился. Завсегда-таями клубов были, как правило, 20–30-летние мужчины, которые могли завязать в клубе необходимые знакомства и облегчить себе вступление во взрослую жизнь, однако в некоторые клубы принимались и подростки 15–16 лет. Провинциалы, недавно приехавшие в город, составляли немалую часть посетителей клуба: им также следовало завести нужные знакомства и связи. Историк Питер Кларк считает, что клубы как формы сообщества молодых людей пришли на смену гильдиям и корпорациям. К концу XVII века исчез обычай селить поденщиков и учеников в доме у хозяев, и молодые ремесленники должны были сами адаптироваться к городской жизни¹⁷.

С появлением клубов создается новая форма социальных отношений, промежуточная между холостой и семейной жизнью, существованием в замкнутом пространстве и в открытом мире, и эта форма оказалась особенно необходимой для молодых людей, чья жизнь протекала в тавернах или меблированных комнатах. В тавернах или в недавно появившихся кафе существовала необходимость вынужденного общения разных людей, которая в лучшем случае могла быть преодолена за счет отбора собеседников по каким-то общим интересам (шахматы, профессиональные темы, разговоры о политике); клубы помогали решить эту проблему, и это же их свойство стало причиной недовольства моралистов XIX века.

Наконец, клубы играли важную роль и в жизни одиноких мужчин в возрасте, вдовцов или старых холостя-

ков, и это также явилось одной из причин того, что клубы стали важным элементом жизни англосаксонского общества от Кромвеля до наших дней.

РАСХОЖИЕ КЛИШЕ БЕЗБРАЧИЯ:
БЛАГОЧЕСТИВАЯ ОДИНОКАЯ ЖЕНЩИНА

В 1631 году в городке Семюр-ан-Оксуа родилась Габриэль Сюшон, женщина, чей жизненный путь вызвал много споров. Она яростно отстаивала право жить не в браке, и это в то время, когда для женщины существовало лишь два пути: выйти замуж или уйти в монахини. В «Смешных жеманницах» Мольера разгневанный отец говорит дочери и племяннице: «Или вы обе выйдете замуж как можно скорее, или, клянусь, я отдам вас в монахини!»; здесь альтернатива ясная, не оставляющая никаких лазеек.

И в это время Габриэль Сюшон пишет книгу — страстную речь в защиту безбрачия женщины как «третьего пути»; книгу, которая блеснула одиноким метеором в истории развития феминизма.

Габриэль родилась в добропорядочной и древней семье Семюра. Для нее не нашлось жениха, и родители отдали ее в монастырь. Монашеские обеты не могут быть принесены по принуждению, но ее принудили к ним хитростью местные церковные власти. Каким же надо было обладать характером, чтобы восстать против принесенных обетов, ускользнуть из-под постоянного монастырского надзора и приехать в Рим, чтобы положить прошение к ногам папы! Папа признал, что она права, и освободил от обетов, вручив соответствующий рескрипт.

Однако в то время во Франции сильны были настроения, противостоящие воле папы и Рима, и родители Габриэль знали об этом. Они оспорили рескрипт папы в парламенте Дижона, и местные власти, для которых мир в семьях горожан значил гораздо больше, чем отношения с Римом, приговорил девушку к возвращению в монастырь. Но Габриэль не подчинилась приказу. Она сумела избежать насильственного водворения в монастырь и стала жить вместе с матерью, отказавшись и от небесного, и от земного замужества.

Она требовала третьего пути для женщины, но это ни в коей мере не означало, что она вела рассеянный образ жизни. Габриэль постоянно ходила с покрывалом на голове и отдавала все свое время наукам и преподаванию. Она умерла в 72 года, окруженная почетом и незамужняя¹⁸.

Габриэль не была похожа на комичную Арманду из пьесы Мольера «Ученые женщины». В 1700 году она написала «Трактат о добровольном безбрачии, или Жизнь без принуждения», в котором подвела итог своему жизненному опыту. Для нее безбрачие – это прежде всего свобода («драгоценное золото свободной воли»), но жизнь в безбрачии не должна быть развратной. Монастырское воспитание, несмотря ни на что, чувствуется в Габриэль: она все время доказывает, что путь, который она избрала, выше и чище того, что она отвергла. Она считает, что незамужняя жизнь может стать школой святости скорее, чем жизнь в монастыре, так как она предполагает свободу... в выборе духовника и возможность выбрать другого, если первый не подходит. Кроме того, незамужняя женщина сама распоряжается своим имуще-

ством, а значит, может помогать близким и делать пожертвования. Таким образом, третий путь оказывается выше, чем путь монахини.

Заметим, что для Габриэль безбрачие — это состояние любой женщины, живущей без мужа, в том числе вдовы. Более того, когда она приводит примеры особенно благочестивых одиноких женщин, то называет почти исключительно вдов.

В том мире, где женщина всегда оказывается в подчинении у кого-то: родителей, мужа, духовника, безбрачие ценно прежде всего потому, что оно предоставляет женщине свободу выбора того или иного образа жизни. «Наилучшим образом можно было бы определить Безбрачие как состояние без обременяющих обязательств, какое открывает путь ко всем иным состояниям, пусть женщина и не пользуется этой возможностью выбора»¹⁹.

Но еще более ценной для Габриэль представляется возможность найти в безбрачии убежище: «Оно — благодеяние Божественного Провидения, подобное существовавшим в древности Городам-Убежищам, где тот, кто по несчастью совершил ошибку и теперь подлежал наказанию, мог найти защиту от преследователей».

Мирское безбрачие, стоящее как бы между двумя твердынями нравственности — браком и монашеством, — было делом нелегким. Считалось, что женщина-немонахиня, не вышедшая замуж, ведет беспорядочную и развратную жизнь, и, чтобы отвести от себя подобные подозрения, Габриэль должна была соблюдать жесткие нравственные ограничения. В конечном счете, избирая свой «третий путь», она давала обет такой же непреложный, как брачный или монашеский, пусть принесение его и не обставлялось так же торжественно. Она осуждает

тех, кто живет в безбрачии «более из прихоти, чем по зрелому размышлению, и более из стремления к распутству, чем к добродетели».

Жизнь Габриэль Сюшон стала значимой вехой в истории феминизма: она попыталась найти для одинокой женщины место в мире мужчин. Однако некоторые аспекты ее жизни выдают замешательство перед повседневной реальностью и попытки скрыться от нее. Габриэль жила с матерью, то есть не сталкивалась с необходимостью управлять собственным домом. Среди преимуществ незамужней жизни она отмечает то, что можно обходиться без слуг или очень малым их количеством, а значит, можно избежать неприятностей и огорчений, связанных с воровством, клеветой, злословием слуг. Она обладала сильным характером, позволившим победить волю родителей, монастырь, парламент, но некоторые житейские проблемы были ей не по силам.

На излете Средневековья миру явился новый образец женского безбрачия – Жанна д’Арк. Ее история стала поразительным примером того, как можно волевым действием изменить социальный статус (от пастушки к воину), половую принадлежность (она носила мужскую одежду и вела себя как мужчина) и, наконец, саму политическую ситуацию, которая была крайне неблагоприятна для Франции до вмешательства Жанны д’Арк. Это было исключительное явление, и мы не будем подробно останавливаться на нем. Тем не менее, быть может, пример Жанны д’Арк во многом изменил сознание общества: впервые женщине была предложена героическая модель поведения, сопоставимого с поведением мужчины. Не случайно после смерти Девственницы появилось множество «лже-Жанн д’Арк», подражавших ей и взявших, по примеру своего кумира, оружие в руки²⁰.

До появления Орлеанской Девственницы женщины-воительницы были или вдовами (Юдифь, Семирамида), или амазонками. Последние жили без мужчин, но все же рожали детей, сойдясь со случайными путниками. Девственницы довольствовались статусом святых и в крайнем случае сражались с чудовищами. Иногда они бывали проглочены чудищем и лишь потом сражались с ним изнутри (святая Марта, святая Маргарита); так управлять пищеварением чудища и вызывать несварение желудка было им сподручнее, чем разить копьем. На этом фоне девственница-воительница представлялась разящим ангелом, ее образ завораживал слиянием крайностей и становился образцом для подражания для экзальтированных незамужних девушек.

В это же время расцветает и антиматримониальная литература. С одной стороны, продолжается уже отмеченная нами линия от Цицерона и святого Иеронима. Старые демоны все еще завораживают сознание, и новые произведения, такие как «Пятнадцать радостей брака» (XV век) или «Спор неженатого мужчины с влюбленным, жалующимся на свою судьбу» (XVI век), вписываются в традиционные рамки обличения женского непостоянства и неурядиц семейной жизни.

Но появляется и другая литература, где слово берут сами женщины. В народных песнях XV–XVIII веков часто звучит тема «несчастливого замужества» – жалоба на то, что отец отдал девушку замуж за недостойного человека²¹. В XVI веке женщины пишут книги о своей незадавшейся семейной жизни. Таковы, например, «Мучительные тревоги, из любви происходящие» (1538), где Элисенна де Крен описывает запретную любовь, вспыхнувшую у нее из-за несчастной жизни в браке, в который ее принудили

вступить в 11 лет, причем до этого она ни разу не видела своего жениха. Николь Лебо в книге «Тяготы замужней женщины» (1587) восстает против мужей-тиранов.

В мужских жалобах на брак по-прежнему преобладает страх стать рогатым, однако тон их меняется. Третья книга романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» посвящена тому, как Панург ищет ответ на вопрос, будет ли он рогат в браке. Среди ответов, противоречивых и разнообразных, примечателен ответ богослова, который воздает хвалу браку, в котором нет опасности, что жена изменит мужу. Для этого следует найти себе такую супругу, которая была бы добродетельна, набожна, хорошо воспитана, не стремилась бы к светским удовольствиям и читала божественный закон, «который строго воспрещает прелюбодеяние и повелевает прилепиться к мужу своему, его единого ублажать, ему единому служить и, после Бога, его единого любить» (пер. Н. Любимова). При этом и муж должен «обходиться с нею дружески»²². Среди персонажей Мольера измены боятся лишь старики, ухаживающие за молодыми красавицами (Сганарель, Арнольф). Традиционная аргументация против брака принципиально изменилась: теперь уже не жена ответственна за разрушение брака, она больше не выступает как коварная обольстительница и совратительница. Жена теперь скорее жертва, лишенная знаков внимания со стороны мужа, которых она вправе ожидать в браке. Если она смиренна, она ограничивается жалобами, если более активна — мстит мужу за его спиной.

Новая аргументация, к которой стали прибегать в полемике противники брака, свидетельствует о серьезных изменениях в его концепции. Теперь считается, что,

если женщина жалуется на судьбу, она это делает не из каприза, а потому, что у нее есть на то причины.

При этом к XVI веку во Франции повсеместно, распространяется римское право, которое еще более чем раньше, ограничивает свободу женщины, передавая ее из подчинения родителям непосредственно в подчинение мужу. Процесс ограничения свободы женщины наметился еще в XIV веке, но в XVI–XVII веках были приняты и сформулированы соответствующие законы. «Наши обычаи поставили женщину в такую зависимость от мужа, что она не может участвовать в сколько-нибудь значимом и общественно полезном деле без его согласия» — такой итог подводит юрисконсульт Потье (1699–1772). Дело доходит до того, что несовершеннолетний муж может распоряжаться совершеннолетней женой²³!

Разумеется, и в Средние века участь женщины была незавидной, и положение обычного права «муж господин над своей женой» действовало вплоть до революции²⁴. Однако юридически средневековая женщина обладала некоторой свободой. Перелом произошел в XVI веке, когда были, в частности, переработаны старые законодательные сборники. Так, свод законов Парижа подвергся переработке в 1510 и 1580 годах, и в этих переработках ощутимо заметно как влияние римского права, так и постепенное ограничение прав женщин. Статья 105 (в переработке 233), запрещающая женщине распоряжаться собственным имуществом без согласия мужа, была дополнена в 1580 году положением о том, что любой договор, подписанный женщиной, недействителен. Однако женщина все еще обладала юридическими правами, если ее муж отсутствовал или был признан недееспособным, то есть речь не шла о невозможности женщины как таковой

управлять имуществом. Именно это провозгласила классическая эпоха, когда при отсутствии или недееспособности мужа управление имуществом передавалось общественным органам, то есть предполагалось, что женщина от природы «слишком неопытна, слаба и капризна», чтобы распоряжаться имуществом²⁵.

Что касается родительской власти, которой подчиняются молодые люди обоего пола, то до переработки законов она прекращалась с наступлением 25-летнего возраста или раньше – при вступлении в брак: «Замужние женщины и женатые мужчины считаются вышедшими из под родительской опеки»²⁶. Пересмотр законов продлевает родительскую власть за совершеннолетие. Как считали юристы, законодательно закреплённая родительская власть обеспечивает два разных права: право распоряжаться имуществом и личностью детей до их совершеннолетия, с одной стороны, а с другой стороны, право получать «поддержку и почтение от детей». Это право весьма расплывчато, и действие его прекращается только со смертью родителей²⁷. Таким образом, отец мог оказывать моральное давление на дочь, даже если она не зависела от него как потенциальная наследница.

Франция – страна, где не существует общего для всех закона, и местные обычаи могли еще больше ограничить свободу незамужней женщины. На юге власть отца над дочерью признавалась пожизненной. В Нормандии имуществом одинокой девушки распоряжался сеньор, в Брабанте и Льеже муниципальный совет решал, кто именно – муж или отец – будет опекуном вышедшей замуж девушки²⁸. Отсюда следовал вывод: если женщина, вступая в брак, не обретает свободу, зачем выходить замуж?

В эпоху Возрождения участь женщины стала более тяжелой, и не только из-за введения романского права. Так, медики Возрождения открыли, что не существует «женского семени», которое, как считалось в Средние века, необходимо, так же как и мужское, для зачатия ребенка. Соответственно, все дискуссии на тему, должна ли женщина испытывать удовольствие от полового акта, прекратились. При этом чуть ранее, к XV веку, церковь смягчилась и перестала видеть в супружестве одно лишь исполнение долга, признав за супругами право испытывать удовольствие в совместной любви²⁹. И вот через два поколения тон разговора о половом акте кардинально меняется. В катехизисе Канизия (1565), основанном на решениях Тридентского собора, говорится, что супружеские отношения ни в коей мере не могут быть средством развлечься или выразить любовь супругов друг к другу. Монтень выражается еще яснее: он предпочитает, чтобы жена получала удовольствие любви не от него, а от любовника. Вывод: женщина выходит замуж не для того, чтобы получать удовольствие. Тогда зачем выходить замуж?

Не будем упрощать представление о браке и его развитие от Средневековья к XVII веку. Положение женщины и в Средние века было не слишком завидным, хотя именно в XVI веке возникло устойчивое мнение, что муж совершенно не обязан сделать жену счастливой. Однако безбрачие не виделось выходом, и многие женщины выходили замуж, чтобы избежать более обременительной отеческой опеки. Смена одного тирана на другого — тоже выход. В пьесе Мольера «Брак поневоле» (1668) Доримена надеется найти в будущем муже сочувствие: «...отец был со мной неизменно суров и до последнего времени держал меня в невыносимой строгости. Меня уже давно

бесит, что он стесняет мою свободу, и я часто мечтала выйти замуж для того, чтобы не подчиняться больше родительской воле и жить по-своему» (сцена II, пер. Н. Любимова). Вскоре читатель узнает, что она рассчитывает быстро овдоветь и получить от мужа наследство, чтобы сойтись со своим любовником.

Зато и отцы в комедиях Мольера мечтают поскорее избавиться от строптивых дочерей. В «Браке поневоле» Алькантор радуется, что сбыл дочь с рук: «Ну, слава богу! Я от дочки избавился, теперь уж вам придется следить за ее поведением» (сцена X, пер. Н. Любимова). В «Смешных жеманницах» Горжибюс жалуется: «Мне надоело с вами возиться: нянчить двух взрослых девиц — непосильное бремя для человека моих лет» (сцена IV, пер. Н. Яковлевой).

Если умирал отец, забота о девушках на выданье ложилась на старшего мужчину в семье. В 1737 году умер зять Вольтера Миньо, и Вольтер вместе со своим братом Арманом должен был заняться судьбой племянниц. Арман хотел отдать их в монастырь, а Вольтер дал приданое, чтобы они могли найти себе жениха по вкусу; правда, потом муж одной из племянниц навсегда рассорился с ним.

Брак может стать ловушкой: желание освободиться и от опеки отца, и от опеки мужа сильно, но не стоит слишком рассчитывать на скорое вдовство...

Одна из «смешных жеманниц» Мольера, Мадлон, надеется в Париже «хоть немного подышать» перед замужеством, но другая — Като — решительно настроена против брака: «Можно ли свыкнуться с мыслью о том, чтобы лечь спать рядом с неодетым мужчиной?» (сцена IV, пер. Н. Яковлевой).

К концу XVI и особенно в XVII веке женщины осмелились восстать против грустной альтернативы, предлагающей рабскую зависимость в любом случае. Один из самых красноречивых и, вместе с тем, заслуживающих сострадания примеров — Мари де Жар де Гурне (1565—1645), называвшая себя «сводной дочерью» Монтеня. Девушка родом из Пикардии прочла в 18—19 лет «Опыты» Монтеня; они потрясли ее, она познакомилась с автором и стала поверенной тайн старого Монтеня, а после его смерти — издательницей его наследия. Отец Мари умер, когда ей было 12 лет, мать — когда ей было 26, на нее легла ответственность за младших братьев и сестер, причем материальное положение семьи было плачевным. Одна из старших сестер уже была замужем, другая ушла в монахини. Мари удалось пристроить младших детей в семью друзей, сама же она так и осталась незамужней.

Она целиком посвятила себя творчеству великого человека — своего кумира. В 1594 году она получила от вдовы Монтеня его бумаги, а в следующем году появилось первое переиздание «Опытов». Вплоть до смерти Мари выйдут не меньше дюжины изданий, не считая тех, что печатались в провинции и за границей. Она сама занималась всем: вычитывала текст, писала комментарии, переводила цитаты с греческого и латинского языков, договаривалась с книгопродавцами.

Разумеется, ею кроме прочего двигало желание войти в литературные парижские круги. Ее приняли, но над ней смеялись и потешались, как над синим чулком, устраивая недостойные розыгрыши. Она сама распорядилась собственным имуществом, и дела шли плохо, особенно когда после смуты, связанной с Лигой, пропала ее рента. С невероятным трудом ей удалось добиться королевской

пенсии, позволявшей вести скромную жизнь — более скромную, чем ей подобало по социальному положению. Все говорили, что стол у нее скудный. Она могла позволить себе держать только двух лакеев, одну служанку и горничную, прислуживавшую ей с самого детства. Неизрасходованная нежность Мари выливалась на кошечек: Донзель, Пиалу и Минету.

Если то, что она не вышла замуж, могло быть объяснено семейными обстоятельствами, то на ее жалкое материальное положение, преданность творчеству Монтеня и желание проявить себя на поприще словесности, равно неприемлемое как для монашенки, так и для замужней женщины, в обществе смотрели косо, она же принимала все с гордо поднятой головой и требовала того, что ей причиталось. Мари де Гурне стала первой женщиной, яростно отстаивавшей равенство мужчины и женщины, которое невозможно было реализовать в браке.

Покой в семье основывается на подчинении одного супруга другому, ибо одних лишь разумных доводов недостаточно, чтобы прийти к согласию, а «мужское упорство» мешает тому, чтобы «уступал он». Именно поэтому святой Павел провозгласил главенство мужа над женщиной³⁰. Незачем и говорить, что только незамужние одинокие женщины понимают, что женщина изначально не слабее мужчины, и знают, какова цена той свободы, от которой другие отказываются ради мира в семье.

Писатели XVII века не впадали в такие крайности, как провозглашение безбрачия единственной формой свободы для женщины, однако вопрос о произволе отцов и мужей поднимался неоднократно. Мольер не раз обращается к этой теме: «Не в Турции же мы, где под замками жены» («Школа мужей», акт I, сцена 2, пер. В. Гиппи-

уса). В «Школе жен» та же тема затронута иначе: запереть девушек — это значит заставить их рваться на свободу. Напрасно Сганарель в «Школе мужей» обличает «современную распущенность нравов» — чрезмерная строгость лишь усиливает тягу к свободе: «Итак, обдумайте мой искренний совет, Что запирать жену для мужа смысла нет» (акт I, сцена 3, пер. В. Гиппиуса).

В «Буржуазном романе» Фюретьера слышны отзвуки тех же жалоб. Жавотта отказывается от жениха, предложенного ей отцом — Волишоном, и тот говорит: «Нынче век впал в разврат. Только посмотрите, господа, насколько распутна стала молодежь и как мало значит теперь отцовская воля!» Далее Волишон вспоминает собственного отца, воспитавшего семерых детей, и даже тогда, когда «все они уже были с бородами», ни один не смел ни чихнуть, ни сплунуть в присутствии отца. А что касается дочерей, то «самая смелая из них не решалась поднять глаз на мужчину».

Однако отказаться от партии, предложенной отцом, — это только начало. Что будет с девушкой, если она решила стать хозяйкой своей судьбы, но не желает быть навсегда запертой в монастыре? Или она настаивает на том, чтобы выйти замуж за того, за кого хочет, или же останется незамужней. В романе Фюретьера Жавотта предлагает такую, новую альтернативу: она «благодарит родителей за тот труд, с коим они подыскивали ей супруга, но хочет, чтобы впредь эту заботу предоставили ей самой». Она хочет сама сделать выбор, но она хочет вдобавок иного социального положения. Ей сватают адвоката, а она мечтает о «знатном мужчине с перьями на шляпе». Далее ей видится карета, лакеи, платье из бархата. Она даже не против на время остаться незамужней, ибо она, «в конце

концов, еще молода и согласна некоторое время побыть в девушках и посмотреть, насколько благосклонна к ней судьба»³¹. Но отец прибегает к старой альтернативе — брак или монастырь. В конце концов возлюбленный похищает Жавотту и бежит вместе с ней.

В этом романе нас интересует тема перемены во взглядах молодой девушки, которая начинает посещать кружок прециозниц-мещанок. Романист смеется над ними, так как они лишь пародия на «прециозниц высшего ранга», то есть аристократок. Все прециозницы незамужние и окружены поклонниками. Филиппота, поменявшая имя на Ипполиту, берет уроки латыни, итальянского языка, хиромантии, стихосложения у разных любовников. У нее репутация девушки, которую невозможно выдать замуж — она образованна, как доктор наук, но не умеет вдеть нитку в иголку, и женихи отказываются от нее.

В XVII веке отказ от брака и незамужняя жизнь обычно рассматривались вместе с движением прециозниц. Следует, однако, уточнить, что прециозниц можно приписать к истории феминизма только с существенными оговорками. Не стоит слишком полагаться на насмешливые творения Мольера или де Пюра, не стоит буквально воспринимать выражение «янсенистки любви», как называли прециозниц Скаррон и Сент-Эвримон. Исследователи неоднократно подчеркивали, что реальные, исторические прециозницы, как правило, были замужем. Если некоторые из них и мечтали о безбрачии, в реальности оно не считалось достойным положением для женщины.

В «Прециознице» аббата Мишеля де Пюра наиболее четко представлена эта тема. Описывая кружок прециозниц, собравшихся в салоне, он извиняет отсутствие одной из них тем, что она замужем, а муж не разрешает ей

выходить в свет: «Головы ее родственников все еще набиты дурацкими представлениями предков, что удел женщины – домашний очаг; они считают, что красота ценна лишь тогда, когда она приносит какую-то пользу, они предпочитают лохмотья домохозяйки украшениям и изяществу кокетки»³². В замужестве для прециозниц самым неприятным оказывается лишение свободы. Но насколько предпочтительнее жить незамужней? Острословы эпохи не заходят так далеко: «Страшно не слово “замужество”, страшен сам муж».

Так что же – да здравствует замужество без мужа? А почему бы и нет? Настоящая прециозница «замужем, но так, что не замечает этого». Партеноида, самая красноречивая из всех, боится, как бы все то, что говорят о браке плохого, не ввело в моду безбрачие, «этот ужасный способ жизни, который не избавляет от атаки смерти и с преступной небрежностью позволяет старости и возрасту наносить свои опустошения под предлогом того, что чувства ничего не значат, а надо жить высокими и духовными ценностями».

Далее рассказывается история «ложной прециозницы», которая отказывалась от замужества и осталась старой девой, потому что хотела выйти замуж за ученого человека и по своему выбору. Разумеется, здесь речь идет не об аристократке, а о бывшей служанке, которой хозяйка выплатила пенсион; затем она была камеристкой в доме у дамы с положением, и хозяин хотел жениться на ней в благодарность за службу. Она отказалась, чем несказанно всех удивила. Но она заявила, что «никогда не думала о замужестве и решила провести свою жизнь не под ярмом и не в рабстве». Если однажды ей захочется подчиниться какому-либо тирану, то пусть это будет ученый

человек. Насмешка становится совсем очевидной, когда говорится, что старая дева не стареет, потому что «прециозность» несет в себе источник молодости: «Седой волос не посмеет появиться на ее голове»³³.

В «Смешных жеманницах» Мольера Като и Мадлон – мещанки, как и прециозницы из «Буржуазного романа» Фюретьера. Над ними можно смеяться, не задевая высший свет. Однако следует отдавать себе отчет в том, что для служанки-прециозницы аббата де Пюра или для Жавотты Фюретьера условия брака были несколько другими, чем для знатных дам, увлекшихся прециозностью. В высшем свете возникла чуть ли не мода состоять в браке, но жить как бы незамужней, не разделяя с мужем жилище, то есть особняк или замок. Долгое время мадам де Лафайетт считалась вдовой, а она была замужем и просто жила при дворе, в то время как ее муж – в своем поместье. В таких условиях легко жить как «свободная девушка», то есть незамужняя. Однако для тех прециозниц, которые располагали не слишком большим состоянием, опека мужа имела значение. Таким образом, насмешки над мещанками, которые подражают знатым прециозницам, немного лицемерны.

И вот появляется Габриэль Сюшон с ее концепцией «третьего пути». Нельзя сказать, что у нее совсем не было предшественников. В 1644 году вышла книга отца Косена, озаглавленная «Жизнь благочестивых девушек, не желающих ни выйти замуж, ни уйти в монастырь» (книга до нас не дошла). Спустя 13 лет появилось сочинение анонимного автора «Школа дочек». В одном из вошедших в это сочинение диалогов, названном «Необиза, или Девушка, которая не хотела выйти замуж», речь, несомненно, идет о «третьем пути», хотя героиня отказывается не

от замужества, а от ухаживаний соблазнителя. Ее подруга Теобиза дает ей понять, что так можно остаться на всю жизнь в девушках.

В 1650-е годы среди настоящих прециозниц распространяется идея, что можно выбрать безбрачие, чтобы посвятить жизнь дружбе, серьезным визитам и беседам, словесности³⁴. Для молодых образованных прециозниц отказ от замужества означал преданность высокой и чистой любви, как в романах, а также желание, чтобы их ценили не за приданое, не за состояние отца или титул мужа, а за их собственные достоинства, ум, образование, которое они смогли получить вопреки всем мужским предрассудкам.

Но такой выбор был нелегок, и «Школа дочек» перечисляет опасности, стоящие на пути подобной девушки. Во-первых, ей не следует быть слишком красивой, в противном случае не избежать пересудов, и независимости придет конец. Красивая девушка обречена проводить «всю жизнь под опекой» — матери, сестры или другой родственницы. И ни одного мужчины не должно быть на горизонте. Если девушка живет в доме отца, сплетни неизбежно возникнут, разве что она закроется в доме, как затворница в монастыре. Во-вторых, нельзя быть дурочкой, иначе чем заняться той, кто не желает проводить по три часа перед зеркалом? Однако не надо слишком беспокоиться о девушках — «белых воронах». Их не так уж и много: некоторые девушки от рождения созданы для брака, и им легко найти мужа.

Только ум позволяет девушке в 20 лет подготовиться к жизни в 40. Она презирает всякие безделушки и мелкие ухищрения, она не привлекает мужчин (к сожалению, разумных мужчин очень мало), она не переживает из-за

того, что ей, быть может, придется состариться в одиночестве. «Итак, по моему разумению, в девушках могут оставаться лишь те, кто недостаточно красивы, но добродетельны и обладают острым умом»³⁵, — то есть прециозницы. К этому анонимный автор добавляет несколько советов: надо много читать, не ходить на балы, целью которых является поиск мужа, и найти себе несколько незамужних подруг. И следует остерегаться того, чтобы стать «ложной прециозницей».

Как раз в это время — и это не случайно — во Франции появляется система обращения к женщинам, позволяющая отделить замужних от незамужних. Изначально обращения «мадам» и «мадмуазель» применялись только по отношению к знатым женщинам. «Дама» в слове «ма-дам» происходит от *domina* — «госпожа» и означает владелицу поместий или жену владельца. «Мадмуазель» — уменьшительное от этого слова, и постепенно его начинают применять к знатной женщине, вышедшей замуж за мещанина. Жорж Данден — герой комедии Мольера, крестьянин, решивший повысить свой социальный статус, женится на дочери мелкого землевладельца. С первой реплики он жалуется: «До чего же непростое это дело, жена — мадмуазель». Однако во времена Мольера слово «мадмуазель» могло обозначать и знатную женщину без титула, и жену мещанина. В театральных программах жена Мольера значится как «мадмуазель Мольер». В XVII веке это слово еще никак не связано с замужеством, оно определяет сословную принадлежность. Расин в письмах к сестре называет ее «мадам» до замужества и «мадмуазель» после того, как она вышла замуж за простолюдина Антуана Ривьера³⁶.

До XIX века слово «мадмуазель» могло обозначать молодую девушку из почтенной семьи, дворянку или мещанку, вне зависимости от того, замужем она или нет. Однако с XVII века параллельно появляется и другое словоупотребление, отличающее замужнюю «мадам» от незамужней «мадмуазель», зафиксированное, в частности, в 1690 году в словаре Фюретьера: «“Мадмуазель” говорится сейчас о любых девушках, если они не замужем». Однако сословный привкус слова все еще ощущается, и Фюретьер добавляет к приведенному выше: «...если они не крестьянки и не дочери ремесленников».

Дальнейшая эволюция понятия весьма красноречива: мало-помалу некогда лестное для незамужней девушки обращение превратилось в оскорбительное по отношению к незамужним женщинам в возрасте. Его не используют перед обозначением звания или должности, и еще недавно двойное лицемерие предписывало обращаться к незамужней женщине-преподавателю «мадам учитель». Как только девушки достигают определенного возраста, к ним обращаются «мадам», если только они не требуют обратного³⁷. Актриса Арлетти прославилась тем, что до преклонных лет требовала называть ее «мадмуазель».

Даже бумага не любит слова «мадмуазель»: по правилам в письмах обращение «мадмуазель» к незамужней женщине возможно лишь в том случае, если она старшая или единственная дочь в семье. К младшей из нескольких дочерей принято обращаться просто по имени³⁸.

РАСХОЖИЕ КЛИШЕ БЕЗБРАЧИЯ: КУРТИЗАНКА

Она вошла в историю Великого Столетия под именем Нинон де Ланкло. Ее настоящее имя Анна де Ланк-

ло, родилась она скорее всего в 1623 году³⁹. Отцом ее был мелкий дворянин Анри де Ланкло, бретер и развратник; когда девочке исполнилось 9 лет, он, совершив преступление, бежал из Франции. Она выросла в кругу вольнодумцев, ни в чем не ограниченная воспитанием, и в 13 лет обнаружила, что «все религиозные наставления лишь плод воображения, и в них нет ничего серьезного». XVIII век пытался увидеть в ней философа, проникнутого идеями Просвещения; думать так было бы преувеличением. Однако когда Нинон взяла в руки бразды правления собственной жизнью, она решила «взглянуть на жизнь философски» и читать только Монтеня. Возможно, ее ожидала участь, подобная участи Мари де Гурне.

Однако Нинон была бедной девушкой. Мать воспитывала ее одна и умерла, не оставив завещания, а значит, и хоть какого-то имущества, какое можно было наследовать. У Нинон был некоторый музыкальный талант, она стала танцевать и играть на лютне для дам-соседак.

Поскольку отец ее был дворянином, ее попытались выдать замуж. Был найден жених — Шарль-Клод де Бомон, сьер Сент-Этьен. Казалось, что брак состоится непременно, и мадам де Ланкло позволила жениху свободно проводить время с невестой. Дело кончилось тем, что девушка оказалась «испорченной». Такое случалось нередко, девушка «потеряла честь», даже не заметив этого. Но ситуация усугубилась, когда мать стала торговать обещанной дочерью. Советник Жан Кулон, женатый человек, по выражению Таллемана де Рео, «заключил с матерью договор». Когда жена советника узнала об измене мужа, разразился скандал. Скрыть очевидное было невозможно, и советник открыто взял Нинон на содержание. Так началась для нее жизнь куртизанки.

Она ни в чем не нуждалась, ее осыпали льстивыми речами, ее уважали, что случается нечасто. Она умела правильно распорядиться своими сердечными делами. «Нинон зарабатывала на жизнь, ложась в постель, но она не ложилась ради заработка»⁴⁰. Ее мужчины делились на «плательщиков», с которыми она не слишком церемонилась, «мучеников»-воздыхателей, которым она не собиралась дарить любовь, и «любимчиков», от которых она даже не требовала денег: к ним принадлежал, например, Анри де Севинье, муж «божественной маркизы» де Севинье. Если Нинон отказывала поклоннику в любви, она могла вернуть ему дом, который он перед этим ей подарил. Такое бескорыстие вызывало уважение к ней.

Нинон хотела быть «свободной девушкой». Очень рано она «решила, что будет отдаваться лишь тем, кто предоставит ей достаточно свободы. Когда она уходила от кого-либо, она просто говорила ему об этом или писала записку». Женщина, которая сама решает, с кем завязывать отношения, а с кем разрывать, — достаточно редкое явление в то время. Уже одно это вызывало к ней интерес. Кроме прочего, она жила сдержанно и скромно и «остерегалась слишком часто беременеть».

Стремление Нинон к свободе доходило до того, что она предпочитала жить не в одном доме со своими любовниками, а рядом. До 1654 года она жила на улице Ришелье в доме Буаробера со своим любовником Вилларсо. Вилларсо был женат, и ему удобно было жить с Нинон в доме у своего снисходительного друга. Однако в конце концов он купил особняк, и это все изменило — Нинон не захотела жить в его доме. Она наняла дом напротив, чтобы быть рядом с любовником и вместе с тем оставаться свободной. Вилларсо наблюдал за ней из окна, и, когда в

неурочный час у Нинон зажигалась свеча, он страдал от ревности⁴¹. Однажды он так расстроился, что заболел, и тут Нинон вспылала к нему настоящей любовью и прислала прядь своих волос. Любовь настигла ее в 31 год, но, увы, ненадолго, всего на два года.

В 1656 году за нее взялись строгие ревнители нравственности и поместили ее в монастырь Мадлонетт («магдалинок»), созданный в 1620 году для раскаявшихся девушек легкого поведения. Один из современников Нинон писал с насмешкой: «Как тяжело было находиться в монастыре старой высокомерной куртизанке, привыкшей во всем потакать своим удовольствиям»⁴². «Старой куртизанке» было в это время чуть за 30. Даже если слово «старая» было употреблено в значении «опытная», оно прозвучало грубо. Через год после заточения в монастырь Нинон была освобождена по настоянию королевы Швеции Кристины.

По возвращении из Мадлонетта Нинон поселилась на улице Турнель, где и прожила до самой смерти. Она держала салон, «что-то вроде маленького отеля Рамбуйе», как сказал Вольтер, и в этом салоне было принято свободно обсуждать философские проблемы. «В 34 года она оставила ремесло куртизанки и стала жить на свои сбережения»⁴³. Состарившись, куртизанка начала жить как добропорядочная дама — «мадмуазель де Ланкло». Во всяком случае, внешне она соблюдала приличия, хотя ее и окружали поклонники, среди которых был Шарль де Севинье, сын «божественной маркизы». Она сохранила свою красоту до старости; рассказывали, что, когда ей исполнилось 80 лет, некий советник парламента пытался ухаживать за ней, но был отвергнут.

Когда вольнодумство и безбожие вышли из моды, Нинон сохранила верность убеждениям и теперь воспринималась как покровительница философов. Эстафета была передана следующему поколению из рук в руки: в 1705 году 10-летний мальчик, еще не взявший псевдонима Вольтер, посетил 92-летнюю Нинон. Она была подругой его отца, нотариуса Аруэ, и подпись Аруэ стоит на акте о смерти Нинон. По свидетельству Вольтера, она умерла вскоре после их визита и завещала будущему философу 2 тысячи франков на покупку книг.

Если девушка не выходила замуж и не становилась монахиней, то есть выбирала «третий путь», прославленный Габриэль Сюшон, жизнь ее была не слишком завидной. Если у нее появлялся любовник, ее обвиняли в распутстве, если она жила без любовника, говорили, что она «засохшая груша». Если она хоть немного задерживалась вечером на улице, ее могли обвинить в проституции⁴⁴.

Душевная жизнь женщины была возможна только под прикрытием замужества. Мольер в «Мизантропе» изображает неисправимую кокетку, 20-летнюю вдову Селимену. Брак освободил ее от подчинения родителям, а смерть мужа — от подчинения ему. Ее кокетство отчасти извинительно — она хочет радоваться своей молодости, но не желает стать куртизанкой. К сожалению, ей не удастся убить двух зайцев сразу: все поклонники оставляют ее, и она соглашается принять предложение Альцеста. Однако ненадолго, потому что он хочет увести ее к себе «в пустынный уголок» и отказывается жениться, если она собирается остаться в Париже. Можно представить, каков был тот выход, что представлялся самой Селимене: она хотела выйти замуж и тем самым исправить репутацию

цию легкомысленной девушки, а потом, прикрываясь статусом замужней дамы, вести все ту же рассеянную жизнь кокетки.

Если образ жизни незамужней девушки нельзя прикрыть солидным статусом замужества, то остается одно: жить у какого-нибудь родственника, желательно — мужчины, рассчитывая, что он не будет слишком придирчиво следить за ее поведением. Клод де Салльнов, благородная девушка из Шампани, осталась сиротой. Она слишком разборчиво относилась к женихам и долго не могла выйти замуж. В 1643 году ее похищает поклонник, господин Сент-Этьен, но отец отказывается платить ему содержание, и поэтому брак не может быть заключен. Через некоторое время Клод начинает тяготиться своим сожителем, «который был не слишком здоров и не отличался отвагой ни в войне, ни в любви».

И вот она возвращается в семью. Брат, дядя, кузены в затруднении — как ее пристроить? Дядя предлагает до поры до времени отправить ее в монастырь кордельерок в Реймсе. Брат, вообразив, что Сент-Этьен бросил его сестру (на самом деле она оставила его сама), вызывает «обидчика» на дуэль, потом сражается с ним еще раз и на этой второй дуэли погибает. Для Клод остается один выход — монастырь. Она томится у кордельерок, но вскоре ее кузен, виконт д'Этож, забирает ее и позволяет поселиться в своем поместье. К ней сватаются, но она всех «холодно» отвергает. «Она горда как черт, маленького роста, но не уродлива, неглупа, и есть особая живость в ее глазах». Отказав второму претенденту, она добровольно уходит в монастырь, но через некоторое время монастырь «впадает в нужду», и ее опять отправляют к родным.

На этот раз непокорную девушку берет на свое попечение дядя. Новое поколение – новые нравы. Ее держат в строгости, позволяя встречаться лишь с дальними кузенами. Один лишь виконт д'Этож все еще надеется выдать мадмуазель де Салльнов замуж. «Устав от ее причуд», он вместе с племянником, которому предназначает ее в жены, устраивает похищение. Племянник, о котором шла речь, был небогат, и она однажды уже отказала ему. Она негодует, возмущается, грозитя возбудить судебный иск против похитителя. «Но когда она поняла, что ведет себя как ребенок, она утихомирилась». Это следует понять так – согласилась выйти замуж за похитителя, иначе репутация ее была бы навсегда испорчена, и не было бы никакой возможности когда-либо все-таки выйти замуж⁴⁵.

Клод де Салльнов познала все этапы жизни одинокой женщины: осторожное сожительство (ей удалось не забеременеть от Сент-Этьена), насильственное водворение в монастырь и добровольный уход в него, свободную жизнь на попечении кузена, жизнь затворницы на попечении дяди и, наконец, брак с похитителем. Ее репутация не слишком испорчена, потому что на каждом этапе своей жизни она находится под покровительством мужчины; скомпрометировать ее мог бы только внебрачный ребенок.

Риск рождения ребенка представлял основную опасность в любовных внебрачных связях. Сейчас мы понимаем, какую роль в истории безбрачия играют надежные противозачаточные средства. Появление ребенка не только угрожало репутации девушки, но и грозило смертью мужчине, поскольку за соvrащение полагалась смертная казнь. Именно поэтому распутники старались избегать связи с девушкой, так как если она беременела, то

следовало или жениться на ней, или дать ей приданое. Богатые любовники предпочитали сначала выдать возлюбленных замуж, а потом уже соблазнять их. Так, например, Генрих IV сначала выдал Шарлотту де Монморанси за принца Конде, «более склонного к охоте, чем к женщинам», а потом уже оболыщал ее. Некий Патрю, влюбленный в дочь прокурора, «белокурую и белую, с самой обворожительной на свете фигурой», лишь тогда сумел склонить ее на свою сторону, когда нашел ей достойного мужа. После замужества, когда появление ребенка не вызвало бы никаких пересудов, она спокойно сошлась с Патрю. Однако муж вскоре умер, и Патрю не стал более ходить к ней, ибо «связь с вдовой не менее опасна, чем связь с девушкой»⁴⁶. При связи с куртизанкой таких проблем не было: ее репутация давно испорчена, и она ничего не будет требовать, если вдруг забеременеет.

Не будем удивляться, что короли все еще занимаются замужеством благородных девушек. Нинон де Ланкло могла бы обратиться к королю, если бы поклонник не «испортил» ее, не предложив обычного выхода. Сходная, но более завидная судьба у Марион Делорм, конкурентки Нинон при дворе. Родители подыскивали ей выгодную партию, как вдруг ею увлекся де Барро, прозванный Великолепным Развратником. Вскоре красавица Марион заблестала в свете, и у де Барро появились соперники — кардинал Ришелье и Сен-Мар. Кардинал-министр не мог жениться, а молодой и оболыстительный Сен-Мар предложил Марион руку.

Марион приняла предложение: ей было 27 лет, и, несмотря на ослепительную красоту, она уже миновала возраст, в котором девушки обычно выходят замуж. Де Барро счел себя оскорбленным, кричал о поругании чes-

ти, о неверности, как если бы продолжительная любовная связь была равнозначна браку. Все знают, что последовало дальше: родители не дали согласия на брак юного Сен-Мара (ему было всего 19 лет). Он сочетался браком тайно, но брак был аннулирован по настоянию матери молодого человека, мадам д'Эффия. Брак не пришелся по душе ни королю, обидевшемуся на Сен-Мара за предательство их дружбы, ни Ришелье, влюбленному в Марион. Расторжение брака вызвало большой шум, следствием которого, в частности, стал королевский указ от 26 ноября 1636 года, запрещающий тайные браки. Для Сен-Мара это явилось началом королевской немилости; через три года он был обезглавлен. Для Марион со скандалом рухнули надежды на брак в будущем.

В мире, где общество признает право на сексуальную свободу за мужчиной и отказывает в том же женщине, самым страшным бедствием для сладострастной девушки оказывается встреча с себе подобным мужчиной, например таким как Линьер, который умело манипулировал девушками, обещая жениться, то есть заключить брачный контракт, а потом бросал их. Он цинично признавал, что «честность» его заключалась в том, чтобы не заводить больше трех любовниц одновременно⁴⁷.

Если женщина оставалась до старости незамужней, это означало, что ее никто не захотел или что ее хотели все. Если она не куртизанка, то она убогая. И выражения того времени подчеркивают это достаточно жестоко. Искать мужа — это «заколоть за ухо букет», подобно тому, как украшают быка, когда его ведут продавать. Для мадам де Севинье мужа «ловят на крючок», как рыбу, или на него «кладут подушечку», как на стул, чтобы удобней было сидеть. Та, кто возвращается с «рыбалки» ни с чем, выгля-

дит жалко. Ее называют «перезревшей», как овощ. Сен-Симон, например, так пишет о старшей дочери Круасси: «Она уже совсем перезрела и очень уродлива». Жан Ришар (1638–1719) дает неожиданное сравнение: «Она пьянит, как слишком спелый финик». Если девушка отказала многим достойным женихам, но так и не нашла хорошую партию, на нее «снизились расценки». Именно такую разборчивую невесту имел в виду Лафонтен в басне о цапле, которая отвергла самую лучшую рыбу, а теперь довольствуется червяком.

В этой басне, которая называется иногда «Цапля», а иногда «Девушка», муж представляется такой же насущной потребностью, как рыба для цапли. Надо ли говорить, что эта потребность, сравнимая с голодом, носит чисто сексуальный характер? Концепция женской ненасытности восходит к средневековым медицинским представлениям об организме женщины: внутри ее тела расположена матка, подобная маленькому зверьку, и она кричит от голода всякий раз, как не получает своей порции мужской жидкости. Баснописец, как и большинство его современников, не представляет, что женщина способна обходиться без мужчины: природа обделила женщину в том, что ей может дать мужчина. Теория недостатка и восполняемости долго будет ведущей в размышлениях о женском безбрачии. Что же касается червяка, то психоаналитик несомненно увидит здесь соответствующий символ.

Червяк может даже и не принимать человеческую форму. Аббат Рео, брат Таллемана де Рео, рассказывает, как некая старая дева призналась ему со смущением: «Я думаю, что выйду замуж лишь на небесах». «Не знаю, кого из святых вы выберете себе в мужа, — сказал аббат, —

быть может, святого Аливерго». Таллеман де Рео уточняет, что именем этого святого, умершего «с напряженным членом», с XV века называли жезл фаллической формы⁴⁸.

В добропорядочном обществе не девушка выходила замуж, а родители выдавали ее замуж. Оказавшись без покровителя, она как бы впадала в немилость у судьбы и не могла ни на что надеяться. Сестра барона Прессена, дворянина из Дофине, была «хромой и плохо сложенной». Она долго надеялась выйти замуж, но через три месяца после смерти брата решила «выйти замуж за Господа, так как он не столь придирчиво ее осматривает»⁴⁹. Иногда девушку толкает к замужеству «некоторое желание», как пишет Лафонтен. Фюретьер дает неприглядный портрет старой девы, поклявшейся, что выйдет замуж лишь за того, кто овладеет ею перед судом. Старая дева всегда «сухая и тощая от непрестанной заботы о своем бедственном положении», и она проявляет активность, необычную для своего пола. «Ее целомудрие — часто вынужденная добродетель, ибо она никогда не могла прийти с кем-либо к согласию»⁵⁰. От ужаса стать старой девой многие становились куртизанками.

СЕКТА ХОЛОСТЯКОВ

Мы в Париже 1670 года в кабачке на Медвежьей улице. Здесь собрались несколько знатных молодых людей и «напиваются как свиньи». Из окна виден рынок подержанных вещей. Среди молодых людей — Гастон-Жан-Батист-Антуан де Роклор, маркиз де Биран. Они предаются непристойным забавам, и тут раздается крик — это некий молодой человек очнулся и увидел, что ему отрезали мужские органы и положили в корзинку рядом с ним. Таким

было кровавое завершение дебоша молодых распутников, проведших день, по выражению Франсуа Вийона, «в тавернах и девках».

Однако на этот раз они зашли слишком далеко. Слух о происшествии может дойти до ушей короля, который и так считает, что поведение этих молодых людей позорит их громкие имена. Для того чтобы избежать судебного разбирательства, они и собираются для тайных дебошей в маленьких невзрачных кабачках вроде того, что стоит на Медвежьей улице. Но как воспрепятствовать слухам? «Для того чтобы не навлечь гнев короля, они решили принести присягу и потребовать подобной присяги от всех, кто вступит в их братство, — не иметь более дела с женщинами. Они считали, что король узнал об их проделках от некоей дамы, с которой был близок один из них, — он-то и разболтал ей свои секреты».

Любопытный ход мысли, в духе классического женоненавистничества. Одним из аргументов за безбрачие священников было то, что их жены могут разболтать тайну исповеди. И вот, подобно священникам, распутники тоже хотят оградить свои тайны от женщин. Однако об их «секте» заговорили еще больше, чем об их выходках. Среди них был кавалер Мальтийского ордена Тилладе. Не он ли предложил построить сообщество по образцу монашеского ордена с четырьмя приорами во главе? Маникан, Граммон, герцог и пэр Франции, и сам Тилладе стали тремя приорами как наиболее «нашумевшие» и предложили место четвертого приора Бирану; он хоть и был слишком молод, но обладал острым умом. Приоры тут же выработали девять правил сообщества, главным из которых стал «обет целомудрия по отношению к женщинам, под угрозой быть исключенным из сообщества». Вскоре их

стали называть «петиметрами» — «маленькими магистрами», в отличие от «великих мастров» Мальтийского ордена. Слово «петиметр» дожило до XVIII века, но уже не связывалось с сектой женофобов.

Не будем абсолютизировать требование целомудрия. Речь не шла о безбрачии как о социальном состоянии. Граммон был женат, и Тилладе упрекал его, что тот слишком любит жену. Если собрат вступал в брак, это не являлось поводом для исключения его из содружества. Он просто должен был «поклониться, что женился из-за денег, или по настоянию родителей, или для того, чтобы родить наследника. Также он должен был поклониться, что не будет любить жену, не будет спать с ней после того, как родится наследник. Он испрашивал позволения спать с женой и получал его при условии, что будет делать это не чаще раза в неделю».

Здесь речь идет скорее о карикатурном женоненавистничестве, чем о серьезном обете безбрачия. Примером тому служит знак, который позволял братьям узнавать друг друга: они носили между рубашкой и камзолом крест, «подобный кресту святого Михаила», на котором вылеплено было изображение мужчины, повергающего к своим ногам женщину. До нас дошел памфлет, обличающий их беспутства, но ему следует доверять с осторожностью. Памфлет называется «Франция стала Италией». В нем рассказывается, как молодые люди в своем «монастыре» (загородном доме) предаются мужеложству — пороку, завезенному из Италии⁵¹.

Несмотря на то что «сектанты» постарались оградить себя от женской болтовни, слух о них дошел до короля. Герцог де Граммон был приговорен к наказанию кнутом, а большинство «братьев» были высланы в отдаленные от двора города.

Отец Бирана, герцог де Роклор, из предосторожности решил срочно женить сына и выбрал для него невесту — дочь герцога д'Омона, племянницу Лувуа. Но сын оставался верен содружеству и попросил отсрочки на две недели, чтобы, как это было записано в уставе, испросить у братьев разрешение на женитьбу. Он получил его, при условии что будет обращаться с женой сурово и не забудет о братстве. Теперь оставалось только добиться согласия на брак от отца невесты. Но герцог д'Омон колебался. С одной стороны, он не хотел ссориться с герцогом де Роклором, с другой — не решался отдать дочь за известного развратника. Он не дал согласия, и «маркиз де Биран, не видевший разницы между браком и рабством, почувствовал невероятное облегчение». Он отпраздновал отказ герцога разгульным праздником, где «было в изобилии все, кроме женщин».

В марте 1683 года герцог де Роклор умер, Биран стал богатым наследником и завидным женихом. Сам король берется за сватовство и предлагает ему в жены мадмуазель де Лаваль, фрейлину дофины, и право на герцогский титул. Биран привередничает. Он знает, в чем секрет: его величество хочет отдать ему свою бывшую любовницу. Вмешивается семья. Дядя Бирана грозит лишить его наследства, если он не женится. Свадьба состоялась 20 мая, но Биран позволил себе еще одну проделку в духе былых выходок. Наутро после свадьбы он вместо жены принимал свадебные визиты дам, лежа в постели и одетый как женщина, в чепчике и кружевах. В спальне был полумрак, и женщины действительно принимали Бирана за его жену, пока он не доказывал обратное каким-либо непристойным жестом.

Женившись, Биран остепенился, стал губернатором Лектура, затем королевским лейтенантом армии, главнокомандующим Лангедока, и наконец в 1724 году – маршалом Франции.

Обвинения «сектантов» в гомосексуализме следует отнести скорее на счет преувеличений и клеветы. Но очевидно, что, предаваясь разгулу и удовольствиям и отказываясь от женщин, молодые люди из знатных семейств в конце концов обретали такую репутацию, что отцам трудно было найти им достойную невесту. Не для всех, как для Бирана, находились королевские любовницы!

Можно предположить, что к концу XVII века брак становится непопулярен. Мужчины соглашаются жениться, следуя своим социальным обязательствам и для того, чтобы было кому оставить наследство, но они пытаются в браке жить холостой жизнью. Как утверждает жена Лафонтена, он мечтал «однажды три недели снова пожить холостяком»⁵².

Ключевым словом остается «свобода». Свобода мысли, вольнодумство, освобождает человека от пут религиозной морали и предполагает свободу нравов и свободу сердца. На языке эпохи «холостяк» – это тот, кто «свободен». Шамфор передает слова некоего человека, который уже вышел из возраста, когда волочатся за женщинами, но отказывается от выгодной партии: «Всю мою жизнь я любил до безумия две вещи: женщин и холостую жизнь. Первое мне больше недоступно, но это не причина, чтобы отказываться от второго»⁵³.

Свобода... Ее понимают по-разному. Для многих свобода – это отсутствие ограничений. Таков был Блестящий Гуляка Жак Валле, сеньор де Барро, ученик Теофила де Вио. Для современников он оставался образцом

убежденного вольнодумца до самой старости — таким его изображает Паскаль в «Мыслях». Однако свобода де Барро — это скорее страх перед обязательствами. Он, по-видимому, был человеком слабовольным, не умел противостоять искушениям, но быстро пугался последствий своих поступков. Он был верен идеям Теофиля де Вио и издавал его сочинения, но как только нападки на «короля либертинажа» усилились, де Барро отказался от дружбы с ним и сблизился опять только после того, как шум затих. Он готов был обратиться к вере, как только узнал, что серьезно болен. Он был государственным советником, но избегал парламента. Вряд ли де Барро может служить примером стойкости в убеждениях. Он помнил, что его дед, Жоффруа де Валле, был осужден за атеизм и сожжен в 1574 году и, быть может, поэтому был очень осторожен.

Большинство его стихотворений до нас не дошло; возможно, среди них были наиболее смелые. В тех стихотворениях, что мы можем прочесть, де Барро предстает философом-эпикурейцем, предпочитающим невозмутимость духа и мирное счастье без особых привязанностей и страстей, которые могли бы нарушить его душевное спокойствие. И, разумеется, он предпочитает быть холостым. Холостая жизнь для него — это жизнь без обязанностей: семейных, духовных (в отличие от безбрачия священников, которое предполагает, что, освободившись от груза семейных забот, священник сможет полностью отдаться работе духа), общественных. Его отказ от семейной жизни скорее похож на бегство, чем на осознанный выбор. Не случайно в дальнейшем, осуждая холостяков, моралисты будут говорить об их эгоизме.

Фрэнсис Бэкон (1561–1626) осуждает «алчных богачей», которые отказываются от семейных уз, чтобы все

нажитое состояние оставалось с ними. В ту эпоху, когда еще не сложился культ свободы, стремление к ней могло вызывать нарекания. «Чаще всего причиной холостой жизни является стремление к свободе, особенно свойственное тем привередливым и эгоистичным умам, что даже пояс и подвязки приравнивают к цепям и кандалам»⁵⁴. Для королей холостяки — опасные подданные: «Они всегда склонны к бегству: все перебежчики холосты». На повороте от Ренессанса к современному мышлению английский философ стал первым, кто вложил в безбрачие политическое содержание. В мире, где жизнь и поведение личности все еще жестко детерминированы самыми разными социальными факторами, свобода предстает не как смелость, но как нелепое требование, разрушительное по своей природе.

Однако есть и другой тип свободы, не разрушительный, а созидательный, что демонстрирует Габриэль Сюшон. Для нее остаться незамужней — это, в терминах Аристотеля, отказаться от выбора одной возможности, чтобы быть открытой всем прочим возможностям. На обвинения в эгоизме тех, кто остается холостым, она возражает, что в будущем холостяки, не обремененные семьей, могут стать покровителями ассоциаций добровольно соединившихся людей. «Конечной и всеобщей целью безбрачия является общественная польза»⁵⁵. Расширяя церковное представление о безбрачии, Габриэль Сюшон считает, что оно должно быть поставлено на службу другим людям.

Итак, безбрачие или заставляет человека замкнуться только на самом себе, в эгоизме, или предполагает открытость сразу всем. Эти два пути безбрачия не так противоречивы, как это может показаться. Прагматик

Бэкон видит в эгоизме некоторую пользу, так как истинное милосердие всегда совершается ради себя самого: «Безбрачие подходит для служителей церкви, ибо милосердие не может оросить землю там, где надо сначала наполнить лужу». Холостяки — лучшие друзья, учителя и слуги. Если они и представляют известную политическую опасность для монархии, они все же не так асоциальны, как закоренелые холостяки XIX века. Заметим, что, хотя Бэкон говорит о безбрачии вообще, он все же считает его наиболее уместным для священников.

Среди преимуществ свободы от обязательств, если она не оборачивается распутством, Бэкон видит то, о чем писал еще Цицерон: «Тот, у кого есть жена и дети, становится заложником судьбы, ибо он не может безрассудно пускаться в рискованные начинания, будь они добрые или злые. Несомненно, что лучшие творения произведены холостяками или бездетными людьми, ибо они сочетались браком со всей своей нацией и всю ее оплодотворили мыслью и чувством». Далее он сравнивает потомство одних людей, представленное «творениями и благородными учреждениями, созданными ими», с тем потомством, что другие оставляют в браке, как если бы «они хотели запечатлеть образ своей души сквозь телесную оболочку своих детей»⁵⁶. Мысль не слишком оригинальная и отсылает нас к Платону и другим античным мыслителям.

С этих пор история безбрачия прочно вписывается в историю свободы, которую в XVIII веке только еще предстоит написать. После взрыва 1789 года во Франции наступит долгое и постепенное завоевание свободы в западном обществе, но и за два столетия до этого мыслители готовили общество к пониманию свободы, частью которой стало светское безбрачие.

НОВОЕ БЕДСТВИЕ?

Кристоф-Филипп 1738 года рождения и Фридрих-Стефан 1740 года рождения были сыновьями баварского красильщика из Визенбаха, близ Ансбаха. Старший отправился искать удачи в Мультхаус, нанялся гравировщиком на мануфактурную фабрику в Лотарингии, а затем перебрался в Париж и стал работать красильщиком на мануфактуре Арсенала. Однако в 21 год он решил завести собственное дело и в 1759 году вместе с несколькими компаньонами открыл небольшое заведение. Он вызвал в Париж и младшего брата, которому еще не исполнилось 20 лет.

В дальнейшем Фредерик (теперь его звали на французский манер) живет как бы в тени старшего Кристофа, а тот ставит дело на ноги, защищает свои интересы на судебном процессе, отправляет брата в командировки и тщательно изучает отчеты, которые Фредерик ему присылает. Мануфактура по производству набивных тканей, принадлежащая братьям, постепенно превращается в процветающее предприятие, и в 1770 году они становятся гражданами Франции. Обоим перевалило за тридцать, и оба не женаты.

По счастью, жена одного из компаньонов братьев, мадам Марез, занимается сватовством. В 1774 году она предложила в жены Фредерику дочь виноторговца-протестанта. Но старший решил, что невеста больше подходит ему. Он написал родителям: «Мне она подошла больше, чем Фредерику, и, по моей просьбе и к моему удовлетворению, он уступил мне ее». В ответ отец, зная характеры своих отпрысков, попросил старшего подыскать жену младшему — «ведь в свои мужские годы он застенчив, как послушник».

Сказано — сделано. Через два года для «послушника» подыскивали подходящую партию: «полнотелая мамаша с приятным лицом, лет тридцати; великолепно ведет хозяйство и может управлять торговым заведением». С ней познакомили сначала старшего брата, тот передал младшему, какую для него нашли невесту, и предложил начать обычные в таком случае визиты. Разумеется, речь шла о визитах к родителям нареченной, а через неделю младший брат попросил «неделю на размышление, так как он должен принять на себя очень серьезные обязательства». Он обещал дать ответ после декабрьского подведения баланса. Но прошла Троица, а Фредерик все не заговаривал о женитьбе. Была ли тому виной робость? Или он слишком погрузился в работу? Или не желал расставаться со свободой? Через 10 лет его, закоренелого холостяка, навестила сваха, но он отказался пообедать с ней, «потому что у него были более важные и более интересные дела»⁵⁷.

Застенчивый человек, закоренелый холостяк, Фредерик остался в тени Кристофа, который стал известен потомкам как г-н Оберкампф — богатый, женатый, знаменитый промышленник, которому Людовик XVI пожаловал дворянство, а Наполеон дал орден. Его именем названы улица и станция метро в Париже.

Пример Фредерика Оберкампфа в истории французской промышленности не единственный. В холостяках остались также его современники Жан-Батист Декрето (1743–1817), директор семейной суконной мануфактуры, которую он продал в 1710 году, Франсуа-Жозеф Жари (1739–1805), управляющий рудниками в Нор-сюр-Эдр.

Распутство или скромность, эгоизм или любовь к светской жизни, урбанизация и распространение таких

характерных для холостяков профессий, как клирик, слуга, матрос, солдат... В XVIII веке казалось, что холостяков развелось так много, что французская демография под угрозой. Стало ли безбрачие модой? Свидетельствовало ли оно о том, что институт брака изжил себя? Во всяком случае, об этом тогда говорили повсюду. Шамфор подвел итог различным мнениям о браке и безбрачии, высказанным в XVIII веке, и сформулировал это так: «И брак, и безбрачие создают множество неудобств; надо выбирать те неудобства, с которыми проще примириться»⁵⁸.

Насколько обоснованным было беспокойство о распространение безбрачия? Мы можем опираться лишь на сведения о жизни высших классов, так как они более или менее подкреплены документами. В разных странах Европы и в разных областях этих стран ситуация в конце XVII – начале XVIII века неоднородная, но можно отметить, что все продолжающееся повышение возраста вступления в брак ведет к увеличению числа временных холостяков. В городах увеличивается и число окончательных холостяков, в частности за счет малоимущих дворян: не имея возможности содержать семью на уровне, достойном их ранга, они предпочитают оставаться холостыми и ищут развлечений, компенсируя отсутствие супружеских радостей⁵⁹.

Однако следует учесть и существенные изменения в экономике, произошедшие в XVII–XVIII веках. В частности, изменился способ приобретения состояния. Доход с наследственных поместий – основа состояния аристократии – стал менее значимым, чем доход от непосредственной коммерческой деятельности. Если наследственное состояние передается от отца к сыну или приобретается путем женитьбы, то богатство, приобретенное в процес-

се коммерческой деятельности, есть результат работы личности. Вспомним Оберкампов: старший женился в 36 лет, когда его дело упрочилось, а младший остался холостяком. Однако могло быть и наоборот, если бы Фредерик женился сразу на той девушке, что перехватил у него Кристоф. Так или иначе, молодые годы братьев были посвящены тому, чтобы обустроить свое дело, сколотить состояние, и лишь потом они стали думать о собственном жизненном обустройстве. Эта схема постепенно становится самой распространенной: годы наивысшей активности в начале взрослой жизни посвящаются делу и социальному самоутверждению. Те, кто преуспел, начинают поиски жены и, как правило, преуспевают и в этом. Те, кто не смог ни разбогатеть, ни утвердиться в обществе, стареют в одиночестве.

Таким образом, в XVII–XVIII веках женятся поздно. Исключение составляют, пожалуй, только дети герцогов и пэров, которых отцы спешат женить до того, как они влюбятся каким-либо неподходящим образом. В литературе также частенько встречаются поздние браки. Волишон, отец из «Буржуазного романа» Фюретьера, женился в 40 лет. Персонажи Мольера Арист и Сганарель собираются жениться соответственно в 40 и 60 лет («Школа мужей»), Сганарель – персонаж комедии «Брак поневоле» – женится в 52.

Насколько общий характер носят эти примеры? Луи Анри считает, что представления о большом количестве холостяков в XVII–XVIII веках преувеличены, так как основаны лишь на сведениях о положении дел в высших классах и в городе, тогда как в деревне численность окончательных холостяков все же остается очень низкой.

Однако Людовик XIV, вернее его министр Кольбер, забил тревогу. В ноябре 1666 года вышел указ о многодетных семьях. До этого времени матримониальная политика не стояла в центре внимания властей, и реакция на проект Кольбера оказалась очень бурной.

Весь 1666 год Кольбер проводил консультации с интендантами различных провинций, чтобы выяснить, каковы налоговые возможности каждой из них. Его внимание привлек опыт Бургундии, где семьи, имеющие 10–12 детей, получали значительные налоговые послабления. Кроме того, Кольбер увидел, что положение холостяков не одинаково в разных провинциях. Налог, которым облагались простолюдины и их имущество, распространялся крайне неравномерно. В Лангедоке налог платили все без исключения — и семейные, и холостые. В Нормандии налог платили только мужчины третьего сословия, а женщины до замужества от него освобождались. В Париже налог платили только женатые, но не холостяки. Такое положение дел встревожило Кольбера, так как налог мыслился как эгалитарный, во всяком случае для третьего сословия.

Эдикт 1666 года призван был унифицировать распределение налога и переложить большую часть его бремени на плечи холостяков. По первоначальному проекту предполагалось не только освободить от налога отцов многодетных семей, но и обложить дополнительно холостяков старше 20 лет. Молодые люди, женившиеся до 20 лет, освобождались от налога до достижения 25 лет вне зависимости от того, сколько у них рождалось детей, а те, кто женился в 20 лет, освобождались от налога до 24 лет. Очевидно, что речь шла не столько о поощрении рождаемости, сколько о поощрении брака. Добавим, что отцы 10 детей, оставшихся в живых и не

ушедших в монастырь, освобождались от всех видов пода-тей и назначения в дозор и охрану. Эдикт протягивал руку третьему сословию, а не безбрачному духовенству. Жены дворян, воспитавшие 10–12 детей, должны были получать пенсию в 1000 или 2000 ливров⁶⁰. Таким образом, в проек-те, поощрявшем брак и многодетные семьи, никто не был забыт. Заметим, что освобождение от налога не только давало материальную выгоду, но и становилось своего рода отличием. Налогом облагалось только третье сословие, его не платили ни дворянство, ни духовенство, поэтому осво-бождение от него рассматривалось как привилегия.

Итак, проект был составлен и разослан по провин-циям. Встретили его сдержанно, что говорило о том, на-сколько велика в обществе роль холостяков. Интендант Кана, например, выражал опасение, как бы ранние бра-ки не отвратили юношей от службы в армии и флоте, «ибо и то и другое дело сопряжено с разгульной жизнью, приличной холостякам, но не женатым людям». Его бес-покоит также, не стоит ли за проектом «презрение к свя-щенникам, монахам и монахиням». Интендант Алансона, наоборот, предлагает облагать налогом не только неже-натых мужчин, но и незамужних девушек старше 20 лет, если они имеют свое дело. Интендант Клермон-Феррана беспокоится, что освобождение от налога побудит моло-дых людей поспешно жениться, что увеличит число бедня-ков и отвратит мужчин от службы в королевской армии. Проект представляется ему совершенно бессмысленным для перенаселенных провинций, где отцы почти не огор-чаются, потеряв кого-либо из детей. Важность борьбы с безбрачием осознавали далеко не все, поскольку солдаты и моряки как раз и набирались из молодых людей, не обремененных семьей. И наоборот, тот, кто женился рано, мог впасть в нищету.

Несмотря на сдержанный прием, эдикт «Об уступках, послаблениях и освобождении от налогов лиц, женившихся до 20 лет или на 20-м году жизни, до достижения ими 25 лет, и отцов семейства, имеющих от 10 до 12 детей» был издан королем в ноябре 1666 года. В нем Людовик сетовал на «нынешнюю распущенность нравов», из-за которой так упал авторитет брака, и заявлял, что не желает, чтобы «те подданные, кто живет не в браке, оказались в более выгодном положении, чем те, кто принял на себя брачные обязательства». К первоначальному проекту Кольбера в эдикте добавилось положение о «взимании налога со всех налогооблагаемых подданных, не вступивших в брак до 21-го года жизни, соответственно их доходам и имуществу»⁶¹. Речь не шла о налоге на холостяков в чистом виде, но о том, чтобы не дать им ускользать от налога, как это было прежде, и о том, чтобы предоставить налоговые льготы молодоженам. Что касается дворян и жителей вольных городов, не плативших налогов, то их также поощряли к браку. По настоянию Кольбера им предполагалось выплачивать пенсии, правда, для вольных горожан они были вполтину меньше, чем для дворян.

Была также разработана система взысканий. Так, например, в эдикте, поощрявшем заключение браков в Канаде (тогда она была французской провинцией), отцы, не женившие сыновей до 20 лет и не выдавшие своих дочерей замуж до 16 лет, обязаны были уплатить штраф в пользу больниц. Возраст определен вполне разумно для того времени, а ответственность родителей в деле устройства детей прописана четко. Те, кто вступал в брак в оговоренные сроки, имели право получить «королевский подарок» в размере 20 ливров⁶².

Парламенты многих провинций отказались подписать эдикт 1666 года — без их подписи он не мог вступить в силу на территории провинций. Однако на большей части королевства он был принят. Гораздо труднее было проследить за его исполнением. Например, со смертью ребенка налоговые льготы прекращались, поэтому родители подчас не торопились оповестить о смерти налоговые службы. Эти и подобные злоупотребления, особенно часто зафиксированные в многодетных семьях, привели к тому, что 23 января 1683 года эдикт был отозван.

Об этом эдикте впоследствии неоднократно вспоминали. Он свидетельствует о том, что демографическая ситуация во Франции стала предметом размышлений. В XVIII веке размышления о браке и безбрачии войдут в моду. Монтескье в знаменитом трактате «О духе законов», опубликованном в 1748 году, среди прочих доказательств того, что все законы должны опираться на естественные законы природы, говорит и о браке. Он признает разницу в положении юношей, пользующихся известной свободой, и девушек из добропорядочных семей, находящихся до брака под неусыпным надзором, и утверждает, что девушки и так «достаточно расположены» к браку, поскольку брак открывает им доступ к свободе и удовольствиям, «но юношей надо к браку поощрять».

Монтескье устанавливает взаимосвязь между безбрачием и развитием цивилизации: «Народы, которые еще только рождаются, заинтересованы в том, чтобы плодиться и размножаться. Для них жизнь без семьи невысказана и невысказано не иметь множества детей. Иное положение дел возникает, когда нация уже сформировалась». Желание сохранить имя или владения побуждает отцов женить лишь часть детей, а дух независимости личности,

возрастающий с развитием цивилизации, заставляет смотреть на брак как на обузу. Монтескье понимает, что его могут обвинить в нападках на религиозные учреждения, поэтому осторожно добавляет: «Видит Бог, я ничего не имею против того безбрачия, что избрали для себя служители церкви. Но как молчать, глядя на то, как распутная жизнь среди обоих полов извращает естественную природу чувств, заставляя бежать от союза, который сделал бы миллионы людей лучше, чем они есть, и обращая их к тому образу жизни, что делает их хуже, чем они есть»⁶³.

В Англии моралисты тоже были обеспокоены демографическим спадом. Доктор Томас Шорт (ок. 1690–1772), шотландский врач, предлагает вернуться к древнеримской системе и накладывать на холостяков налоги, которые могут быть использованы в пользу бедняков, вступающих в брак, «так как могущество и слава короля зависят от многочисленности подданных, а процветание торговли и сельского хозяйства основано на деятельности граждан, в то время как безбрачие, разгул, адюльтер, склонность к бесстыдным удовольствиям должны быть порицаемы во всех классах общества. Холостяки должны быть обложены налогом (деньги от налога могут быть использованы, чтобы облегчить жизнь нуждающимся семейным парам). Развратники должны быть призваны в армию, если в этом есть нужда, или же сосланы на плантации. Наказание за адюльтер должно быть очень строгим, вплоть до смертной казни, как это принято в некоторых языческих или христианских странах»⁶⁴.

Сходные идеи высказывал и Джозеф Таунсенд (1739–1810), геолог и пастор, который в 1787 году предложил, чтобы при каждом приходе в обязательном порядке со-

здавались общества благотворительности и холостяки были бы обязаны делать гораздо бóльшие, чем отцы семейств, взносы в кассу общества. Он предлагал взимать с холостяков на благотворительные цели четвертую часть их доходов, а с родителей четырех детей — только тридцатую часть⁶⁵.

Во Франции в 1765 году аббат Тома-Жан Пишон (1731—1812), каноник церкви Сен-Шапель в Мане, предлагает ввести подобный дифференцированный налог на холостяков и видит в нем «дань терпимости». По его мнению, налог для высших классов должен быть выше, чем для простолюдинов, так как холостяки из высших сословий более виноваты перед государством, которое они лишают возможности обрести новых граждан: «Сын лакея составляет меньшую ценность для государства, чем сын знаменитого офицера или умелого государственного деятеля». Далее он предлагает разделить население на шесть групп по доходам и составляет соответствующую таблицу. По его расчетам, собранный налог должен составлять около 5 миллионов ливров, и эти деньги можно было бы использовать в виде помощи многодетным матерям и отцам⁶⁶.

БЕЗБРАЧИЕ И ПРЕСТУПНИКИ

Жан-Доминик Картуш (1693—1721), сын бочара с улицы Понт-о-Шу в Париже, не чувствовал призвания к ремеслу отца. В 17 лет в Руане он соблазнил цыганку и последовал за ее семьей. Потом он вернулся к отцу в Париж, но слишком очевидно предпочитал ремеслу бочара ремесло карманника. Отец донес на него, и Жан-Доминик снова бежал из дома.

Он прошел через все занятия холостяка: служил в армии, потом лакеем у знатного сеньора, был бродягой. Он обзавелся собственным лакеем, который быстро перенял его привычки и стал таким же беззаботным любителем вина и женщин, как и его хозяин. Картуш столкнулся с бандой разбойников, пошел с ними, соблазнил дочь главаря и вскоре сам стал главарем. К этому моменту ему было 24 года, он обрел известность, и четыре года имя его гремело по всей Франции.

Банда Картуша стала первой бандой во Франции, где дело было организовано так хорошо, поставлено на такую широкую ногу. В ней состояли около 800 воров, сообщников и перекупщиков краденого; затем 362 человека были арестованы и осуждены, а Картуш ушел в подполье. За его голову была обещана награда; разумеется, он не мог жениться, да и не желал, так как привык искать удовольствий там, куда его забросит судьба. Он не успел сменить свои взгляды на жизнь, поскольку в 28 лет его жизненный путь окончился. Его арестовали, пытали и колесовали на Гревской площади в Париже. Имя Картуша быстро обросло легендами, в нем видели принца воров и принца разбитых сердец, и молва приписывала ему различные галантные похождения⁶⁷.

«Чем больше у вас женатых людей, тем меньше преступников. Посмотрите в уголовных делах: на сотню повешенных или колесованных холостяков приходится только один казненный отец семейства».

«Брак делает человека благоразумным и добродетельным. Подчас отца семейства, решившегося на преступление, останавливает жена, ибо ее кровь не так разгорячена, как у него, она мягче и нежнее мужа, она страшится грабежей и убийств, она более набожна».

«Отец семейства не хочет краснеть перед детьми. Он боится оставить им в наследство позор на имени».

Эти мнения приведены Вольтером — знаменитым холостяком — в его «Философском словаре» (1764) в статье «Брак». Они вложены в уста анонимного «рассудительного человека». Для второй половины XVIII века стала характерна перемена причины и следствия: холостая жизнь не рождается из порока, а сама порождает порок. Теперь уже холостяк — это не просто эгоист, который хочет бежать от семейных обязательств и предаваться собственным удовольствиям. Холостая жизнь превратилась в знак испорченной натуры, холостяк создает беспорядок в обществе, ячейкой которого является семья. Холостяк — это что-то вроде вредоносной клетки в организме, способной, говоря современным языком, вызвать рак в обществе.

Такой взгляд на брак вписывается в сложившееся к этому времени понимание «Природы», лежащей в основе «Духа законов», как это уже определил Монтескье. В Природе соприкасаются Истина и Добродетель. Не будем удивляться, что «рассудительный человек» Вольтера высказывает те же мысли, что и Жан Жак Руссо, еще один знаменитый холостяк, опубликовавший в 1761 году роман «Юлия, или Новая Элоиза». Героиня романа Юлия, вышедшая замуж и ставшая госпожой де Вольмар, советует Сен-Пре жениться на г-же д'Орб из страха, как бы вынужденное воздержание не ввело их обоих в искушение; «Мужчина не создан для безбрачия, и трудно удержаться от того, чтобы столь противное природе состояние не стало причиной тайного или явного проступка»⁶⁸. В этой фразе сказано все: безбрачие противно природе, безбрачие порождает порок.

Почти все философы того времени придерживаются сходных воззрений. Дидро, составивший для «Энциклопедии» статью «Безбрачие», смотрит на человеческую природу чуть более благосклонно. Совершенный человек, живущий в полной изоляции от окружающих, может оставаться в безбрачии и считаться «хорошим» человеком», но того, кто находится в обществе и живет в безбрачии, нельзя так назвать, «ибо как можно назвать так человека, кто по бездействию остается в одиночестве и способствует разрушению своего вида?»

Демографические аргументы заменены здесь ссылкой на природу. Если речь идет только об одном человеке, то он может и не воспроизводить себе подобных, но коль скоро он живет в обществе, отказ от воспроизводства становится дурным действием и, следовательно, признаком дурной природы.

В подкрепление своих убеждений Дидро разворачивает образ безбрачия, порожденного «неосмотрительностью, мизантропией, легкомыслием, распутством». Вот люди, которые бегут от союза, «способного сделать их лучше», в уединение или же, перефразируя Монтескье, в «союзы, что делают их хуже». Таким образом, брак — ячейка общества — несет здесь воспитательную функцию, облагораживая людей и улучшая общество в целом. И наоборот, случайные связи и разврат обедняют общественное сознание. Безбрачие — за исключением безбрачия церковного — выступает как вредное для общества установление и с демографической, и с нравственной стороны⁶⁹.

В XVIII веке возникает понятие «общественное мнение», появляются политические клубы и кафе, формиру-

ются республиканские взгляды — все это вливает новую струю в размышления о безбрачии и его месте в общественной жизни.

До поры до времени нападки на безбрачие не касались celibата священников, но в последние десятилетия XVIII века общее осуждение безбрачия распространилось и на него.

«Энциклопедический журнал» в 1770 году задает 20 вопросов о безбрачии, в том числе о безбрачии священников; эти вопросы дают нам ясное представление о том, как определялось отношение к безбрачию в новых понятиях и представлениях эпохи. Я приведу ниже только те вопросы, которые так или иначе связаны со светским безбрачием:

1) Не правда ли, что безбрачие является ничем иным, как тираническим предрассудком, варварским обычаем, несправедливым и преступным надругательством, противным всему святому, законам природы и здравому смыслу, добропорядочности общества, патриотизму, политическому благополучию и счастьем граждан?

[...]

15) Не слишком ли мы терпимо относимся к безбрачию мирян?

16) Не следовало ли его искоренить?

17) Почему самые известные негодяи, убийцы наших принцев и добрых граждан, такие как Жак Клеман, Жан Шатель, Равальяк, Картуш, Мандрен, Дамьен и т. д. и т. п., все были холостяками?

18) Не стоило ли дать медицинское обоснование тому, почему во все века безбрачие породило самых отъявленных злодеев?

19) Необходимо ли взаимодействие церковных и светских властей, чтобы уничтожить безбрачие?

20) Не будут ли те, кто уничтожит безбрачие, удостоены звания «благодетелей рода человеческого»⁷⁰?

В этих вопросах очевидна двойная перспектива, определенная «духом законов»: ни Природа, ни Разум, единственно достойные законодатели, не могут оправдать существование безбрачия, как светского, так и духовного. Сюда же добавляются и соображения статистического свойства о том, что безбрачие «слишком широко распространилось». Разумеется, эти соображения весьма расплывчаты, так как первое статистическое бюро будет создано только в 1800 году, но они опираются на беспокойство, высказанное еще Кольбером. На помощь призвана история, и вопрос о соотношении безбрачия и порока оказался освещен с новой стороны: предполагается, что может существовать некое физиологическое обоснование. Мы еще далеки здесь от теории предрасположенности к преступлению и безбрачию одновременно, но мысль идет в этом направлении: и безбрачие, и преступление равно противны человеческой природе, а поэтому, возможно, проистекают из какого-либо одного изъяна в организме.

Вывод делается ясный и недвусмысленный, пусть и сформулированный в виде риторического вопроса: светские и церковные власти должны объединиться в борьбе с этим злом. Светские власти, видимо, должны принять законы против холостяков, а духовные — отменить безбрачие священников.

Запал был брошен, и стараниями «Энциклопедического журнала» разгорелся пожар. Как нарочно в следующем номере была помещена статья Юма о целибате свя-

щеннослужителей. Шотландский философ писал, что введение целибата позволило в X веке папе римскому обрести особую власть, так как он лишал священников каких бы то ни было светских амбиций и личных устремлений⁷¹. Такая последовательная атака вызвала бурную реакцию. Некий анонимный критик опровергал утверждения Юма и возражал против положений, развязавших спор. Если такие преступники, как Клеман, Равальяк, Картуш, Дамьен, были холостяками, то негодяи Калигула, Каракалла, Нерон были женаты. В основе преступлений лежат невежество, честолюбие, распутство, но никак не безбрачие или брак⁷².

Временно спор завершился пространным письмом читателя о «Филогамии» (то есть о любви к браку), подписавшимся «де Шамон». Он разразился гневной речью против безбрачия, как светского, так и духовного, происходящего, по его мнению, из языческих времен. Безбрачие породило самых свирепых убийц (далее следовал уже устоявшийся список — Клеман, Равальяк, Картуш, Мандрен, Дамьен), в тюрьмах сидит гораздо больше холостых, чем женатых людей, холостых больше даже среди тех, кто арестован за долги. И это не удивительно. «Негодяй», которого никто не удерживает на краю пропасти, бросается очертя голову в любое предприятие.

Ранее анонимный вопросник осведомлялся: почему так происходит? У Шамона был ответ на вопрос: «Безбрачие изолирует человека от окружающих, холостяк постоянно предоставлен сам себе. Он слишком много размышляет, и эти размышления ввергают его в тоску; у него появляются черные мысли, презрение к самому себе и роду человеческому, и это понятно, ибо слишком при-

стальное внимание и размышление о предмете, даже самом притягательном, невольно выдвигают на первый план недостатки объекта размышления»⁷³.

Таким образом, «медицинское обоснование» оказалось психологическим, и довольно примитивным: тот, кто пресытился всем и постоянно предоставлен сам себе, пресытится и самим собой. Меланхолия — английский «сплин» — входила в моду. Свойственен ли сплин по преимуществу холостякам? Шамон утверждал, что в Англии из 20 человек, пораженных «отвращением к жизни», половина — холостяки. От меланхолии путь ведет к мизантропии, а оттуда — к преступлению.

Очевидно, что рассуждение Шамона весьма уязвимо. Даже если меланхолия и безбрачие действительно связаны, что из них причина, а что следствие? Потому ли упомянутые англичане подвержены сплину, что они не имеют семьи, или же склонность к меланхолии отвратила их от брака? Картуш и Мандрен стали преступниками из-за того, что были холостяками, или их образ жизни не позволил им завести жену и детей? Может ли преступник, находящийся в розыске, громогласно объявить, что в такой-то день в такое-то время он будет венчаться в определенной церкви? Это равноценно тому, как если бы он пошел и сдался властям. И уж, во всяком случае, неизвестно, излечились бы меланхолики и преступники от своих пороков, если бы вступили в брак.

Каким был брак в XVIII веке? Может быть, исходная причина стремления к холостой жизни кроется именно в этом? Браки заключались по настоянию родителей, не принимавших во внимание мнение и склонности детей. Это были, как правило, браки по расчету, и договор, заключенный в присутствии нотариуса, имел гораздо боль-

шую ценность, чем благословение священника. Брак не мог быть расторгнут, он заключался навеки. Когда жених или невеста оказывались лицом к лицу с незнакомкой или незнакомцем, которых отныне следовало называть супругой или супругом, а соединила их или некая политика семьи, или необходимость родить детей, или нужда в деньгах, единственным разумным решением было поселиться в разных помещениях. Богатые люди могли себе это позволить, бедные прибегали порой к доносам и обвиняли мужа в насилии, жену в измене, чтобы их упрятали за решетку. Брак в XVIII веке был не слишком заманчивой перспективой!

Писатели, привыкшие видеть суть проблемы изнутри, почувствовали это. Через некоторое время после спора в «Энциклопедическом журнале», 20 сентября 1775 года, театр «Комеди Франсез» поставил пьесу Клода Жозефа Дора «Холостяк» — комедию в стихах в пяти актах. Главный герой комедии, Тервиля, не принадлежит к тем сухарям, что предпочитают браку уединение. Он влюблен, но боится «скуки», «отвращения» к жене, которое может возникнуть в браке; «Как можно рисковать взять в жены ту, что любишь?» Друзья пытаются переубедить его. Старый холостяк Сенжеран, который страшится одинокой старости, пытается уговорить Тервиля: если брак — обуза в молодости, то холостая жизнь — обуза в старости. Обнажена истинная язва — не безбрачие, а браки по расчету⁷⁴. Тервиля убеждают не размышления философов — они, наоборот, внушали ему отвращение к браку, а то, что его брак совершается по любви. Так вопрос о безбрачии превращается в вопрос о браке: бесполезно убеждать того, кто страшится брака, — надо заставить его влюбиться, а чтобы бороться с безбрачием, надо реформировать брак.

НА СЛУЖБЕ У КОРОЛЯ

«У меня два сына. И оба — безумцы. Один безумно набожен, другой безумно увлечен стихами и театром». Один воспитывался у янсенистов, другой — у иезуитов. Первый связал свою жизнь с вычислениями, второй — со словесностью. Первый умер в том же доме, где и родился, в Париже, с видом на Сен-Шапель из окна. Второй всю жизнь переезжал с места на место. Первого звали Арман, второго — Франсуа, фамилия их отца была Аруэ. Франсуа прославился под именем Вольтера. Оба остались на всю жизнь холостяками.

Для потомков Арман Аруэ стал «братом Вольтера», но поначалу Франсуа, поэт, воспринимался всего лишь как брат «сборщика пошлин из счетной палаты». Арман был чиновником высокого ранга, унаследовавшим от отца должность и рабочее помещение в королевском дворце. Он выигрывал при сравнении с младшим, непутевым и почти лишенным наследства Франсуа, и вопрос о том, чья жизнь удалась больше, казался решенным. После смерти отца братья стали заклятыми врагами из-за завещания, по которому к старшему доля наследства отходила целиком, а младший мог получить свою только после рождения детей. Даже религиозные убеждения братьев были противоположны: воспитанник иезуитов стал убежденным скептиком, а воспитанник янсенистов проникся фанатичным благочестием. Франсуа писал пьесе «Магомет, или Фанатизм», а Арман принимал в это время в своем рабочем кабинете представителей запрещенной королем секты конвульсионеров из Сан-Медара.

Арман умер холостяком и, не имея прямых наследников, позаботился о том, чтобы Вольтеру не досталось

ничего из семейного состояния. Он отдал распоряжение перевести после его смерти все движимое имущество в недвижимое, так чтобы брат мог получить лишь право пользования своей частью наследства. Арман умер в 1745 году в возрасте 60 лет; умирающий лежал один в комнате, окна которой выходили на Сен-Шапель, а в прихожей Вольтер спорил по каким-то вопросам богословия со священником, пришедшим дать умирающему последнее напутствие⁷⁵.

Чиновники высокого ранга и те, кто работал в городской администрации, не были обязаны оставаться холостяками. Отец братьев Аруэ, занимавший тот же пост, что и Арман, был женат. Однако создается впечатление, что холостяков среди «людей в мантиях» — судей и городских должностных лиц — было немало, во всяком случае, часто встречаются рассуждения о том, что холостая жизнь подходит им более, чем семейная. Доводы приводятся традиционные: как может человек, на котором лежит забота о семье, полностью отдаться заботе о других (а именно это вменялось в обязанность судейским и административным чиновникам)? «Можно ли порицать достойных граждан, на плечи которых легла ответственность за сохранение порядка и благополучие народа, если они полностью отдаются своему делу и ради наилучшего служения ему отказываются от мелких радостей и забот, неотделимых от обустройства собственного семейного очага?»⁷⁶ Здесь мы видим опровержение расхожего представления: «холостяк — это эгоист». Наоборот, в заботе о других он не имеет возможности позаботиться о себе.

Холостая жизнь — разумеется, если она целомудренная и добродетельная, — становится знаком бескорыстия и готовит человека к служению на благо Справедливости:

«Мужчина, что проводит жизнь в безбрачии, будет самоотверженно сражаться за короля, ибо он не отягчен любовью к женщине или заботой о детях, и единственная его цель — бороться с врагами во славу Государя и отечества. Если же это человек мантии, он более расположен поддерживать справедливость, ибо может воздавать ее всем по заслугам; он не отягчен корыстью»⁷⁷.

Откуда возникла в сознании взаимосвязь между службой в городском управлении и безбрачием? Быть может, она пришла из тех времен, когда знатоками права были клирики? Парижский парламент вплоть до революции сохранил некоторые следы ушедшей эпохи.

Со времени правления Людовика IX Святого во Франции начался процесс сокращения могущества отдельных феодальных сеньоров за счет усиления власти короля. Постепенно для того, чтобы вершить правосудие, стало недостаточно короля и пэров, и при дворе появились специалисты в области права, которых называли «магистры двора». Именно из них со временем сложился парламент. Профессионализация судебной власти завершилась к XIV веку, на смену пэрам в судах пришли советники парламента, хотя король и некоторые принцы имели право заседать в нем. Однако существовало светское и церковное право, и поначалу в парламенте заседали и миряне, и лица духовного звания, причем их было поровну. Но существование независимого церковного суда привело к тому, что надобность в советниках парламента — клириках стала отпадать, а количество их начало сокращаться, и места, предназначенные для советников духовного звания, все чаще занимали миряне. Тем не менее возможно, что в сознании людей членство в парламенте было по-прежнему сопряжено с духовным звани-

ем, а значит, и с безбрачием⁷⁸. Насколько это представление соответствовало реальности, сказать трудно. По биографиям парламентариев можно определить, что они были женаты, раз упоминается жена, но отсутствие упоминания о ней, равно как и о детях, еще не может быть достаточным доказательством того, что тот или иной человек холост. Депутаты Генеральных Штатов, созванных в 1789 году, по большей части были женаты. Известны, однако, имена некоторых депутатов-холостяков, таких как нормандец Жан-Батист Флери (1734–1804). Он не был женат, имел неплохую карьеру за плечами: был парламентским адвокатом, советником-председателем соляного амбара в Арфлере и королевским прокурором в округе Монтивилье. За два года, что длился его мандат депутата, он стал мировым судьей в кантоне Монтивилье, но так и не женился. Холостяком был и знаменитый кулинар Бриья-Саварен (1755–1826). Он работал в городской магистратуре, некоторое время был представителем от третьего сословия и лишь перед самой смертью опубликовал прославившую его книгу «Физиология вкуса».

Однако королевская служба не ограничивалась парламентом, и бескорыстие не было основным мотивом для того, чтобы не вступать в брак. Мы уже говорили о том, как герои, подобные Эреку, не желали приносить брак в жертву своей репутации доблестного рыцаря. Королевский двор, такой, например, как Версальский, мог загубить самую блестящую репутацию и самые честолюбивые намерения, поэтому многие не рисковали ввязываться в брачный союз из страха, что он может помешать придворной карьере. Вот что пишет Лабрюйер, знаток придворных нравов XVIII века: «Свободный мужчина, без жены, имея некоторый ум и смекалку, может возвыситься

ся над своим положением, войти в светское общество и сравняться с самыми знатными людьми. Однако если он женат, сделать это существенно труднее: брак расставляет всех людей по их чинам»⁷⁹. Старый довод, где «свобода» и «безбрачие» являются синонимами. Еще в античности так обосновывалась необходимость безбрачия для философов, в Средние века — для клириков, в XIX веке — для школьных учителей и учительниц (этих славных солдат Республики). В XX веке подобная идея стала мила некоторым управляющим больших предприятий по отношению к своим сотрудникам. Нельзя служить двум господам сразу, и великие дела, как и великие армии, словно ревнивые супруги, следят за теми, кто им служит.

Интересно, что идея безбрачия оказалась связана с двумя противоположными устремлениями: к крайнему эгоизму и к крайней самоотверженности.

ПРОФЕССИИ ХОЛОСТЯКОВ: СОЛДАТ

Шарль-Огюст де Ла Фар (1644—1712) был отпрыском благородной семьи; он был представлен ко двору в 1662 году, но через два года по непонятным причинам впал в немилость. В таких случаях лучшим выходом оказывалась военная карьера.

Ла Фар вступил в армию волонтером и отправился на войну с турками. В те времена офицерские должности покупались, а у Ла Фара не было для этого достаточно средств. Но храбрость его была особо отмечена, и он начал восхождение по военной лестнице. Знаменосец роты жандармов дофина, потом младший лейтенант той же славной роты, он участвовал в Голландской кампании 1671 года, во Фландрской кампании 1674 года и в Эльзас-

ской кампании, где сражался поочередно с маршалом де Тюренном и маршалом Люксембургским. Так он сражался то в одной, то в другой кампании, переходя от командования ротой к командованию полком, и, дослужившись до лейтенанта, имел все основания рассчитывать на следующее звание — бригадира. Однако ему было отказано, и, рассердившись, Ла Фар продал патент лейтенанта и в 1677 году вступил в общество либертенов Тампля. Он мог стать тем самым холостяком-либертеном, о которых мы уже писали, но в 1684 году его судьба сделала еще один поворот: он женился на мадмуазель де Вантле с богатым приданым и смог купить себе наконец должность капитана гвардейцев герцога Орлеанского, брата короля. Однако он более не участвовал в сражениях и вел жизнь преуспевающего распутника, которого любовницы интересуют гораздо больше, чем поля сражений⁸⁰.

Придворный, солдат-холостяк, женатый офицер — таковы были чаще всего этапы карьеры военного в XVIII веке. Опасные кампании и тяготы военной карьеры плохо сочетались с семейной жизнью, поэтому солдаты и низшие офицеры, как правило, были холосты. Старшие офицеры обычно командовали издалека, если только не шла война, и могли быть женаты. «Брак размягчает сердца» — таково было все еще живучее представление, определяющее негативное отношение к женатым военным. Так, Пишон в 1765 году, выступая против безбрачия, признает, что оно необходимо для священников, должностных лиц («священнослужителей справедливости») и военных: «Разве славная и опасная профессия Воина, стоящего непосредственно на службе Принцу и Отечеству, не должна будить в сердцах отвагу, а не нежное чувство любви, отвлекающее воинов от ежедневного несения службы?»

Здесь приводится психологическое обоснование: предполагается, что чувства, которые испытывает военный, рискующий жизнью за короля, неизмеримо выше, чем эгоистическое стремление сохранить свою жизнь ради семьи. Рядом с этим обоснованием появляются и размышления о чести: «Можно ли стерпеть, чтобы честь, что воодушевляет все деяния и возвышает сердца над повседневностью, спустилась в мир обыденных забот и изнеженных удовольствий, чуждых солдату на поле боя, где все существо его предано героическим свершениям?»⁸¹ Об «изнеженности», размягчающей сердце солдата, говорил еще Ганнибал в Капуе. Однако не следует думать, что боязнь «изнеженности» означает необходимость оградить солдата от любовных удовольствий. Почти любая культурная традиция достаточно терпима в отношении любовных приключений военных, лишь бы они вели себя лихо, «по-гусарски». Гораздо большую опасность представляет супружеская жизнь и наслаждение отцовством, превратившее, как считают, Генриха IV в послушное и податливое существо. «Брак размягчает солдат и придает им робость»⁸². Кроме того, возвышенное представление о браке предполагает, что ни муж, ни жена не принадлежат сами себе, поскольку они «отданы» друг другу. Так разве можно рисковать жизнью, которая принадлежит не тебе, а твоей супруге? Холостяк более предан отечеству, так как имеет право рисковать жизнью, принадлежащей ему самому и больше никому⁸³.

Надо сказать, что мнения по поводу безбрачия военных не одинаковы и до сих пор. Эгоизм холостяка как аргумент в пользу безбрачия военного легко может стать аргументом для противоположного утверждения: «Холостяк может скорее оказаться трусом, ибо сражается только за себя»⁸⁴.

Жизнь Пьера Амбруаза Шодерло де Лакло (1741–1803) дает моралисту пищу для размышлений. Выходец из мелкого дворянства, Шодерло де Лакло окончил военную школу Ла Фера и вел обычную жизнь гарнизонного офицера, переезжающего из города в город и меняющего привязанности одну за другой. Он побывал в Туле, Страсбурге, Гренобле, Безансоне, Валансе, на острове Экс... Он пишет галантные стихотворения и эротические сказки и вынашивает шедевр – «Опасные связи», вышедший в 1782 году. Роман, исполненный цинизма распутника, принес Шодерло де Лакло скандальную славу; его стали приглашать в светские салоны Ла-Рошели, где он встретился с Мари-Суланж Дюперре. От их связи родился внебрачный ребенок. Но Шодерло де Лакло не повел себя как Вальмон – он женился на Мари-Суланж в 1786 году, а в 1788 году оставил военную службу и стал секретарем герцога Орлеанского. Революция и империя отрывали его на какое-то время от мирной жизни, однако, по-видимому, он познал настоящее супружеское счастье, пришедшее после любовных побед бурной молодости.

После всех превратностей конца XVIII века и наполеоновских войн военная карьера стала представляться не столько опасным делом, сколько захватывающим приключением. Наполеоновские солдаты рассыпались по всей Европе вплоть до Египта, их кочевая жизнь никак не располагала к вступлению в брак. Образцом военного, так и не успевшего жениться между походами, может служить военный инженер Жан-Мельхиор Дабади (1748–1820). Во времена королевства он служит в Америке (с 1781 по 1783), в революцию – на севере Франции и в Вандее (1793), при консульстве – в Италии (1801), а при империи – в Голландии, Германии (1805), Испании (1808–1809). В 1807 году он стал бригадным генералом, в 1810 –

бароном Империи. В 1815 году, после падения императора, он вышел в отставку. В 67 лет думать о создании семьи было уже поздно.

Во второй половине XVIII века философы заговорили об издержках безбрачия военных. В полемическом запале аргументы против безбрачия высказывались с той же яростью, что ранее — аргументы за него. Вольтеровский «рассудительный человек» говорит так: «Пусть ваши солдаты женятся. И они не дезертируют с поля боя. Привязанность к семье создает и привязанность к отечеству. Холостой солдат — это частенько бродяга, которому все равно, будет ли он служить неаполитанскому королю или королю Марокко. В Древнем Риме воины были женаты; они сражались за своих жен и детей и брали в плен жен и детей других народов»⁸⁵. Такого же мнения придерживается «человек с 40 экю» (как мы бы сказали сейчас — среднестатистический человек, так как в XVIII веке именно 40 экю составляли средний доход на душу населения). «Солдат-гражданин имеет семью и сражается за жену и детей. Если бы по воле Господа все труженики и все солдаты женились, они стали бы добрыми гражданами»⁸⁶.

Подобные размышления не случайно появились у философа — друга Фридриха II (1740—1786). Вольтер опирается здесь не только на сведения о римской республике эпохи Цинцинната, но и на недавно проведенную в прусской армии реформу. Эта реформа предполагала гибкую призывную систему: молодые мужчины в возрасте от 18 до 40 лет подлежали мобилизации на два года для обучения военному делу, а затем призывались только на весенние и летние маневры по два месяца в году. Таким образом, солдаты могли жениться и жить обычной семейной жизнью в родном краю. Во время военных кампаний жены могли следовать за мужьями, если они готовы были стирать бе-

лье и ухаживать за ранеными⁸⁷. Когда в 1788 году Мирабо предложил создать во Франции призывную систему, он опирался именно на этот прусский опыт.

Однако Франция пошла по другому пути: создание национальной гвардии в 1789 году, введение всеобщей призывной системы в 1793 и 1798 годах и призыва по жребию в 1802 году не предполагали, что военная служба может быть периодической. Женатые мужчины призыву не подлежали, таким образом, армия была по-прежнему армией холостяков. Не будем забывать, что все это время Франция жила в состоянии войны, и шансы вернуться со службы домой были невелики. С другой стороны, призыв холостяков привел к увеличению числа браков, во всяком случае в годы мобилизации. Однако когда мобилизация заканчивалась, количество браков резко уменьшалось: политическая нестабильность не благоприятствует бракам, хотя угроза военной службы заставляет холостяка жениться.

Правительство Реставрации не приветствовало систему призыва, но вынуждено было прибегнуть к ней, так как желающих служить в армии по собственной воле оказалось недостаточно. Последующие режимы, вплоть до Третьей республики, также прибегали к системе призыва по жребию, которому подлежали и женатые, и холостяки, но те, кто был призван, не имели права жениться до окончания срока службы. Тот, кто вытаскил несчастливый номер и не имел средств, чтобы найти себе за деньги замену, уходил в армию на достаточно долгий срок — от 6 до 9 лет⁸⁸, в течение которого он не имел права жениться. Таким образом, средний возраст вступления в брак стал более поздним — 26—28 лет.

Во время Второй империи заметно упала рождаемость и общественное мнение опять стало высказывать

ся против безбрачия военных. В 1867 году Леон Ле Фор утверждал, что 80 тысяч солдат, «насильно оставшихся в холостяках», хоть и женились, но слишком поздно, и от того имеют гораздо меньше детей, чем могли бы. По его мнению, увеличение численности армии за последние 40 лет привело не только к еще большему увеличению среднего возраста вступления в брак, достигшего 30 лет, но и к вырождению нации. В возрасте, наиболее благоприятном для зачатия детей, мужчины уходят в армию, а женятся или совсем молодые юнцы, неспособные еще породить крепких детей, или старые солдаты, зараженные опасными болезнями⁸⁹. Кроме того, слишком долгий срок службы приводит к тому, что, вернувшись домой, молодой человек с трудом привыкает к гражданской жизни. Демобилизованный солдат редко возвращается к тому делу, каким занимался до призыва, предпочитая за деньги опять наняться вместо кого-либо в армию. «Так мы получаем ни к чему не пригодных холостяков⁹⁰». Что же касается офицеров, то «частая смена гарнизонов, драконовский устав» заставляют отложить вступление в брак до отставки. Во время службы офицер или «становится усердным посетителем борделей», или «сожительствует с какой-нибудь женщиной до тех пор, пока связь не становится слишком явной»⁹¹. Мрачная картина, нарисованная Ле Фором, отчасти объясняет, почему в XIX веке на холостяков налагаются существенные штрафы и налоги.

Ситуация еще более усугубляется, когда через три года французская армия в противостоянии с прусской терпит поражение. Женатые солдаты разбили холостых солдат! «Наши правители, наши законодатели вообразили, что насильственное безбрачие усилит могущество французской армии». И вот Пруссия показала, что жена-

тые мужчины «могут сражаться и блюсти дисциплину не хуже, а то и лучше, чем холостые»⁹².

Действительно, в Пруссии к 1870 году сохранилась система, введенная при Фридрихе: два года безбрачия во время обучения военному делу и возможность жениться для тех, кто находится в резерве. И снова одним из доводов выступает угроза вырождения нации: девушки вынуждены выходить замуж или за тех, кто не годен к службе, или за престарелых, зараженных венерическими болезнями демобилизованных солдат. Разумеется, нельзя отменить военную службу, так как это ослабит Францию в непростое для нее время. Но почему бы не сократить срок пребывания в армии за счет усиления спортивной подготовки учеников школ и лицеев, тогда при обучении призывников не придется тратить время на то, чтобы привести их в соответствующую физическую форму⁹³?

Для других более актуальны соображения реванша: немецкие солдаты, завоевавшие в 1870 году Францию, были женаты. «Почему бы и французам не перенять их опыт, чтобы быть такими же сильными, когда наступит час реванша?»⁹⁴

Эти призывы были услышаны. По закону 1882 года вводится новый принцип жеребьевки: счастливые номера предполагают год службы, а несчастливые — пять; в 1889 году срок службы по несчастливым номерам сократится до трех лет, а в 1905 году вводится всеобщая воинская повинность с гибкой системой варьирования срока службы⁹⁵. Отныне служба в армии лишь ненадолго откладывает реализацию намерения жениться, кроме того, всеобщий характер службы делает всех в равной степени достойными женихами.

СОВРЕМЕННЫЙ ХОЛОСТЯК

«В будущем мужчина станет женщиной», — поется в песне Арагона 1963 года. Тогда такое пророчество не выглядело странным: изменение роли женщины во всех областях общественной жизни наложило отпечаток на умонастроения XX века. Не прошло оно бесследно и для истории безбрачия. До XX века образ холостяка, чаще всего негативный, был принципиально разным для мужчин и для женщин. Одинокий мужчина виделся активным, хотя и эгоистичным человеком (распутник, денди, старый холостяк); одинокая женщина — пассивная и иссохшая (старая дева). Но вновь принятый закон о разводе (1884), расширение круга профессий, куда женщинам был открыт доступ, наконец, сложившийся образ достойной и благородной одинокой вдовы (причем молодой вдовы), потерявшей мужа на войне, — все это мало-помалу привело к переоценке роли одинокой женщины в обществе. Можно считать, что между Флоренс Найтингейл и Бриджит Джонс пролегает пропасть, но можно увидеть здесь и преемственность.

СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНЩИНА

На двери ее кабинета было написано просто «Мадмуазель», и так ее и звали; иногда — по образцу двоюродной сестры Людовика XIV и в знак признания ее заслуг как покровительницы художников — ее называли «Великая Мадмуазель». Речь идет о Габриэль Шанель (1883–

1971), которой Этьен Бальзан дал прозвище Коко, о той, что стала самой знаменитой незамужней женщиной своего века.

Шанель родилась в Сомюре. Мать ее была неприметной женщиной, отец — ярмарочным торговцем; он часто бывал в отлучке и бросил детей после смерти жены. Габриэль к этому времени исполнилось 12 лет. Шесть лет она провела в приюте для сирот, а затем ее отдали в мастерские, изготавливавшие фурнитуру для швейных фабрик в Мулене. Она привлекала внимание офицеров гарнизона, стоявшего в городе; ею увлекся Этьен Бальзан: он унаследовал текстильный завод, а в то время проходил военную службу. Габриэль поехала за ним в Руайе, они появлялись вместе на ипподромах вблизи Парижа, где во время скачек собиралась самая роскошная публика. Шанель долго еще могла вести жизнь «дамы полусвета» и быть объектом хроники светской жизни Безумной Эпохи. Но у нее был другой характер. Поняв очень быстро, что она «не из тех, на ком женятся», она не захотела быть и «той, кого содержат»¹.

Бальзан, а затем и англичанин Артур Капель, первая большая любовь Габриэль, помогли ей открыть и обустроить собственное модное ателье на улице Камбон в Париже. Шанель занялась высокой модой и вскоре смогла вернуть Капелью долг. Он не рассчитывал, что деньги будут ему возвращены, и понял, что, несмотря на прозвище Коко, Шанель менее всего похожа на кокотку, кем ее слишком многие хотели видеть. Но она все еще была «не из тех, на ком женятся». Ее «парень», как она его называла, в 1918 году женился на девушке своего круга и вскоре погиб в автокатастрофе, оставив Шанель безутешной. Потом она несколько раз безуспешно пыталась выйти

замуж. Ей делал предложение герцог Вестминстерский, но Габриэль уже было 45 лет, и она не могла бы родить ему долгожданного наследника. Намечалась свадьба с художником Ирибом, но он скоростижно умер. Любовь к немецкому дипломату и непонятная миссия, которую она выполняла при Черчилле, привели к тому, что Коко после войны была изгнана из Франции. «Великая Мадмуазель» вернулась в Париж только в 1953 году, прославилась в 1955 году своим знаменитым классическим костюмом и в 70 лет снова стала королевой парижской моды. Она не имела права взять чье-либо имя в качестве жены, но ее именем был назван женский стиль века.

За полстолетия Шанель удалось полностью изменить облик женщины: она ввела в моду строгие, порой даже скупые линии силуэта, но при этом добилась освобождения тела от корсета, в который слишком щепетильная мораль заковала женщину. Она ввела в высокую моду удобные, но до этого не слишком почитаемые ткани: трикотаж, джерси. Она была деловой женщиной и вела свои дела с железной хваткой; она знала толк в рекламе: дать духам то же название, что и одному из образцов моделей высокой моды, причем название простое и завораживающее своей непонятностью — знаменитые «Шанель № 5» — в этом было гениальное прозрение! Коко Шанель ломала все клише, и само это делало ее неповторимой. Она не стремилась к безбрачию, но, когда лицемерный век вынудил ее к этому, она извлекла из безбрачия особую энергию, способную победить любое лицемерие.

Безумные годы, те самые, на которые пришлась молодость Коко Шанель, переменили привычные представления о женщине. Прежде идеи феминизма вспыхивали ярким светом и быстро гасли дважды — в революциях

1789 года (Олимпия де Гуж, Теруань де Мерикур) и 1848 года (Флора Тристан, Жорж Санд). В Третьей республике идеи феминизма стали понемногу овладевать умами на фоне долгого мирного периода жизни общества. Женщины выходили замуж, чтобы обрести социальный статус, избавиться от опеки отца или родственников. «Старые девы», как правило, оставались в лоне семьи и жили под опекой родителей или брата. А от опеки мужа женщину могло избавить или вдовство, или развод, восстановленный законом Наке в 1884 году. Развод освобождал женщину и не предполагал, что она должна вернуться под чью-либо опеку. Не случайно именно после принятия закона о разводе многие женщины задумались о своих правах, хотя доля разведенных от общего числа женщин и была весьма мала (одна на тысячу в 1891 году).

Для женщины, стремящейся к независимости, положение разведенной наиболее благоприятно. В пьесе «Жан с Луны» (1929) Марселя Ашара описана легкомысленная женщина Марселина, которая вместе с братом живет на средства любовников; она меняет их одного за другим. Она выходит замуж за того, кто более всех влюблен в нее, — Жана с Луны, но вскоре уходит от него. Однако брат Марселины приходит к Жану и благодарит его: «Спасибо тебе хотя бы за то, что ты взял ее в жены. От всей семьи! Что бы она теперь ни делала, на семью не ляжет позор — она теперь просто разведенная!» Брат Марселины имеет в виду, что теперь она своим поведением не сможет опорочить имя отца, и никто не упрекнет семью за ее поведение. Разведенная пользуется большей независимостью, чем незамужняя. Как ни странно, именно отцовская опека кажется самой тяжелой. Еще в 1949 году Симона де Бовуар отмечала, что многие девушки выходят замуж, «чтобы стать свободными».

Таким образом, закон Наке стал важной вехой в деле женской эмансипации. Оказалось, что тот самый «третий путь», о котором речь шла с XVII века, состоит не в безбрачии, а в разводе. И женская эмансипация начинает после этого быстро развиваться. В 1896 году образуется Лига освобождения женщин, хотя борется она в основном против корсета. Некоторые самые смелые женщины перенимают мужскую манеру поведения: они коротко стригут волосы, как Колетт, сделавшая это в 1902 году, или носят мужскую одежду, как Рашильд, та же Колетт, Матильда де Морни, Мадлен Пеллетье или Арриа Ли. В 1904 году к столетию существования Гражданского кодекса был приурочен акт его публичного сожжения: женщины отказались быть угнетаемым меньшинством.

В кругу художников и натурщиц, журналистов и писателей, светских дам и дам полусвета возникла мода на женскую независимость. Она охватила также и те профессии, что считались либеральными: врачей, адвокатов, проникла даже в сферу государственного образования. «Новые женщины» больше не довольствуются вторыми ролями, они хотят «ездить по свету и любить тех, кого им вздумается. Одни восхищаются ими, другие поносят, но в любом случае “новым женщинам” приходится нелегко»². Путь к свободе — это путь одиночества. Однако новый закон об ассоциациях (1901) позволяет преодолеть одиночество незамужних и разведенных женщин.

Завоевание свободы проходит легче для тех, кто не боится шокировать общество неординарным поведением, отказывается от замужества и традиционной сексуальной ориентации. «Мужеподобие в разной степени проявления становится отличительным знаком борцов за женское равноправие»³. Для одних, как для Матильды де

Морни, носить мужскую одежду означает создать «женщину-денди». «Амазонки» 1910–1920-х годов – Натали Клиффорд-Барни, Рене Вивиан, Гертруда Стейн и их подружки, эти художницы, последовательницы стиля модерн или авангарда, лесбиянки, иностранки, известные «всему Парижу», хотят жить как мужчины во всем⁴: быть феминисткой и быть лесбиянкой для некоторых означает одно и то же. В 1912 году знаменитый немецкий врач А. фон Молль осудил женскую эмансипацию за то, что она приводит к мускулинизации женщины, смене половой ориентации и нарушает детородную функцию⁵.

Для других женщин, таких как проповедница девственности и безбрачия Мадлен Пеллетье, речь идет о требовании одинаковых прав с мужчинами. Однако и те и другие говорят об одном: современная женщина не хочет жить в браке, лишаящем ее прав.

Некоторые из феминисток прошли через брачное иго, среди них Матильда де Морни, разведенная с мужем, маркизом де Бельбеф, в 1903 году, или Колетт, которая ушла от мужа Вилли в 1907 году и развелась в 1910. В романе «Бродяга» она говорит о «супружеском очаге», который покинула ее героиня Рене: «Я уже не так молода, не так восторженна, не так великодушна, чтобы снова ввязаться в брак, в совместную жизнь, если вы хотите так ее назвать. Дайте мне жить в одиночестве и ждать того, кто возьмет меня в гарем. Я жду от него только страсти, только ласки. От любви я хочу только самой любви!»⁶

В начале XX века, в переходную эпоху смены ценностей, романистка обозначила, какими чертами характера должна обладать девушка, стремящаяся к браку: быть восторженной, невинной и по-детски наивной. В среднем девушки, вступающие в брак, еще очень юны. Большин-

ство из них не работают и избавлены от необходимости зарабатывать на жизнь. Что знают они о жизни, вступая в брак? Зато к 30 годам те из них, кто обрел независимость и может заработать на жизнь, не имеют никакого желания возвращаться к «семейному плену». Кулыт любви, расцветший со времен романтизма, также опорочил образ брака. Сколько женщин, подобных Эмме Бовари, могли бы сказать: «От любви я жду только самой любви»?

Некоторые, как Айседора Дункан (1877–1927), отказались от семейной жизни, даже не испытав ее, так как видели в ней «рабство, уготованное женщине». Надо сказать, что Айседоре Дункан было с кого брать пример. Она родилась в Сан-Франциско. ее мать была ирландкой-католичкой, но, разочаровавшись в муже, развелась с ним, стала атеисткой и одна воспитала четверых детей. Очень рано Айседора Дункан решила посвятить свою жизнь борьбе против брака за эмансипацию женщин. В 12 лет она поклялась «никогда не унизиться до положения замужней женщины».

Ее образ жизни действительно мало сочетался со стабильностью семейной жизни. Она объездила весь свет, побывала в Америке, Великобритании, Франции, Германии, Австрии. Все столицы мира аплодировали танцовщице, освободившей танец от академических традиций. Она известна своими скандальными любовными связями и шокирующими выступлениями в ассоциациях, где она пропагандирует свободный танец и свободу женщин. Но старые представления еще живы и преследуют ее: в Будапеште известный актер просит ее выйти за него замуж при условии, что она бросит собственное искусство и станет работать с ним, подавая ему второстепенные реплики. Такое требование разбило их союз.

Наконец она согласилась выйти замуж за русского поэта Сергея Есенина, и в 1921 году брак состоялся, но он был зарегистрирован в Советской России, уничтожившей традиционное представление о браке. На документе о заключении брака за подписями супругов следовала отпечатанная формулировка: «Эта подпись не влечет за собой никаких обязательств сторон по отношению друг к другу и может быть в любой момент аннулирована». По собственному утверждению Дункан, «современная освобожденная женщина может согласиться на брак лишь при таком условии, а я могу скрепить своей подписью лишь брак, заключенный в такой форме»⁷.

То, что Айседора Дункан пережила, о чем она говорила на лекциях, другие провозглашали в романах и эссе. Правда, некоторые выступали с иных позиций. Мария, героиня романа «Женщина-девственница» Мадлен Пеллетье (1933), романа во многом автобиографического, поддерживает отказ от брака, основываясь на том же, что и Айседора Дункан, убеждении: «Женщина — служанка мужчины, а я не хочу быть служанкой». Однако, как это видно из названия романа, свобода женщины не означала здесь разнузданной сексуальной свободы. Радикальная феминистка Мадлен Пеллетье предлагала женщине отказаться не только от брака, но и от любви: «Марии умственная жизнь заменила любовь, но немногие способны на это». Она не обобщает, признавая, что пока дело обстоит именно так. Самые отважные из женщин призваны доказать своим примером, что мужчина — не единственное прибежище женщины: «Когда-нибудь в будущем женщина сможет рожать детей, не ущемляя своей свободы». Ну а пока героиня романа довольствуется тем, что берет на воспитание дочь своей подруги, умершей в родах, и

воспитывает ее как мальчика!⁸. Значение, которое Мадлен Пеллетье придает девственности, то, что ее героиня жертвует своими интересами ради высшей цели, ради будущего, до которого ей не суждено дожить, — все это дает возможность вписать роман в традицию изображения христианской мученицы.

В романе Марселя Прево «Сильные девственницы» (1900) те же идеи развиваются в откровенно христианском ключе. Феминистки, героини романа, жертвуют возможностью любить ради «дела» — школ профессионального обучения для бедных девушек: «Наше время — это время борьбы, и надо быть свободной, чтобы вступить в священную фалангу». Идеал этих женщин — жизнь «мирских монахинь, у которых нет другой семьи, кроме тех девушек, что они воспитывают». Они хотят, чтобы «сильная девственница» стала идеалом «женщины будущего», и знают, что общество должно обновиться. Они мечтают о «Еве будущего», которая сможет выйти замуж в том обществе, где «сильные девственницы» составят женскую элиту. Одна из героинь не устояла перед чарами художника из Финляндии и попыталась вступить с ним в мистический брак, но союз распался, как только поцелуй художника выдал, что в нем дремлет затаенное сексуальное влечение. На протяжении двух томов художник за долгие годы разлуки сумел «изжить в себе то дурное наследие, что заставляет мужчину склонять женщину под ярмо», и новые Адам и Ева женятся, мечтая о «Граде будущего»⁹. Христианское самоотречение позволяет преодолеть чувственность и отмыть мужчину от первородного греха («дурного наследия»), который и является причиной власти мужчины над женщиной в браке. Соотнесенность с Евой и Градом будущего, страстотерпие Леа, умершей

вскоре после замужества, провал земного «дела» дают возможность вписать роман в рамки учений социального христианства конца XIX века.

Не все феминистки так непреклонны, как героини романов Прево и Мадлен Пеллетье. Мария, героиня «Женщины-девственницы», признает это, рассказывая, как подруги убеждают ее выйти замуж, ведь «феминизм не запрещает замужества». «Мой феминизм запрещает», — отвечает Мария. Эту позицию она отстаивала с 1908 года в эссе «Женщина в борьбе за свои права»: «Что касается брака, мы, разумеется, стоим за его отмену. Если женщина сможет работать и зарабатывать наравне с мужчиной, отпадет необходимость в том, чтобы фиксировать союз мужчины и женщины, он станет добровольным делом двух личностей, их частным решением»¹⁰. Она требует, чтобы женщина имела право выбирать между отказом от любви и сексуальной свободой с рождением детей или без них, причем обязанность воспитывать детей ложилась бы не на нее, а на общество. Даже мужчины никогда не пользовались такой свободой.

В ожидании этих перемен и для того, чтобы сделать свое учение как можно более привлекательным, она призывает к забастовке чрева: «Разумеется, необходимо обеспечить существование последующих поколений, но для того, чтобы его обеспечить, вовсе не нужен целый пол, то есть половина существующего поколения». Кроме того, по ее убеждению, снижение рождаемости есть признак высокой цивилизованности общества: «Уменьшение населения служит к чести нации, оно означает рост благосостояния и умственных способностей граждан»¹¹. Интересный аргумент, заставляющий вспомнить о недавней истории безбрачия и мальтузианстве.

Эта апология безбрачия, вписанная одновременно и в христианские идеи, и в концепции неомальтузианства, становится популярной с конца XIX века. В обстановке нагнетания военной опасности и социальной напряженности контроль за рождаемостью, как кажется, способен снизить риск новой войны и государственных переворотов, поскольку заработная плата сможет повыситься. Эти идеи поддерживают анархисты и синдикалисты: они выступают не за безбрачие, а за противозачаточные меры и противостоят лозунгам о повышении рождаемости, выдвигаемым реваншистами.

Первая мировая война ознаменовала решительный поворот в истории феминизма и женского безбрачия. Массовая гибель молодых мужчин обрекла на вдовство или безбрачие добрую половину женщин. «Юноши моего возраста почти все погибли, — говорит героиня романа Женевьевы Дюамеле в 1919 году. — Их называют поколением, принесенным в жертву. Что ж, мы, девушки, станем поколением жертвующих. Тот, кто мог бы меня полюбить, пал на поле боя. Мы будем легионом вдов, никогда не бывших невестами». Подобные утверждения уже звучали после наполеоновских войн, но тут появился один существенный оттенок: невозможность найти мужа привела к тому, что женщины в отсутствие мужчин научились брать ответственность в свои руки, в частности в сфере экономики. И теперь женщинам казалось вполне естественным, что они должны пользоваться равными с мужчинами правами¹².

Сразу после войны количество заключенных браков сильно возросло, что, очевидно, было связано с тем, что состоялось оформление браков, соглашение о которых было заключено еще до войны. Однако во всех воевав-

ших странах очень высок процент одиноких женщин — вдов, незамужних, разведенных; их количество возрастает в невероятной пропорции, «и это явление снова привлекает внимание общества к проблеме прав женщин».

Через 20 лет после «безумной эпохи» отважные поступки самых смелых женщин стали расхожей модой начиная с одежды и прически. В 1924 году выходит скандальный роман Виктора Маргеритта «Гарсонетка», после которого женский тип, родившийся еще в конце XIX века, обретает невиданную популярность. Героиня романа, независимая женщина Моника, зарабатывает себе на жизнь ремеслом оформителя. В конце романа торжествуют нравственные ценности: светская дама, имевшая множество любовников, очищается в любви военнопленному, простившего ей все былые прегрешения. Для автора романа незамужняя женщина и свободная женщина — это не одно и то же. Между тем в 1920-е годы мужчин, вернувшихся из плена, не хватало на то, чтобы наставить на «путь истинный» всех легкомысленных женщин. Однако нравственный пафос романа был вознагражден: через год после выхода в свет автор был удостоен ордена Почетного легиона, и этому немало способствовал Анатоль Франс.

Отметим, что в 1920-е годы революционные изменения произошли в самом женском облике: короткая стрижка, короткая юбка, тонкая талия, освобожденная от корсета, — все это придавало женщине нового типа некоторую асексуальность. История костюма выходит за рамки изучения безбрачия, однако нельзя не заметить, что рост числа женщин, вынужденных жить в одиночестве сразу после войны, разбил в пух и прах старый снобизм относительно веяний моды еще 20-летней давности, а с ним разлетелись и старые предрассудки относительно безбрачия.

Свидетельством тому может служить книга Эдуара Монтье, директора пансиона филиппинок в Руане, «Письмо о любви той, кто не выйдет замуж». В этой книге звучит сочувствие к тем, кого принято было называть «старыми девами»: «Их никто не хочет взять под защиту». У них нет достойного статуса солдатской вдовы, но у многих на войне погибли женихи, а новых они так и не нашли. Некоторые занялись делом, пригодным для незамужних, например стали школьными учительницами. Еще 20 лет назад сама эта профессия вызывала насмешки у тех, кто считал, что девушки не должны получать образование.

«Письмо» Монтье – не единственный пример такого рода. Аббат Гримо советует женщинам – «жертвам войны», обреченным на одиночество, заняться борьбой с «тяготами и невзгодами, порожденными войной». При этом они должны противостоять искушению и не обращаться к мужским профессиями, ибо в них «нравственное падение» для женщины, тем более что нет недостатка в делах, где требуется женская забота и внимание: «Врачевать раны общества – вот в чем ваша слава и ваша месть войне-убийце».

Так обретают статус добропорядочных женщин те, кто не вышел замуж и исполняет свой долг. Однако монастырей, чтобы их вместить, мало, а нравы мирской жизни могут их испортить. И наставник филиппинок предупреждает: остерегайтесь перенимать мужские манеры. Не порочьте любовь развратом, но и не становитесь сварливыми и озлобленными на весь свет из-за того, что вам не удалось выйти замуж. Монтье противопоставляет «идеальную старую деву, приятную и способную внушать любовь» девственному идеалу Мадлен Пеллетье и любви,

свободной от обязательств, которую проповедовала Айседора Дункан: «Вы можете стать цветком, что не вянет и не осыпается, что обращает свою чашечку к небу и пьет одну лишь небесную росу». Никаких сожалений о неудачной жизни, а только просветленное приятие своей участи жертвы: «Вы должны быть самими собой, вы должны свободно принять решение оставаться в девушках, а потом – стать старыми девами, и тогда вы сможете вкусить от небесных радостей». Здесь нет места бальзаковским призракам старых дев – иссушенных и сварливых. Безбрачие опять стало идеалом женщины, но отсутствие надежды не означает, что она должна вечно предаваться сожалениям. Время останавливается для девушек без мужей, и эту остановку надо принимать с достоинством: «Скоро вы станете старыми девами. Может быть, через несколько лет, может быть, совсем скоро»¹³. И вот время уходит.

ПРОФЕССИИ ОДИНОКИХ ЖЕНЩИН

Законодатели и общественное мнение Третьей республики должны были, пусть и нехотя, приспособливаться к новым условиям. Традиционное презрение к незамужним девушкам, отпраздновавшим святую Екатерину, постепенно уступало место новым веяниям. До войны 1870 года на работающих женщин смотрели косо. Исключением были швеи, так как их занятие традиционно считалось женским, а сами швей-«грязетки» всегда были в особых доверительных отношениях с дамами-клиентками из добропорядочных буржуазных семей. Во всех остальных сферах профессиональной деятельности работа считалась исключительно мужским делом. С презрением смотрело общество на женщин-рабочих, причем презре-

ние к низшему классу и презрение к слабому полу накладывались друг на друга. С презрением смотрело общество и на тех женщин, что осмелились посягнуть на «благородные» мужские профессии: адвокатуру, медицину, писательское ремесло. Долгое время женским родом от слова «врач» было «колдунья», а от «писатель» — «синий чулок».

С этой точки зрения в 1870 году XIX век завершился. Во время войны мужчин не хватало, и Мадлен де Бре стала первой женщиной, принятой в больницу на должность временного врача-интерна. Война тоже была временной, и когда она в 1871 году окончилась, медицинская карьера Мадлен де Бре была насильно прекращена во избежание нежелательного прецедента.

Но уже через год среди студентов-медиков было столько девушек, что им разрешили сдавать экзамен на звание экстерна при условии, что они не будут претендовать на интернатуру. В 1885 году женщинам было разрешено держать экзамен и на должность интерна.

Однако профессия врача все еще остается преимущественно мужской. Иначе обстояло дело там, где образ профессии отчасти соответствовал образу женщины, не реализовавшейся в материнстве: учительница, санитарка, работница служб социального обеспечения. Закон об ассоциациях 1901 года нанес сокрушительный удар по религиозным орденам и в то же время создал насущную потребность в женщинах-работницах, которые занимались бы тем же делом, что до сих пор выполняли сестры-монахини. «Одним росчерком пера государство отменило конгрегации, занимающиеся образованием молодежи, независимо от того, было ли у них на то разрешение. От образования перешли к уходу за больными и беспомощ-

ными. Вскоре монахини, в которых так силен дух жертвенности, что приводил их в больницы, приюты для бездомных и сирот, где они проявляли чудеса милосердия и самоотречения, оказались не у дел. Кто же заменит их? Старые девы»¹⁴, — так без тени иронии пишет аббат, знающий, как много нуждающихся в помощи и как много старых дев, готовых эту помощь оказать. Оставив в стороне иронию, мы тоже должны признать, что в его размышлениях есть свой резон. В профессиональной и корпоративной жизни общества холостяки обоего пола пришли на смену монахам и монахиням, и общество ощутило насущную потребность в них.

Подобные идеи уже давно носились в воздухе. В 1912 году Антуанетта Монтодри описала в романе старую деву, для которой преданность и самопожертвование становятся заменой материнского чувства. Ее героиня случайно оказывается в приюте для оставленных родителями детей. «Раз у нас нет детей, мы должны стать приемными матерями и устыдить тех матерей, что уклонились от своего долга [...] тысячи старых дев последуют нашему примеру [...]. На губах каждой женщины дремлет поцелуй любви, и те, кто не может дать его супругу, поцелуют ребенка. И мы увидим легионы старых дев, которые будут баюкать легионы ангелов». Здесь, конечно, видна христианская символика, и залогом добродетельности приемных матерей оказывается то, что они девственны. Однако заметим, что они хотят вписаться в общественную жизнь, а не уйти в монастырь, как сделали бы, наверное, старые девы предыдущего поколения. В «Мемуарах старой девы» Рене Базена рассказывается и о тех старых девах, что укрылись в монастыре, и о тех, кто стремится жить в миру и заботиться о бедных — в книге это предстает как занятие почти равнозначное монашескому призванию¹⁵.

Когда Третья республика ввела обязательное образование, ей понадобилось множество старых дев. Школьных учителей называли «гусары Республики», они исполняли таким образом извечный долг мужчины — охранять отечество; в ответ на это учительницы исполняли не менее важный, но более женственный долг перед отечеством — охранять и развивать французскую культуру.

Это исключение из общего правила, запрещающего женщинам работать, было сделано на основе все тех же принципов, что проповедовали сестры-монахини предшествующих поколений: в тех, кто воспитывает молодежь, расцветает нереализованное материнство. Исключение из правил только подчеркивало правило, по которому женщины могли заниматься лишь теми профессиями, которые соответствовали их исконному назначению в семье.

Однако, доводя логическое рассуждение до конца, можно задаться вопросом: может быть, общество считало, что те, в ком материнский инстинкт просыпается рядом с чужими детьми, не должны иметь собственных?

Сейчас трудно себе представить, что преподавание и воспитание, которые в наше время кажутся наиболее приемлемым занятием для замужней женщины, имеющей собственных детей, некогда было традиционным занятием незамужних и холостяков. Однако дело обстояло именно так. Учителя и преподаватели должны были переезжать с место на место, что не способствовало созданию семьи. Когда уделом женщины считался семейный очаг, ей было крайне трудно сочетать работу и заботу о семье. Учреждения, облегчающие положение женщины (например, детские ясли), еще не были созданы.

Формулировки были достаточно обтекаемы: «Особенности профессии учительницы предполагают, что она

не замужем. Все ее обаяние, все силы направлены на то, чтобы понравиться жителям города или деревни, куда ее направляют работать». Так утверждает Леон Фрапье в своем романе «Провинциальная учительница». И большинство согласно с ним. В 1855 году 80 % учительниц светских школ были не замужем, а в 1911 году они составляли 61 % от общего количества; среди преподавательниц женских лицеев, созданных в 1880 году, в 1911 году незамужних было 60 %.

И все же формального запрета на замужество для учительниц не было, хотя в некоторых городах других стран он был введен. Так, например, в 1897 году санкт-петербургская Дума запретила нанимать в качестве учительниц замужних женщин. Девушки после выхода замуж тоже должны были оставить работу. Таким образом руководство учебных заведений получало более молодых, более покорных преподавателей, которым можно было платить гораздо меньшее жалование, причем после того, как они выходили замуж, их место тут же занимали новые молодые женщины. Многие протестовали против этого решения Думы, но оно было отменено только в 1913 году¹⁶.

Во Франции после Первой мировой войны количество незамужних женщин среди преподавательниц возросло, что отчасти объясняется дефицитом мужского населения в 1920-е годы. После Второй мировой войны количество незамужних женщин-преподавательниц сокращалось, но медленно: если в 1950-е годы их было большинство, то в 1975 году они составляли только 25 % всех преподавательниц¹⁷. Сегодня оплачиваемые отпуска и мода проводить их далеко от дома дают преподавательницам ощутимое преимущество перед другими работающими женщинами: им проще соотнести свои каникулы с

каникулами всей семьи или, во всяком случае, с каникулами детей. Перед работающими матерями всегда встает проблема, как сочетать свой график работы со школьными занятиями детей, и здесь преподавательницы также оказываются в более выгодном положении. Так за последние 40 лет меняется представление об учительнице: оно уже не связывается с образом незамужней женщины.

Образ женщины-преподавателя претерпел за столетие наибольшие изменения. В конце XIX века это честолюбивая женщина, в начале XX — феминистка, в 1920-е годы — та, кто приносит себя в жертву. Даже во времена появления книги «Второй пол» Симоны де Бовуар (некоторое время работавшей учительницей и не вышедшей официально замуж) на женщину-преподавателя еще поглядывали косо. Все оттенки незамужнего статуса сказались на этой профессии, пока не ушло в прошлое традиционное обращение к учительнице «мадмуазель».

После того как женщинам было разрешено преподавать в лицах для мальчиков, а также с введением совместного обучения мальчиков и девочек возникли новые трудности. Учительницы оказались лицом к лицу с подростками в разгар их полового созревания; им необходимо было строго избегать малейшей легкомысленности в одежде или манере поведения, чтобы не дать повода для обвинений в попытке оболъщения учеников.

Строгий вид, прямая осанка — такова мадмуазель Бигуди из серии детских комиксов «Фантометки». Высокий шиньон, суровый взгляд из-под очков, властный тон пугали не только учеников, но и возможных женихов. Учителей-новичков обычно посылают в разные концы Франции, и то время, которое могло бы быть использовано для создания семьи, у женщины проходит в посто-

янных разъездах. То же самое и у мужчины, но он может обзавестись семьей и после 30 лет, утвердившись в своем положении и осев на одном месте, а для женщины это уже слишком поздно.

Среди профессий, заменяющих одиноким женщинам несостоявшееся материнство, следует назвать и профессию медицинской сестры, отдающей свою нежность большим детям – больным и раненым. Образцом сестры милосердия стала Флоренс Найтингейл (1820–1910), незамужняя женщина, ухаживавшая за ранеными в Крымскую войну и открывшая затем школу для сестер милосердия в Лондоне. Война 1870 года, а затем и Первая мировая немало способствовали популярности этой профессии.

В XIX веке крестьяне начали переезжать в города, и на улицах сразу появилось множество людей, выброшенных за борт жизни. Возникла насущная потребность в помощи бедным, бездомным, морально опустившимся людям. Прежняя система благотворительности уже не могла справиться с потоком тех, кто нуждался в помощи; возникли специальные службы социальной помощи, и работа в них тоже стала делом одиноких женщин: «дамы-патронессы» из высшего общества не могли уделять достаточного времени бедным, а мужчин, занимавшихся благотворительностью, жены бедняков не хотели впускать в свои дома, когда мужа были на работе.

Женщины – социальные работницы появились еще до войны 1914–1918 годов, но статус их упрочился после того, как в 1922 году стало возможным пройти обучение и получить официальный диплом приходящей медсестры, а в 1932 году – диплом работницы службы социального обеспечения. «Безбрачие этих женщин можно сопоставить с безбрачием по обету»¹⁸. Кризис монашества

после закона об ассоциациях 1901 года привел в эту сферу общественной деятельности незамужних женщин, готовых откликнуться на призыв папской энциклики *Regum Novarum* (1891). Многие девушки из хороших семей, такие как Мари-Жанна Бассо, Рене де Монмор, Мари Дьеме, приняли участие в новой благотворительной миссии. Мари-Жанне Бассо пришлось выдержать ожесточенную борьбу с родителями: они заперли ее, но она затеяла против них судебный процесс за незаконное лишение свободы и выиграла его. По мере того как в социальные службы приходит все больше профессионалов, количество работающих в них незамужних женщин уменьшается, однако их все еще больше, чем замужних, даже после Второй мировой войны. Незамужние женщины — борцы за общественно полезные дела появляются и на страницах романа «Сильные девственницы» Марселя Прево (1900).

Появление одиноких женщин весьма сказалось на изменении образа жизни горожан в целом. Одинокие женщины, получившие, как правило, традиционное воспитание, умели вести хозяйство. Мужчина-холостяк должен был быть достаточно богат, чтобы хозяйство его велось достойным образом или же, как у бальзаковского кузена Понса, этим хозяйством занималась консьержка и понемногу обкрадывала его. Незамужняя женщина вполне могла сама вести собственное хозяйство, как, например, Бродяга — героиня романа Колетт.

Добавим, что в обыденном сознании образ одинокого мужчины связывается с негативными штампами: эгоист, распутник, неполноценный... Образ одинокой женщины тоже бывает отрицательным: суфражистка, распутница, мужеподобная усатая особа, однако рядом с такими расхожими представлениями стоят и достойные образы вдов,

особенно потерявших мужа на войне, заслуживающих всеобщего уважения. Городской образ жизни менялся, на смену жизни в родовом гнезде приходила жизнь в квартире, иногда небольшой, и вековая традиция, следуя которой вдовы доживали свой век в семьях родственников, разрушалась. В XX веке вдовы стали жить отдельно, и общество приспособилось к их нуждам. Жан-Клод Кауфман относит ко времени Второй мировой войны «новый скачок в движении к изолированному и самостоятельному образу жизни» и считает, что этот скачок вызвали вдовы, «перевернувшие» сложившиеся модели частной жизни. Последующие поколения также увидели преимущества в одиноком существовании, и им уже не нужно было дожидаться вдовства, чтобы жить отдельно от кого бы то ни было¹⁹. В XX веке семья из одного человека пережила настоящую революцию. За столетие количество таких семей возросло вдвое, хотя в целом численность холостяков уменьшилась. В 1891 году во Франции было 51,66 % холостых и незамужних, в 1999 — 46,34 %. За тот же период количество семей из одного человека увеличилось с 15,25 % до 31 %. Особенно заметный рост произошел за последние 40 лет: с 19,6 % в 1962 году до 31 % в 1999.

ВРЕМЯ МЕЖДУ ВОЙНАМИ: СТАРЫЕ И НОВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

В 1889 году в Марманде родился один из самых тонких поэтов 1920–1930-х годов — Филипп Юк, писавший под псевдонимом Тристан Дерем. Филипп Юк стал налоговым инспектором, а Тристан Дерем основал среди молодых поэтов группу «фантазистов».

В 1914 году он был мобилизован в армию, но скоро вернулся домой: на фронте был убит его отец, и забота о младшей сестре и младшем брате – 12 и 17 лет – легла на него. Два поэта-«фантазиста» тоже были убиты. Он понимал, что его жизнь могла прерваться в траншее, как жизнь его товарищей по оружию и по перу.

*Они погибли, у них не было еще невесты...
Светящийся белый полет убитых лебедей,
Кровь красная и черная на истоптанном снегу...*

Между 1914 и 1921 годами Дерем не издал ни одного поэтического сборника. Юк по заключении мира получил должность налогового инспектора в Париже. Наступило бурное время, благоприятное для предприимчивых молодых людей. Дерем снова стал выпускать сборники, Юк оставил работу в администрации города, стал секретарем депутата Ашиль-Фульда (вскоре министра сельского хозяйства) и закрутился в вихре политики. В переписке он называл свою новую деятельность «галерой», причем это была такая галера, где только один гребец.

Он был холостяком, но не одиноким. В 1923 году он встретил Беатрикс Дюссан, актрису баскско-беарнского происхождения, у них была долгая связь. Однако в его стихотворениях все время звучит тема одиночества и скитаний «по комнатам, пустынным и жестоким, / Где я брожу с чернильницей наедине».

Война, обязательства по отношению к сестре и брату, политическая и литературная деятельность – что-нибудь все время препятствовало женитьбе. Он был скромен, но признан, часто выступал с лекциями и в 1938 году получил приз Французской академии за свое творчество. Умер он в 1941 году²⁰.

Первая мировая война стала переломным моментом между XIX и XX веками. Она положила конец экономическому и демографическому подъему XIX века, равно как и изменила расстановку политических и дипломатических сил. Трудно одинаково оценивать мир и безбрачие до и после войны — на фоне 10 миллионов убитых. Невеста, хранящая верность убитому жениху, вызывала жалость и сострадание; мужчина-холостяк считался почти предателем. Сами холостяки стыдились своего безбрачия: Монтерлан, например, противопоставлял холостяка и «нормального мужчину»²¹. В 1918 году разразились эпидемии гриппа и энцефалита, продолжившие разрушительную деятельность войны. Еще год почти не заключалось браков.

Однако в 1920 году происходит бурный рост количества браков: если во время войны перспектива уйти на фронт не слишком благоприятствовала женитьбе, то после установления мира заключаются не только новые браки, но и те, что были отложены во время войны. Тем не менее сказывалась серьезная нехватка мужчин. Из мальчиков, родившихся между 1891 и 1895 годами, 24 % погибли. Перепись 1921 года фиксирует 13 948 000 женщин брачного возраста против 12 465 000 мужчин.

Рост числа незамужних женщин после войны отчасти уравновешивался расширением «брачного рынка»: участились браки с иностранцами, больше стало мужчин, вступавших в повторные браки, и снизился средний брачный возраст мужчин²². Военная пенсия давала возможность жениться даже инвалидам. Романтическое клише «солдат, изуродованный шрамами и обреченный на одиночество» было не совсем верно: большинство из них женились, и чаще всего на медсестрах, которые за ними ухаживали²³.

По окончании послевоенной матримониальной лихорадки в Европе началось медленное снижение числа браков и, соответственно, рождаемости. В 1920-е годы это еще не было слишком заметно, и к 1930 году число заключенных за год браков остается выше 300 тысяч, однако что-то сломалось в сознании молодых в 1918 году, и экономический кризис 1929 года еще более углубил разочарование. Молодые не хотели заключать браков и рожать детей, которые, возможно, станут «пушечным мясом». Будущее, к сожалению, показало, что опасения эти были не напрасны.

Первая мировая война стала концом не только XIX века, но и оптимистической веры буржуазного общества в прогресс науки и человечества.

Кризис брака — это в первую очередь кризис системы ценностей. Общество вслед за Полем Валери обнаружило, что оно не вечно, а традиционные ценности могут оказаться вредоносными. «Знание и Долг, не стали ли вы теперь подозрительны?» — пишет Валери. После того как прошел военный кризис, стал особенно заметен кризис экономический и возник кризис интеллектуальный — не столь яркий и очевидный, но все же ощутимый. Подростки, отправленные на войну сражаться за идеалы общества, которые они еще не успели толком осознать, вернувшись обнаружили, что война оказалась благоприятной для множества «тыловигов», награвших на ней руки и проповедовавших ради своей выгоды «войну-до-победного-конца»; что пострадали лишь те, кто был на фронте. «Для меня будущее лишено какой-либо привлекательности», — сказал Андре Бретон. Только старшее поколение, которому «морочили голову» четыре года, торжествует победу. Но те молодые демобилизованные поэты, уцелевшие в

войне, что собрались у гроба Аполлинера, открывают для себя неприглядную действительность, которую старшие долго прятали от них. «Разве мог я не бунтовать? — пишет Филипп Супо. — Мы были одиноки, мы потеряли надежду [...] Я не доверял ничему и никому»²⁴.

Недоверие к культуре и традиционным ценностям во время Первой мировой войны обрело пристанище. В Цюрихе, в нейтральной стране, в центре политического циклона, собрались художники и пацифисты, взбунтовавшиеся против окружающего безумия. В 1916 году возникло движение дадаистов, чьи бредовые манифесты обнажали крушение лицемерной и убийственной системы традиционного мышления. Тристан Тцара в манифесте 1918 года говорит о «дадаистском отвращении». «Любой продукт отвращения, способный привести к отрицанию семьи, это дада», — заявляет он²⁵. Безбрачие, таким образом, тоже дада?

Не будем преувеличивать масштаб разочарованности молодых людей, который согласно расхожим представлениям связывается у нас с понятиями сюрреализма и дадаизма. Это движение затронуло лишь часть общества, и в 1920-е годы количество браков было все еще достаточно высоко. Резкое падение начинается с кризисом 1929 года и вызывает серьезное беспокойство.

Показатель заключенных в 1931 году браков падает до уровня 8 ‰, а накануне Второй мировой войны он низок как никогда и составляет 6,28 ‰. Особенно заметна тенденция к снижению количества браков в сельских районах, например, в одной деревне в Беарне с 1931 по 1936 год этот показатель упал вдвое²⁶.

Другим следствием войны стало уменьшение рождаемости. Перепись 1921 года фиксирует снижение чис-

ленности населения в возрасте до 9 лет. Это снижение наблюдается и среди мальчиков, и среди девочек. Через 10—15 лет это поколение входит в брачный возраст, и в 1930-е годы наблюдается равным образом и уменьшение количества браков, и снижение численности холостяков.

Итак, в 1920-е годы равномерно повышается и показатель брачности, и, как это ни покажется парадоксальным, показатель безбрачия (женского), а в 1930-е годы показатели брачности и безбрачия равномерно снижаются. Кроме всего прочего, женщины вступают в повторный брак реже, чем мужчины: у мужчин лучше финансовое положение, у мужчин дольше длится детородный возраст, для них не так, как для женщин, важна физическая привлекательность. В период с 1851 по 1936 год доля вдовцов и разведенных среди мужчин снижается, а у женщин, наоборот, увеличивается.

Однако следует заметить, что на современников, вызывая их беспокойство, влияют не столько строгие статистические выкладки, сколько эмоциональные факторы. В строгих статистических данных таится опасность: одни и те же цифры могут привести к разным выводам разных людей, в зависимости от направленности их воззрений. И рядом с молодежью, бунтующей против традиционного порядка, в 1920-е годы появляются и те, кто озабочен разрушением традиционных ценностей. Экстремисты озабочены падением рождаемости, и решения, которые они принимают, тоже носят экстремистский характер. Не случайно в период между двумя войнами ростом безбрачия наиболее озабочены Германия и Италия, и именно в этих странах принимаются самые строгие меры против холостяков.

Фашистская Италия первой вызывает к жизни призыв налог на холостяков. И это при том, что падение рождаемости в стране не так велико, как в соседних странах, и Муссолини в своих речах черпает примеры из французской жизни.

Режим Муссолини устанавливается в 1922 году, в 1925 году он принимает форму фашистской диктатуры, и статус диктатора дает дуче возможность применить те меры для решения проблемы, которые были бы невозможны в соседних странах. Он бросается в наступление на холостяков сразу, как только по законам, принятым в декабре 1925 и в январе 1926 года, в руки ему дается неограниченная власть.

В 1925 году создана ONMI (*Opera Nazionale della Maternita ed Infanzia*) – Национальная служба охраны материнства и детства. 13 февраля 1927 года введен налог на мужчин-холостяков. Отныне мужчины между 25 и 65 годами обязаны вступать в брак, иначе они облагаются налогом в 25 лир ежегодно, который взимается для финансирования ONMI. Деятельность ONMI предполагала выплату премии в 700 лир тем рабочим, кто женится до 25 лет, поддержку ассоциаций многодетных семей, оплату свадебного путешествия в Рим²⁷...

Цель была ясна, и дуче ясно выразил ее в знаменитой речи в день Вознесения 26 мая 1927 года: «Я хочу употребить этот налог на то, чтобы подстегнуть нацию демографическим хлыстом». Затем он упоминает о болезнях, распространение которых связано с социальным неблагополучием (туберкулез, алкоголизм, сифилис, душевные расстройства), и предлагает задуматься о будущем итальянского народа перед лицом могущественных соседей. Что такое 40 миллионов итальянцев в сравнении

с 90 миллионами немцев и 200 миллионами славян? Дуче поставил цель: ко второй половине XX века население Италии должно составлять 60 миллионов человек.

По словам Муссолини, благодаря ONMI в Италии уже 5700 организаций занимаются охраной материнства и детства. Налог на холостяков принесет ежегодно 50 миллионов лир для финансирования деятельности этих организаций. Было очевидно, что эта политика поощрения рождаемости нацелена прежде всего не на Италию — экономика страны просто не в силах была бы прокормить столько жителей, — а на колонизацию: «Если нас станет меньше, мы не сможем создать империю, господа». Средства тоже были очевидны: диктатура уже готовила войну («Или расшириться, или погибнуть»).

Налог отчасти способствовал новой семейной политике, но его было недостаточно, и 24 сентября 1928 года дуче принимает новые меры против холостяков и бездетных пар. Отцы семейств теперь имеют преимущество при приеме на работу и при продвижении по службе. Здесь в дуче сказался наследник Римской империи. Следует заметить, что показатель количества браков в том же году упал до 7‰, затем наступил экономический кризис, и, несмотря на все меры против холостяков, этот показатель так и не увеличился.

Нацистская Германия пошла по стопам фашистской Италии. В книге «Mein Kampf» («Моя борьба»), большая часть которой была написана Гитлером во время тюремного заключения 1924 года, он также не раз обращается к проблеме рождаемости, но его будоражат проблемы евгеники, а не колониальные грезы, как Муссолини. Его тоже беспокоят проблемы социальной гигиены, но не столько борьба с сифилисом и туберкулезом, сколько

борьба с проституцией, в частности, путем ранних браков. Его возмущает, что матери готовы отдавать дочерей замуж за тех, кто вел в молодости разгульную жизнь; он выступает против ограничения рождаемости. Но брак и рождаемость для него не имеют ценности сами по себе. Высшая цель — сохранение расы, брак — всего лишь средство для достижения цели. Борьба против ограничения рождаемости должна была вестись не ради увеличения населения: Гитлер считал, что отбор следует проводить по принципу крепости и выносливости, то есть среди уже родившихся детей. Таков, по его мнению, закон природы. Именно для этой цели в природе существуют голод и эпидемии. Впоследствии именно такой станет политика государства, где будут проводиться стерилизации и устанавливаться запреты на вступление в брак. Неизлечимо больных (тех, чья болезнь засвидетельствована документально, или же подверженных наследственным заболеваниями) следует лишить «физической возможности производить детей». Евреям и расам, объявленным низшими, запрещается вступать в браки с расами, объявленными высшими. Одним словом, государство должно следить за тем, чтобы только «здоровый член общества мог производить потомство»²⁸.

Таким образом, отношение к безбрачию в Италии и Германии не было одинаковым: одна мечтала о колониальной империи, другая — о евгеническом совершенстве. В этой нелепой перспективе одним — больным и зараженным — предписывалось безбрачие, другим — «низшим расам» — предписывался селективный брак, «высшим расам» безбрачие запрещалось: «Отказывать нации в производстве крепких, здоровых детей — это недопустимое деяние». Таким образом, немец, находящийся в доб-

ром здравии и принадлежащий к высшей расе, считался преступником, если он отказывался жениться.

Во всяком случае, с женщинами дело обстояло именно так. Армия нуждалась в мужчинах, и, освободившись от военной службы, многие из них вступали в брак; впрочем, это не было для них обязательным. А вот на девушек, уклоняющихся от брака, налагалось взыскание. Мужчина становился гражданином после того, как проходил военную службу (ему торжественно вручался диплом), женщина — после замужества. «Молодая немка — всего лишь уроженка Германии; она становится гражданкой лишь после того, как выйдет замуж». Однако «право гражданства» может быть ей дано, если она немка и зарабатывает на жизнь.

В основе всех размышлений «Mein Kampf» лежит подобная евгеническая политика. Жилищная политика: «социальное» жилье слишком бедно, семьи, живущие в таком жилье, не могут заключать браки, и это способствует возникновению проституции. Политика в области заработной платы: следует пересмотреть существующий принцип распределения заработной платы, ибо он «слишком мало принимает во внимание проблему семьи». Матримониальная политика: от браков по расчету не могут родиться «такие крепкие дети, какие рождаются от природного чувства», ибо богатые (и особенно евреи) стремятся благодаря своим деньгам породниться со старинными немецкими семьями. Расистское государство должно выращивать свое население, как выращивают лошадей, и улучшать породу при помощи евгенической политики. Армия станет местом отбора и будет выдавать справки о хорошем здоровье, заверяющие, что тот или иной молодой человек «физически годен для брака»²⁹.

Следует заметить, что в Германии в 1931–1933 годах наблюдался серьезный кризис рождаемости³⁰. С 1913 года уровень рождаемости неуклонно падал; численность населения при этом не уменьшалась, но это происходило за счет снижения уровня смертности. Вывод: население стареет. В 1932 году Фридрих Бургдёрфер в своей работе «Народ без молодежи» обратил внимание на существующую опасность: возрастная пирамида мало-помалу приобретала форму урны.

Когда в 1933 году Гитлер пришел к власти, он сразу взялся за поощрение браков за счет введения налога на холостяков. Самой впечатляющей мерой была ссуда на брак, выдаваемая тем женщинам, кто, выйдя замуж, переставал работать. Ссуда возвращалась из расчета 1 % в месяц начиная с четвертого месяца после замужества. При рождении каждого ребенка сумма долга уменьшалась на 25 %. Эти выплаты, равно как и пособия семьям, финансировались из налога на холостяков и бездетные пары. Налог был пропорциональным, а не фиксированным, как в Италии: в зависимости от уровня доходов из зарплаты холостяка удерживалось от 1,8 % до 16,9 %, и, кроме того, удерживался налог с доходов в размере от 6,2 % до 19,84 %. 31 марта 1939 года налог увеличился и мог достигать 55 % от дохода или заработной платы. Супружеские пары, остававшиеся бездетными в течение пяти лет после брака, облагались налогом, который мог достигать до 45 % дохода³¹.

С конца 1933 года все эти меры, как кажется, стали давать эффект. Во всяком случае, заметно увеличилось количество браков, и в 1934 году в Германии был самый высокий показатель браков в Европе (11,2 ‰)³². Рождаемость между 1933 и 1939 годами также повысилась.

Пример Германии так потряс Европу, что местом проведения Международного демографического конгресса в 1935 году был выбран Берлин. Конгресс состоялся в августе, его председателем был доктор Фрик, министр внутренних дел рейха. Он горделиво рассказывал о принятых законах, способствующих росту населения и решавших проблему работы, питания, брака. Выступавшие вслед за ним подчеркивали, что реальные факты подкрепляют истинность слов министра. «Весьма ощутимое» повышение показателя рождаемости в рейхе подтверждает, что политика «вмешательства» государства в демографическую сферу жизни граждан «может дать быстрые и эффективные результаты». Представители стран-соседей внимательно слушали: разумеется, столь радикальные меры вводить невозможно, но не возбраняется, опираясь на них, найти какое-то «совместимое с нашими обычаями и демократическими порядками» решение. Лафорг рискует выступить, по наущению своего учителя Оберлинга; Кох «восхваляет» меры, принятые Германией: «Для государства опасно уменьшение роста населения, ибо это процесс, который сложно остановить, а результатом его неизбежно будет старение населения и ослабление жизненных сил нации»³³.

После того как в 1938 году во Франции сформировалось правительство Даладье, оно в свою очередь берется за ту же проблему... и за холостяков. Они уже давно были объектом налоговой дискриминации. Еще в 1914 году налог на доходы предполагал льготы для семей с детьми в форме скидок, сначала фиксированных, а затем пропорциональных. Закон от 25 июня 1920 года переступил некую черту, увеличив налог на женатых мужчин без детей на 10 %, а на холостяков — на 25 %³⁴. В 1934 году налог

еще увеличится, соответственно до 20 % и 40 %. Это были серьезные меры, но пока еще речь не шла о специальном налоге и клеймении холостяков позором.

Между Первой и Второй мировыми войнами Национальный альянс против сокращения народонаселения без устали твердил гражданам о том, как опасно безбрачие, и требовал введения специального налога. Этот альянс был преемником другого, созданного в 1896 году под названием Национальный альянс за увеличение народонаселения Франции (изменение названия и социальных приоритетов говорит само за себя), им был организован «Конкурс Мишлен на решение проблемы рождаемости» под патронажем президента республики с призами на сумму 120 тысяч франков и первым призом в 50 тысяч франков (около 40 тысяч евро на современные деньги).

В 1923 году некий Поль Ори получил первый приз за исследование, озаглавленное «Жизнь или смерть Франции». Он пишет, что холостяк — это потенциальный убийца. «Кто такие в обществе холостяки и бездетные пары? Это клетки, которые не размножаются. Что остается после них? Могила, и ничего больше». За этой патетикой без труда можно разглядеть полемические выпады предшествующего столетия. Но после войны было очевидно, что далеко не все холостяки и незамужние живут так по своей воле, и к старому размышлению был добавлен некоторый нюанс. Этот нюанс формулировался с большим трудом и менялся в дальнейших переизданиях книги. «Разумеется, каждый из них в отдельности может заслуживать уважения, и холостяки, не вступившие в брак по необходимости, из щепетильности или по обету, вне порицания. Но в целом бездетные получили жизнь и не воздают тем же, они как паразиты, хотя могли бы, по

крайней мере, помогать тем, у кого есть дети»³⁵. К старым клише добавляются и старые рецепты борьбы со злом: налог, семейный ценз на право голосования, пересмотр законов о наследстве.

В следующем году конкурс выиграл член-основатель альянса доктор Леду, представивший исследование на тему «Проблема народонаселения во Франции». Его взгляды более пессимистичны: он предсказывает, что в 1965 году французов будет всего 25 миллионов (их оказалось 46 миллионов)... Леду прямо не осуждает холостяков, так как уровень браков во Франции кажется ему достаточным, — его волнует плодовитость супружеских пар. Он требует, чтобы каждая семья производила на свет не менее трех детей. Именно столько нужно для воспроизводства поколений, «ибо больные, увечные, холостяки по обету или по обязанности» не воспроизводят себя сами, и за них это должны делать другие. Законы о наследстве, по его мнению, побуждают к сокращению рождаемости, так как направлены на то, чтобы унаследованное земельное владение или предприятие не дробилось на множество частей. Таким образом, эта проблема имеет особое значение для Франции и ее государственных институтов. В качестве решения он советует применить все те же традиционные меры поощрения рождаемости (выплаты при рождении детей, обеспечение жильем многодетных семей, увеличение заработной платы семейным, введение семейного ценза при голосовании).

И, разумеется, финансирование всего этого должно лечь на плечи холостяков, бездетных пар и пар с малым количеством детей: «Мы рассматриваем эти меры не как наказание, а как необходимость». Разве не пользуются холостяки пропорционально большей частью состояния?

«Чтобы спасти Францию от вырождения, нужны деньги. Их дадут миллионы эгоистов и несколько щедрых людей. Франция будет жить, нравится это кому-либо или нет!»³⁶ За кризисом 1929 года последовала экономическая депрессия, усугубленная международной напряженностью. Возникла угроза новой войны. В этих условиях падение рождаемости вызывало особую тревогу, и основания для нее были весьма ощутимы: с 1876 по 1937 год уровень рождаемости снизился на 40 %, а в 1938 году количество умерших превысило количество родившихся примерно на 35 тысяч человек. Воспроизводство населения оказалось под угрозой, причем во взрывоопасные времена. И вместе с тем за те же 60 лет снизился уровень безбрачия.

Снижение уровня рождаемости, таким образом, было связано в первую очередь с уменьшением количества детей в семье: «Не следует думать, что Франция — страна холостяков. Гораздо бóльшие опасения вызывает снижение плодovitости в семьях»³⁷.

Более тщательный анализ статистических данных за достаточно долгий период наблюдения позволяет избавиться от предвзятого представления, будто именно холостяки виноваты в снижении уровня рождаемости. Лафорг называет причины совсем иного порядка: отступление от религиозной морали, эгоизм, внедрившийся со времен войны даже в сознание добропорядочных супругов, состоящих в законном браке. Существенной причиной является и то, что женщины стали работать, и это мешает им воспитывать детей, а также то, что из страха перед новой войной многие не хотят рожать детей, которым суждено стать новым «пушечным мясом».

«Вся наша общественная и экономическая жизнь построена на том, чтобы видеть в человеке независимую

личность, а не члена органической ячейки нации, то есть семьи». В преддверии Второй мировой войны названа подспудная основа эволюции современного общества — растущий индивидуализм. Это слово звучит не так оскорбительно, как «эгоизм», порицавшийся веком ранее, хотя вызывает такое же негативное отношение.

Несмотря на результаты скрупулезных статистических исследований, холостяк все равно остается основной мишенью для борцов с падением рождаемости в стране. Лафорг помимо прочих мер предлагает ввести семейный избирательный ценз: «Разве можно допустить, чтобы на выборах голос отца семейства, защищающего непреходящие ценности Отечества, весил столько же, сколько голос холостяка, который думает лишь о сиюминутных интересах, не оставляя никого после себя?»³⁸ Как быстро забылась та тяжкая дань, которую всего лишь 20 лет назад заплатили холостяки, защищавшие родину!

И опять предлагается введение льгот для отцов семейства, увеличение заработной платы, разного рода пособия семьям, финансовое бремя которых должно лечь на плечи холостяков.

После того как в 1938 году сформировалось правительство Даладье, министру труда Шарлю Помаре было поручено изучить проблему отношения государства к холостякам. Налоговые меры, принятые в 1920 и 1934 годах, оказались недостаточны, кроме того, налоги были сильно смягчены в 1936 году правительством Народного фронта, так как их сочли отвечающими «нравственному диктату», Народным фронтом не признаваемому. Декрет о мерах по охране семьи и рождаемости во Франции был принят советом министров и подписан президентом 29 июля 1939 года. Он представлял собой кодекс за-

конов о семье, состоявший из 168 статей, и был опубликован в «Официальной газете» 30 июля. Меры, принятые ради поддержки семьи, должны были финансироваться за счет «сверхналога», названного «семейным компенсационным налогом» и налагаемого на холостяков, вдовцов и разведенных, а также на бездетные супружеские пары, состоящие в браке более двух лет³⁹.

В этот год — год серьезных международных осложнений — опасность была очевидна. Президент упоминает об «угрозе со стороны некоторых соседних государств, народонаселение которых так велико, что подстегивает их амбиции». Не остается он в стороне и от модных евгенических идей, коснувшись «усилий, принятых для того, чтобы создать здоровую нацию», а именно борьбы против алкоголизма и венерических болезней.

Закон от 31 декабря 1945 года отменил «семейный компенсационный налог» и ввел «семейный коэффициент» при исчислении налогов в том виде, в котором мы его знаем и сейчас⁴⁰.

В наши дни введение налога на холостяков рассматривалось бы как дискриминационная мера. Развитие систем социального обеспечения имеет множество иных возможностей для взимания средств с одинокого мужчины.

Следует заметить, что в 1930-е годы не все были вовлечены в гонку за увеличение рождаемости. Александр Рубакин, бывший эксперт секции гигиены Лиги наций, приводит интересные цифры. Он говорит о том, что рождаемость во Франции гораздо выше, чем в Германии (в 1933 году — соответственно 16,3‰ и 14,7‰), а падение рождаемости во Франции с 1905 года не идет ни в какое сравнение с падением рождаемости в Германии (19‰ против 54‰). Надо сказать, что эти цифры отно-

сятся к тому времени, когда Гитлер еще не ввел соответствующие меры против падения рождаемости. Через два года цифры, несомненно, были бы другими.

Настоящим бичом для Франции, с точки зрения Рубакина, является смертность, уровень которой в стране гораздо выше, чем в соседних государствах. Для выживания нации гораздо важнее обращение именно к этой проблеме, борьба с туберкулезом, сифилисом, алкоголизмом – болезнями, происхождение которых связано с «социальной гигиеной». Беспокорство вызывает также высокий уровень смертности среди незаконнорожденных детей. «Права законнорожденных и незаконнорожденных детей должны быть уравниены, необходимо разыскивать отца каждого ребенка и обязывать его содержать детей; это гораздо сильнее скажется на общественной морали и на снижении детской смертности, чем учреждение разного рода филантропических заведений для матерей-одиночек»⁴¹. Подобная концепция была направлена на моральную поддержку незамужних женщин, в первую очередь незамужних матерей-одиночек.

Для некоторых политиков борьба за повышение рождаемости имела нежелательные последствия. Сикар де Плозоль утверждал, что «перенаселение – это война». Его радовало снижение уровня рождаемости, хотя он и разделял беспокойство тех, кто говорил о потребностях национальной безопасности: «Зло идет не от недостатка населения в нашей стране, а от перенаселенности соседей [...] Все правительства стремятся к перенаселению и одновременно, как только население оказывается в избытке, стремятся к расширению и обретению новых земель, то есть к войне»⁴². Как тут не вспомнить теорию «жизненного пространства», оправдывающую империалистические замашки нацистской Германии!

Женщин, обретших в 1920-е годы некоторую независимость, в 1930-е все более и более стремились вернуть к положению «наседки». Провозглашалось, что работа несовместима с материнством. В Германии закон 1932 года обязывал женщин после замужества оставлять работу, если доход мужа был достаточным, чтобы содержать семью. Должностные места в общественных службах могли занимать только незамужние, дававшие обязательство оставить службу по выходе замуж. В Соединенных Штатах подобный закон формально относился и к незамужним женщинам, и к мужчинам-холостякам, но на деле исполнялся только в отношении женщин. Франция не принимала соответствующих законов, но практиковала политику массовых увольнений женщин-служащих в системе почтово-телеграфной и телефонной связи. Что касается Великобритании, то там имена замужних женщин вычеркивались из списка безработных, получающих пособие⁴³. Работа, семья, родина — этот лозунг оставался в силе. Но не все одновременно.

СЕКСУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НОВОЕ ЦЕЛОМУДРИЕ

Между Первой и Второй мировыми войнами существенно изменился не только взгляд на холостяков, но и представление о холостом образе жизни. В обществе, большую часть которого составляли христиане, безбрачие всегда связывалось с целомудрием. До XVI века безбрачие рассматривалось как часть строгого орденового обета, и позже женщины, осмелившиеся предложить безбрачие как систему жизни, от Габриэль Сюшон до Мадлен Пеллетье, обрекали себя на девственность. Совершенно иначе относилось общественное мнение к молодым хо-

лостякам-мужчинам: считалось, что нет ничего зазорно-го в том, чтобы холостяк «перебесился», прежде чем остепениться и подчиниться семейным узам. Считалось даже, что девушки предпочитают бывлых распутников девственникам, так как, по их мнению, лучшие мужья получаются из тех, кто имеет большой любовный опыт.

Зато стареющий холостяк-развратник вызывал всеобщее порицание. Медики видели в таком образе жизни опасность венерических заболеваний, истощение организма, вызванное разного рода злоупотреблениями; социологи говорили, что лишь брак может дать пристойный выход тем страстям и желаниям, жертвой которых становится холостяк.

Еще в Древней Греции врачи считали, что целомудрие благоприятно для организма; так, они видели в сперме «дыхание жизненной силы», а извержение ее (при половом акте, мастурбации, во время ночных поллюций) вело к ослаблению организма в целом. Им на смену пришли христианские теории, в частности концепция Августина, считавшего сперму «дьявольским ядом», который со времен Адама отравляет мужчину и содержит в себе «семя смерти».

«Трактат об онанизме» Самюэля Тиссо (1758) сделал подобные теории достоянием широкой общественности, но по-настоящему популярны они стали лишь в XIX веке в викторианской Англии и в Америке. В 1830-е годы Сильвестр Грэхем, Уильям Олкотт и С.Б. Вудвард организовали Движение за мужскую непорочность. Они проповедовали молодым холостякам абсолютное воздержание, включая отказ от мастурбации. К этому движению присоединился даже Дэви Крокетт, что говорит о том, насколько

ко популярны оказались эти теории среди молодых людей в расцвете лет, еще недавно склонявшихся к рассеянному образу жизни⁴⁴.

В Европе холостая жизнь по-прежнему оставалась синонимом разгула, и разговор о ней шел с других позиций: медики, философы, моралисты говорили об опасностях безбрачного существования. Дюркгейм пытался объяснить частоту самоубийств у холостяков таким образом: в браке психическое и физиологическое возбуждение (половое и любовное) сбалансировано, и это очень важно для человека, так как он, в отличие от прочих живых существ, может спариваться круглый год. Моногамный брак в особенности «насыщает потребность в любви одним-единственным объектом и закрывает все прочие возможности». Отсюда проистекает психическое равновесие женатого мужчины: он ограничивает свои желания доступными способами их исполнения; для него наслаждения ограничены, но, с другой стороны, гарантированы самой необходимостью исполнения супружеского долга. «Совсем иначе обстоит дело у холостяков. Холостяк может получить все, чего пожелает, он стремится ко всему, но ничем не насыщается. Вседозволенность приносит с собой страх бесконечности, и этот страх завладевает и той частью сознания, что связана с половым удовлетворением». Сексуальная форма страха бесконечности воплощена в ненасытности Дон Жуана: «Тот, кто понимает, что ему ничто не помеха, не может остановиться сам». Холостяк, подобно Фаусту, экспериментирует со всеми удовольствиями, пытается насладиться тем, чего не существует. В этой погоне за недостижимым обостряется чувственность⁴⁵. Разгульная жизнь холостяка есть отражение его более глубокой неудовлетворенности, которая часто приводит к самоубийству.

Непорочность теперь отделяется от безбрачия и часто связывается с тем или иным сектантством. Ярче всего это проявляется в Соединенных Штатах, где примеры такого сектантства уходят в глубь истории: секта шейкеров, основанная в 1774 году, послужила прообразом для многих более поздних сект⁴⁶. Самой заметной из них была в XX веке секта Джорджа Бейкера (1870–1965), называвшего себя Посланником (Messenger), а потом – Божественным Отцом (Father Divine). В 1907 году он объявил себя Сыном Божьим и начал проповедовать. Он создал Миссию Мира, ставшую в Америке одним из основных движений, требовавших от своих членов непорочности и целомудрия: они как бы уподоблялись бесплодным ангелам. Однако Бейкер, в качестве Бога, женился в 1917 году и вторично – в 1946. Его вдова – Божественная Мать – продолжила его дело.

Таким образом, целомудрие и девственность долго представляли собой образец поведения, и доводы в их пользу были самые разные: гигиенические, спортивные, психологические, религиозные, сектантские и пр. Однако в конце XIX века в Западной Европе эта модель начинает давать трещину. Священная роль и магические способности девушки, никогда не знавшей мужчины, высмеиваются в оперетте «Талисман» Эдмона Одрана (1880): девушка Беттина пасет индюшек и приносит удачу своим хозяевам. Но этот дар она хранит только до тех пор, пока нетронутым остается ее «цветок апельсина». В конце концов новаяявленная весталка решает пожертвовать своими магическими возможностями ради замужества.

Анатомы смеются над представлением, будто девственность плева «дарована людям Провидением для защиты нравственности», и говорят о том, что подобные плен-

ки или складки есть и у некоторых животных. Полное воздержание приводит к физическим и психическим расстройствам. Во всяком случае, оно порождает «сластолюбивые мысли», неподобающие образу античной девы⁴⁷. Антропологи считают, что значение плевы весьма относительно, а Симона де Бовуар приходит к такому выводу: «Мужчина требует девственности от невесты, поскольку считает жену своей собственностью»⁴⁸. И хотя в 1920 году к лику святых была причислена Жанна д'Арк, освобожденные женщины предпочитали подражать Коко Шанель или Айседоре Дункан.

Освобождение женщины поначалу весьма ограничено. Успехи в разработке контрацептивных средств позволили женщинам не столь опасаться наследников Дон Жуана, как раньше, и отходить иногда от слишком строгих правил воздержания. Но буржуазная модель по-прежнему соединяла безбрачие и целомудрие. Например, даже врачи, говорящие об опасности полового воздержания, не предлагают в качестве лекарства простую половую связь. «Самые нелепые и устойчивые симптомы исчезли через несколько недель, а то и несколько дней после брака». Опасности воздержания по молчаливому уговору отнесены к безбрачию, «противному законам природы, а также вредному для здоровья тех, кто строго его соблюдает». Среди опасностей воздержания называется бесплодие: из 100 мужчин-холостяков лишь 10 % способны зачать ребенка, у женщин угроза бесплодия еще сильнее⁴⁹. Мы видим здесь произвольное сближение безбрачия и целомудрия, сексуальности и брака и поразительное утверждение о бесплодности холостяков, напоминающее лицемерие старинной медицины, утверждавшей, что проститутки бесплодны. Все это говорит о том, что ста-

рые предрассудки сохраняются даже после того, как нравы общества становятся более свободными.

Распущенность холостяков по-прежнему беспокоит благонамеренные умы. На смену опасениям нравственного порядка приходят медицинские. С конца XIX века и до Второй мировой войны свирепствует сифилис. Некоторые начинают думать, что следовало бы запретить вступление в брак «зараженными лицами»: «Это была бы экспроприация права на брак ради общественной пользы». Герен де ла Грассери, выдвинувший такое предложение, имеет в виду в первую очередь сифилитиков и туберкулезных больных, но то же самое, по его мнению, может касаться и людей, страдающих некоторыми наследственными заболеваниями: «Самые опасные болезни дают право стерилизовать их носителей».

Доктор Анна Фишер высказывается еще более категорично: «Тот, кто знает, что неизлечимо болен, должен отказаться от брака, ибо плодить детей-сифилитиков — это преступление». Мы знаем, куда завели подобные идеи в странах, где появилась возможность применить их на практике. Нацистская Германия вела откровенную евгеническую политику, во Франции профессор Пинар, депутат и председатель Французского общества евгеники, в 1924 году предлагал ввести сертификат о добрачном обследовании, а правительство Виши в 1942–1943 годах предписывало обязательное получение такого сертификата. В 1953 году это требование вошло в кодекс общественного здоровья⁵⁰.

Страх перед сифилисом и чрезмерная стыдливость буржуазного общества мало-помалу изменили то снисходительное попустительство, которым пользовались молодые холостяки. «Нелепые представления», «лживые

предлоги», «отсталый консерватизм», «великая глупость» — так отзывается об этом попустительстве доктор Фишер; она проповедует целомудрие мужчин до брака, чтобы «мужчина мог принести в брак всю свою мужскую силу». Она обрушивается на старый, но еще живой предрассудок, согласно которому «безбрачие есть нормальное и разумное состояние для мужчины»⁵¹. Но если половая связь до брака возбраняется, остается прибегнуть к услугам проституток, гомосексуализму, онанизму. «Безбрачие таит большую опасность как для мужчины, так и для женщины, оно толкает к мастурбации»⁵². Нравы становятся более свободными, но традиционная мораль как никогда крепко связывает воедино жизнь вне брака и целомудрие. При этом безбрачие влечет за собой угрозу сексуальных отклонений, бесплодия, болезней и возможного запрета на вступление в брак, но о чем бы ни шла речь, здоровая половая жизнь для холостяка исключается. Кажется, что, если исчезнут патриархальные представления о целомудрии, все захотят быть холостяками.

В то же время в Соединенных Штатах, где, как кажется, особенно много приверженцев целомудрия, назревает сексуальная революция. Ее теоретиком выступил Вильгельм Райх, ученик Фрейда, разошедшийся с ним во взглядах. Райх упрекал Фрейда в том, что тот слишком подробно анализирует стремление к смерти в ущерб сексуальности. В 1927 году он пишет книгу «Функция оргазма» (переиздана в 1942 году), в которой связывает неврозы с нарушениями в половых органах и предлагает лечить их при помощи оргазма. В 1939 году он «открывает» излучение оргона, жизненной космической энергии, исходящей от солнца, которая «заряжает» живые ткани во

время возбуждения при оргазме. В 1957 году, после разоблачающей кампании в прессе, он был арестован за мошенничество и умер в тюрьме.

Для одних Райх был мошенником, для других — преследуемым гением, однако именно он ввел термин «сексуальная революция» — так называлась одна из его самых известных книг, вышедшая в 1945 году. Он первым соединил фрейдизм и марксизм и объявил сексуальное угнетение свойством капитализма. Если отвлечься от его рассуждений о том, каким образом подавление инстинкта к продолжению рода (фрейдовская сублимация) привело к развитию капитализма, следует признать, что он внес неоценимый вклад в развенчание идеи целомудрия и оправдание холостяков, живущих половой жизнью. Альберт Эллис, следуя по его стопам, признал, что любовь может стать причиной неврозов, если половая жизнь ограничивается одним партнером. В предвоенной Америке Всемирная лига сексуальных реформ выдвигает идеи, которые пока еще сдерживаются страхом перед сифилисом и нежелательной беременностью. Распространение пенициллина после Второй мировой войны, равно как и изобретение противозачаточных таблеток (1955–1960), сняли последние заслоны на пути сексуальной морали, особенно в отношении холостяков.

В нашем сознании это движение, пришедшее с Запада, связано с именем Альфреда Кинси. Профессор биологии, специалист по таксономии (науке о законах классификации), Кинси прославился работами об осах. Перед войной ему был поручено вести курс об основах брака, для подготовки к нему он решил собрать как можно больше материалов, включая опросы... о сексуальной жизни. Опросы проводились в 1938–1947 годах (для двух третей

опрошенных — в 1944–1947 годах) среди 12 тысяч человек разного возраста на всей территории США, но преимущественно в северо-западных штатах. Результаты были опубликованы в 1948 (сексуальное поведение американского мужчины) и 1953 годах (сексуальное поведение американской женщины); в отчетах приводились данные только о белых американцах.

Резонанс был огромный. Кинси впервые открыто и беспристрастно затронул темы, которые обычно затушевывались (мастурбация и гомосексуальные связи у женатых мужчин и замужних женщин). Ему удалось снять табу с разговора о тех привычках, которые считались порочными, но были распространены гораздо шире, чем считалось раньше.

Кинси работал на базе Индианского университета и Комитета по изучению сексуальных проблем Национального научно-исследовательского совета, а также при поддержке фонда Рокфеллера. Оригинальность его исследования состояла в том, что, используя методы таксономии, он строил объективную классификацию причин того или иного типа человеческого поведения, в то время как предшествующие исследователи часто подменяли наблюдение и описание желанием объяснить факты и дать им моральную оценку. Типы поведения, представленные Кинси, очень многообразны, и каждый из них предлагается в многочисленных вариантах — все это также определило особую значимость его отчетов, поскольку раньше подобные опросы проводились лишь в ограниченных социальных группах.

Однако Кинси не скрывает, что объективное изучение человеческого поведения сталкивается с определенными сложностями. Основной источник информации —

ответы людей о собственном поведении, и они достаточно субъективны: одни из стыдливости скрывают, что им свойственны некоторые привычки, другие из бахвальства преувеличивают роль этих привычек в своей жизни. Кроме того, важным фактором при опросе становится личность самого опрашиваемого: он может счесть тот или иной ответ уклончивым или лживым. Таким образом, приходится делать объективные выводы на основании субъективных данных. И тем не менее можно сказать, что опросы Кинси позволяют составить достаточно достоверную картину сексуального поведения белого населения Северо-Запада США сразу после Второй мировой войны. Широкие обобщения на базе приведенного материала следует делать с осторожностью.

Статистические данные о половой жизни холостяков тем более сложны в истолковании, что термин «холостяки» перекрывает разные социальные и семейные статусы. Так, например, среди возрастных групп холостяков выделяют и группу молодых людей в возрасте около 15 лет. Численность холостых и незамужних в этой группе закономерно и последовательно уменьшается, и, таким образом, примеры, приведенные на основании этой группы, не слишком основательны. Процент холостяков-гомосексуалистов увеличивается в более старших возрастных группах, потому что женятся только гетеросексуалы. Из этого наблюдения опасно сделать вывод о том, что холостая жизнь толкает к гомосексуализму, так как гомосексуализм предполагает холостой образ жизни. С несколько меньшей определенностью то же логическое рассуждение можно отнести и к другим сексуальным отклонениям и привычкам.

Если говорить о склонности к сексуальному самоудовлетворению, то это не всегда одно и то же. Постоянное и периодическое мастурбирование попадает в одну классификационную ячейку, и различие между добровольным и вынужденным безбрачием (например, во время тюремного заключения) не принимаются во внимание. Кроме того, добрачные отношения между постоянными партнерами — не то же самое, что похождения холостяка, коллекционирующего победы. Таким образом, на основании результатов опроса общие выводы о поведении холостяков следует делать очень осторожно. Заметим, однако, что Кинси говорит не о духовной стороне жизни, а лишь о половом поведении, а сексуальной активностью считает любое действие, направленное на получение оргазма.

Если отчет Кинси стал открытием в том, что касалось скрытой жизни семейных людей (мастурбация, гомосексуализм), то к типовому портрету холостяка он в целом не добавил ничего. Что неожиданного в том, что, как оказалось, холостяки чаще, чем женатые, склонны к сексуальному самоудовлетворению, гомосексуальным контактам и посещению проституток? Процентное соотношение мастурбирующих увеличивается с ростом образовательного уровня и уменьшается с возрастом, а в том, что касается посещения проституток, закономерность обратная. Это тоже достаточно очевидно: более образованные люди испытывают большую робость в отношениях с другим полом.

В любом случае до 30 лет на первом месте стоят гетеросексуальные контакты с непрофессионалами, затем гомосексуальные отношения, склонность к мастурбации и посещение проституток понемногу занимают все боль-

шее место, но в разных соотношениях, что зависит от уровня образования. Статистика здесь лишь подкрепляет расхожее мнение.

Но вот несколько интересных наблюдений: жизнь в одиночестве и холостая жизнь не во всем совпадают. У человека, хотя бы недолго побывавшего в браке, сексуальная жизнь становится иной, чем у холостяка. Так, например, ночные поллюции у холостяков случаются чаще, чем у женатых (85 % опрошенных в первом случае и 60 % во втором). Это самоочевидно. Но у разведенных и вдовцов результаты те же, что у женатых, как если бы брак в прошлом влиял на сексуальную активность человека незаметно для него самого.

Частота половых сношений у женатых выше, чем у холостяков, что понятно, но после 40 лет холостяки выходят на первое место. Быть может, дело в том, что холостяк, которому за 30, приобретает некоторый опыт в том, как завязывать отношения, а молодой холостяк, во всяком случае холостяк 1940-х годов в Америке, находит меньше благоприятных ситуаций. Таким образом, можно нарисовать следующий портрет белого холостяка 1940-х годов в США: робкий человек, не вступивший в брак вовремя (около 30 лет), а поэтому с возрастом прибегающий или к самоудовлетворению, или к порочным сношениям, в зависимости от уровня образования, но в любом случае не прекращающий сексуальной активности. Ничего слишком неожиданного в этом портрете нет. Кинси не проводил опросов сопоставимого масштаба среди других социальных групп, однако его исследование, по крайней мере, дало возможность называть вещи своими именами.

Зато «сексуальная революция» 1960-х годов коснулась в первую очередь переоценки сексуальной активнос-

ти холостяков⁵³. «В эту эпоху женщина стыдилась признаться, что она девственна, и не стыдилась рассказать о своих половых связях», — пишет Марсель Эк. Традиционные ценности перевернулись, изменилось сознание, а за ним и поведение. Пьер Симон в опросе 1972 года отмечает, что девственницами называют себя 3 % женщин от 25 до 30 лет и 7 % женщин после 50 лет. Вне зависимости от того, искренни ли опрошенные, налицо изменение ценностей от поколения к поколению. Для тех, кто родился после войны, девственность не является ценностью сама по себе. Изменяется и отношение к воздержанию. Если вплоть до 1950-х годов оно считается «здоровым и полезным образом жизни» или же, следуя фрейдистским концепциям, свидетельствует о сублимации сексуального влечения, то теперь в нем видят причины физических и психических расстройств. На протяжении 20 веков общественное мнение благоприятствовало целомудрию, и вдруг оно стало считаться априори неблагоприятным и вредным. «Если вы абсолютно целомудренны, то я склонен считать, что в вашем умственном и эмоциональном развитии есть какие-то отклонения».

Появление контрацептивных средств также меняет всю раскладку. К проституткам теперь обращаются все реже, так как случайные подружки больше не боятся половой связи. С изобретением противозачаточных таблеток мужчина в меньшей степени, чем раньше, чувствует себя ответственным за «последствия», уменьшается и количество нежелательных беременностей. Альтернативные или неполные сношения (содомия, ласки) больше не являются единственным выходом, а поэтому частота их уменьшается.

К сожалению, нет возможности сопоставить данные Кинси (1948) и Симона (1974), так как они получены на основании разных критериев.

Майские события 1968 года во Франции закрепили перемены в сознании. Речь шла не столько о переоценке безбрачия, сколько о переосмыслении понятия «супружеская пара», которое теперь совершенно не обязательно связывается с официальным закреплением брака. Внебрачное сожителство становится общепринятым: 55 % французов (64 % мужчин и 47 % женщин) считают его вполне допустимым, если речь идет о женихе и невесте, 56 % (65 % мужчин и 48 % женщин) – если речь идет о холостяках, давно знакомых друг с другом. Сожителство, добрачные отношения, свободные пары больше не вызывают порицания. Однако подавляющее большинство опрошенных все еще высказываются против связи холостяков, если они знакомы совсем мало⁵⁴.

История холостяков и безбрачия в это время оказывается связана и с постепенным изменением отношения к гомосексуализму. Если, по данным Кинси, склонность к гомосексуализму и наличие гомосексуального опыта нередки (Кинси оценивал их в 50 % опрошенных среди мужчин и 25 % среди женщин), то исключительная гомосексуальность также встречается достаточно часто. Марсель Эк признавал склонность к гомосексуализму за 10 % и практику – за 5 % опрошенных. Традиционное общественное неодобрение гомосексуалистов приводило к тому, что многие из них вступали в так называемый «брак ради приличий», более или менее удачный. Возросшая терпимость по отношению к гомосексуалистам сократила количество таких браков, что повлияло на общий показатель безбрачия. Однако трудно представить

строгие статистические выкладки там, где речь идет о природной склонности, иногда скрытой или отрицаемой. Если процент признанных гомосексуалистов остается стабильным на протяжении всего XX века (6–7 %), то еще по меньшей мере 20 % женатых мужчин проявляют склонность к гомосексуализму. Однако эти данные нельзя считать достаточно точными и вызывающими доверие.

Сексуальная революция неожиданно дала обратный эффект. После полувека психоанализа и 20 лет «сексуальной революции», обязательной для всех, сексологи обнаружили, что многие холостяки, и в особенности женщины, не вступают в брак, боясь «оказаться не на высоте»: теперь от сексуальной жизни стали ждать слишком много, и девушки опасаются разочаровать будущего партнера. Это «невротическое безбрачие» родилось из страха быть аномальным в мире, где сексуальность стала нормой. «Фрейдистские разработки освободили сексуальность от многих предрассудков, но породили тревогу совершенно особого типа»⁵⁵. Представление о женщине как о кастрированном существе, страдающем от отсутствия фаллоса, обесценивание клиторного оргазма за счет вагинального наслаждения — все эти идеи способны были породить комплексы и страх перед браком. Принцип всеобщности эдипова комплекса вселил в души многих мужчин тревогу перед женщиной: а вдруг он подспудно отождествляет ее с матерью? Не будем, впрочем, преувеличивать эту тенденцию, слишком незначительную статистически — мы привели здесь подобные рассуждения лишь как пример антифрейдистской полемики. С другой стороны, именно благодаря фрейдизму сексуальная жизнь и мужчин, и женщин освободилась от предрассудков.

Психологи и социологи отметили прямую зависимость новой свободной сексуальности и роста числа холостяков. Слишком ранние половые отношения могут сформировать подростковый тип сексуальности: желание как можно скорее вступить в половые сношения, относительное пренебрежение нежностью, стремление покорять. С другой стороны, повышение брачного возраста приводит к тому, что образ жизни, характерный для периода полового созревания (около 2 лет), растягивается на продолжительное время (до 15 лет). Подростку для уверенности в себе надо постоянно стремиться к новым сексуальным победам; когда это стремление затягивается надолго, оно угрожает будущей семейной жизни.

Несмотря на сексуальную революцию 1970–1980-х годов, а может быть, и как реакция на нее появляются новые сторонники целомудрия у холостяков и временного целомудрия у женатых, причем они далеко не всегда исходят из норм традиционной морали. Истоки и объяснения этого «нового целомудрия» весьма разнообразны.

Во-первых, воздержание распространено среди спортсменов высокого уровня. Еще со времен Древней Греции бытует мнение, что воздержание благоприятствует спортивным победам. Платон в «Законах» (книга VIII) ясно высказывается на этот счет: Икк, Крисон, Астил, Диопомп и многие другие побеждали на Олимпийских играх, так как не притрагивались ни к женщинам, ни к мальчикам в течение всего периода тренировок. Это убеждение пережило века. Элизабет Эббот изучала воздержание спортсменов в Америке в XIX–XX веках, но явление распространено гораздо шире. Доктор Кофейнон, например, считает, что «целомудрие сохраняет силу, благодаря ему избыток жизненной энергии, сконцентри-

рованной в половых органах, разносится по всему организму, обеспечивая все наши жизненные функции». Теоретическое обоснование этой идеи несомненно лежит во фрейдистской концепции сублимации, однако послевоенные сексологи высказывали сомнения в истинности такой трактовки целомудрия. «Нет никаких конкретных фактов, которые подтверждали бы подобные рассуждения, во всяком случае, у здоровых мужчин», — пишет Эллис в 1963 году. И все же до сих пор многие организации придерживаются мнения, что спортсменам необходимы воздержание и сублимация, а такие ассоциации, как Life Athletes и Athletes for Abstinence («Жизнь спортсмена», «Спортсмены за воздержание»), поддерживают и проповедуют их⁵⁶. Однако требование удерживать сперму в организме распространяется лишь на строго определенный отрезок времени, и вне соревнований большинство спортсменов ведут нормальную сексуальную жизнь.

В США, откуда в 1960-е годы пошла сексуальная революция, началось и обратное движение. В 1980 году Габриэль Браун опубликовала книгу «Новое безбрачие: почему все больше мужчин и женщин отказываются от секса и радуются этому?». «Новое целомудрие», проповедуемое ею, не означало полного отказа от половой жизни, но предполагало, по фрейдистской традиции, в ответ на сексуальное возбуждение не простое генитальное совокупление, а более обширный спектр реакций. С ее точки зрения, целомудрие, выбранное из социальных, духовных или гигиенических побуждений, не ограничивалось простым ограничением половой жизни, но могло привести к состоянию просветления.

Движение за целомудрие возникло до появления СПИДа, но когда эта новая эпидемия настигла в первую

очередь холостяков (гомосексуалистов, клиентов прости-туток), новый идеал стал активно распространяться среди молодежи. Католическая церковь постоянно борется против презервативов, и даже в новых условиях она не захотела признать презерватив первым средством защиты от СПИДа, провозгласив, что предпочтительнее сохранять целомудрие до брака и не изменять супругам.

Некоторые ассоциации, по преимуществу американские, пропагандируют эту идею. Так, например, ассоциация True Love Waits («В ожидании настоящей любви»), основанная в 1993 году при религиозном центре в Нашвилле, пропагандирует идею целомудрия в университетских городках, причем использует современные методы маркетинга – майки, бейсболки, значки с надписью, бьющей точно в цель: «Stop your urgin' be a virgin» («Перестань возбуждаться, будь девственником»). К этому движению привлекают знаменитых актеров и спортсменов, чтобы у их молодых почитателей сложился образ целомудрия как образец для подражания. Баскетболист Мэджик Джонсон в 1991 году открыто признал, что он ВИЧ-позитивен, а затем присоединился к движению с лозунгом: «The only safe sex is no sex» («Безопасный секс – это отсутствие секса»). Многие другие заокеанские ассоциации проповедуют те же цели. BAVAM (Born-Again Virgins of America – «Заново рожденные девственники Америки») выдает сертификаты девственности, организует дискуссии для девушек, желающих сохранить девственность до брака. Два с половиной миллиона молодых людей состоят в ассоциациях вроде Not Me, Not Now, True Love Waits, Friends First («Не я», «Не сейчас», «В ожидании настоящей любви», «Просто друзья»), где поддерживается стремление к целомудрию. Abstinence Clearinghouse

(«Сообщество избравших целомудрие») является на сегодняшний день основной ассоциацией, рекламирующей идею целомудрия на собственном сайте www.abstinence.net.

Целомудрие не равнозначно безбрачию, однако в первую очередь оно связано именно с ним, особенно в англосаксонских странах, где словом *celibacy* обозначены оба понятия. Их ассоциативная связь приобрела даже политическое значение, и все президенты начиная с Рональда Рейгана — и демократы, и республиканцы — включают в предвыборные программы лозунги, связанные с пропагандой воздержания.

Джордж Буш-младший, став президентом, обещал финансировать программы, реализуемые в рамках Закона о юношеской семейной жизни, на уровне 35 миллионов долларов в год. Дотации выдаются школам, университетам и ассоциациям, поддерживающим программу. Однако в борьбе против внебрачной сексуальности Буш переходит иногда к репрессивным мерам. Холостякам, матерям-одиночкам и отцам, отказывающимся содержать детей, затруднен доступ к социальной помощи. Теперь, вопреки идеям прошлого века, брак превратился в средство борьбы с бедностью.

Представление о нравственно чистом безбрачии стало не только пунктом внутренней политики США. В мае 2002 года, во время проходившей в ООН встречи на высшем уровне по проблемам детства, американский министр здравоохранения Томми Томпсон предложил молодежи всего мира следующую модель поведения: «Воздержание — единственный способ избежать заболеваний, передающихся половым путем, преждевременных беременностей, общественных и личных осложнений, связанных с половой жизнью вне брака»⁵⁷. А президент Буш, выделив

значительную сумму на нужды ассоциаций, которые борются с распространением СПИДа в Африке, попросил, чтобы часть средств пошла на пропаганду целомудрия и супружеской верности.

Было бы слишком просто увидеть в движении «за новое целомудрие» всего лишь американскую моду, связанную с политикой консерватизма. В 2004 году подобное искушение, видимо, испытало и французское правительство, когда система выплат для детей (ARJE) была трансформирована в пособия на содержание детей (PAJE), причем из этой системы было исключено пособие одиноким родителям, которое в первую очередь выплачивалось матерям-одиночкам. Хотя реформа главным образом преследовала цель сэкономить бюджетные средства, общественное сознание сблизило ее с американскими консервативными тенденциями, так как вследствие реформы значительно уменьшались пособия одиноким матерям. Возникла полемика, и, чтобы положить ей конец, премьер-министр обещал посвятить проблеме родителей-одиночек конференцию по вопросам семьи, прошедшую в 2005 году. У всех осталось, однако, тягостное впечатление, что на матерей-одиночек попытались наложить взыскание.

Нравственная переоценка безбрачия имеет глубинные основания, о которых пока трудно судить, но одним из парадоксов нашего времени, несомненно, является переосмысление сексуальной революции 1960–1970-х годов. Психологический шок, вызванный появлением СПИДа, существенно повлиял на представления о сексуальной свободе, сложившиеся после войны.

Беспечность поколения, которое впервые за всю историю человечества получило возможность не боять-

ся ни нежелательной беременности, ни венерических болезней, сменилось зрелым и взвешенным отношением к сексуальной жизни; появились новые запреты и новые формы сексуальной активности.

Несомненно, для некоторых последователей «нового целомудрия» оно связано с нравственными и религиозными запретами, но для множества других оно построено на иных основаниях и не исключает, например, порнографии и мастурбации. Целомудрие для большинства современников вписано в постфеминистский контекст и предполагает в первую очередь перестраивание отношений между мужчинами и женщинами на основе взаимного уважения. Его можно связать с отказом от системы сексуального потребления, продиктованной, по выражению Фуко, «суровой монархией секса». По мнению гинеколога и сексолога доктора Элен Жакмен, современное целомудрие может быть уподоблено отказу от пищи теми, кто протестует против общества потребления.

Таким образом, отказ от брака в наше время бывает вызван разными причинами, и их не следует смешивать между собой. Чаще всего речь идет все-таки о временном, а не пожизненном безбрачии.

ГЕОГРАФИЯ БЕЗБРАЧИЯ

В результатах опроса, опубликованных в 1962 году Пьером Бурдые, этот информант обозначен инициалами ЛА. Ремесленник и сын ремесленника, он родился в 1885 году в городке в Беарне; окончив школу, стал работать в мастерской отца, затем ушел на два года в армию и вернулся домой в 1907 году. Он познакомился с девушкой, уроженкой острова Ре, и решил жениться на ней. Он

считал, что она будет хорошей партией в глазах его родителей — у нее было приданое в 10 тысяч франков и имущество. В 1909 году он объявил родителям о своих намерениях. Но его ждало разочарование: родители не согласились на брак. Мы бедные, но гордые. Приданое — это одно дело, а обязательства мужа по отношению к семье — это другое. Он был единственным сыном, предполагалось, что он унаследует мастерскую отца, а значит, жена должна была бы поселиться с ними в доме. «Нам здесь не нужна женщина» — ответ был понятен без разъяснений. Семья небогата, и девушка, пусть и с приданым, станет лишним ртом.

Что оставалось делать ЛА? В те времена родительское разрешение на брак было обязательным. Добиваться своего, поставить ультиматум, уйти из дома? Он даже и не помышлял об этом. Соседи сочли бы, что он нанес неслыханное оскорбление своим родителям. «Они подумали бы, что у нас серьезные размолвки», а выносить семейные проблемы на всеобщее обозрение недопустимо. Он отказался от женитьбы.

Расстроенный молодой человек перестал ходить на танцы, видаться с девушками. «Раньше я любил танцевать, особенно старые танцы: польку, мазурку, вальс...». Теперь он по воскресеньям только ходил играть в карты. «Мы собирались с парнями. Играли в карты. И к полуночи я возвращался домой». Он так и состарился холостяком, был ремесленником, а когда его сестра овдовела, она переехала к нему⁵⁸.

Сельские холостяки — это реальность и XX века. То же самое можно сказать о холостяках пригорода и города. Однако если география традиционного распространения холостой жизни остается более или менее стабиль-

ной, то образ жизни деревенского и городского холостяка с наступлением современной цивилизации существенно изменился.

Разумеется, коэффициент заключения браков выше в более богатых областях, а также там, где сохранилась традиционная культура и сильны позиции религии. Несомненно также, что жизнь в больших городах благоприятствует одиночеству. Однако причины, по которым люди не вступают в брак, как и представления о холостой жизни, в каждом конкретном случае могут быть своими.

Важным фактором является бедность, царящая в деревнях и целых районах. Когда наследство слишком мало, чтобы его делить, обычно жертвуют правами младших. В начале XX века в Беарне среди землевладельцев было 28,57 % холостяков, среди сельских работников — 81,81 % и 100 % среди слуг. Один из них, 1898 года рождения, поступивший в услужение в возрасте 10 лет, объясняет без какой-либо горечи, почему он в свое время отказался от намерения жениться: «Если бы я женился, это означало бы повенчать голод с жаждой». Он не получил ничего при разделе имущества, так как был младшим ребенком. Старший унаследовал «хозяйство» (дом, скот, птичий двор). Сестра уехала в город и нанялась горничной. «А я проводил время с парнями, такими же, как я. Мы просиживали ночи в кафе, играли до зари в карты, устраивали маленькие «пирушки». Чаще всего мы говорили о женщинах, разумеется, всякие гадости. А на следующий день мы злословили по поводу наших ночных собутыльников»⁵⁹.

Такое своего рода обязательство младшего из детей оставаться холостым вписывается в общественные представления о структуре семьи, а поэтому переносится достаточно легко. Холостяк знает, что «приносит себя в

жертву» семье, и не чувствует себя ни обделенным, ни презируемым. Он занимает свое место в доме и в экономической структуре хозяйства. Он старится рядом с родственниками и не считает себя нахлебником. Рене Базен в 1908 году упоминает таких крестьян, решивших не жениться и готовых выполнять поденную работу, лишь бы ферму не пришлось делить между наследниками⁶⁰.

Однако бедность — не единственная причина безбрачия, есть и другие, столь же традиционные. Сложно завязать отношения в мире, невероятно замкнутом (здесь отказ превращается в жестокую обиду) и в то же время открытом для пересудов. Замкнутость и стыдливость, более высокая у крестьян, чем у горожан, требует участия в сватовстве посредников. Иногда сватовством занимается семья, иногда — кюре. Он может подыскать робкому юноше бедную, но добродетельную девушку. «Старый кюре сосватал немало молодых людей из больших достойных семей». Бродячий торговец может стать настоящей находкой для родителей, желающих пристроить детей: благодаря ему они могут сообщить всем и каждому, что ищут невесту для сына, и новость быстро облетит всех девиц на выданье. После Второй мировой войны в обиход вошли организованные собрания юношей и девушек, на которых каждый искал себе пару, и тогда сформировался новый тип любовных отношений: не испытывая слишком сильного давления со стороны общества, юноши и девушки не торопились жениться.

Образ холостяка в сельских районах претерпел самую значительную эволюцию. В начале века в «нормальной» семье жили один-два холостяка, те, кто пожертвовал собой во имя неделимости наследства. После Второй мировой войны одиночество стало восприниматься как «нелепый

и бесполезный жребий»; экономический кризис отразился и на общественных структурах, причем особенно это стало заметно в семьях мелких землевладельцев. Теперь уже старшему не обязательно надо жениться. «Привилегия собственника и старшего нарушается», на смену прежнему противопоставлению старшего и младшего, работника и прислуги и т. п. приходит противопоставление женатого горожанина и холостого крестьянина. Старший естественно наследует имущество, когда младший переезжает жить в город. Так переворачивается представление о преимуществах каждого: у старшего, обязанного оставаться в деревне, меньше шансов жениться, чем у младшего.

Экономическое равновесие сместилось и затронуло, в частности, систему, основанную на балансе между выделенной частью наследства (для старшего) и приданым, выделенным для того, кто женится. Деньги обесцениваются, стоимость земли поднимается, и родители не всегда могут обеспечить младших детей суммой, соответствующей полагающейся им части недвижимости. Система социальных предпочтений также смещается: теперь социальный статус определяется образом жизни, а не величиной надела. И поскольку младший ребенок не мог войти в жизнь с достаточной суммой денег, для него стало гораздо важнее получить хорошую профессию. В результате родительский авторитет начал резко терять свою значимость: угроза лишить наследства — ничто, если молодой человек рассчитывает хорошо зарабатывать или найти в городе хорошую партию. Особенно сильно это сказалось на девушках: издавна они могли рассчитывать только на то, что родители найдут им мужа, а теперь искали его сами в городе.

Соответственно, холостяков в деревнях стало больше: девушкам больше нравились городские служащие,

чем крестьяне, пусть даже землевладельцы. Что же касается городских девушек, то в них слишком сильны предрассудки, не позволяющие выходить замуж за деревенских.

«Парень из деревни ни имеет никаких шансов жениться на горожанке: для нее это неподходящий брак, и лучше она останется старой девой»⁶¹. Разумеется, в тех районах Франции, где сельское хозяйство процветает, то есть на западе и в центре страны, ситуация складывается иначе. Однако в бедных районах Центрального массива, в Пиренеях, Альпах безбрачие завоевывает все больше территорий. К началу XXI века «в Крезе жителей старше 65 лет стало больше, чем тех, кому меньше 25, а процент мужчин-холостяков вдвое превысил средние данные по стране»⁶².

Большие поселки и маленькие провинциальные городки превращаются в цитадель брака. Но как только город становится больше и значительнее, уровень заключения браков падает ниже среднего. В 1990 году одинокие семейные хозяйства во Франции составляли 18,2 % в коммунах с населением меньше 10 тысяч человек; 25,1 % в коммунах с населением более 100 тысяч человек и 47,4 % в Париже! Это не означает, что холостяков в столице больше, чем в других местах, но в Париже они предпочитают жить в одиночестве. В городе и в деревне условия жизни для холостяка различны.

Глубинные причины городского безбрачия мало изменились со времен Средневековья — наоборот, современная цивилизация сделала их более очевидными: замкнутость внутри жестко очерченной группы, ослабление связей с родными у тех, кто приехал из провинции или из-за границы, угроза потерять работу и, с другой сторо-

ны, новые возможности, открывающиеся для одиноких как в обеспечении жизненных потребностей, так и в проведении досуга.

Практически все достижения техники за последние 100 лет ведут к распространению безбрачия: изобретение холодильника, микроволновой печи, стиральной и посудомоечной машин; кино, телевидение, компьютер, Интернет...

Интернет в особенности стал символом нового общества, где развиваются разные способы коммуникации и одновременно растет пристрастие к уединению. Почти 40 % пользователей Интернета – холостяки⁶³. Разработчики сайтов хорошо знают это; недавно, когда я обратился к ним за помощью, меня тут же засыпали электронными посланиями, вопрошающими, действительно ли я желаю провести ночь в одиночестве...

Беспокойство по поводу того, что современное общество все более упрощает одинокую жизнь, родилось не сегодня. Еще в 1888 году один обличитель безбрачия жаловался: «Современная наука благоприятствует независимости мужчины и наносит большой ущерб женщине, так как делает почти не ощутимым ее отсутствие в жизни мужчины». Он обвиняет в этом электричество и «замечательные достижения химии и механики», которые освобождают мужчину от «вынужденных домашних обязанностей» и позволяют не прибегать к помощи женщины. «Основа дома – женщина и бык», – так говорит он с элегантностью, заставляющей навсегда забыть о том, что французы считаются галантной нацией.

Сгущенное молоко, экстрагированное мясо, яичный порошок, консервированные фрукты и сардины в масле стоят в одном ряду с другими причинами, благоприят-

ствующими распространению холостой жизни. Не надо заводить жену, чтобы она сварила яйцо. Уже в 1806 году Каде-де-Во называл «заведениями для холостяков» кафе, промерзающие ночью и согревающиеся утром теплом ламп. Безбрачие стало синонимом отказа от сложностей домашнего обихода. Другое, более серьезное следствие: обилие мужчин-холостяков приводит к обилию работающих женщин. «Равноправие мужчин и женщин, прошу это отметить, не причина, а следствие. Претензии женщин вполне обоснованы, но следует заметить, что они не могут считаться естественными для нормально развивающегося общества и свидетельствуют о глубокой социальной болезни!»⁶⁴ К яичному порошку добавились и другие новинки, которые, как мы наивно считали в 1960-е годы, призваны освободить женщину. Сейчас они освобождают от хлопот холостяка; как поведал мне один их них: «посудомоечная машина — это самое главное достижение мужчины». Вот что говорит Кэндес Бушнелл, чья книга «Секс в большом городе» стала библией нью-йоркских холостяков конца XX века: «Мне следовало устроить свою жизнь как можно раньше, ибо нет ничего проще, чем остаться в Нью-Йорке одинокой. Теперь пути назад нет»⁶⁵.

Оставив в стороне шутки, признаем, что если комфорт и не породил холостую жизнь, то он сделал ее возможной, так как избавил человека от повседневных домашних забот, обилие которых некогда побуждало мужчин вступать в брак. Старых холостяков XVIII века упрекали в том, что они не могут заставить слуг относиться к себе с уважением; теперь слуги не нужны. Взять, например, приготовление еды. Вспомним кузину Бетту и кузена Понса: одна постоянно обедает в городе, другой напрашивается на обед к родственникам, чем их очень раздра-

жает. Леон Шлейтер, герой Жоржа Дюамеля, «питался в посредственных заведениях, к чему вынуждала его холостая жизнь, пренебрежение собственными нуждами и строгость политических взглядов»⁶⁶. Сегодня же холостяки просто берут продукты с полки в супермаркете. Будем ли мы удивляться, что большие города притягивают холостяков? В одном только Нью-Йорке их три миллиона — треть населения.

Жизнь холостяков-горожан XX века отличается от жизни в XIX или XV веках. Обилие холостяков среди горожан было некогда связано с потребностью города в слугах и рабочих. Вплоть до Второй мировой войны в Париже существовал устойчивый образ холостяка, живущего в номере гостиницы или в комнате для прислуги. Как следствие — развитие сферы обслуживания, которое в свою очередь вызвало новый приток молодых холостяков, по преимуществу в высших кругах общества.

Перепись 1968 года фиксирует в Париже избыток женщин, готовых вступить в брак (незамужних, разведенных, вдов), количество которых превышает количество мужчин на 11,33 %, в то время как по остальной Франции наблюдается избыток мужчин, готовых вступить в брак (0,46 %).

«Множество женщин в возрасте от 15 до 30 лет переезжают в город, что само по себе способствует увеличению числа рабочих мест для них»⁶⁷. Однако они не выходят замуж — не из-за бедности, а из стремления к социальному преуспеванию. Очевидно различие между незамужними горожанками и жительницами деревни. По результатам той же переписи, среди высококвалифицированных специалисток старше 50 лет 27 % незамужних. А среди крестьянок — 6%. У мужчин того же возраста

холостые составляют 4 % среди высококвалифицированных специалистов и 33 % среди крестьян. «Показатель супружества для мужчин возрастает в прямой зависимости от уровня доходов и квалификации; для женщин зависимость обратная»⁶⁸. С этим убеждением согласны и англосаксонские романистки, описывающие жизнь одиноких, но блестящих женщин в больших городах: Нью-Йорке («Секс в большом городе» Кэндес Бушнелл) или Лондоне («Злоключения Тифани Трот» Изабель Вульф). Чем выше поднимается женщина по социальной лестнице, тем стремительнее бегут от нее мужчины. Может быть, мужчины боятся, что их супружеский авторитет не выдержит соперничества с «генеральной директоршей»?

Что касается холостяков-рабочих, появившихся в огромных количествах в XIX веке, когда начался массовый исход из деревни в город, то в XX веке их образ существенно изменился. Во-первых, теперь они селятся по преимуществу не в самом городе, а в пригородах, а во-вторых, приезжают не столько из деревни, сколько из развивающихся стран.

Так, например, в департаменте Сена-Сен-Дени, где необычайно высока концентрация иммигрантов, коэффициент брачности самый низкий во Франции (3,5 ‰ против среднего по стране 4,6 ‰), но там же самый высокий коэффициент рождаемости (16,6 ‰ против среднего по стране 12,5 ‰). В этом районе множество многодетных семей, но так же много рабочих-холостяков, что отличает его от горных или сельских районов, где коэффициент рождаемости и коэффициент заключения браков одинаково низки.

Жизнь холостяков в пригородах также существенно изменилась. В конце 1950-х годов она протекала в общест-
житиях для рабочих-иммигрантов, которые приглаша-

лись в страну в связи с нехваткой рук для черной работы⁶⁹. Проблемами таких рабочих стали заниматься разного рода полуофициальные организации, центры социальной помощи при мэриях, частные благотворительные организации, общества смешанного типа экономики, такие как «Сонакотра», акционером которого на 52 % является государство, а также Алжирские власти, Сберегательная касса фондового кредита Франции, Национальная федерация строительства и Правление «Рено». Изначально речь шла о спальнях в особом помещении или просто в бараках; такой выход из положения считался тогда временным. В 1960-е годы государство поощрило строительство зданий при поддержке ассоциаций и обществ НЛМ («Жилище за умеренную плату»).

Государство рассчитывало привлечь рабочих с семьями, поэтому строить предпочитали большие квартиры. Однако холостяков оказалось больше, чем предполагалось, и комнаты стали разделять перегородками: каждый получал индивидуальное жилье размером от 3 до 5 квадратных метров. Так во Франции появился парк из 740 рабочих общежитий на 140 тысяч спальных мест, причем 63 тысячи из них размещались в Иль-де-Франс. Не менее полусотни организаций взялись за устройство жизни в этих общежитиях: «Сонакотра» («Национальное общество строительства жилья для алжирцев», организованное в 1956 году во время волнений в Алжире), «Адеф» («Общество развития строительства общежитий», созданное в 1955 году), «Афтам» («Общество подготовки рабочих и обустройства мигрантов», 1992 год), «Афрп» («Объединение общежитий парижского региона», 1949 год), «Сундита» («Поддержка, союз, достоинство, обустройство иммигрантов из Африки», 1963 год)...

Новые общежития существенно отличаются от гостиниц для рабочих, которые строились в XIX веке. Жизнь в общежитиях, как правило, организуется вокруг этнических или религиозных сообществ, в них сохраняются культурные и бытовые традиции стран происхождения рабочих, многие из которых — мусульмане.

Некоторые рабочие, семьи которых остаются в родной стране, отсылают часть денег домой, а после того как они вернутся, дети или внуки смогут поселиться на их бывшем месте во французском общежитии.

Закон о воссоединении семей (декрет от 29 апреля 1976 года) изменил облик иммиграции. Если до сих пор иммигранты приезжали по одиночке, то теперь они получили возможность вызывать к себе во Францию семьи. Вновь появилась необходимость в строительстве больших квартир, и с 1978 года для иммигрантов стало строиться по преимуществу семейное жилье.

ГЕРОЙ-ХОЛОСТЯК

Холостяки привлекают внимание не только моралистов и политиков. Часто их образ используется в литературе, комиксах, кино... В мире вымысла их даже больше, чем в мире реальном.

Одним из самых древних сказаний является повествование о женатом человеке, скитавшемся 20 лет, чтобы в конце концов вернуться на родину к жене. Однако куда Улисс странствовал по морям и подвергался самым невероятным испытаниям, его жена Пенелопа ткала и распускала покрывало. Роли четко определились: только холостяки пускаются в одиссею, пусть где-то на заднем плане у героя и есть жена.

Так же обстоит дело и в средневековом романе. Персеваль, Гавейн, Ланселот, Тристан — все они холостяки и путешествуют из края в край или от женщины к женщине, покуда женатые персонажи: король Артур или король Марк — ждут, что герои вернутся и расскажут о том, какие чудеса творятся в мире, или же вернут похищенную жену. Приключения — удел одиноких, а короли — домоседы. Однако каждый мечтает о том, что однажды отложит оружие и сам будет править на своем клочке земли, женившись на богатой наследнице. Ивейн и Эрек женились, и на этом их приключения закончились.

«Одиссея» говорила о страннике, мечтающем как можно скорее вернуться на родную Итаку, а вот средневековых героев приключения пьянят. Они не проходят испытания, они вечно стремятся что-то найти. Эрек слышит в свой адрес упреки: он слишком рано вкусил сладостей супружества. И вот он снова пускается в дорогу, подобно холостяку. Он не говорит ни слова жене, которая следует за ним немой тенью: ей полагается стать свидетельницей его подвигов. А самое захватывающее, самое безумное, самое символичное из путешествий — поиски Грааля — доверено лишь тем, кто отказался от женщин: кающемуся Ланселоту, целомудренному Борсу, девственникам Персевалу и Галахаду.

В наше сознание крепко впечатано представление о том, что герой не может пуститься на поиски приключений, если дома у него остается молодая супруга. Брак завершает сказку, и часто всего лишь одной строчкой: они жили долго и счастливо, и у них родилось много детей. Для сказки этого достаточно. Брак становится вознаграждением героя и в сказках, восходящих к сюжетам об инициации, и в бретонских романах. Без обещания награды

сказка не существует, но она не могла бы существовать и в том случае, если бы цель была достигнута сразу. Даже в пародиях на рыцарские романы безбрачие героя – основное условие. Дон Кихот считает себя рыцарем, потому что у него нет жены. Но в его возрасте ему следовало бы уже жениться. Безумие Дон Кихота – это причуда старого холостяка.

Каждый может пересмотреть историю мировой литературы с этой точки зрения. Мы ограничимся несколькими вехами в развитии приключенческого романа, подобного тому, что создал в XIX веке Жюль Верн. Достаточно обратиться к воспоминаниям детства. «Путешествие к центру земли» совершают холостяки: профессор Лиденброк, дядя повествователя, и сам повествователь, 17 лет (он возвращается из путешествия женатым). Кругосветное путешествие за 80 дней – вызов, брошенный человеком, у которого нет ни жены, ни детей, «что может приключиться с самыми честными людьми». Можно даже рассматривать путешествие как награду за безбрачие, а в награду за путешествие холостяк получает жену.

Цзинь Фо («Злоключения китайца в Китае») – богатый человек; он скучает, потому что не знает цены жизни. Он собирается жениться на прекрасной Лэ У и устраивает накануне свадьбы мальчишник. И тут осознает, что женитьба вряд ли сделает его счастливым. «Скучать одному – это плохо. Скучать вдвоем – еще хуже!» – говорит ему друг-философ. Только после «злоключений», угроз разорения и смерти он оказывается достойным Лэ У. Зачем нужны 500 страниц, ведущие к свадьбе, которая была заявлена в самом начале? Они оттеняют счастье смертельной опасностью и придают ему рельефность настоя-

щей жизни. Жюль Верн настаивает на том, что брак без приключений ведет к пустому существованию. Холостая жизнь сама принимает вид инициации. Холостяк должен многое познать, начиная с самого простого — смерти (через угрозу остаться без наследников) и кончая познанием самого себя и другого (через одиночество). Когда безбрачие полноценно прожито, наградой за него становится брак, но не как закон, которому следует подчиниться, а как открытие другого в уважении к собственному существованию, как выбор жизни, осознание ее превосходства над смертью. В стыдливом веке романист не затрагивает вопросы пола, но очевидно, что Цзинь Фо и Лэ У будут счастливы и родят много детей.

Брак становится единственной наградой за кругосветное путешествие в 80 дней. «Что он получил, совершив это путешествие? Ничего, — скажете вы. Ничего, если не считать очаровательной женщины, которая, пусть это и покажется неправдоподобным, сделала его счастливейшим из мужчин». Ну а Мишель Строгофф видит в общих испытаниях залог счастливого брака: «Я не верю, что Бог познакомил нас и провел через такие суровые испытания не за тем, чтобы мы соединились навеки».

Приключение становится инициацией, потому что позволяет мужчине преодолеть рутинное и узкое понимание брака, в отличие от приключения средневекового, которое (как, например, поиски Грааля) исключают идею брака. В испытаниях познается характер, особенно если приходится спасать жизнь друга. Мадам Бовари не знала об этом правиле приключенческого романа, она была обречена на адюльтер как на единственную возможность пережить наяву девичьи грезы, несмотря на предначертанный брак. Речь идет здесь о женщине в

мире мужчин: ее приключения неизбежно кончаются привычным занятием — она обречена ткать и распускать полотно Пенелопы.

Проблема состоит в том, что чем шире раскрывается мир в приключении, тем более героиня увлекается самим приключением. мода на роман с продолжением мешает закончить приключения. В цепи событий героини забывают жениться. Рассказ о приключении ради самого приключения не нуждается в традиционной награде. Герой-холостяк становится «бедным одиноким ковбоем», не имеющим пристанища. Можно ли вообразить жену у Люки-Счастливицы?

Это хорошо поняла маленькая Жанна д'Арк из пьесы Ануя «Жаворонок»: «Вы представляете себе Жанну д'Арк нарумяненной и в чепце, в неудобном пышном платье? Неужели она сможет думать о своей собачке или о поклонниках и даже, кто знает, выйти замуж?» Все героини Ануя таковы. Антигона не хочет выйти замуж за «месье Гемона», Евридика не может выскользнуть из ада, чтобы выйти замуж за Орфея, Ясон бросает Медею для того, чтобы жениться, а Жанетта отказывается даже от того, чтобы ее Ромео стал влюбленным и преданным мужем: «Неужели вы думаете, что мне захочется увидеть, как вы станете покорным мужем-подкаблучником и будете переживать из-за моих капризов, и все мои гадкие недостатки станут мяукать, как кошки?» В романтической традиции героини, как, например, Аксель из романа Вилье де Лиль-Адама, предпочитают умереть, а не видеть, как обыденность разрушает любовь. Непримириемые героини как бы возвращаются к трагической разновидности средневекового идеализма: они отказываются от брака и от жизни. Правда, в отличие от средневековых

повествований, конец приключений приводит героинь не к постижению высшего смысла жизни, а к отчаянию и смерти.

Вилье де Лиль-Адам и Ануй отказываются видеть в браке награду за приключение, а следовательно, приключение может завершиться только смертью. Достичь цели значит отказаться от поиска. Опасности, подстерегавшие Улисса, отдаляли обретение счастья; для героев Жюль Верна они стали залогом обретения счастья, а для героев Ануй — самим счастьем. Смерть больше не предстает мезью богов или неудачей, сопутствующей приключению, — она становится выбором человека, который не хочет, чтобы приключения заканчивались.

В современной литературе приключения прекратились, и в этом состоит ее драма, ибо с приключениями кончается молодость. Приключение не идет на уступки. Напрасно авторы пытаются низвести героев до уровня обычных людей: антигерои копируют героев. Безбрачие — обязательное условие приключения. Но, к сожалению, недостаточное — вот в чем драма антигероев. В романе Блондена «Дух бродяжничества» Бенуа, от имени которого ведется повествование, бросает жену и детей — рядом с ними он чувствует себя как в тюрьме. От «обширных изменений в мире» у него появился «зуд воображения». С детства он «поклонялся Парижу» и теперь садится в первый же поезд и едет в столицу. Он проводит в Париже лишь неделю, живет в отеле, ест в гостиничном номере икру, но по-прежнему чувствует себя крестьянином, вырвавшимся в столицу. Приключение оказывается для него невозможным. «Земля, которую мы покидаем, все время напоминает о себе». Ирония состоит в том, что он возвращается к жене лишь для того, чтобы поучаствовать

в ее убийстве. Но ему даже не удастся воспользоваться преимуществами вдовства. «Однажды все мы сядем в уходящие поезда», — мечтает он.

Роман Блондена «Обезьяна зимой» — еще одна история о выходках лжеискателей приключений, заарканенных женами. Старый Квентин мечтает о приключениях на реке Янцзы, и молодой Фуке помогает ему пережить приключения в деревне, куда обезьяны не убегают в лес на зимовку. Герои Блондена — женатые мужчины, мечтающие о холостой жизни.

В литературе XX века драма холостяка — это драма уходящего времени. Героини Ануя не хотят стариться, а брак в их представлении — первый шаг к взрослению, значит, и к старости. Холостая жизнь больше не является, как в литературе предшествующих веков, инициацией, завершением которой становится брак. Это происходит потому, что холостяк не хочет больше взрослеть. Ему кажется, что, отказываясь от брака, он останется ребенком, а в браке и в продолжении рода он видит первый шаг навстречу смерти. В современном романе темы, звучавшие трагически в литературе 1930–1940-х годов, подчас комически переосмысляются. «Я не готова состариться, вести скучную жизнь и толстеть. А чего еще можно ждать от брака?» — так вздыхает через 19 дней после свадьбы героиня Сьюзен Финнамор⁷⁰. Однако всегда ли безбрачие служит залогом приключений?

Возможно. Приключения холостяков постепенно вытягивают в свою орбиту всех, кто в них участвует, кто их расследует, кто является их свидетелем. Детектив — мир, где живут холостяки. Мисс Марпл — старая дева, Эркюль Пуаро — закоренелый холостяк, и Агата Кристи, следуя бальзаковской традиции, подчеркивает их чудачества.

Если сыщику нужен напарник, он тоже будет холостяком, как доктор Ватсон у Шерлока Холмса. Если автор хочет сломать клише, он вводит в действие женщину, не выходящую на сцену. Мадам Мегре или миссис Коломбо лишь упоминаются для того, чтобы придать жизненность героям — это подчеркивает необходимость безбрачия в сюжете.

То же самое происходит в комиксах и мультфильмах, унаследовавших особенности романов с продолжением: их герои яростно отстаивают свою холостую жизнь или девственность, на радость любителям расхожих штампов. Тинтин, капитан Хэддок, профессор Турнесоль никогда не смотрят на женщин, даже на Бьянку Кастафьоре. Старый морской волк никогда не женится. Если они не устоят, то уподобятся Серафину Лампиону — единственному представителю женатых, внушающему сострадание. Не случайно генерал Альказар, который женится после многочисленных альбомов, посвященных его холостяцким приключениям, оказывается покорным мужем мегеры, которая только и думает о том, как бы ей навощить пол во дворце.

Каждый автор комиксов решает проблему по-своему. У многих возникают пары постоянных и целомудренных женихов и невест. Отношения Дональда-Дака и Дейзи, Микки-Мауса и Минни бесплотны: когда-то слишком пылкий поцелуй маленькой мышки взбудоражил всю добропорядочную Америку. У этих героев нет детей, но есть племянники. Взаимоотношения дядя—племянник — наилучшее решение продолжения рода; иногда эти отношения распространяются на несколько поколений кряду: у дяди Дональда есть свой дядя — Пиксу!

Рене Госинни первым стал смеяться над своими персонажами-холостяками. Главный герой комиксов про

Астерикса — деревня, и ее следовало населить супружескими парами; правда, никто из супругов не питает друг к другу особо пылкой любви, а дети если и появляются, то ради того, чтобы спародировать взрослых, как в комиксе «Астерикс на Корсике». Но те, кто постоянно путешествует, холосты: Астерикс, Обеликс, Панорамикс и др. Обеликс очень быстро превращается в поклонника недоступных женщин: Фальбалы, Зазы, жены Ажканоникса Рахазады. Однако как бы ни волновала его женская красота, прожорливость и дружба с Астериксом всегда одерживают верх. Холостяк Астерикс иногда вызывает любопытство у женщин: «Человек в его возрасте и не женатый, а сколько же ему лет?» Лишь после смерти Госсинни Удерзо попытался затронуть тему возможной любовной связи Астерикса в «Сыне Астерикса», но это вызвало шумное неодобрение. «Когда под дверь воина-холостяка подбрасывают младенца, это наводит на мысли о самых разных вещах...»

Уклонение от темы отцовства можно, конечно, объяснить соображениями приличия и тем, что комиксы адресованы в первую очередь детям. Но это было бы слишком простое объяснение. Комиксы и мультфильмы не изобрели новых клише, но усилили те, что издавна существовали в литературе. Со времен Улисса герой — это тот, кто «может подняться над уровнем “низкой природы” и ее “инстинктов”, кого ведет за собой положительная сила ума и духа»⁷¹. Герои — основатели общества и культуры, они несут в себе «мужественность», противопоставленную женским силам природы и инстинкта.

Если мы согласимся с этим положением, то станет понятно, почему пара супругов или влюбленных не могут быть героями приключений. «Изображение взаимоотношений героев друг с другом не совместимо с приключе-

ниями, которые традиционно предполагают отказ от телесных радостей, сублимацию, то есть безбрачие»⁷². Во фрейдистских терминах приключение служит замещением подавленному половому инстинкту. Герой подчиняется центробежной силе, уводящей его на поиски приключений, а супружеская пара подчинена центростремительной силе, приводящей к супружескому очагу. Таковы, в конечном счете, Эрек и Энида...

Можно пойти и дальше. Не является ли своего рода подменой брака изображение пары героев-друзей? Начиная от Ахилла и Патрокла, вспомним Роланда и Оливье, Дон Кихота и Санчо Пансу, Шерлока Холмса и доктора Ватсона, Лорела и Харди... Андре Столл считает, что в комиксах об Астериксе противопоставление «разум—инстинкт», традиционно соответствующее противопоставлению мужского и женского начала, воплощено в Астериксе и Обеликсе. В облике толстого галла с его округлыми формами, косичками, почти материнской привязанностью к собачке Идефиксу есть нечто женское, и не случайно он часто подчиняется Астериксу. Однако подобная женственность есть «сколок с расхожего представления о социальной роли женщины и ее архетипического уподобления растительной, нецивилизованной Природе»⁷³.

Добавим, что, когда Обеликс выходит из подчинения Астериксу и проявляет свое мужское начало, например влюбляется или основывает свое дело («Обеликс и компания»), все разлаживается. «Изображая в Обеликсе женственного холостяка, равного по значению мужественному холостяку Астериксу, авторы лишь внешне заявляют, что женоподобный характер имеет свое право на приключение. На самом деле они по-прежнему поддерживают самые устойчивые представления массовой литера-

туры». Принцип необходимости мужественного героя-холостяка в описании приключения соблюден, а если у одного из героев есть некоторые женские черты, это дает возможность читательницам отнестись к нему с нежностью — такому слабому, несмотря на всю его невероятную силу, то есть проявить свои инстинкты.

До недавнего времени герой-холостяк был самым популярным персонажем, введение которого, подсознательно, давало романисту или сценаристу возможность отправить его на другой конец света. Мог ли вызвать симпатии в литературе XIX века тот, кто бросит жену и детей, чтобы ощутить холодок неведомого? Мог ли вызвать симпатии тот, кто возьмет с собой в опасное путешествие жену и детей? Первого обвинили бы в эгоизме, второго — в беспечности. И как тогда быть с обязательной любовной интригой? Представим себе, что Эсмеральда влюблена в женатого Феба... Безбрачие давало герою право на свободу, а то и на вседозволенность, и при этом он не нарушал моральных устоев.

Семейное приключение чаще всего вызвано необходимостью. Детям капитана Гранта помогает пара молодоженов. Перед нами дети без родителей и супруги без детей; еще вопрос, с кем — с супругами или с детьми — отождествит себя читатель... Что же касается женатого человека, разорвавшего узы, подобно героям Антуана Блондена, то они вызывают двойственное чувство. С одной стороны, их нонконформизм несомненно симпатичен, но их путь, завершающийся возвращением в семью или смертью, лишь усиливает представление о непреложности брака.

Итак, героями приключенческих историй становятся холостяки. В завершающих строчках рассказа они мо-

гут вступить в брак. Многое зависит от длины повествования: в последнем из многочисленных альбомов о похождениях Астерикса или капитана Хэддока можно упомянуть и об их любовных склонностях...

Иначе обстоит дело в романе о нравах, изучающем проблемы общества: кризис брака или распространение безбрачия.

В конце XIX века в литературе существовал модный жанр, который критики окрестили «романом о холостяках». Французский роман разрабатывал на все лады тему безбрачия в «безумные годы» (Марсель Прево, Гастон Ражо, Антуанетт де Монтодри, Андре Терье) и еще более — между войнами (Жермена Акреман, Матильда Алалик, Леон Фрапье, не говоря о Викторе Маргерите с его «Холостячкой» и Анри де Монтерлане с его «Холостяками»). В 1990 году совсем иные причины опять вызвали этот жанр к жизни.

Одиночество высококвалифицированных специалистов впервые обозначилось как социальный феномен в США, и именно оттуда пришла во Францию тенденция изображать в кино и на телевидении героев, а еще чаще героинь, принимающих свое одиночество как должное. Международную известность приобрели такие произведения, как «Дневник Бриджит Джонс» Хелен Филдинг (1996), «Секс в большом городе» Кэндес Бушнелл (1996), «Злоключения Тифани Тротт» Изабель Вульф (1999), «Пособие по охоте и рыбалке для девушек» Мелиссы Бэнк, «Замужем или на виселице» Сьюзен Финнамор (1999). Тема стала популярна во всем мире.

Тифани Тротт, 37-летняя незамужняя женщина из Лондона, бросается в самые разные предприятия, чтобы встретить ИРД (Идеальную Родственную Душу). Однако

ни объявления, ни клубы знакомств, ни вечеринки для незамужних и холостяков не приносят успеха: «Я вздохнула: 45 процентов мужчин выглядят совершенно свихнувшимися, а те, кто поnormalнее, скучны, как осенний дождь». Действительно, большинство встреченных ею мужчин ищут не брака, а внебрачного приключения. Разумеется, к концу романа из 400 страниц героиня находит мужчину своей жизни, но сомнения не оставляют ее. «Действительно ли я хочу сказать “да” перед алтарем? Нет». На этом странном повороте роман и заканчивается. Тифани — несомненно, литературный персонаж нового типа — законченная женщина-холостяк, ее жизнь уже сложилась определенным образом. Правда, это не мешает ей на протяжении всей книги пытаться выйти замуж.

Ева, героиня романа Сьюзен Финнамор, — тоже закоренелая холостячка. Но ее роман начинается там, где кончается роман Изабель Вульф: между согласием на брак и самой свадьбой. Ева — жительница Лондона. Ей 36 лет, и она снова и снова перебирает все доводы против замужества, причем доводы эти все те же, вплоть до необходимости отказаться от своей красно-розовой ванной, но в конце концов сомнения рассеиваются.

Та же двойственность присутствует и в «Сексе в большом городе», который становится не просто романом, но романизированной энциклопедией жизни нью-йоркских незамужних женщин. Все героини — волевые и модные женщины с завидным положением в обществе: журналистка, владелица художественной галереи, адвокат, директор пиар-агентства. Однако ни одной из них не удается найти подходящего мужчину. Они слишком красивы, слишком ослепительны, слишком независимы. На Манхэттене женщины встречают самых разных мужчин, с

которыми ходят на свидания — и занимаются сексом, — и постоянно мечтают между желанием покончить с одиночеством и пользоваться всеми преимуществами своей свободы.

Джейн, героиня романа Мелиссы Бэнк «Пособие по охоте и рыбалке для девушек», знает, чего хочет: найти себе мужа, пока не поздно. Роман описывает череду ее любовных приключений, в конце концов она начинает ходить на вечеринки для одиноких и принимается изучать пособие по обольщению мужчин. Она перестает быть естественной, пытается постоянно соответствовать образу «охотницы за мужчинами», решив, что обольщение — «долгий путь от вехи к вехе» со своими строгими правилами. Робер, влюбившийся в Джейн с первого взгляда, охладевает и чуть было не бросает ее, но она опять обретает свою былую непосредственность. Мораль: будьте самой собой, если хотите, чтобы вас любили.

По тому же сценарию развивается жизнь Бриджит Джонс, готовой поверить любым обманам, лишь бы не быть одной. Ей 27 лет, и она боится остаться одинокой навсегда. Дневник, который она ведет на протяжении года, рассказывает о череде неудач, связанных с тем, что ей очень хочется с кем-нибудь встречаться. Мужчину, который на последней странице признается Бриджит Джонс в любви, она встретила давно, но тогда ей не понравились его носки, а кроме того, показалось, что он ее презирает.

Здесь снова ошибка девушки заключается в том, что она не может распознать любовь и стремится соответствовать стереотипам, а не быть самой собой.

Героиня Сьюзен Финнамор решается выйти замуж после одного лишь внезапного жеста жениха, подавшего

ей во время свадьбы руку. В англоязычном романе существует убеждение, что естественность, даже в самых малых дозах, способна решить проблему одиночества.

Можно заметить, как изменился за 100 лет роман о холостяках. Во Франции XIX века мужчины писали о холостых мужчинах, для которых одинокая жизнь была залогом свободы, возможностью отринуть общепринятые правила и придумать свои. Чуть позже возник роман, где старых дев призывали стоически смириться со своим положением и посвятить жизнь благородным делам.

В «романах о холостяках» 1990–2000 годов женщины пишут о женщинах, стремящихся уйти от штампа «старая дева». Стиль этих романов и мировоззрение героинь не претендуют на революционность, «новые холостячки» не хотят порвать с устоями, жить вызывающе — наоборот, они хотят вписаться в общество. Они неотделимы от города и городской среды, в которую прекрасно вписываются в противовес дез Эссенту, герою романа Гюисманса «Наоборот», или повествователю романа Андре Жида «Болото», мечтающему жить на острове среди болот. Главное в том, что они рассматривают свое одиночество как временное, связанное с особенностями их образа жизни, их профессии, а также с грубостью и непостоянством мужчин, с которыми их сводит жизнь. Финальный поворот Тифани не отменяет саму проблему.

Нет ничего нового под супружеским солнцем, но сильный характер героинь, юмор, с которым они относятся к своим проблемам, отличают их от холостячек из романов прошлого. «Женщины-одиночки раньше виделись жертвами, сейчас они стали знаками и символами общества: забавная Бриджит Джонс, хрупкая Элли Макбилл, свободная и вызывающая восхищение Керри Брэд-

шоу (героиня “Секса в большом городе”). С сентиментальностью покончено, наступила эра самоиронии»⁷⁴. Однако за юмором постоянно чувствуется страдание: женщины отстаивают право на одиночество, но завидуют счастливым парам, расцветают, занимаясь любимым делом, но сталкиваются с тысячелетней грубостью мужчин-самцов, не желающих терпеть соперниц на своей территории – в профессиональной жизни.

Перед нами та литература, которая ставит своей задачей не изменить мировоззрение людей, но лишь описать его; эта литература стремится покорить, а не будоражить читателя. Классическая серия «Арлекин» присоединилась к этому движению и предложила читателям от 20 до 35 лет новую книжную коллекцию «Чернила цвета красного платья» («Рэд дресс инк»), в которой традиционная сентиментальная и пассивная героиня, живущая в ожидании прекрасного принца, превратилась в модную и волевою девушку. Что же касается издательства «Жэ лю», опубликовавшего французский перевод «Дневника Бриджит Джонс», то оно предложило читателям серию «Комедия», куда входят романы для холостяков.

В телесериалах, где от эпизода к эпизоду бесконечно развивается одна и та же ситуация, пусть и представленная как временная, все труднее бывает объяснить, почему великолепные молодые женщины не замужем или почему не могут соединиться двое, явно созданные друг для друга.

Американская версия сериала «Кушать подано» долго обыгрывала сложное положение двух одиноких людей (как нарочно, разведенных), вынужденных жить под одной крышей. Они никак не решаются признаться друг другу в любви, хотя с первого эпизода очевидно, что они

любят друг друга. В конце концов все возможности держать зрителя в напряжении были исчерпаны, намеки на близость признания стали слишком очевидны, и авторам понадобились другие ухищрения, чтобы помешать соединению героев, иначе сериал закончился бы. Во французском сериале «Р.Д.» («Мировой судья») в замкнутом коллективе холостяков постоянно составляются, распадаются и перетасовываются влюбленные пары – именно так поддерживается развитие сюжета. Здесь, конечно, сказывается то, что французское телевидение может рассчитывать на большую терпимость общества по отношению к связям вне брака, чем телевидение США. Американские авторы сериала «Кушать подано» практически обрекли своих героев Тони и Анжелу на вечное целомудрие.

Однако бесконечное безбрачие героев американских телесериалов и повторяющиеся ситуации, в которые они попадают, оставляют в душе зрителя неприятный осадок. Особенно это относится к героиням успешным и умеющим постоять за себя. Увлеченное обсуждение в Интернете – тому свидетельство: «Не слишком приятно видеть, как такие блестящие женщины – все четверо – не замужем в 37 лет. Если уж им не удастся найти мужчину, нам и вовсе не на что рассчитывать!» Не сказано, но подразумевается: этим женщинам потому и не удастся удержать мужчину, что они слишком великолепны, производят слишком хорошее впечатление. Франц Бартель переворачивает уже устоявшееся клише и выводит на сцену толстую женщину, которой потому и удалось покорить мужчину, что он неудачник, как и она («Все включено», 2004).

Страх, высказанный в Интернете поклонницами сериалов, симптоматичен. Телесериалы оказывают воздей-

ствие, несколько отличающееся от того, на которое рассчитывали авторы. Их задумка в том, чтобы, предложив зрителям взглянуть на себя самих в зеркало, взглянуть с иронией, не лишая их надежды, а наоборот, сказать, что еще ничто не потеряно. Эти сериалы соответствуют общепринятым нравственным требованиям, холостая жизнь в них обличается, и телезритель может понять, как опасно обольщаться сомнительными преимуществами жизни в одиночестве. «Не попадайтесь на искушения Города!» — как бы твердят героини «Секса в большом городе»; «Оставайтесь самой собой!» — призывает охотница на мужчин; «Не бойтесь пренебречь условностями!» — убеждают Анжела и Тони. Все они как бы предупреждают: берегитесь ловушек холостой жизни! И это вполне соответствует нормам морали.

Можно уйти с головой в работу или в вымышленный мир. Можно остаться навсегда подростком, который боится выглянуть из кокона материнской опеки и начать самостоятельную жизнь, как Танги. Можно попытаться компенсировать недостаток эмоций обильной едой и выпивкой — Бриджит Джонс изо дня в день записывает в дневнике, сколько она весит и сколько выпила спиртного. Призрачная Элли Макбилл становится объектом подражания, а жирный инспектор Леонетти («Р.Д.») напоминает о том, что физические изъяны можно восполнить добротой и обходительностью. В сериалах можно найти все возможные выходы из одиночества: от совместной жизни двух незамужних подруг (Моника и Рейчел в «Друзьях») или трех мужчин-холостяков («Трое мужчин и младенец в люльке») до обретения приемных детей (полицейский Матье в «Р.Д.») и даже совместного отцовства, право на которое яростно отстаивают персонажи «Трех

мужчин и младенца в люльке». Во всех этих сериалах одиночка пользуется поддержкой друзей, и эта помощь необходима для того, чтобы он чувствовал себя уверенно в жизни. Откровенная исповедь – прием, к которому трагедия прибегает с незапамятных времен, – всегда позволяет избежать чрезмерного обострения той или иной проблемы.

Романы, кино и телевидение показывают, в какие тупики порой заводит холостая жизнь, и обеспечивают необходимый катарсис читателям и зрителям – молодым холостякам. Они видят в жизни героев отражение собственных неудач и понимают, что не надо слишком преувеличивать их значение, так как подобное в современном обществе случается часто, и не только с ними; они могут и посмеяться над собой. Брачная модель остается доминирующей и в этих произведениях, но они призывают относиться ко всему с юмором, не осуждать поведение других, а признать, что каждый может жить по-своему.

Холостяки-победители и холостяки-одиночки

А все так хорошо начиналось! С 1935 года коэффициент брачности долго держался ниже 7‰, как вдруг, сразу после Второй мировой войны подскочил до 12‰ в 1946 году и в течение последующих 5 лет не опускался ниже 10‰. Пресловутый бэби-бум подтвердил, что и в семье, и в экономике ситуация улучшилась; кроме того, в Европе в 1950-е годы распространилась мода на все американское, в том числе и на американскую модель «само-реализации в супружестве»⁷⁵.

Почему же в 1960-е годы стал очевиден кризис супружества? Все недолговечно, и в те же годы, когда все

стремились к браку, внутри общественной жизни зародилось семя будущей реакции.

Вторая мировая война во многом отличалась от предыдущих. Если не считать массовых уничтожений, память о которых жива до сих пор, потери Франции во время «молниеносной войны» были несопоставимо меньше, чем во время Первой мировой. Зато эта война принесла с собой длительную оккупацию, унижения, а некоторым — и сделки с совестью. Тот образ семьи, что был наспех обозначен в 1939 году, не слишком сочетался с работой и родиной, а само триединство «семья, работа, родина» казалось подозрительным: те, кто его отстаивал, не привели французов к победе. Ценности, провозглашенные перед войной, потерпели поражение — как и те, кто их провозглашал. В 1946 году в ходе выборов в Национальную ассамблею прозвучал лозунг: «Сдадим семью в музей!»

Кроме того, после войны, как некогда в 1918 году, взбунтовалась молодежь, отвергающая традиционные ценности и не желающая становиться пушечным мясом. В 1920-е годы из бунта родились дадаизм и сюрреализм, в 1950-е годы — экзистенциализм, радикально изменивший взгляды на любовь и взаимоотношения людей в целом. Одиночество — неотъемлемая черта человеческой жизни, говорили экзистенциалисты. Даже в браке, даже в окружении себе подобных человек одинок перед лицом смерти. Старый миф о любви-слиянии разбился вдребезги. Экзистенциализм — это философия холостяков, провозглашенная холостяками, хотя взаимоотношения между Сартром и Симоной де Бовуар могли быть примером для многих супругов, сочетавшихся браком официально.

Потери во Второй мировой войне были меньше, чем в Первой, однако после нее осталось немало невест, овдовевших еще до замужества. Возникли новые потребности, связанные с тем, что женщины «вошли в гражданскую и политическую жизнь». «Не следует ли видеть в этом не просто совпадение, но Божественное Провидение?»⁷⁶ Новые потребности породили новые возможности для женщин. Католическая церковь, ранее считавшая, что для женщины существуют только два пути: монашество и брак, — не могла отрицать новой реальности — безбрачия в миру. Какова роль Провидения в том, что женщины получили право работать именно тогда, когда лишились мужей, и в том, что традиционная семейная модель перевернулась? Трудно сказать.

Молодежь не верила в будущее, царили пессимистичные настроения. Женихов было мало. Оставалось укрыться в благотворительной деятельности или безудержно заниматься сексом. Молодые не верили в будущее, но хотели всего и немедленно. Казалось, что в 1950-е годы повторяется сценарий 1920-х; сходство было даже в том, что идеи носили умозрительный характер и мало связывались с тем, что на самом деле происходило с семьей и браком. Но на этот раз сексуальное освобождение опиралось на мощный фундамент: использование пенициллина и противозачаточных таблеток.

В США в 1950–1960-е годы разразилась сексуальная революция, сокрушающая традиционные ценности, в частности брак. «Разбитое поколение» («битники»), родившееся в войну, фильмы Казана, трилогия Миллера («Сексус», «Плексус», «Нексус»), девушки с обложек журналов и рекламных плакатов — все это внушало мысль о главенствующей роли секса, освобожденного от лицемер-

ной супружеской любви. Война во Вьетнаме и антивоенное движение с лозунгом «Make love, not war» обострили разрыв между поколениями и усилили протест против социальных условностей. Хиппи провозгласили культ коммун, бродяжничества, многочисленных любовных связей. Холостая жизнь стала альтернативной нормой поведения.

Подобное, но несколько иное движение распространилось и на севере Европы. «Шведская модель», явившаяся миру в фильмах Ингмара Бергмана, провозглашала приоритет индивидуальных ценностей над супружескими, независимость женщины, ее умение брать на себя ответственность. Матери-одиночки впервые были признаны обществом, и это признание не окрашивалось ни презрением, ни жалостью.

Женились все реже и реже, и к 1965 году это стало ощутимым, в первую очередь в северных странах: Швеции, Дании, — и проявилось, в частности, в «отказе от интеграции в семью», по терминологии Кауфмана (как в семью «происхождения», то есть родительскую, так и в «созданную», то есть супружескую). Затем шведская модель и американская сексуальная революция распространились по всей Западной Европе, начиная от германских стран (Нидерланды, Швейцария, Германия) через Великобританию и Норвегию в латинские страны (Францию и Италию). Исключением остались лишь несколько стран Средиземноморья: Испания, Португалия. Однако кризис официального брака не означал кризиса сожителства в парах — наоборот, рост количества союзов, не скрепленных формально, компенсировал снижение количества законных браков⁷⁷.

Во Франции эти тенденции стали очевидны в 1970–1980-е годы, их влияние сказалось на демографической статистике. INSEE (Национальный институт статистических и экономических исследований) быстро обратил внимание на новые закономерности, так как уже с 1968 года стал публиковать в ежегодных отчетах сведения о пропорциональном количестве холостяков по возрастам, а кроме того, опубликовал в том же 1968 году ретроспективную таблицу данных с 1851 года. Количество браков неуклонно уменьшается с 1973 года, после пика 1972 года, связанного с тем, что поколение, родившееся после войны, достигло брачного возраста (24,5 года для мужчин). Однако пока еще можно смотреть на вещи оптимистично и повторять вслед за Моко: «Мы далеки от того переизбытка холостяков, из-за которого пал Рим»⁷⁸.

Одновременно возрастает показатель рождаемости внебрачных детей, сейчас он выше, чем когда-либо в столетии. С 1871 по 1911 год, когда средства контрацепции были весьма несовершенны, коэффициент рождаемости внебрачных детей колебался от 8 до 9‰ (в расчетах учитывались внебрачные дети, родившиеся живыми). В 1961–1965 годах, после появления противозачаточных таблеток, он опустился до 6‰, а в 1966–1970 годах опять повысился, но это было вызвано изменением отношения общества к рождению детей вне брака⁷⁹. В 1973 году коэффициент достигает 8,2‰, а в 1985 — 19,6‰!

Теперь в случае нежелательной беременности холостой мужчина не считает себя обязанным жениться на женщине. Даже если предупредить беременность не удалось, неженатые мужчины и незамужние женщины могут выбирать, как им поступить, особенно после легализации абортов.

В 1972 году средний возраст вступления в брак был минимальным за весь век: 22,4 года для женщин и 24,5 – для мужчин. Интенсивный рост количества браков и снижение брачного возраста связаны друг с другом и объясняются очень просто. Женщины, как правило, вступают в брак раньше, чем мужчины, и женская часть поколения, родившегося после войны, достигла брачного возраста в 1966–1970 годах. Однако они могли рассчитывать лишь на тех мужчин, что родились во время войны (средний возраст вступления в брак для мужчин 26–26,8 года). Лишь к 1972 году подрастают женихи, родившиеся в 1946–1948 годах, и девушки тут же принимаются за них. Однако затем жениться начинают все позже, и этот процесс длится до сих пор.

В 1975 году более $\frac{3}{4}$ девушек выходили замуж до 25 лет, в 2000 году более $\frac{3}{4}$ девушек выходили замуж в 25 лет и старше. В 2003 году средний возраст вступления в брак для мужчин перешагнул 30-летний рубеж (30,4), а для женщин достиг 28,3 года. Быть может, скоро наступит то время, о котором писала Симона де Бовуар: «В будущем между полами возникнут новые отношения, как плотские, так и духовные, отношения, о которых мы сейчас не имеем никакого представления. Уже сейчас между мужчиной и женщиной может быть и дружба, и соперничество, и союзничество, и приятельство, и все это может быть и плотским, и целомудренным, чего не могли даже вообразить себе люди прошлых веков»⁸⁰. Во всяком случае, очевидно, что традиционная модель отношений не во всем отвечает требованиям современного общества. Не случайно во многих государствах была законодательно закреплена возможность заключать не брак, а «гражданский договор солидарности» («пакс»). Однако он суще-

ствуется слишком недавно, и пока трудно судить, насколько эффективна эта модель взаимоотношений.

«Новые отношения», возникновение которых предрекала Симона де Бовуар, лежат в русле «свободной любви»; право на такую любовь отстаивали непокорные умы прошлого века, а самые смелые из них пытались воплотить ее на практике. Постепенно она входит в обиход и способна породить длительные и глубокие отношения, подобно тем, что связывали Жоржа Брассенса и Пюхен, к которой обращена его песня «*La Non-demand en mariage*» («Непредложение руки и сердца»). Отказ от брака здесь вызван не боязнью совместного будущего, не стремлением развратника коллекционировать победы — за отказом стоит серьезное неприятие брака как образа жизни, способного разрушить любовь повседневностью.

После войны стало очевидно, что не только муж и жена, но и сожители-любовники могут быть крепко и глубоко привязаны друг к другу. Отчет Симона 1972 года отразил определенную эволюцию нравов: большинство (правда, незначительное) французов сказали, что одобряют отношения между неженатым мужчиной и незамужней женщиной, если они давно знакомы. Хотя само по себе внебрачное сожителство так же старо, как и супружество, естественным и обычным союзом его стали считать недавно. Столь же необычным было изменение отношения к однополым союзам: общество признало, что и они могут быть долгими и глубокими, и примером таких отношений стала многолетняя связь Жана Кокто и Жана Маре. Право на существование получило понятие пары, независимо от того, связаны ли партнеры формальными брачными обязательствами и какого пола каж-

дый из них. Соответственно, необходимо было изменить представление о статусе холостяка.

Институт брака в целом продолжает медленно разлагаться, хотя случаются некоторые всплески, объяснимые разными причинами. Так, например, в 1995–1997 годах неожиданно выросло количество браков (на 10 % в 1996 году!), что можно объяснить новыми налоговыми законами, принятыми ради поощрения браков⁸¹. В частности, раньше родители-одиночки или сожители облагались меньшими налогами, чем женатые родители, а в 1990-е годы эта разница была устранена. За всплеском последовало падение – в статистике это обычное явление, а в 2000 году количество браков опять возросло, что объясняют просто-напросто «эфффе́ктом миллениума». За следующие три года – новый спад. Эти не слишком значительные колебания все же заставляют нас задуматься об эволюции брака за более долгий период⁸².

1960-е годы и тот особенно значительный для Франции отрезок – 1972–1975 годы, когда исказились все статистические кривые, – стали поворотом в современной истории безбрачия. Статистические данные позволяют сделать вывод, что в разных странах за десяток лет количество людей, предпочитающих жить не в браке, повысилось с 40 до 70 %. Во Франции между 1972 и 1994 годами – самый мрачный период в истории брака – количество свадеб снизилось на 39 %, а количество первых браков – на 45 %.

Образ холостяка изменился коренным образом. Общество с удивлением обнаружило, что после столетий, если не тысячелетий презрительного, в лучшем случае снисходительного отношения к одиночкам, после веко-

вых обвинений в их адрес те, кто раньше принадлежал к меньшинству старых дев или закоренелых холостяков, стали гордиться своим положением и вызывать зависть и стремление подражать им! Холостяки превратились в победителей!

Социальный состав холостяков тоже изменился. Во Франции 1980-х годов холостые мужчины в основном живут в деревне (51 %), а незамужние женщины – в городе, причем из них 29 % связаны со сферой искусства, а 31 % принадлежит к средним и высшим профессиональным слоям. И в наши дни незамужние женщины, особенно дипломированные специалисты, предпочитают жить в центре города, а одинокие мужчины – на окраинах⁸⁸. Одинокие «женщины-победительницы» больше не похожи на хмурых старых дев, они расцветают в профессиональной жизни и даже в тех занятиях, что традиционно считались мужскими. С ними нельзя не считаться. Они больше не «хрычовки» и не робкие девственницы, они ответили ударом на удар!

В 1981 году вышла книга Линн Шенан, в которой автор описала 15 лет своей одинокой жизни. По ее словам, первым потрясением для нее было то, что одиночество оказалось не катастрофой, как она думала раньше, а образом жизни со множеством приятных преимуществ. Многие одинокие женщины вокруг нее также были вполне довольны. Куда делась тоска старой девы, наблюдающей за тем, как годы превращают ее в сварливую старуху, не ведающую никаких удовольствий? Женщина получила возможность развиваться и наслаждаться жизнью в одиночестве, а это значит, что модель общества изменилась. Теперь уже не обязательно идти по жизни вдвоем, супружеской парой. Незамужняя женщина больше не

стыдится своего положения, ее никто не обвиняет в отклонениях от нормы, в неспособности быть привлекательной для мужчины или же удержать его при себе. Существование вне брака стало искусством жизни, а не жизненным поражением. Оно открывает возможность быть свободной, развивать «собственную неповторимую личность», общаясь с другими людьми и размышляя в одиночестве, реализовать собственные планы. «Наше время – замечательная эпоха для одиночества», – заключает Линн Шенан.

Сходное удивление перед лицом одиночества испытала и французская писательница Одиль Ламурер, имя которой с 1980 года связано с современным безбрачием. В 1986 году она организовала первый «Салон для холостяков». «Я готова была выступать в прессе, по радио, телевидению и кричать на всех перекрестках: во Франции 6 миллионов одиноких людей, и я одна их этих 6 миллионов». Для нее одиночество – это «шанс», и она собирается воспользоваться им. «Разве не чудесно весенним утром, стоя у раскрытого окна, задаться вопросом: чем я займусь сегодня? И знать, что весь день принадлежит тебе одной». Она считает, что одинокая женщина – это не просто та, что не вышла замуж, но та, что решила жить по-своему. «Жить не в браке значит научиться жить по-настоящему и пользоваться теми преимуществами, что одиночество нам дает». Развитие общества в последующие годы говорит в ее пользу; в настоящее время ценности существенно изменились, и, по данным опроса IFOP (Института общественного мнения Франции), проведенного в 1999 году, 64 % холостяков рассматривают свое положение как результат сознательного выбора, а многие

женатые мужчины и замужние женщины пытаются перенять холостяцкий образ жизни⁸⁴.

Разумеется, все не так просто, как кажется на первый взгляд. Как ни радуется Линн Шенан своему одиночеству, она понимает, что для многих библейское проклятие «Горе одиноким!» остается каждодневной реальностью. Линн Шенан дает в своей книге психологические советы: как не страдать от одиночества, а радоваться ему. Одинокая женщина не должна замыкаться в башне из слоновой кости, питаясь одними консервами и замороженными продуктами. Наоборот, она должна общаться с друзьями, создавая вокруг себя подобие семьи, она должна готовить себе хорошую еду, не бояться ходить одна по ресторанам или путешествовать в одиночестве. В этом своде правил забыто одно весьма существенное положение: ни слова не говорится о половой жизни незамужней женщины. Одиль Ламурер, прославляя безбрачие, советует, как разорвать сексуальное одиночество и встретить достойного партнера.

Симптоматично, что и та и другая побывали замужем, поэтому смогли по достоинству оценить не столько безбрачие само по себе, сколько обретенное одиночество. «Как все “нормальные” женщины, я вышла замуж», — иронизирует Одиль Ламурер. Она пробыла замужем 25 лет, и это важно для ее позиции, которую неизбежно ослабили бы традиционные насмешки по адресу «старой девы», сварливой Ксантиппы, жизнь с которой хуже, чем цукута. Для того чтобы холостая жизнь предстала не вынужденным обстоятельством жизни, а результатом осознанного выбора, нужно испытать и замужество; чтобы вкусить сладость свободы, надо вырваться из цепей. Упрощение развода существенно повлияло на изменение образа оди-

нокой женщины. В жизни разведенной женщины есть рубеж, разлом, которого не знает традиционная «старая дева». Для той, которая ни разу не была замужем, путь к безбрачию предстает долгой чередой надежд и их крушений, и сами этапы этого пути двойственны. Например, самый решительный шаг – уход от родителей и начало самостоятельной жизни – предполагает не только одиночество, но и возможность самостоятельно найти партнера и привести его к себе, не боясь осуждения родителей. Развод, наоборот, решительный шаг, осознанный выбор, который четко определяет социальный статус и образ жизни мужчины или женщины на определенное время.

Холостячество после развода несколько смешало традиционные представления, а также заставило заново определить гражданский статус «одиноких», к которым причисляются и разведенные, и вдовцы/вдовы. Из него исключены партнеры, сожительствующие друг с другом без брака или заключившие «пакс», хотя «официально» они холостяки. К «одиноким» неприменимо презрительное или снисходительное отношение, которого удостоиваются те, кто никогда не знал брака. Они более не являются ни «сброшенными со счетов», ни бунтовщиками против института женитьбы. Возможность стать однажды холостяком-одиночкой нависла дамокловым мечом над безмятежным существованием супругов. 25 лет брака позади. Почему бы не развестись и не зажить свободно? Тут есть о чем задуматься. А саркастические выпады стихают. «Каждый из нас однажды был или станет холостяком», – пишет журнал «Пуан» в 2003 году. Для социологических исследований это очевидно, ведь с точки зрения гражданского состояния каждый человек рождается холостяком. Для обыденного языка в этом высказывании

сосредоточена угроза, нависшая над каждой супружеской парой. По результатам последней переписи, «новых холостяков», то есть разведенных (для их обозначения все чаще употребляется англицизм «сингл» или слово «соло»), – около 14 миллионов человек!¹⁸⁵

Сегодня одинокие мужчины – это по большей части те, кто когда-то был женат. «Хотя супружество по-прежнему остается основной моделью отношений, оно перестало быть нормой [...] Сегодня норма – это чередование брака и жизни “соло”»⁸⁶.

Частично именно этим объясняется странное демографическое явление, которое отмечено в последние годы. С 1995 года, впервые за долгое время, кривая браков пошла вверх. Однако вместе с тем неуклонно растет количество одиноких и разведенных. Разумеется, интерпретировать недавние данные надо с осторожностью. Однако можно заметить, что брак для многих остается важным, хотя после событий мая 1968 года казалось, что он безвозвратно разрушен. Просто супружество перестало быть окончательным и бесповоротным жизненным выбором. Брак, возможно, становится чем-то вроде этапа в «работе души», а в ней случаются и свои периоды безработицы, и смена нанимателя... и выход на пенсию.

В современном общественном сознании разведенный и холостяк почти не различаются, и бессмысленно было бы строить рассказ о современных холостяках, опираясь на строгие юридические критерии. В 2001 году «Пуан» опубликовал подборку материалов о холостяках, озаглавленную «Жизнь в одиночестве. Способ употребления». И аналитические статьи, и иллюстрации Волински в номере касаются по преимуществу супружеской жизни и разлада в семье. В 2002 году «Максигерл» описал семь

типов холостяков, посещающих вечера «быстрых знакомств», среди них свое место занимают и разведенные. «Салон для холостяков» в 2003 году включил в программу дискуссию о проблемах супружества...

Кроме холостяков-одиночек существуют еще семьи с одним родителем, матери-одиночки и отцы, сумевшие после развода добиться права единолично воспитывать детей. Холостая жизнь больше не является синонимом целомудрия или бездетности, за которое раньше ругали холостяков. С другой стороны, брак больше не связывается исключительно с необходимостью продолжения рода, не противостоит любви, а основывается на ней. Социальный статус мужчины – а статус женщины даже значительнее – зависит не от семейного положения, а от профессии. При знакомстве люди в первую очередь интересуются, чем новый знакомый занимается, и часто судят о человеке именно по профессии.

Среди одиночек следует упомянуть и тех супругов, что оказались разлучены на время из-за длительных командировок или из-за несовпадения отпусков. «Мужья-холостяки» на месяц-два обретают холостяцкие привычки, не переставая быть женатыми. Наступают школьные каникулы, но мужчина не может оставить работу. Он отправляет жену и детей на море и снова, как в молодости, ходит по вечерам в кафе, на дискотеки, посещает значные места... Живет ли он как холостяк или как женатый человек? В выходные дни он навещает семью и ведет себя как примерный муж и отец, но будни остаются в его распоряжении. Скорый поезд, отправляющийся с курортов ранним утром в понедельник, называют «поездом холостых мужей», но также и «поездом рогоносцев»: ведь жены тоже могут вспомнить о прелестях свободной жизни⁸⁷.

Изменилось и представление о семейном очаге. Теперь от родителей уходят не затем, чтобы жениться, пусть и для «пробного брака», но просто чтобы жить самостоятельно. 50 лет назад переходили из семьи в семью, 20 лет назад было принято до заключения брака некоторое время жить одной семьей, теперь большинство предпочитает испытать свои чувства, оставаясь в разных квартирах. Это явление получило такое распространение, что в статистических отчетах появилась новая рубрика: «Пары, не живущие совместно». 16 % пар предпочитают начать супружескую жизнь в разных квартирах. Писатель Бернар Вербер утверждал, когда ему было 48 лет, что такой образ жизни избавляет его от каждодневной рутины в отношениях: «У меня есть подруга, но мы не живем вместе. Так мы не боремся за пространство в одной квартире». Пьер Ардити и Эвелин Буикс тоже предпочли жить «на одной лестничной клетке». Такая «автономия в совместности» становится альтернативой традиционной супружеской паре в гораздо большей степени, чем безбрачие или свободный союз. Она соединяет преимущества брака и холостой жизни, в ней есть «необходимый эмоциональный рацион», и она дает социологам серьезный материал для размышлений о перспективах развития общества⁸⁸.

Кроме того, уже сейчас видны зачатки новой модели. 20–30 лет назад молодые люди стремились укрыться в собственной квартире, чтобы наслаждаться сексуальной жизнью; открыто предаваться ей стыдились. Сейчас нравы изменились. К чему расставаться с прелестями жизни в отчем доме, где ты спокойно живешь, окруженный заботой родителей, если нет необходимости скрывать любовную связь в номерах отелей? «Модель Танги» — эту модель можно было бы назвать в честь главного героя

фильма Этьена Шатилье («Танги», 2001) – свидетельствует о серьезных изменениях во взглядах молодежи на самостоятельность. Заметим, что в конце фильма герой отказывается от самостоятельности не ради семьи европейского, западного типа, но ради патриархальной семьи китайского образца – именно она оказывается выходом из тупика, в который зашла его холостая жизнь. Новые модели поведения иногда оказываются чуть измененными старыми...

В современном представлении понятие «холостяк» объединяет противоположные модели поведения. Жан Бори иронизирует по поводу тех холостяков, что постоянно находятся «между двумя супружествами, между двумя шаткими связями, они мельтешат, как толпа на аукционе». Эти холостяки не хотят принимать свое одиночество: «мало сказать, что они от него страдают, они не выносят его, отталкивают его. При этом они страдают не столько от одиночества, сколько от сознания, что их постигло жизненное поражение. На большом рынке привязанностей, который, по сути, ничто иное, как рынок тщеславия и “престижа”, их акции упали». И далее Бори выносит неумолимый приговор: «Современные одиночки – настоящие холостяки»⁸⁹.

Но зададимся вопросом: в наше время, когда возникло столько альтернатив супружеской паре, когда, судя по статистическим данным, холостяков больше, чем женатых, существуют ли еще настоящие холостяки?

Этот парадокс отражен в новом вопроснике Института статистических и экономических исследований, распространенном в 2004 году. Первый вопрос касается того, живет ли человек в паре с кем-либо, и на него могут ответить утвердительно как официально женатые, так

и те, кто живет с постоянным партнером и заключил гражданский договор солидарности. Второй касается семейного положения, и в графе ответов рядом с возможным ответом «холост» помещено уточнение — «никогда не состоял в браке» (понятие теперь требует уточнения). Сочетание двух критериев позволяет определить, сколько людей живет в одиночестве. Для этого достаточно сложить количество холостяков, вдовых и разведенных и исключить тех, кто живет в паре без заключения брака. Заметим, что в 2004 году в налоговых декларациях появилась клеточка, предназначенная для тех, кто официально не женат, но живет в паре.

Итак, можно ли сказать, что сейчас существуют настоящие и ненастоящие холостяки? Во всяком случае, характер душевной жизни общества существенно изменился, одиночество играет в ней как никогда большую роль независимо от того, временное оно или окончательное, добровольное или вынужденное.

Исследователи не обошли вниманием эту ситуацию. Жан-Клод Кауфман уже лет десять анализирует одиночество как социальное явление, в особенности женское одиночество. Он пишет, в частности, о «двойной жизни», приходящей на смену «жизни вдвоем» в супружеской паре. «Когда человек живет один, он как бы раздваивается», что приводит к ощущению неуверенности и непрочности собственного положения. Жизнь холостяка протекает так, «как если бы на него все время показывали пальцем», он не может полноценно наслаждаться радостями холостой жизни⁹⁰. Однако именно такое раздвоение личности, несомненно, превратило холостяка в излюбленный персонаж романов.

НОВАЯ СВОБОДА НОВОГО ХОЛОСТЯКА

В литературе образ холостяка меняется и становится все более «обычным». Роман Матье Белези «Подобно богу» («Une sorte de Dieu», 2003) нельзя назвать романом о холостяках — главный герой, как и положено, женится на предпоследней странице, — однако никто из основных действующих лиц на протяжении романа не женат. Основная коллизия разворачивается между матерью, отказавшейся от брака («Мое первое и единственное замужество навсегда отбило охоту заводить семью»), и ее сыном, закоренелым 40-летним холостяком, школьным учителем. Его жизнь протекает в собственной двухкомнатной квартире и материнском доме, куда он ездит на каникулы.

Жизнь холостяка, по традиционным штампам, однообразна, она стоит на месте, а сам холостяк с головой уходит в свои привычки и чудачества. Однако для Матье Белези сама неизменность жизни холостяка предстает залогом счастливой жизни, свободной от чрезмерных потрясений и слишком пылких желаний, пропитанной невозмутимым духом стойков. «С 20 лет я никогда ничего не хотел, разве что были некоторые шалости, свойственные возрасту. А сейчас всеми желаниями распоряжается телевидение, оно их возвращает, направляет и подталкивает к единственной цели: создать четкие убеждения. Газеты, если надо, забьют тревогу, радио не позволит сбежать дезертирам. От меня самого требуется только есть, пить, спать, учить детей в Сен-Габриеле, причем знаний у меня не больше, чем у учителя из оперетки. Мне полагаются каникулы, и я пользуюсь ими и провожу их так, что только сильнее чувствую скоротечность жизни. Чего мне хотеть?»⁹¹ Угасание желаний пробуждает по-

чти божественную мудрость. Старому образу холостяка — меланхолическому, язвительному, тревожному — противопоставлен новый холостяк — счастливый.

Каждый имеет право на счастье. Не это ли действительно проповедует новая мода на холостую жизнь в крайнем своем воплощении? Раньше счастье связывалось с браком. «Горе одному!» — повторяет Екклезиаст. «Но так лишь принято считать, — протестует Паскаль Киньяр. — В устной поэзии правота всегда на стороне коллектива». Это не так, «потому что во все времена были одиночки: отшельники, шаманы, странники, те, кто бежал от общества, те, кто укрывался на его периферии. И все эти одиночки были самыми счастливыми из людей.

Во все времена существовали личности, порвавшие с семьей или с кланом. Как только среди животной стаи появился первый человеческий очаг, возникли те, кто захотел удалиться от него»⁹².

Но здесь мы опять оказываемся в плену старых клише, некогда отравлявших существование: неуловимое и зыбкое счастье напрямую зависит от того, как смотрят на нас со стороны. На холостяка теперь смотрят иначе, значит, именно холостяку стало доступно столь желанное всеми счастье.

Счастье холостой жизни проявляется в самых разных мелочах. На страничке в Интернете, названной просто «Ура холостой жизни» (membres.lycos.fr/hourracelibat, 2004), перечислены 37 причин, по которым лучше жить в одиночестве. Некоторые из них несут оттенок самоиронии: «можно есть чипсы в постели», «можно смотреть любимый сериал, и никто не будет смеяться над твоими примитивными вкусами», «можно засовывать нож в банку с “нутеллой”, а потом облизывать его», «можно растол-

стеть, если хочется», «можно не мыть сковородку, а вынуть из мойки грязную со вчерашнего дня», «можно долго лежать в ванне, пока кожа не сморщится», «можно есть одни пирожки и печенье с мороженым».

Веселая девушка прославляет свободу одиночества, однако у читателя остается двойственное впечатление. Делать что хочешь здесь означает делать то, за что стыдился бы перед кем-то другим: есть пирожки и печенье, смотреть сериал. На тебя никто не смотрит, тебя никто не судит, ты избавляешься от вечной зависимости от чужого взгляда. Девушка говорит не столько о том, что можно позволить себе в одиночестве, сколько о том, чего лишаешься в браке. Для тех, кто вырос на идеях экзистенциализма: «ад — это другие», и брак не является исключением. В миф о возможности слияния в любви, то есть в античное уравнение, где $1+1=1$, верят все меньше. Даже в браке партнер остается «другим», его взгляд судит и осуждает, и надо спрятаться от этого взгляда, чтобы можно было толстеть, есть что хочется, смотреть не слишком изысканные фильмы, не думать о том, как выглядишь. Борьба с тем, что стесняет развитие личности, — вот кредо современного общества.

В литературной традиции необремененность бытовыми заботами всегда предстает синонимом холостой жизни. «Дом, милый дом» не существует для холостяка, он предпочитает одинокую квартирку, как, например, герой романа Жака Валле: «Мебели было мало, вид она имела неприглядный, не хватало порядка, ухоженности. Женщины, попав в эту квартиру, сразу же понимали: здесь живет холостяк. В центральной комнате стоял письменный стол; и он, и сама комната были завалены бумагами, газетами, книгами. Казалось, жилец так и не обу-

роился. Здесь царил вечный сквозняк»⁹³. Жить в одиночестве значит махнуть рукой на все условности. В эпоху напыщенной стыдливости холостая жизнь виделась голгофой. Она стала благословением, когда пренебрежение условностями превратилось в стиль жизни. Правда, бывают исключения — некоторые женщины готовы на все, лишь бы выйти из одиночества, их не смущает, что они постоянно будут на глазах у мужа. «Выглядеть даже дома так, как если бы на тебя постоянно смотрели» составляет часть «правил» Хелен Филдинг в «Дневнике Бриджит Джонс». В XVII веке женщина боялась именно этого: невозможности, под взглядом мужа, одеваться небрежно, «даже если у тебя такое настроение, что за весь день не захочется выйти из спальни». Блаженная небрежность составляет часть облика старого холостяка (он всегда отстает от моды): общество не замечает его. А потому он может бесконечно ковырять в носу волосатым пальцем. Для холостяка его берлога — священное место, где он полностью предоставлен сам себе и может не думать о том, как выглядит.

Анализ этого явления выходит за рамки нашего исследования, хотя он и связан с распространением моды на холостую жизнь. Следовало бы связать его с постепенным обретением права на интимную жизнь и преодолением стыдливости, о чем я писал в других книгах. Пршлые века внесли новые ощущения и проблемы в жизнь супружеской пары, не случайно именно в XVIII веке, открывшем в культуре частную жизнь, стали так много говорить о холостяках. С тех пор стыдливость стала все более распространяться в супружеской жизни. Чего стоит рекомендация Ребу (1936) комкать бумагу, сидя в туалете, чтобы заглушить неприятные звуки. Оказалось, что

при совместной жизни даже самые простые отправления связаны с затруднениями. Если нельзя облизать свой нож, прежде чем засунуть его в банку с «нутеллой», к чему такая семейная жизнь? Нынешнее поколение пытается решить этот вопрос.

Но проблема выходит далеко за рамки бытовых лишений, неизбежных в супружеской жизни: «Холостяк не только получает мелкие удовольствия (объедается шоколадом или допоздна валяется в постели), он самостоятельно управляет собственной жизнью. Это полный переворот в сознании, соответствующий перевороту в истории, который наконец позволил каждому из нас стать единоличным хозяином своей судьбы. Такое чувство само по себе опьяняет»⁹⁴. Рост количества холостяков связан, таким образом, с усилением индивидуализма. К индивидуализму человечество медленно движется с начала веков, но он окончательно утвердился в западной цивилизации совсем недавно.

Историки и социологи считают, что лишь с XVIII века в обществе появляется устремленность к счастью, причем к счастью, свободному «от груза неизбежных обстоятельств и случайностей», и личность высвобождается из коллектива. Конечно, такое утверждение нуждается в оговорках и уточнениях, но не случайно стремление к холостой жизни проявляется именно в век философии, в эпоху, когда Разум приходит на смену Богу «как ключ свода, венчающий всю постройку». Понятие личности становится «полюсом общественной перестройки»⁹⁵. Представление о счастье не возникло внезапно, но именно в эту эпоху оно приобрело совершенно иной масштаб. Мистическое счастье самоуглубления, счастье преуспеяния: семейного или профессионального, исчисляемого

количеством детей или денег — уступает место индивидуальному счастью, условием которого является свобода, а мерилom — комфорт (понятие, родившееся именно тогда). Формирование государств в XIX–XX веках оказалось тесно взаимосвязано с перестройкой традиционных сообществ и введением личностной идентификации. Появление в конце XVIII века «книжки рабочего», предшественницы удостоверения личности и паспорта, стало символическим свидетельством того, как повысилась роль государства в определении общественных связей.

Семейные структуры долго еще сопротивлялись тяге к индивидуализму, но право на свободу уже утвердилось в умах людей и на фронтонах мэрий. Следовало лишь найти, к чему именно приложить усилия. «Если в сознании многих брак по-прежнему остается неотделим от понятия успешной социализации, он уже не так тесно связан с понятием счастья, так как счастье обретается то в браке, то в свободе»⁹⁶. Право на счастье — первое право личности, освободившейся от изначальных предрассудков, от уз религии и семьи. Религия и семья говорили о счастье в недостижимом будущем: личное счастье в ином мире, счастье родовое, воплощенное в далеких потомках. И та и другая здесь и сейчас требовали жертв во имя того далекого счастья. Революция XVIII века, быть может, в том и состояла, что человек захотел стать счастливым. «Наивысшее занятие человека и наибольшее, к чему он должен стремиться, — стать счастливым», — написал Вольтер в 25 лет⁹⁷.

Не будем осуждать философов. Плод созревает не по воле того, кто его собирает. Движение от коллективного к индивидуальному и от жестких правил к свободе шло неуклонно. Общественная ячейка медленно освобождает

лась от племенных законов и шла к личностным. В первобытных культурах племя живет и действует совместно, личность принимается в расчет лишь как часть целого. В таком обществе каждому отведена своя роль, возможность выбора сведена к минимуму, интересы коллектива стоят выше интересов личности, и груз обязанностей перед обществом еще усиливается страхом перед строгими богами или неизбежностью стихийных бедствий. Античные города с их агорами или форумами, с казармами для юношей и гинекеями для девушек, как в Спарте, в чем-то сохранили древний принцип функционирования общества.

И римский род, и средневековый дом (домочадцы и дружина) состояли из множества людей. Большая семья сохранилась во многих местностях вплоть до XIX века, члены ее были связаны кровными узами. С распространением в больших городах квартир основой общества стала нуклеарная семья: супружеская пара с детьми. На смену им идет холостяк и пара, «не живущая совместно». Проблемы стыдливости подчинены тем же процессам все большего обособления в интимном пространстве.

Параллельно с этим явлением всеобщего порядка происходит постепенная специализация занятий. Коллективные занятия (охота, война, возделывание земли) постепенно заменяются раздельными. Женщины больше не собираются вместе для приготовления еды. Печи для хлеба и давилни для масла исчезли из домов, необходимые продукты покупают в лавках у булочников, мясников, бакалейщиков. На определенном этапе ремесленники составляли нечто вроде семьи: ремеслом занимаются совместно, часто внутри семьи, и занятие передавалось от родителей к детям. Сейчас коллективные занятия пере-

местились на предприятия и в супермаркеты, именно они производят и продают пищу, а рабочий, окончивший свой трудовой день на предприятии, может жить собственной личной жизнью.

Конечно, следует внести уточнения в картину, набросанную широкими мазками. Однако несомненно, что растущий в обществе индивидуализм перевернул традиционные ценности... и избавил холостяков от комплекса неполноценности. Те, кого некогда упрекали в эгоизме, сегодня в моде! «Как бы то ни было, холостая жизнь — это современно!!!» — к такому выводу приходят авторы странички «Ура холостой жизни», и энтузиазм здесь пропорционален количеству восклицательных знаков. Похоже, они правы. Точкой отсчета в наше время стал образ жизни не семейного, а одинокого человека. Многие женатые мужчины и замужние женщины стремятся жить так, как раньше жили только холостяки: меняют партнеров, проводят отпуск врозь, каждый сам покупает себе еду, у каждого своя машина и свой телевизор. Супружеская чета иногда выглядит как пара живущих вместе эгоистов.

Жизнь в браке уже не связана с поиском компромиссов между вкусами и интересами супругов. Зачем отказываться от любимого фильма и любимого блюда? Уже не надо решать, что смотреть вечером: фильм или футбол, как проводить каникулы: на пляже или в музее, нет необходимости искать в карманах супруга ключи от общей машины. Маленькие замороженные порции еды из больших магазинов перестали быть уделом одиноких; их охотно покупают семьи, не желающие готовить общий обед в большой кастрюле. Для многих (разумеется, для тех, кто может себе это позволить) жизнь в браке превратилась в простое сожительство двух холостяков. Запреща-

ется запрещать что-либо другому. Основной девиз — личное развитие каждого в соответствии с его биологическими потребностями.

Развитие психоанализа и социологии внесло свой вклад в реабилитацию холостой жизни. Раньше холостяка упрекали в эгоизме, теперь само это понятие вытеснилось другим — юнговским термином «индивидуации», обозначающим процесс самопознания личности. Попытки прервать или ограничить этот процесс могут привести к самым печальным последствиям для развития личности. Некогда считалось, что эгоист предпочитает свои личные интересы интересам общества. Теперь же личность полноценно входит в новый тип общества в том случае, если человеку удалось достичь сбалансированного развития своих достоинств и освободиться от комплексов; именно тогда он может достойно выполнить в обществе ту роль, за которую взялся по собственному выбору. Результат тот же, но личности отведено совершенно иное место в системе общественных ценностей.

Социологам остается лишь констатировать появление новых установок в эволюции общества и в истории безбрачия. Для Жан-Клода Кауфмана «движение к индивидуации в общественном сознании» есть «движущая сила перемен. Современный человек хочет все более и более распоряжаться собственной жизнью, в том числе сам решать, в чем для него состоит истина и нравственность и какое место он должен занять в обществе». Разумеется, так дело обстоит в идеале, ведь внешние обстоятельства достаточно сильно ограничивают самостоятельность личности. Но стремление к самостоятельности несомненно, и современное распространение холостой жизни вписывается в это стремление. «Решение жить в одиночестве или

в паре — это только один из элементов более обширного процесса». Кроме того, решение человека жить в одиночестве все чаще стали объяснять не чертами его характера, а внешними условиями. Уже не сам человек «виноват» в том, что он холост, а те обстоятельства, в которых ему пришлось оказаться. Развивая свою концепцию, Кауфман анализирует «переворот в самоидентификации», произошедший в 1960-е годы — как раз перед 1972 годом, когда в институте брака наступил перелом. С тех пор человек должен сам решать, что и как ему делать, и самостоятельно определять смысл своего существования. Вступление в брак есть «мутация идентичности», оно не сводится к узнаванию партнера и приспособлению к нему, а предполагает настоящее самоотречение двух личностей во имя возникновения пары. Но коль скоро самоидентификация перестала определяться общественными рамками и каждый сам взял на себя ответственность за строительство собственной жизни, бремя создания семьи оказалось слишком тяжелым⁹⁸.

На следующем этапе анализа холостая жизнь вписывается в «цивилизацию досуга», где работа занимает только 35 часов в неделю. Сегодня и у мужчины, и у женщины есть свободное время. Они могут провести его вместе, а могут врозь, так как отдают себе отчет, что у них разные представления о досуге и удовольствиях. Сегодня у мужчины и женщины есть выбор. Существенно выросло количество телепрограмм, спектаклей, ресторанов, мест, куда можно пойти вечером. Обеспеченные и благополучные супружеские пары уже не обязаны выходить совместно в оперу. А выбор опять же предполагает индивидуализм. Он стал точкой отсчета («это мой выбор!»); противоречить, запрещать, смеяться над выбором не принято. Хо-

лостяк не должен отчитываться перед кем-либо, как он проводит свободное время. «У одиноких больше времени, чем у тех, кто заботится о муже или воспитывает детей. Надо делать так, чтобы это время не протекало бессмысленно, — советует Одиль Ламурер. — Время драгоценно, мы не имеем права растрачивать его, мы должны использовать его как можно лучше, соответственно нашим вкусам и биологическим ритмам»⁹⁹.

Мы понемногу открываем для себя новый мир, где человек перестал быть рабом труда, а желание развиваться реализуется через многообразие опыта, впечатлений, путешествий... Брак и дети все чаще оказываются препятствием для бегства за впечатлениями. Когда-то выражение «отойти в мир иной» звучало позитивно, сейчас оно пугает, так как в нашем обществе почитание предков — мертвых и живых — сменилось преувеличенным культом молодости. В холостой жизни скрыт страх перед смертью. Человек боится остановиться на краю дороги в мире, где все бешено несутся вдаль. Человек боится связать себя в мире, где каждый должен быть всегда готов к любым превратностям. «Сегодняшний искатель приключений — не отец семейства, получающий семейное пособие, пособие на жилье, пользующийся здесь скидкой, а там льготами. Нет, сегодняшний герой — это холостяк, бесстрашно шагающий с компасом по джунглям повседневности»¹⁰⁰.

Холостая жизнь, возможно, лучше всего приспособлена к эпохе, девизом которой стала свобода, граничащая то с эгоизмом, то с капризом. Не случайно новый «Салон для холостяков» провозгласил: «Холостая жизнь — это свобода!»

ПОЧЕМУ СТАНОВЯТСЯ ХОЛОСТЯКАМИ?

Историю безбрачия следовало бы изучать, обращаясь не к цивилизации одиночества как таковой, но к росткам индивидуализма в сознании, которые и ведут к формированию этой цивилизации. Быстрый рост числа холостяков в последние 30–40 лет можно объяснить множеством самых разных причин, однако истоки явления следует искать глубже, погружаясь в те изменения, что происходят в человеческом сознании.

Заметим, что сейчас существует множество способов отдохнуть в компании: дискотеки, клубы совместного отдыха на каникулах, командные виды спорта. Вспомним также о мобильных телефонах и обычае снимать одну квартиру на несколько друзей — все говорит о том, что представление о семье как о единственно возможной ячейке общества трещит по всем швам. Раньше стать членом какого-нибудь сообщества стремились по преимуществу подростки, а теперь объединяются и те, кто уже вошел во взрослую профессиональную жизнь, и те, кто достиг брачного возраста. Для того чтобы обозначить 30-летних людей, реализовавшихся профессионально, но сохранивших привычку проводить свободное время как подростки, социологи даже предложили термин *adultescent* — «взрослоростки» (от англ. *adult* — «взрослый» и *adolescent* — «подросток»).

Парадоксы современной холостой жизни во многом объясняются этим одновременным стремлением и к одиночеству, и к совместному времяпрепровождению. Когда подростко то поколение молодежи, что не застало май 1968, и многие снова обратились к традиционным семейным ценностям, появилось понятие «оуклиться», то есть

замкнуться в семейной жизни. Следует заметить, что «окукливались» не только семейные пары, но и те, кто не зарегистрировал свою связь официально, и одиночки. Постепенно термин потребовал дальнейшего уточнения, и заговорили не о «коконе», а о «гнезде», то есть о месте, где человек может уединиться, но где с удовольствием принимают друзей и устраивают вечеринки.

Общаться стало проще и благодаря развитию технических средств, которое тоже, разумеется, повлияло на жизнь современного холостяка. Во всех традиционных представлениях, устоявшихся еще со времен библейского «Горе одному!», в первую очередь присутствует боязнь одиночества. Однако причины этой боязни в наше время или упразднены, или сильно смягчены. Нет больше страха состариться в одиночестве и оказаться без средств к существованию — пенсия по старости обеспечивает каждому прожиточный минимум. Боязнь тяжело заболеть и оказаться без помощи близких отступает перед системой медицинского страхования, больницами и помощью на дому — холостяк знает, что не будет брошен в случае болезни. Даже страх, что некому будет вызвать скорую помощь, отступил, как только появились мобильные телефоны. Что же касается скуки, то нынешний холостяк скорее затрудняется выбрать, как именно провести свободное время: перед телевизором, перед монитором компьютера, в спортивном клубе, в клубе знакомств, в клубе «для тех, кому за...» или в клубе по интересам. В прошлом веке Франсуа Коппе воспел милосердного человека, приютившего в канун Рождества одинокую женщину. Теперь одинокая женщина не стала бы стыдливо жаться в углу в доме незнакомого человека, а устроилась бы перед телевизором с чипсами и бокалом шампанского и встречала

Рождество, глядя на экран. В современной жизни совсем не обязательно жить в семье, чтобы ощущать общность с другими.

Итак, первая причина холостой жизни — возможность благополучно жить без семьи. Однако исследователи называют и другие причины социально-экономического характера. Бэби-бум и последние счастливые годы традиционной супружеской модели приходится на послевоенное «славное тридцатилетие», а кризис 1973 года почти совпал с первым энергетическим кризисом. Если молодой человек не уверен, что сможет содержать семью, он и не слишком стремится ее создать. С 1970–1980-х годов стало почти правилом, что профессиональная жизнь молодого человека начинается с безработицы, череды временных контрактов, которые далеко не всегда переходят в контракты на постоянную работу. Многие предприятия обращаются к услугам агентств по временному найму, в Западной Европе все большее распространение получает система краткосрочных контрактов по американскому образцу. Частная жизнь тоже оказывается в плену краткосрочных контрактов. Брак — это проект, для которого должно быть устойчивое основание. Добавим, что вернувшаяся мода на традиционную брачную церемонию требует существенных расходов, причем за 5 лет они возросли в среднем на 50 %. В Англии, например, средняя стоимость свадебной церемонии увеличилась с 10 715 до 15 243 фунтов. Молодые пары должны хорошенько подумать, прежде чем заключать брак, во всяком случае, прежде чем заключать его официально¹⁰¹.

Кроме того, многие компании часто отправляют сотрудников в командировки. Холостяки пользуются при найме несомненным преимуществом перед семейными.

Раньше в контракт могло быть включено требование, чтобы сотрудник оставался холостяком под угрозой отстранения от работы в случае выхода замуж или женитьбы. Если сотрудник обращался в суд, то контракт подлежал аннуляции как незаконный или аморальный лишь в том случае, когда можно было доказать, что подобный запрет носил характер не простой оговорки и уточнения, а обязательного требования.

В 1959 году «Эр Франс» изменила свои требования внутреннего распорядка для служащих так, что стюардессам запрещалось замужество под угрозой увольнения. В том же году начальница обслуживающего персонала самолета Анн-Мари Домерг вышла замуж за стюарда; они были уволены. Анн-Мари обратилась в суд первой инстанции. Ее иск был отклонен, однако Апелляционный суд Парижа рассмотрел дело 30 апреля 1963 года, признал претензии истца обоснованными и изложил свое решение в развернутом виде: «Каждый человек имеет право вступить в брак, это право не может быть ни ограничено, ни отчуждено. Из этого следует, что в контрактных взаимоотношениях сторон ... свобода вступления в брак должна быть сохранена, а обязательство не вступать в брак должно быть отменено как наносящее ущерб основополагающему праву личности»¹⁰². Аргументы, которые приводила в свою защиту «Эр Франс», к сожалению, были традиционными: несовместимость беременности с работой бортпроводницы. Так как запрет на беременность, а также увольнение беременных незаконно, компания решила запретить замужество. Таким образом возникла любопытная дискриминация: незамужние матери не подлежали увольнению, а замужние — подлежали. Суд оказался, кроме прочего, чувствителен к вопросам морали и объявил запрет на брак незаконным.

1 июля 1983 года это решение стало законом, за исключением особо оговоренных случаев, когда обстоятельства требуют от служащих безбрачия. Нормативы Международной организации труда также запрещают любую дискриминацию при найме: по возрасту, расовому или этническому происхождению, полу, сексуальной ориентации, семейному положению, религиозным убеждениям, национальности, физическому недостатку. Несмотря на это, семейное положение по-прежнему остается непростым вопросом при собеседовании с кандидатами на работу.

«Нанимателю не важно, зарегистрирован ли ваш брак официально. Его интересует, живете ли вы одни или с кем-то и какое место в вашей жизни занимает работа». Готов ли кандидат к переездам? Согласится ли он работать дополнительно, придется ли ему согласовывать свое время работы с расписанием школьных занятий и встречать детей из школы? Сможет ли он брать работу на дом? Не потребуется ли ему отпуск по уходу за ребенком? Теоретически нет никакой дискриминации, но на практике холостой кандидат имеет преимущества¹⁰³.

Часто при кризисах занятости правительство поощряло длительное обучение, так как тем самым замедлялось вступление работника в активную трудовую жизнь и кривая безработицы падала. В настоящее время высшее образование считается нормальным, а на тех, кто получил профессиональные навыки на краткосрочных курсах, смотрят косо. Все больше людей стремятся получить второе высшее образование, чтобы обзавестись как можно большим количеством дипломов и иметь некоторое преимущество при найме на работу. Создавать семью во время учебы не слишком удобно, и возраст вступления в брак стал в последние 30 лет повышаться.

Все это относится в первую очередь к временному безбрачию, и можно было бы считать, что брак, пусть и поздний, пока остается социальной нормой. Однако когда взрослый человек наконец обретает желаемое положение в обществе, обзаводится собственным жильем и устойчивыми привычками старого холостяка или старой девы, он уже не рвется завести семью, более того, вступление в брак может сломать его образ жизни. Переход от временного безбрачия к окончательному совершается незаметно и безотчетно. «Около 90 % женщин и мужчин, родившихся в первой половине XX века, вступили в брак, послевоенное поколение тоже женится, однако не исключено, что для следующего поколения пропорция неженатых сильно возрастет»¹⁰⁴.

Напомним, что относительное разочарование в институте брака не означает отказ от жизни с партнером. В 1980-е годы возросло количество пар, вступивших в добрачное сожительство, и число долговременных любовных внебрачных связей. Появилась новая легальная форма сожительства — заключение гражданского договора солидарности. Это свидетельствует о том, что многие люди по-прежнему стремятся жить вдвоем. В 1965 году 10 % пар жили в свободном союзе до заключения брака и оформляли отношения, как правило, в связи с рождением ребенка. Через 30 лет уже 90 % пар начинали жизнь с неофициального сожительства и не всегда считали, что появление ребенка должно повлечь за собой оформление брака. Количество относительно постоянных, но не зарегистрированных в официальном браке пар с 1960 года стремительно выросло, оно удваивается каждые 7 лет!

Отторжение вызывает не сама по себе жизнь в паре, но долговременные обязательства. В этой перспективе

закон 1974 года, облегчающий процедуру развода, не посягал на брак, а наоборот, благоприятствовал ему. Молодые люди, опасаящиеся принять обязательство на всю жизнь, охотнее вступали в брак, зная, что он может быть расторгнут, если что-то изменится, например возникнет неожиданная новая страсть, да и просто по прихоти одного из супругов. Введение в законодательство права на развод благоприятствовало бракам по любви, которые традиционное общество всегда считало слишком непрочными.

Воздействие закона о разводе 1974 года на историю безбрачия сказалось гораздо позже. В 2000-е годы достигли брачного возраста «дети развода», то есть поколение, на собственном опыте познавшее, что такое распад семьи, бесконечные ссоры родителей за право опеки над детьми или за право на алименты... Именно это поколение опасается теперь вступать в брак, так как не слишком доверяет ему. Молодая пара не торопится принимать решение о браке, они помнят, как отец и мать тянули их каждый в свою сторону или как тяжело было отцу выплачивать алименты. Пример родителей наводит на размышления. «Мой отец женился два раза, моя мать дважды выходила замуж. Получается – четыре брака на двоих» – так жалуется героиня Сьюзен Финнамор за неделю до собственной свадьбы. Она готова не выходить замуж, лишь бы потом не разводиться¹⁰⁵.

Нет прямой зависимости между экономическим кризисом и ростом количества холостяков – такой зависимости, что существовала в XIX веке между браком и возможностью получить надежную профессию. Холостую жизнь часто выбирают те, кто вполне мог бы содержать семью. Речь идет скорее о доверии к фундаментальной системе ценностей, и эта система все чаще ставится под сомне-

ние. Мы долго жили под знаком «счастливого будущего», будь то идеал христианский (второе пришествие Христа и Царство Божие на земле), марксистский (коммунизм), позитивистский и научный (торжество прогресса и разума), экономический (бесконечное процветание). Сегодня вера в будущее подорвана. Многие семьи рожали и воспитывали детей в надежде, что дети будут жить лучше, чем они. Сегодня многие холостяки отказываются иметь детей, так как считают, что апогей экономического процветания уже наступил, и он не может длиться долго. Угроза экономического кризиса, загрязнение окружающей среды, войны, изменение климата, разного рода катаклизмы висят как дамоклов меч над головами современных людей и не вдохновляют на продолжение рода. Кто хочет, чтобы его дети были несчастны? А большинство тех, кто решил не заводить детей, считают, что они неизбежно были бы несчастны. Так косвенно влияют на рост количества холостяков экономические причины.

Были предложены и другие причины, связанные с переломом в кривой брака, пришедшимся на 1973 год. Нельзя пренебрегать влиянием мая 1968 года на проблемы брака. Ветер свободы, пронесшийся тогда над Францией, тот, что дул над США еще со времен «поколения битников», заставил «перетрясти» тысячелетний институт семьи, основанный на взаимоотношениях родителей и детей. В обществе, где ценности передавались от поколения к поколению, люди женились, чтобы последовать примеру родителей и войти во взрослую жизнь. В том обществе, где смена ценностей происходит быстрее, чем смена поколений, жизнь родителей оказывается не примером для подражания, а объектом отторжения. Соответствующим образом у детей менялся образ семьи, который

создавали родители. Не исключено, что мода на традиционную свадьбу с белым платьем и каретой, возникавшая через 30 лет после 1968 года, была реакцией на образ жизни поколения бунтовщиков — родителей молодежи конца 1990-х годов.

Во взаимоотношениях мужчины и женщины тем временем произошла настоящая революция. Истоки ее уходят далеко в прошлое, столетняя борьба женщин за свои права подготовила вспыхнувшее в 1970-е годы пламя феминистской борьбы. Переворот возник еще до 1968 года: в 1938 году было отменено обязательное подчинение жены мужу, в 1946 — провозглашено равноправие полов, в 1965 — отказ от главенства мужа в браке.

Равенство мужа и жены в браке теперь не требование, а реальность, закреплённая официальными документами. Отмена тысячелетнего представления о естественном главенстве одного пола над другим выбила у многих почву из-под ног, утрата привычной уверенности в превосходстве мужчины привела к падению коэффициента браков во Франции. Симона де Бовуар уже в 1949 году анализирует этот процесс в книге «Второй пол», ставшей одной из основных послевоенных работ о женском равноправии. Самец, который пользуется женщиной, считается завоевателем, тот, кто позволяет пользоваться собой, — «благородный даритель»; в обоих случаях он главный. Если женщина пытается быть ведущей силой в паре, мужчина считает, что она его эксплуатирует. «Мужчины боятся женщин, которые не боятся их самих». И тогда мужчина «стушевывается». После войны утвердился своего рода агрессивный феминизм, почти кастрационный. Психологизм говорил некогда, что женщины воспринимают «отсутствие фаллоса как ущербность»; теперь же

женщины постарались «уничтожить чувство собственной неполноценности, разрушая мужское чувство превосходства». «Мечта о кастрации», возникшая как следствие фаллоцентризма в обществе, могла внести смятение в умы мужчин!¹⁰⁶

Бойтся ли современный мужчина свободной женщины? Во времена Мольера можно было искать жену, подобную невинной Агнессе, которая ни в чем не будет перечить мужу — своему хозяину и господину. Современная женщина стала требовательной. Финансовая независимость, доступ к образованию, умение жить самостоятельно укрепили ее позиции. Даже в сексуальной сфере гордость мужчины оказалось задетой: взаимоотношения полов перевернулись. Теперь инициатором полового акта не всегда является мужчина, и в расчет принимаются не только его ощущения. Женщина заявила, что имеет право на оргазм, она больше не скована стыдливостью и может говорить о своих предпочтениях и о том, что ее разочаровывает в половой близости. Снисходительная уверенность мужчины, воплощенная некогда в пренебрежительных репликах («Ну, довольна?»), теперь не в ходу. К партнеру — не важно, супругу или нет — теперь предъявляют самые высокие требования.

Следует отметить, что требования эти взаимные. Культ тела и телесной красоты, поддерживаемый журналами, телевидением, кино, влечет за собой идеализацию партнера и любовной связи. Когда голова забита мечтами о сказочно прекрасных телах и о приключениях настоящих мужчин, каждый может задать себе вопрос: «Неужели я не имею право на мускулистого спортсмена или на загорелую девушку с картинки?» Мало кто говорит себе, что тихий уютный брак лучше, чем страстное лю-

бовное приключение. Все те же мечты о прекрасном принце? Отчасти. Но раньше прекрасный принц из сказок, рассказанных на ночь, мог быть похожим на соседского парня, а теперь он все более и более похож на калифорнийского серфингиста. Сказка Лафонтена о Цапле, высмеивающая чересчур разборчивых старых дев, вполне может быть применена к современным молодым людям, причем обоих полов.

Вот что ответил психотерапевт Жорж Алькарас, когда его спросили, почему число холостяков растет: «У этих людей в голове сложился набор точных требований, нечто вроде фоторобота идеального партнера. В результате они ищут человека, подходящего по всем параметрам сразу: возраст, принадлежность к определенной социальной среде, образование, — и проходят мимо тех, кого могли бы просто полюбить»¹⁰⁷.

Несомненно, в современной тяге к холостой жизни есть психологический аспект. Старые представления о холостяке — целомудренном или распутном, но в любом случае отклоняющемся от обычных норм сексуальной жизни — изжили себя уже в 1960-е годы. Выросло количество пар, живущих нормальной половой жизнью, но не женящихся, и стало очевидно, что отказ от брака имеет не только сексуальные причины. Нужен был анализ явления не с физиологической, а с психологической стороны.

Психоаналитики давали свои объяснения, что понятно: психоанализ видит в сексуальности не только стремление к продолжению рода. С их точки зрения, все поступки человека связаны с его сексуальностью, и даже самые духовные проявления есть результат сублимации. Соответственно, можно увидеть нечто общее во всех формах безбрачия, включая безбрачие священников и художников.

Следуя теории об эдиповом комплексе как лежащем в основе человеческой психики, мужчина достигает половой зрелости, когда преодолевает этот комплекс. Напомним: Эдип убил своего отца Лая и женился на матери Иокасте. Жениться означает для мужчины сказать своему отцу, что его время прошло. Теперь сын встает на его место и может, в свою очередь, оплодотворить женщину и сделать ее матерью. Но нежелание думать о смерти отца, неувыдающая сексуальность матери могут замедлить процесс. В 1966 году Марк Орезон проанализировал эволюцию семейной пары в этой перспективе.

По его мнению, «негативное безбрачие», то есть неумение создать семью, а не сознательный отказ от брака, возникает как следствие психологической невозможности принять на себя брачные обязательства. Человек не чувствует себя «душевно защищенным в качестве сексуального объекта» в глазах «третьих лиц», то есть общества. Он не слишком уверен в себе и боится, что брак разрушит любовь, так как привлечет внимание «третьих лиц» — не только тех, кто официально зафиксировывает бракосочетание (мэра или священника), но и друзей, родственников, гостей на свадьбе. Все они будут смотреть со стороны на взаимоотношения мужа и жены. Другими словами, человек боится, что его семейная жизнь будет оцениваться другими, и задается вопросом: на самом ли деле он хороший муж?

Таким образом, у тех, кто не оформляет связь браком, часто искажены отношения с обществом. Это робкие, замкнутые, неуверенные в себе люди. Эдипов комплекс они испытывают с детства. Они не могут отождествить себя с отцом и перейти к полноценной половой жизни; бессознательно они боятся, что отец будет их ругать за

женитьбу. Внебрачная связь похожа на тайную, женитьба означала бы открытое признание: «Я равен тебе. Пришла моя очередь»¹⁰⁸.

Этот предварительный анализ Марка Орезона ведет дальше, к «психологической клинике» холостяка, и здесь его исследования также не лишены интереса. В них подчас присутствуют традиционные клише, наподобие «скрытой гомосексуальности», и иногда они носят нравоучительный характер, но нельзя не восхититься острыми наблюдениями над поведением разных типов холостяков. Чего стоит портрет «вожатого-переростка»! Его энергия направлена на борьбу в социальной группе, общественные интересы, благотворительность, а нормальная сексуальная жизнь, как правило, отсутствует и компенсируется краткими любовными связями, посещением проституток и мастурбацией. В 45 лет он «старый холостяк», в 60 — «оригинальный тип». Хорош также портрет «маменькиного сынка», которого с 5–6 лет заставляли отчитываться в каждом своем поступке; он до старости ходит за юбкой какой-нибудь вдовы-людоедки.

Что касается анализа поведения незамужних женщин, то тут Орезон еще чаще оказывается в плену расхожих клише: претензии на мужественность тех, кто не хочет «смириться с несправедливым отсутствием фаллоса» и уходит в сверхженственное поведение («обольстительница»), в ложное мужеподобие («мужик в юбке»), в социальную борьбу («суфражистка»). Потребность в душевной компенсации обращает нежность старых дев на домашних животных, тоска по инцесту часто лежит в основе бессознательного стремления к запретной любви — к женатому человеку или священнику.

Такая почти бальзаковская галерея типов производила бы пугающее впечатление, если бы рядом с ней не оказалось описания «позитивного безбрачия», то есть жизни тех, кто сознательно отказался от брака, надеясь найти самореализацию вне «общественно закрепленной пары». Тот, кто выбрал этот путь, сохраняет молодость духа, разумно вписывается в общественную жизнь и не должен идти на поводу у разнузданной сексуальности или, наоборот, подавлять ее. А проблема состоит в том, что такая идеальная модель тяготеет скорее к религиозному самоотречению, а самым серьезным доводом в пользу безбрачия оказывается вера в Христа.

Действительно, Марк Орезон, бывший врач-интерн, хирург, стал в конце концов священником, и его положения во многом продиктованы принятыми обетами.

Однако не будем списывать все на священническое призвание Орезона. Для того времени, когда появилась его книга, супружество оставалось нормой жизни, и психоаналитики не могли этого не признавать. Жорж Моко, книга которого появилась в 1973 году, не менее жесток по отношению к холостякам, хотя и сам один из них. Холостяк, по его мнению, «представляет проблему на уровне индивидуальном, ибо речь идет о недостаточной личностной зрелости, на уровне социальном, так как он не вписывается в отрегулированные обществом сексуальные отношения, на уровне жизнедеятельности в целом, так как он уклоняется или бежит от биологических требований, предъявляемых каждой особи: необходимости продолжать род». Создание семьи представляет собой «основополагающий закон любого общества», и нужны очень серьезные основания, чтобы от него уклоняться. У женщины часто проявляется эдипов комплекс, и она кон-

центрирует внимание на отце, а мужчина — на матери, но тяга к холостой жизни, кроме этого, имеет обычно множество других причин: любовные неудачи, особенности воспитания, физическая неполноценность, импотенция¹⁰⁹...

Кризис супружества — это кризис личности, и истоки его следует искать в кризисе западного сознания в целом. Можно говорить о конфликте между поколениями, о последствиях феминизма, о Лае и Иокасте, но при этом следует иметь в виду, что современный мужчина больше не «хозяин в доме», он подавлен личностью жены или отца. В годы хиппи образ мачо сошел со сцены, и тому в немалой степени способствовали постколониальные конфликты, войны в Алжире и во Вьетнаме. Современный мужчина — и надо отдать себе в этом отчет — антигерой. «Никакой», как иронично говорит Кэндес Бушнелл. «Почему так выходит: я знаю множество блистательных незамужних женщин и ни одного стоящего холостого мужчины? Признаемся себе в очевидном: нью-йоркские холостяки ничего не стоят, они — никакие».

Здесь подразумевается вывод, зловерный и старый, как само безбрачие: девушки, не будьте яркими, если хотите выйти замуж. У мужчин, привыкших еще с кроманьонских времен считать себя выше женщин, может возникнуть комплекс неполноценности. В англоязычных странах он к тому же усугубляется строгими законами, регулирующими отношения полов. «Ты же работаешь в Сити с сотней мужиков», — удивляется героиня Изабель Вульф, обращаясь к незамужней подруге. — «Да, но они избегают женщин на работе, потому что боятся, что их обвинят в сексуальном домогательстве»¹¹⁰.

Не будем менять старые расхожие штампы на новые. Так ли уж сказалось на росте числа холостяков то, что потускнел образ мачо? Можно ведь доказать обратное, а именно что смещение ролей во взаимоотношениях мужчины и женщины побудило к вступлению в брак тех мужчин, что раньше вели себя слишком робко, тех, что ищут в жене не Лолиту, а мамочку.

«Мамочка, мне больно!» – вот нынешняя типичная речь соблазнителя, пришедшая на смену «Ну что, довольна?». Но соблазнители не исчезли, просто на смену Эрролу Флинну или Кларку Гейблу пришли Ален Сушон и Мишель Бужена.... На какое-то время, несомненно, ибо модели обольстителей преходящи, а само обольщение вечно.

Зато женщинам сложнее найти мужа: их профессиональная деятельность, способность достичь успеха на самом высоком уровне несомненно повлияли на это. С точки зрения мачо, невозможно «жениться на начальнике», принять, что жена зарабатывает больше (это почти равнозначно тому, чтобы быть на содержании у женщины). Не говоря уж о том, что рабочий график женщины, достигнувшей высокого карьерного уровня, часто никак не вписывается в распорядок семейной жизни. «Социологи заметили, что современные женщины все реже готовы пожертвовать возможностью профессиональной самореализации ради семьи, и те основы семейной жизни, что покоились на женщинах, сейчас под угрозой»¹¹¹. Теперь мужчина должен, в свою очередь, изменить отношение к домашнему быту, заниматься хозяйством и воспитанием детей, чтобы помочь женщине сочетать домашние и профессиональные обязанности.

В противоположность общепринятому мнению, рост количества незамужних женщин связан чаще всего не с тем, что женщине трудно совмещать работу и семейные обязанности. Дело заключается в новом отношении к самоидентификации. До недавнего времени значимость женщины в обществе зависела от ее мужа. Еще в 1940-е годы статус женщины определяло замужество. «Девушки выходят замуж, чтобы выйти замуж. Девушки выходят замуж, чтобы быть “замужними”»¹¹². Теперь брак не выполняет эту роль.

В современном обществе статус личности определяется профессией. Опрос социологической службы «Софрес» выявил, что в глазах общества женщина может считаться «успешной», если она живет одна (73 %), но она «не успешна», если у нее нет хорошей работы (53 %)¹¹³. Кроме того, женщину все реже называют по имени мужа и все чаще — по должности или работе, которую она выполняет. Название профессии, употребленное в женском роде, теперь обозначает не жену мужчины-специалиста, а женщину, выполняющую эту работу. «Докторша» — это не жена доктора, а женщина-доктор. Первый вопрос, который и мужчины, и женщины задают друг другу при знакомстве, касается не семейного положения, а профессии. К чему это может привести?

ПЛАНЕТА ХОЛОСТЯКОВ?

Холостяков становится все больше по разным причинам: экономическим, социальным, психологическим. И эти же причины объясняют своеобразие холостой жизни на заре XXI века. «Они — пионеры, а может, жертвы беспрецедентной революции нравов», — говорит Вио-

лен де Монкло об этих «инопланетянах» численностью 9 миллионов¹¹⁴. Или же социальные мутанты, ищущие новую систему ценностей. Они — плод «цивилизации досуга», а может, «общества потребления». Холостяк в настоящее время является единицей отсчета «потребительской корзины». В 1950 году размер минимальной гарантированной оплаты неквалифицированного труда не исчислялся исходя из бюджета холостого черноработного, который носит 6 лет одно и то же пальто¹¹⁵.

На другом конце шкалы находится холостяк—специалист высокого класса, чья покупательская способность гораздо выше, чем у его коллеги, обремененного семьей. Сразу ломаем одно из старых клише: холостяком становятся не ради экономии. По данным Института статистических и экономических исследований, основанных на опросе 1998 года, уровень жизни семейного человека на 30 % выше, чем холостяка, имеющего те же доходы. Супружеская пара тратит на оплату жилья, телефона и прочих коммунальных услуг не в 2 раза больше, чем холостяк, а лишь в 1,5 раза¹¹⁶. Но с рождением ребенка уровень жизни супружеской пары резко снижается.

Итак, наше общество было создано для тех, кто живет в семье, что вполне естественно, и долгое время холостяки были вынуждены приспособливаться к этому обстоятельству. Но в наше время холостяки представляют значительную силу в экономической, а то и в политической жизни общества, и теперь уже оно приспособляется к ним. В 1978 году во Франции была основана ассоциация «Унаграпс» (Национальный союз инициативных групп одиночек), поддерживающая права холостяков. Отделения ассоциации очень быстро появились во множестве департаментов; организация намеревалась

бороться против несправедливого обложения одиночек более высокими налогами, чем семейных, в частности налогом на жилье. Она требовала скидок на железнодорожные билеты для холостяков, предоставления одностанных номеров по умеренной цене в гостиницах. В США в некоторых штатах обсуждались законы об упрощении процедуры ипотечных кредитов для холостяков (раньше они более охотно предоставлялись семейным) и о том, что обложение холостяков более высокими налогами является формой дискриминации.

2 января 1978 года во Франции были приняты законы, по которым в области налогообложения супружеские пары и «пары, не сочетавшиеся браком, но проживающие совместно» уравнивались. Более того, неженатые сожители, воспитывающие детей, оказывались в более выгодном положении, чем женатые, потому что каждый из партнеров мог заявить, что ребенок находится полностью на его иждивении, и пользоваться соответствующими льготами.. В 1995 году женатые и неженатые родители были уравнены в правах. Правда, одинокие бездетные холостяки по-прежнему облагались более высоким налогом. Налогообложение супружеской пары или сожителей, заключивших гражданское соглашение солидарности, зависит от размера дохода каждого из партнеров. Чем больше разница, тем оно выгоднее для них. Если же доход партнеров одинаковый, то каждый из них платит налог, почти не отличающийся по размеру от налога холостяка с тем же уровнем доходов.

Ранее пары, не оформившие брак, подвергались и другим формам дискриминации. В частности, те, кто служил в государственном учреждении, не имели права просить назначения в один и тот же город. Вспомним, что

знаменитая пара неженатых преподавателей — Жан Поль Сартр и Симона де Бовуар — решили оформить отношения лишь потому, что Сартр получил назначение в Париж, а не в Марсель, где преподавала Симона¹¹⁷.

В наши дни холостякам не надо добиваться особых законов и бороться за свои права. Для рекламы, индустрии потребления и досуга они и так оказались привилегированной группой. И это понятно. Холостяки в два раза чаще, чем семейные, ходят в кино и в ресторан, они заботятся о собственном благосостоянии, не должны содержать семью и часто покупают что-то из прихоти. Кроме того, в настоящее время законы о наследстве усложнили передачу состояния по боковой линии, поэтому холостяк не обеспокоен вопросом, какие сбережения он оставит детям. «Ему остается лишь потреблять — пока не лопнет»¹¹⁸. Холостяк стал образцовым потребителем.

Реклама, не упускающая ни одного изменения в общественных пристрастиях, первой заметила, какую роль стали играть в обществе холостяки, и старается извлечь из этого наибольшую выгоду. Раньше она обращалась в первую очередь к семейному покупателю, а теперь на первый план вышли товары для «одинок». Даже реклама воды «Эвиан» адресована холостякам, а ведь раньше эта марка ориентировалась на семью. Другой пример — рекламная кампания «Фольксвагена»: в ней центральную роль играет девушка—«современная Золушка, добивающаяся успеха», как пишет семиотик Оливия Гей¹¹⁹.

Среди нововведений особенно заметны те, что касаются пищевых продуктов. Замороженные продукты фасуют порциями на одного человека, появились маленькие упаковки: бутылки молока по половине или четверти литра, коробки на 4 яйца. В «мини-упаковках» продают

ся и соленые орешки, сыр, копчености, овощи — их можно жевать, сидя в одиночестве перед телевизором. Большие пакеты на целую семью вышли из моды¹²⁰. Однако на смену им пришли упаковки для дружеских вечеринок. Так, например, пицца «Содебо» предлагает «мМакси-пиццу, если с тобой друзья, мини-пиццу, если ты один». Большой и малый формат представляют здесь два полюса холостой жизни: пирушка с друзьями или одинокая трапеза. Еда вдвоем отошла в прошлое.

Правда, рынок все еще не осмеливается сделать последний шаг и ввести продукты «специально для холостяков». Жан-Клод Кауфман считает, что это было бы ошибкой маркетинга: с одной стороны, «холостяки сами относятся к себе несколько иронически», а с другой стороны, здесь речь идет о гораздо более широком стремлении к обособленности, к независимости даже внутри семейной пары. Порции на одного человека предназначены не только для холостяков, но и для супругов, которым надоели семейные обеды. Зато ставка на юмор и взаимную солидарность холостяков приносит несомненный успех, примером чему являются «знакомства в магазине», организованные фирмой «Лафайет Гурме». По четвергам с 18:30 до 21 часа холостяки встречаются в магазине, где они делают покупки. У каждого фиолетовая корзинка. Холостякам предлагается и обильная вкусная еда, и диетические советы, чтобы они не ограничивались пакетиком чипсов перед телевизором. В разнообразные брошюры с советами для одиноких включаются кулинарные рецепты (простые и доступные, ведь считается, что холостяки ленивы) и советы, как сохранить свежими остатки: недопитое вино в бутылке, кофе в распечатанном пакете — холостяку его может хватить на неделю. Жизнь в одиночестве стала

искусством, и требуются специальные книги, чтобы обучать этому искусству всех желающих.

Эволюция представления о жилье, подходящем для холостяка, не менее наглядно демонстрирует, как изменилось место холостяка в обществе. В Париже начала XXI века один человек — холостяк, вдовец, разведенный — занимает, как правило, двухкомнатную квартиру. Причем холостяцкие квартиры в центре Парижа и на Манхеттене похожи друг на друга¹²¹. То жилье, что предназначалось для холостяков в XIX веке, не соответствует потребностям сегодняшнего дня.

Еще в 1960-е годы основным направлением в строительстве жилья для холостяков было развитие идеи гостиницы, общежития для одиноких мужчин. Эта идея существует еще с XIX века. Пьер Виллар создал в Париже, Лионе, Клермон-Ферране «общежития для холостяков», воспроизводящие почти монашеский идеал уединения в келье, с одной стороны, и коллективного времяпрепровождения — с другой. Предполагалось, что в «общежитии» будет много маленьких спален, а кроме них большая общая гостиная с телевизором, гимнастический зал, общая прачечная, почтовое отделение, телефон-автомат, аппарат для чистки обуви, иногда ресторан и бассейн. Однако эксперимент не имел успеха, возможно из-за боязни, что жители таких домов окажутся совершенно оторваны от общества.

В современных домах все больше места отводится однокомнатным и двухкомнатным квартирам для одиноких. Холостяки уже не считаются беспокойными жильцами, нравы которых могут смутить добропорядочных семейных граждан, их не стремятся отселить в специальные дома. В одних и тех же зданиях бок о бок живут и холостяки, и большие семьи.

С другой стороны, все труднее стало сдавать многокомнатные квартиры, некогда предназначенные для больших семей. По счастью, появилась мода на совместное проживание друзей; «взрослоростки» предпочитают жить в группе. Как и пицца, квартира предназначается или для одного человека, или для дружеской компании.

В фильме Колин Серо «Трое мужчин и младенец в люльке» (1985) три холостяка живут в большой квартире со множеством закоулков; появление младенца переворачивает их жизнь. Трое мужчин, которых играют Мишель Бужена, Андре Дюссолье и Ролан Жиро, устроили свою совместную жизнь вполне удачно и чувствуют себя великолепно, покуда расписание каждого никак не противоречит жизни других; более того, один из них — летчик и часто бывает в отлучке. Но вот появился ребенок, а с ним и необходимость в жестком графике, что противоречит холостяцкому идеалу полной свободы. Фильм очень смешной, актеры замечательно играют, но картина содержит в себе ясную и простую поучительную мысль: все три героя в душе жаждут жить в семье. И каждый из них постепенно приходит к этому выводу. В конце концов они создают нечто вроде идеальной семьи трех друзей.

В наши дни друзья очень часто живут вместе, причем не только летчики, которым нужно где-то провести ночь между полетами. Многие молодые люди хотят жить, сохраняя независимость от родителей и одновременно чувствуя защищенность, которую дает семейный очаг. Решение о совместной жизни с друзьями редко принимается сразу и на долгий срок. Чаще всего сначала кто-то селится в квартире один, а потом начинает искать себе товарищей. «Базар» совместного жилья проводится в Париже по первым четвергам месяца ассоциацией «Коллокасьон»

(«Совместное жилье»). Эту ассоциацию организовал в 2000 году Фредерик де Бурге, на его сайте *www.collocation.fr* каждую неделю размещается до 50 тысяч объявлений о поисках жилья или сотоварища в квартиру — несомненное свидетельство того, что «новый образ жизни, основанный на дружеских отношениях» становится все более популярен. Существуют и другие сайты, например *kel-koloc.com* или *easy-coloc.com*. На *easy-coloc.com* открыт и клуб знакомств, организующий встречи для тех, кто хочет найти родственную душу, — взаимосвязь между совместным проживанием и холостой жизнью становится еще более очевидной.

Финансисты также видят в холостяках перспективный рынок сбыта своих услуг. Ориентируясь на то, что холостяки облагаются высокими налогами, они предлагают разные формулы накоплений, не облагаемых налогом. Страховые компании тоже почувствовали смену ветра, и если раньше они ориентировались в первую очередь на семьи, то теперь разработали новые программы. Так, например, Общество взаимного страхования «Мютюэль» в Пуатье создало особый пакет услуг по страхованию жизни «холостяков и всех тех, кто хочет быть застрахован в индивидуальном порядке, независимо от членов семьи». Холостякам предоставляется 45 %-ная скидка, что вполне понятно: если с одиноким человеком произойдет несчастный случай, последствия затронут его близких в гораздо меньшей степени, чем родственников семейного человека, оказавшегося в такой же ситуации¹²². Однако сам факт, что к холостякам обращается сфера услуг, традиционно нацеленная на семьи, говорит о том, что одинокие стали заметной силой в обществе.

Особенно лелеют холостяков агентства, занятые организацией досуга, в частности туристические. С одной стороны, холостяки охотнее пускаются в рискованные поездки и приключения, им можно предлагать то, что вряд ли подойдет для семейного отпуска. С другой, для многих одиноких людей поездки — это возможность нового знакомства, которое может оказаться случайным и кратковременным, а может перерасти в серьезные отношения. И здесь тоже заметны существенные изменения. Раньше в организации отпуска и поездок все, от транспорта до устройства отелей, было нацелено на отдых семьи, а холостяки должны были подстраиваться. Новые программы туристических агентств играют на этом чувстве несправедливости. В 2004 году программа «Поездки для холостяков» широко рекламировала «первый отель-клуб для холостяков», в котором были только одноместные номера. Одновременно железная дорога разрабатывает тарифы поездок для двоих, причем не требует никакого подтверждения, что двое действительно являются супружеской парой — само понятие пары изменилось.

Поездки для холостяков оказались свободной нишей на рынке туристических услуг; как только ее обнаружили, то стали стремительно заполнять. В 1987 году Одиль Ламурер писала о возникновении агентства «Селибатур» («Поездки для холостяков»), которое предлагало тематические поездки по Франции и за границу. В 2004 году Никола Намиа, президент агентства «Эр Сюд Декуверт», рекламирует программу «Еду один», в рамках которой составлялись группы из 16 человек (семейные пары не допускались), и им предлагались рискованные приключения. Сейчас существуют самые разные предложения для

одиноких и холостяков. На сайте *www.nextweek.fr* рекламируется «престижный отдых в выходные только для холостяков» во Франции. «Целибакам» («Лагерь для холостяков») предлагает походы для холостяков. Агентство «Сипур ну» («Для нас, холостяков») организует поездки «холостые на 100 %», в них «примерно одинаково мужчин и женщин разных возрастов и разных профессий», что по замыслу организаторов позволит всем участникам найти компаньона. Особый упор агентство делает на возможность жить в отдельном номере за ту же плату, что и в двухместном, хотя обычно в отеле одноместный номер дороже. На сайте *www.roomdating.com* можно найти компаньона без каких-либо посредников: вы просто вводите дату поездки, и у вас появляется холостяк для совместной поездки¹²³.

«Быть холостым — это модно!!!» Наконец-то и телевидение поняло это. Долгое время, за исключением американских сериалов, тема холостой жизни никак не разрабатывалась в «телереальности». В 1999 году американский телевизионный канал «Фокс» предложил вариант английской телеигры «Кто хочет стать миллионером» — «Кто хочет выйти замуж за миллионера». В этом шоу артист, выдающий себя за миллионера, выбрал невесту из 50 женщин — каждая из потенциальных невест была достойна стать победительницей конкурса красоты. Затем непосредственно в студии состоялась свадьба, что возмутило американских зрителей, и передача закрылась. В 2002 году появилась другая программа — «Холостяк». На этот раз концепция была иная: один и тот же юноша предлагался 30 молодым девушкам. Опыт программы сочли убедительным, и «смотрины холостяка» стали проводить каждый год.

На французском телевидении подобными программами заинтересовался поначалу канал «TF1», но его опередил «M6», выпустивший в 2003 году программу «Холостой джентльмен». В том же году и «TF1» предложил свой проект «Грег-миллионер». «Грег-миллионер» ближе к концепции «Фокс»: кандидат скрывает свое истинное положение от каждой из девушек и признается только избраннице в последней передаче. «M6», наоборот, представлял своего героя «идеальным зятем и совершенным мужем»: из 25 девушек он в конце концов выбирал себе одну — родственную душу. В этом шоу приветствовались слащавость до приторности (кандидат преподносил избраннице розу, а не ожерелье, как в «Греге») и роскошь (вилла на юге, рестораны, яхты, лимузины, жизнь, полная наслаждений). Разумеется, все девушки были красотками, а мужчина обаятелен и с хорошим положением в обществе. Цель передачи состояла не в том, чтобы пропагандировать брак (или холостую жизнь), а в том, чтобы привязать телезрителей, заставив их гадать, кто из претенденток останется. Однако авторы передачи попали в сложное положение: женщины оказывались здесь в «гареме» на положении «товара», выставленного перед одиноким мужчиной, и феминистки не замедлили высказать свое возмущение. Флоранс Монтрено из организации «Мет» увидела в передаче «торговлю скотом» и предложила ее бойкотировать. В 2004 году «M6» попытался перевернуть ситуацию, представив одной незамужней девушке 25 прекрасных самцов. Но и здесь ситуация оказалась непростой: кандидаты, призванные воплощать идеал мужественности, несколько недель вынуждены были вести целомудренную жизнь; французская публика воспринима-

ла это с недоверием. Во второй серии были сделаны некоторые намеки на то, что жизнь героев не совсем лишена плотских утех.

В подобных программах стали возникать и непредвиденные затруднения. В американском шоу в конце второго эпизода — задолго до финала — претендент неожиданно раскрыл свое истинное положение перед 26 миллионами зрителей! В проекте «М6» произошло нечто подобное, когда «Холостой джентльмен» признался, что не намерен расставаться со своей холостой жизнью. Зрители не были готовы к подобному финалу, и некоторое время обсуждалось, не переснять ли последний эпизод, чтобы несколько смягчить шок от произошедшего.

Все же в целом телевидение осталось хранителем и проводником традиционной морали и семейных ценностей. В передаче от 16 сентября 2003 года «М6» провел опрос на тему: как французы относятся к супружеству. Участие было добровольным, причем опрашивались как холостяки, так и женатые. Результаты оказались весьма убедительными: 99 % французов или «склонны» (37 %), или «почти готовы» (62 %) к супружеству. Получается, холостая жизнь — не роковая неизбежность общественного развития. Еще немного, и все женятся... Однако если взглядеться в то, как распределяются ответы по разным категориям опрошенных, можно увидеть весьма любопытные закономерности. Наиболее склонны к супружеству те, кто женился не в первый раз (у них есть опыт), менее склонны — те, кто женился в первый раз, и меньше всего — холостяки. Среди сторонников супружеской жизни — как люди преклонного возраста (старше 65 лет), так и 20–30-летние, что внушает уверенность в завтрашнем дне брака. Наименее склонны те, кому от 20 до 40 лет.

Может быть, потому, что это поколение рождено между 1963 и 1973 годами, то есть в преддверии и сразу после 1968 года? В конечном счете можно рассматривать кризис брака не как глобальную тенденцию, а как эпизод, характерный только для одного поколения. Вдохнем с облегчением!

Открытие ярмарки, посвященной холостякам, стало ярким проявлением интереса общества к безбрачию. Идея такой ярмарки появилась у Одиль Ламурер еще в 1986 году. В 2002 году ярмарка «Селиберте» («Холостяки и свобода») была открыта, ее организатором выступила Коринн Бернар. Она предпочла не сводить проблемы холостяков к поискам партнеров. «Каждый этап жизни значим сам по себе», и холостая жизнь заслуживает того, чтобы прожить ее полноценно. Коринн Бернар постаралась, избегая каких-либо морализаторских суждений, объединить самые разные предложения товаров и услуг. Первая ярмарка состоялась в выставочном зале «Аустерлиц» в Париже и была открыта целый год. Вторая, открытая с ноября 2003 года в Шампере, привлекла 12 800 посетителей. Следующая прошла в 2004 году в Лилле и Мане.

В «Селиберте» представлено разнообразие — и богатство — оттенков современной холостой жизни. Половина стендов посвящена тому, как полноценно пользоваться одиночеством, половина — рецептам, как с одиночеством покончить. Различные лекции предлагают рекомендации для тех, кто живет один (советы налогового или диетического порядка), и для тех, кто хочет найти пару (как встретить спутника жизни, как покорить потенциального партнера). Кроме того, здесь в полной мере представлена концепция, рассматривающая как единое целое проблемы холостяков, разведенных и вдовых — всех «одинок». Дискуссии о кризисе брака обращены

прежде всего к разведенным, не желающим повторять свои ошибки. Предлагаются различные развлечения и способы времяпрепровождения, в ходе которых можно завязать знакомства (танцы, гимнастика, «знакомства» различного рода), рассказывается о деятельности клубов. Для тех, кто хочет узнать, как долго продлится его холостая жизнь, есть ясновидящие и гадалки... Здесь нашлось место всем граням современной холостой жизни.

Следуя моде последних лет, когда для любого заметного явления организуется посвященный ему «день» в году, стали поговаривать о Празднике холостяка. Таким могла бы стать Троица – традиционный день «ярмарки мужей», но это было бы чересчур нарочито. Праздник холостяка должен быть противопоставлен семейным и супружеским праздникам. Возможно, им могло бы стать 13 февраля, канун Дня святого Валентина, дня влюбленных: влюбленные не должны забывать, что, прежде чем стать парой, они были холостяками. Именно на этот день стали намечаться разные мероприятия, посвященные холостякам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

КАК ОТНОСИЛИСЬ К БЕЗБРАЧИЮ: ИСТОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

При поверхностном анализе истории безбрачия и холостяков кажется, что в ней все постоянно повторяется. Причины безбрачия, осуждение холостяков, меры против них, словно гигантские змеи, время от времени высовывают голову на поверхность, оставаясь неизменными из века в век. Меняется мировоззрение людей, осуждающих холостяков, и изменения эти связаны с изменениями в общественном сознании. Меняются и термины: одни слова исчезают, другие появляются, приспосабливаясь к новым реалиям.

В эпоху Августа, когда остро стояла проблема продолжения рода, несладко приходилось *ogbi* – бездетным супругам. В наше время даже не существует особого термина, обозначающего это понятие. Сейчас более актуален кризис семьи, и проблемы холостяков рассматриваются вместе с проблемами семей, состоящих из детей и только одного родителя, что раньше не было массовым явлением. Зато пары, живущие без заключения официального брака, более не считаются «холостяками», официально закрепленное «гражданское состояние» не всегда соответствуют социологическим меркам. Появляются такие понятия, как «одиночка», «временный холостяк», «сезонный холостяк», «пара, проживающая в разных квартирах», и социология должна приспосабливаться к ним, вырабатывая новый инструментарий для исследования. Кроме того, следует пересмотреть определение понятия «холостяк» в свете новых исторических условий существования общества.

Обратимся к последовательной смене расхожих представлений о холостяках. Личность состоит из разных культурно-исторических пластов, накапливающихся в сознании поколений. Эти пласты влияют на образ жизни человека, на решения, которые он принимает, и их нельзя не учитывать. Одиночка начала XX века несет в себе безбрачие Иеремии, Эпаминонда и Габриэль Сюзон одновременно.

Холостяк-неудачник

Доисторическую основу безбрачия восстановить сложно. Логика развития общества, самые древние законы и даже сопоставление с животными позволяют предположить, что брак, призванный обеспечить продолжение рода, был изначально уделом доминирующего самца. Безбрачие же становилось уделом тех, кто не мог произвести потомство (импотенты, гомосексуалисты, евнухи), родить полноценных детей (больные, сумасшедшие), обеспечить потомство материально (бедняки, младшие дети). Все это — умозрительные заключения, никак не подкрепленные фактами. Более того, брак никогда не был единственной формой союза между людьми, соответственно, безбрачие не было его единственной альтернативой. Кроме того, осознание ответственности перед партнером в освященном союзе изначально отличает женатого мужчину от доминирующего самца. Нельзя проводить параллель между животным сообществом, где от репродуктивной цепочки отсекается слабое звено, и безбрачием в человеческом обществе.

Однако теоретические предположения были сделаны и приобрели силу факта. Не случайно первый образ

холостяка связан с идеей неудачи в жизни. «Старая дева», «никчемный холостяк» — эти понятия надолго застряли в сознании общества. В христианской концепции брака к безбрачию обязывает все то, что не может обеспечить полноценного союза (импотенция, врожденные физические пороки). Связь между бедностью и холостячеством уходит корнями в глубь истории, именно на это обстоятельство ссылался Эпаминонд, возражая Тебию. А через столетия из-за этой связи нелегко пришлось бесприданницам в странах, живущих по законам римского права.

Однако современное сознание считает, что нельзя отказывать кому-либо в праве на брак. Современный брак заключается не с целью создания семьи, а для соединения с партнером, и не ради продолжения рода или передачи наследства, а по взаимной любви. Дискуссии относительно того, могут ли официально заключаться однополые браки, как нельзя лучше демонстрируют, какую эволюцию претерпело само понятие брака. Бесплодие больше не связано с необходимостью жить в безбрачии.

Холостяк-бунтовщик или преступник

За некоторыми исключениями, брак был обязателен для всех. В ветхозаветном предписании «плодиться и размножаться» отразилось представление, свойственное всем древним культурам. В едва заселенном мире отношение к безбрачию совсем не то, что в мире перенаселенном. Могущество народа, религии, цивилизации измерялось числом воинов, а для того чтобы убедить в своих ценностях другие народы, нередко прибегали к геноциду. Геноцид, к сожалению, встречается и в недавней истории, однако им не гордятся так, как в «Илиаде» или «Кни-

ге пророка Осии». В древнем мире, где царило соперничество между народами, безбрачие воспринималось как нарушение правил, если не бунт против общественного и божественного порядка.

У холостяка нет потомков, наследников, он не дает государству солдат, а семейным богам — слугителей. Безбрачие рассматривается как преступление (законы Ликурга, Августа). Безбрачие возмутительно, холостяк восстает, сознательно и добровольно, против устоев общества. Образ холостяка-бунтовщика — вторая расхожая модель безбрачия. Флобер утверждал свое безбрачие как протест против омещанившихся женатых друзей. Молодежь скандировала в 1945 году: «Семью — в шкаф!», поколение «битников» протестовало против семьи, считая, что она устарела. Феминистки бунтуют против засилья мужчин, против «мачизма» в супружеских отношениях. Но, по мере того как роль семьи в структуре общества уменьшается, потребность в бунте ослабевает, а отказ от брака перестает восприниматься как что-то исключительное.

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ БЕЗБРАЧИЕ

Однако существовало и положительное отношение к безбрачию. Наперекор общественным устоям идет не только тот, кто хочет бунтовать — от брака отказываются и те, для кого существуют иные ценности, кроме продолжения рода. В «Махабхарате» отец просит у сына-аскета дать ему внуков, а тот отказывается, говоря о нечестивости самой жизни. Налицо кризис традиционных ценностей. В каждой цивилизации появляется нечто, что может быть поставлено выше семьи: общественная жизнь и занятия философией в Древней Греции; воспитание

юношей, порождающее идеи в их душах, у Платона; защита империи в Древнем Риме; изучение священных текстов у талмудистов. Христиане отказываются от брака ради постоянной молитвы. В XIX веке выше брака ставили служение искусству, в XX — заботу об общественном благе. Каждая цивилизация возводит что-то в ранг священного: политику, религию, искусство, благотворительность, — и брак по отношению к священному является святотатством. Эту третью модель восприятия безбрачия мы назовем «альтернативным безбрачием»; она такая же древняя, как и две предыдущие, и остается актуальной в обществе, где обвинения безбрачия изжиты не до конца.

В разных культурах, у разных людей такое безбрачие могло быть абсолютным, кратковременным или длительным. Безбрачие по обету у христианского священника или монаха было окончательным. Безбрачие спартанского воина или современного военного моряка в плавании — кратковременное. Длительное безбрачие требовалось мудрецу для изучения Талмуда — иногда исполнение брачных обязанностей откладывалось на 12 лет, — а также римскому легионеру, для которого создание семьи могло быть отложено и на 20 лет. Однако такие обязательства не были формализованы, и с возрастом временное безбрачие могло перейти в окончательное.

Мужчины могли откладывать первый брак надолго, но женщины, не вышедшие замуж в 20–25 лет, как правило, оставались незамужними навсегда. При внебрачной связи женщины могли забеременеть, поэтому у большинства из них был выбор: или брак, или окончательное безбрачие. Только сейчас женщины получили доступ к профессиям, требующим длительной свободы от семейных обязательств, и это напрямую связано с появлением эф-

фективных противозачаточных средств. Детородный возраст женщины ограничен, и наступление менопаузы также часто превращало продолжительное безбрачие в окончательное. Еще недавно после 25 лет женщина уже не могла рассчитывать на замужество, поэтому различие между окончательным и продолжительным безбрачием носит сексистский оттенок, поскольку относится только к мужчинам.

В древних культурах «альтернативное безбрачие» — удел меньшинства, элиты. Немногие становились аскетами, философами или весталками. Любое общество может благосклонно относиться лишь к небольшой части своих членов, живущих не как все. Другое дело, когда бунт против традиционных ценностей выходит за узкие рамки и обретает собственные институты внутри общества. Христианство, принесшее культ девственности и целомудрия, поначалу охватывало лишь низшие классы и не допускало унижения тех, кто живет по иным правилам. Существенное различие между священной девственностью в древних культурах и новым целомудрием заключается в том, что постепенно христианский культ распространялся по всем слоям населения. Речь не шла уже о 7–8 весталках или жрице богини девственности. Девственность превратилась в высшую ценность, стала общественно признанной моделью поведения, а безбрачие считалось прямой дорогой в царствие небесное.

БЕЗБРАЧИЕ КАК ЗАКОН ОБЩЕСТВА

На самом деле переворот в отношении к безбрачию естественно вытекал из развития общества. Еще Платон говорил о приоритете духовных ценностей над матери-

альными: для того чтобы целомудрие восторжествовало над плотью, необходимо было перестать навязывать всем мужчинам и женщинам обязательное вступление в брак, по крайней мере, этот матримониальный диктат должен был смягчиться. Первые христиане не считали брак общественной необходимостью. Появление всеобщей религии отменило почитание семейных богов, которые передаются от отцов к детям. Вера в скорый конец света не располагала к заботе о продолжении рода. В римском праве существовали законы, регулирующие усыновление приемных детей; сходным образом первые христиане проповедовали духовное усыновление. В начале IV века христианство становится государственной религией Римской империи, и многие теперь могут жить холостяками. Те культы, отправление которых ранее реализовывалось в недрах семьи, отмирают, перекрываются общей, коллективной религией.

Эволюция отношения к безбрачию связана с социальными и законодательными переменами. Законы, пришедшие из древности, отменяются или принципиально меняются — примером тому служит отмена законов Августа против холостяков. На смену репрессиям против холостяков приходят ограничения на брак; никогда еще эти ограничения не захватывали такие широкие слои населения, как в каноническом праве XII века. Древние законы предполагали существование разных форм союза между мужчиной и женщиной. Христианская концепция брака считает его единственно возможным. Чтобы оправдать существование брака — а оно было необходимо для организации общества, — христианство стало освящать брак, но эта духовная высота оказалась недоступной многим парам. Запрет на развод заставил многих задуматься, сто-

ит ли брать на себя обязательства, а брак мало-помалу стал осознаваться как тягостный долг. Усыновление детей было теперь не принято, и для тех, кто желал бы обзавестись наследниками вне «брачных уз», выбора не было. Постепенно холостяки и «женатые» становятся двумя «орденами» со своими правами и обязанностями; вступление в тот или другой орден необратимо и бесповоротно. Общественно установленное безбрачие, разделившее население на две категории, можно считать четвертой моделью безбрачия, возникшей в позднем Средневековье.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ БЕЗБРАЧИЕ

Эволюция общества вызвала к жизни появление новых категорий холостяков и пятую модель безбрачия, которую я назову «профессиональным безбрачием». В древности слугами были семейные рабы, должности которых передавались по наследству. Существовало некое подобие «поголовья людей» внутри семьи, и будущие рабы от рождения воспитывались как рабы. В Древнем Риме браки между рабами внутри одной семьи были вполне допустимы, хотя и не праздновались так торжественно, как браки господ. Отмена рабства перелагает их обязанности на наемных слуг, которым по умолчанию вменяется в обязанность длительное безбрачие.

Реорганизация армии идет в том же направлении. На смену женатым воинам приходят холостяки из особого сословия, связанные со своим господином до тех пор, пока они не смогут, благодаря своим успехам, добиться права «устроиться», то есть жениться. Такая модель, в расширенном виде присущая всем управленцам и всем тем, чьи профессии исторически восходят к духовенству,

была распространена вплоть до XX века. Когда появляются новые профессии, особенно женские: учительницы, медсестры, социальные работники, служащие на почте, продавщицы, — они требуют временного безбрачия по той же модели.

Во всех приведенных выше примерах безбрачие в общем случае обязательно. В средневековых городах обучение ремеслу также предполагало длительное безбрачие, так как ремесленник мог жениться лишь после того, как станет мастером. Однако в этих случаях на смену замкнутой общественной структуре высокого Средневековья (разделение на «орден холостых» и «орден женатых») приходит более гибкая система, и длительное безбрачие оказывается предпочтительнее окончательного. Такое «выжидательное безбрачие» можно было бы считать пятой моделью безбрачия. Она была широко распространена со времен Средневековья, если не раньше. Если учесть, что статистические данные (с того момента, как появилась статистика) свидетельствуют о том, что окончательное безбрачие становится все менее распространенным, актуальность «выжидательного безбрачия» для наших дней несомненна. Количество одиноких людей растет, однако растет и количество мужчин и женщин, прошедших через этап жизни в супружеской паре.

ТРЕТИЙ ПУТЬ

В Средние века и позже длительное безбрачие существовало скорее только для мужчин, ведь женщины не могли надолго откладывать замужество. Одних попросту выдавали еще девочками за мужчин гораздо старше их, другие уходили в монастырь или становились бегинками.

Скудные статистические данные свидетельствуют о том, что пожизненное безбрачие среди монахинь встречалось в те времена крайне редко. Для женщины жизнь в одиночестве и без покровителя была крайне тяжелой.

Именно поэтому эволюция отношения к безбрачию особенно заметна в том, что касается женщин. Поиски «третьего пути» связаны с попыткой выйти за строгие рамки как религиозного брака (а до 1787 года гражданского брака не существовало), так и безбрачия по обету. Трудности и неудачи Изотты Ногаролы, Мари де Гурне, Габриэль Сюшон и им подобных как нельзя лучше говорят о том, что общество неохотно принимало новый тип женщины – независимой «старой девы». С другой стороны, «куртизанок» презирали.

Попытки женщин оставаться незамужними в миру неизменно терпели крушение. Во всяком случае, безбрачие должно было строиться по образцу религиозного: смиренное уединение Ногаролы, самоотверженная преданность медсестер... Закон об ассоциациях 1901 года помог ввести в светские рамки те занятия, что издавна были уделом монахинь. Вплоть до XX века только вдова обладала независимостью, поэтому незамужняя девушка всегда оказывалась под властью семьи отца или брата.

От эгоизма к индивидуализму

Следующая модель безбрачия появляется в первую очередь у мужчин, так как они могут жить в одиночестве, не отдавая никому ни в чем отчета, во всяком случае после совершеннолетия. Поначалу образ холостяка был в целом отрицательным: его считали распутником (XVII век), эгоистом, неблагодарным человеком (XVIII век). Но уже

в XVIII веке широко распространяются идеи, в той или иной степени связанные с безбрачием: индивидуализм, поиски себя, право на счастье, свобода личности, самореализация, выбор жизненного пути...

Тяга к свободе, возникшая еще в XVII веке, повсеместно утверждается в революционную эпоху, когда за человеком признаются неотъемлемые права, и в первую очередь право на счастье. Разумеется, Декларация прав человека и гражданина не выступала против брака, он даже не упоминается в тексте. Но триединство «свобода, равенство, братство», ставшее символом Франции, симптоматично и в этом отношении. Свобода всегда была символом холостой жизни, а брак — игом, хоть и священным. Провозглашение равенства означало, в частности, что отныне не только женатые могли обрести полноценное место в обществе. Что же касается братства, то оно утверждало новый тип связи между людьми, независимый от кровных уз. Отныне холостяк не был одинок, так как принадлежал к всечеловеческому братству.

Законодательные меры, принятые против холостяков во время революции, носили иллюзорный характер и противоречили тем ценностям, что выдвигала революция. Однако восстановление права на развод по совместному согласию означало превосходство интересов личности над интересами супружеской пары.

Переход от негативной характеристики холостяка («им движет эгоизм») к позитивной («он стремится к индивидуализму») был достаточно долгим. Новый человек, живущий в постреволюционном обществе, не считает своим единственным долгом исполнять волю Господа или короля. Он считает, что его призвание — создавать новое общество и идти по пути прогресса к прекрасному

будущему. Ему не надо больше заботиться о том, чтобы старая система ценностей продолжала существовать, ему не надо рожать детей или передавать свои произведения потомкам (творчество долгое время было единственным достойным оправданием холостой жизни в миру) — он хочет переделать и улучшить эту систему. Мне кажется, что наиболее полно переход от эгоизма к индивидуализму описал Шопенгауэр. Он видит в безбрачии борьбу между духом личности (этот дух побуждает человека оставаться холостяком) и духом вида (он толкает человека к браку). Безбрачие предстает не эгоизмом (обращенным против общих интересов), а индивидуализмом (обращенным на собственные интересы) и тем самым оправдывается.

ИСКАТЕЛЬ ПРИКЛЮЧЕНИЙ НОВЫХ ВРЕМЕН

В свободе холостяка есть и мрачные стороны, которые разглядел Дюркгейм: он попытался связать холостую жизнь и склонность к самоубийству. Для него холостяк — человек постоянно неудовлетворенный, «так как он ничем не ограничен, он хочет всего, но ничто не может его удовлетворить».

Холостая жизнь — это «болезнь бесконечности», человек не в состоянии ограничить свои желания. Холостяк, как Дон Кихот из песни Жака Бреля, «грезит недостижимым».

Но столетия спустя проклятие, тяготеющее над холостяком, становится двигателем общественного развития. Жан-Клод Кауфман видит в холостяке «постоянную самооценку, критический взгляд, обращенный на себя». Холостяк не ограничивает свои представления рамками

семейной жизни, поэтому сохраняет «способность свободного творчества», будущее для него открыто — а для женатого человека или для того, кто раз и навсегда выбрал определенное занятие, оно закрыто. Холостяк не «нормален», поэтому он способен задаваться вопросом, насколько «норма» состоятельна; только он может изменить ее. В «романах о холостяках» конца XIX века сталкиваются и переосмысляются система ценностей романа и система ценностей семейной жизни. Холостяку свойственно особое умонастроение, которое социологи связывают с характерным для современности желанием успеть как можно больше за короткое время.

Кроме того, холостяку присуще определенное пренебрежение правилами поведения в обществе, ведь он знает, что на него все равно смотрят косо. В романе Марселя Пруста «Под сенью девушек в цвету» маркиз де Норпуа, посол в Вене, говорит, что, когда был холостяком, мог приглашать в посольство кого угодно, но не мог бы открывать двери всем, если бы женился и стал отцом семейства.

Заметим, что устремленность холостяка, не связанного женой и детьми, в открытый мир — это старая тема. Еще Цезарь пытался бороться с холостяками, запрещая им уезжать из Италии более чем на три года. Он смотрел в корень. Большинство путешественников давних времен были холостяками: средневековые клирики, солдаты, моряки. Может быть, распространение холостой жизни в наше время связано с тем, что развитие транспорта породило в молодых людях желание познавать мир? Используя слова Эвелин Дусе, можно назвать холостяка «искателем приключений новых времен».

Разве не стал самой характерной чертой новых времен, отличающей их от прошлого, переход от замкнутого мира с жесткими устоями к миру открытому и свободному? Некогда в обществе со строгой классовой структурой невозможно было перейти из своего сословия в другое, брак был нерасторжим, а монашеские обеты приносились раз и навсегда. Сегодня нормой общества стала скорее изменчивость, причем как в профессии (редко кто в наши дни не испробовал хотя бы два занятия), так и в личной жизни (развод дает передышку). Холостячество также приобрело новые формы, и они во многом объясняются переменами в обществе. В XVII–XVIII веках существенная доля холостяков приходилась на тех, кто жил в длительном безбрачии (мужчины до тридцати и старше), а пожизненное безбрачие встречалось реже, и чаще всего это было вдовство. В XIX веке с 1851 года и в XX веке с 1972 года длительное безбрачие стало понемногу «размываться». С одной стороны, средний возраст вступления в брак понизился до 22–24 лет, но в те же годы увеличилось и количество пожизненных холостяков. В конце XX века длительное безбрачие снова стало самой распространенной формой холостячества. Похоже, нормой стало чередование жизни в паре и холостой жизни. Кроме того, популярной стала жизнь в паре вне брака (с относительно постоянным партнером, с совместным или раздельным проживанием). Количество окончательных холостяков среди мужчин возрастает и в то же время уменьшается количество окончательно незамужних женщин. Абсолютное безбрачие – то есть жизнь, проведенная от начала и до конца в одиночестве, – стала редким исключением.

БЕЗБРАЧИЕ И ОБЩЕСТВО

Изменения в представлениях о холостяках во многом объясняются тем, какие слои населения затрагивает безбрачие. В XVIII веке моралисты осуждали богатых эгоистов, которые предпочитают быть свободными от семейных обязательств и промотать состояние, а не сохранить его и передать по наследству. В XIX веке общество сочувствовало холостякам-неудачникам, тем, кто не сумел приспособиться к новым экономическим условиям: городским рабочим и слугам, обедневшим крестьянам, девушкам без приданого. Сочувствие вызывали незамужние работающие девушки (служащие, продавщицы, учительницы). Вынужденное безбрачие бедняков не вызывало презрения, в отличие от холостой жизни денди — потомков распутников предшествующей эпохи. Окончательное безбрачие среди женщин достигло в это время рекордных цифр (12,3 % в 1851 году). Отношение к «старым девам» было снисходительным, в то время как «старый холостяк» вызывал презрение.

К концу XX века незамужних женщин по-прежнему много, но это не вынужденное, а добровольное безбрачие, и связано оно в первую очередь с тем, что женщины получили доступ к престижным профессиям. Вплоть до настоящего времени женское безбрачие часто зависело от квалификации женщины. Как бы ни осуждали моралисты тех, кто предпочел образование и специальность материнству, современные незамужние женщины пользуются в обществе уважением, так как сумели добиться высокого социального статуса, опираясь только на свои способности.

Если в формировании и развитии моделей безбрачия XVII–XVIII веков основную роль играли холостяки-

мужчины, то два века спустя о своих правах заявили и женщины; именно они сумели создать образ достойной и уважаемой жизни вне брака. Восстановление права на развод (1884), борьба женщин за свои права, участие женщин в общественной и профессиональной жизни, а также уважение, которое вызывали солдатские вдовы, существенно изменили отношение общества к холостякам. В больших городах все чаще строится жилье, отвечающее потребностям холостяков. «Старая дева» и вдова больше не представляют обузу для семьи, чаще всего они выбирают независимый образ жизни. Парадоксально, но, с одной стороны, доля окончательного безбрачия среди женщин постоянно уменьшается, а с другой, именно незамужние женщины сумели изменить общее отношение к холостякам.

НОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Холостая жизнь стала добровольной, это объясняется новыми представлениями о времени, новой культурой, теми изменениями, которые произошли с супружеской парой. Традиционный брак предполагал длительность и обеспечивал преемственность между поколениями. Союз между мужчиной и женщиной должен был быть нерасторжимым, как нерасторжима цепь поколений. Холостяк же оказывался как бы вне времени. Франц Кафка писал в 1910 году: «У холостяка ничего нет в будущем, он ничего не оставил в прошлом. Когда речь идет о миге — это не имеет значение; так вот у холостяка есть только миг». Для холостяка время — это череда мгновений, бесконечный перечень, как список женщин Дон Жуана. Не случайно образ «старого холостяка» часто связан с образом коллекционера.

У кочевых народов, таких, например, как древние евреи, безбрачие было запрещено. Время, как и пространство, текуче. Когда цивилизация становится оседлой, брак выступает в качестве организующей силы. В разных мифологических представлениях бог-отец является и основателем института брака. В Индии эту функцию выполняет мудрец Шветакету, в Египте — первый фараон Менес. В Греции это первый царь Афин Кекропс. Ромул, первый царь Рима, легализовал простейшую форму брака по римскому праву — похищение (миф о похищении сабинянок). Наконец, Яхве из Книги Бытия справляет на небесах первые свадьбы, и это отражается в христианской концепции брака.

Однако очень быстро появляется другая проблема — передачи власти. В Библии переход от Моисея к Оссии и даже переход власти в целом в эпоху судей не имеют династической основы. Но с появлением первого Царства восторжествовал наследственный принцип, несмотря на все превратности, о которых свидетельствует история Давида и Соломона. В греческой мифологии та же проблема встает начиная со второго поколения богов: дети Урана и Геи, ввергнутые в Тартар, а затем дети Сатурна (Хроноса), проглоченные собственным отцом, — эти сюжеты говорят о боязни патриархов потерять власть. Переход власти рассматривается только как насилие; ее следует отвоевать и вырвать у законного властителя. Для следующего поколения выходом становится безбрачие: большинство детей Зевса не женятся, и он остается верховным владыкой Олимпа навеки, а вечность мыслится как застывшее мгновение. Что же касается проблемы дробления власти — она разрешается за счет многообразия форм супружеских союзов, благодаря которым дети не имеют равных прав наследования.

Сходная концепция времени лежит и в христианском сознании. Время в мире движется только за счет брака, но перед лицом вечности предпочтительнее безбрачие. «Чада века сего женятся и выходят замуж; а сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых ни женятся, ни замуж не выходят» (Лк. 20:34–35). В конечном счете модель брака соотнесена с концом света: единство избранных составит Церковь, которая станет супругой Христа. Уже не идет речи о потомстве и передаче власти, Царство Божие пребудет неизменным во веки веков.

Вопрос о холостяках вставал обычно в те эпохи, когда, как казалось, в развитии культуры и цивилизации достигалась точка равновесия. Таковы Афины V века до н. э., императорский Рим, Франция классического периода. Когда подобное равновесие, а также относительное благополучие становятся ощутимыми, вместе с ними приходит и демографический застой. Мадлен Пеллетье уже высказывала такие мысли в 1911 году: «Падение уровня населения – важный фактор, который [...] означает рост сознания и благосостояния граждан». Не случайно новое отношение к безбрачию сформировалось почти в то же время, что и концепция «нулевого прироста населения».

Можно заметить, что об «угрозе падения уровня населения» обычно пишут те, кто боится утраты традиционных ценностей. Бессознательно они мечтают остановить время и навеки закрепить развитие общества на той стадии, что видится им идеальной. Вот почему безбрачие в самом широком понимании затрагивает как интересы «одинок», так и интересы отцов семейства. В нем скрыт отказ от понимания, что существует естественная эволюция, и новая жизнь вырастает на останках старой.

Страх смерти «опустошает изнутри и наполняет все существо холостяка», писал Бальзак. В эпоху, в которую, по словам Поля Валери, «цивилизации поняли, что и они смертны», возник культ сиюминутности, основы психологии холостяка.

Но не была ли мечта о вечности всего лишь недостижимым идеалом? Браку всегда не хватало времени. Не будем забывать, что нерасторжимость брака существовала в те времена, когда супруги жили вместе в среднем по 15 лет. Разница в возрасте, часто большая, приводила к тому, что многие женщины становились вдовами в 30 лет и продолжали жизнь в одиночестве. Сегодня брак, заключенный в 30 лет, имеет все шансы продлиться и 40, и 50 лет, если только его не прервет развод. Когда жизнь в браке сделалась по-настоящему долгой, брак стал внушать страх. Идеал никогда не создается для того, чтобы воплотиться в реальности.

Когда холостячество превратилось в способ не только поведения, но и мышления, четко определить понятие «холостяк» стало почти невозможно. Границы понятия размыты, старая двойственность теперь еще заметнее. Возникновение брака, как и безбрачия, свидетельствует о том, что общество начинает осознавать себя как структуру, и точно то же происходит на личностном уровне. Одного этого достаточно, чтобы понять: критерий официального «гражданского состояния», по которому даже дети считаются «холостыми», непригоден для определения безбрачия. Но с какого возраста можно считать человека холостым, когда приходит осознание собственного одиночества, которое надо или разрушить, вступив в брак, или принять как образ жизни? Надо ли считать отправной точкой половое созревание (около 12 лет), ког-

да подросток впервые задумывается о супружеской жизни? Или возраст половой зрелости (15 лет для девушек, 18 – для юношей)? Окончание образования? Начало самостоятельной профессиональной жизни? Получение отдельного от родителей жилья? Средний брачный возраст (в наше время – около 30 лет)?

Кроме того, до какого возраста можно считать, что холостое состояние «нормально»? Когда тем, кто хочет вступить в брак, надо начинать беспокоиться? С появлением первых морщин или первого седого волоса – первых признаков старости? Или, может, женщинам – с прекращением менструаций, ведь они не смогут родить ребенка? Или с приближением смерти, так как поздние браки – в 90 лет и даже позже – не так уж редки в наши дни?

Безбрачие в его строгом понимании больше не имеет четких границ. Некогда существовали торжественные ритуалы «приема в холостяки», подобные ритуалам для вступления в брак. Не будем забывать и о торжественном принятии обета безбрачия, так как религиозный целибат долгое время был основной формой безбрачия. Но и мирская холостая жизнь знала подобные церемонии: «прописка» в холостяки, означающая разрыв с детством, праздники Святой Екатерины – своеобразное посвящение в «старые девы». Сегодня средний возраст замужества для девушек – 28,6 года, и возраст «катеринки» (25 лет) больше не означает, что пора бояться одиночества. Средний возраст вступления в брак можно определить, но как определить средний возраст начала холостой жизни?

Сейчас лучше определить холостяка как человека, не живущего в паре. Таким образом, в ряды холостяков не будут записаны те, кто живет в неофициальных союзах:

постоянные сожители, те, кто заключил гражданский договор солидарности, сторонники свободных отношений. Но и здесь есть свои трудности: с какого момента можно считать, что неофициальные партнеры живут в относительно постоянном союзе, то есть составляют подобие супружеской пары? Кроме того, свободный союз может означать, что партнеры — принципиальные противники брака, а это скорее причисляет их к холостякам. Ну а модель, получившая в последнее время самое широкое распространение, — «сожительство без совместного проживания» — ускользает от какого бы то ни было статистического учета. И не скрыта ли ловушка в таком определении холостяка? Кто остается вне пары, понятой так широко? Одиночка.

Холостяк и одиночка

Безбрачие в широком смысле определяется как одинокая жизнь. На первый взгляд, это естественно. Критерием здесь может стать домашнее хозяйство, рассчитанное для одного. В одну группу можно объединить и холостяков, и разведенных, и вдовых, а также семьи из детей и одного родителя. Таким может быть современное представление о «новом холостяке». Но как отнестись к совместному проживанию в квартире с друзьями, сожительство с партнером без совместного проживания, длительное проживание на попечении родителей? Кроме того, само понятие одиночества уже не имеет того смысла, какой придавался ему в прошлом веке. Холостяк в гораздо большей степени, чем семейный человек, оказывается вписан в общественные структуры. «Стремление к обретению идентичности внутри коллектива [...] — необ-

ходимость, вызванная современностью, основанной на индивидуализме», — пишет Кауфман¹²⁴. Парадоксально, но в современном обществе «одиначество» можно скорее соотнести с супружескими парами, где партнеры полностью закрыты от внешнего мира.

Кроме того, жизнь в одиночестве не означает жизнь без привязанности и любви. Нынешняя мораль стала более свободной, и сексуальная жизнь перестала быть уделом только мужа и жены. Однако современная эпоха, предположившая, что супружеский союз может быть основан на любви, лишила холостяка его исконных привилегий. Напомню, что брак и любовь долгое время не имели ничего общего. «Дитя свободы», любовь, исторически связывалась с независимостью от уз, со стремлением к недостающему, с разлукой, которая способствует «кристаллизации чувств», с умением пользоваться сиюминутным счастьем — со всем тем, что традиционно связывается не с браком, а с холостой жизнью. Брак, который христианская мораль вознесла до священного таинства, не имеет ничего общего с романтической страстью, но сегодня все хотят от союза такой страсти. От Платона до Стендаля, от куртуазной любви до романтической большая любовь всегда была уделом холостяков.

Любовь-страсть — это вторжение необходимости в случайность. Встреча влюбленных — плод случайности — становится потребностью, связанной с внутренним миром и личностью партнеров. Брак выступает как превращение этой внутренней необходимости во внешнюю обязанность. Для многих эпох, в частности для концепций «куртуазной любви» XII века, брак несовместим с любовью. Обладание предметом желания уничтожает само желание. В мифе об андрогине Зевс разделил пополам

первое существо: поиск половинок бесконечен и никак не связан с браком, так как, отыскав друг друга, они становятся любовниками вне брака. Ну а разлука или препятствие усиливает любовь, закрепляя ее в сердце влюбленного.

Любовь вне брака долгое время оставалась способом свободно раскрыть лучшие качества и свойства любви. После восстановления развода, и в особенности развода по совместному согласию, после того как в XX веке широко распространилась женитьба по любви, брак перестал считаться долгом — всем хотелось, чтобы он превратился в необходимость. Более того, брак стал восприниматься как доказательство любви. Что же касается холостой жизни в ее современном понимании, то она рискует снова стать участью тех, кто склонен к связям на одну ночь, к «порханию» без будущего. Мы сейчас как нельзя далеки от воодушевленности Юзанна, который в 1891 году назвал холостяка «исключительным влюбленным», единственно способным дать женщине «высокую и опустошительную» любовь.

Вот опасность, которая грозит холостякам в будущем. Раньше холостяков считали неудачниками, эгоистами или гуляками. Сейчас эти представления ушли в прошлое, но клише искоренить не так-то просто. Превратив жизнь в паре (хоть и не в браке) в общественный идеал, пусть и временный, мы рискуем снова счесть одиночек неудачниками или «аномальными».

Итак, нужно решить, какое определение безбрачия и холостячества нам по душе. Умонастроение, которое проявляется как у одинокого человека, так и у женатого? Образ жизни, который добровольно выбирают навсегда или на время? Каждый имеет несомненное право на свое собственное безбрачие!

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Я начал проводить это исследование сразу после выхода моей книги «История брака на Западе» (1995), и тогда существовали только труды о церковном целибате. В 2000 году в Нью-Йорке вышла книга Элизабет Эббот «История целибата» (Abbot 2000). На французский язык эта работа была переведена – симптоматично – как «Всеобщая история целомудрия и целибата». Такое расширение названия (которое в данном случае не соответствует действительному содержанию книги) подчеркивает интерес к этой теме в нынешнюю эпоху, когда безбрачие уже не является ни синонимом целомудрия, ни частью института брака. Кроме античных исследований древнего целибата, зачастую предвзятых (Vosquet 1894; Cartier 1902), более современные работы интересуются историей целибата, но очень кратко (Knibiehler 1991; Kaufmann 1999), или специфическими вопросами (Borie 2002; Farge 1984).

² «European marriage patterns in perspective», Glass/Eversley, 1965, pp. 101–143. Поскольку исторические статистики намного сложнее, именно данная статистика, касающаяся возраста при вступлении в брак, позволила датировать появление этой модели.

³ Michèle Bordeaux, «Droit et femmes seules; les pièges de la discrimination», в: Farge, 1984, p. 23; Legrand, 1964, p. 14.

⁴ См. мою книгу *Histoire du mariage en Occident*, P. V, chap. III.

⁵ Gérard Vincent, в: Ariès/Duby, t. V, 1987, p. 286.

⁶ Couailliac, 1841, p. 109.

⁷ Colette, *La Vagabonde* (1910), 1984, t. 1, p. 1145.

⁸ Michelle Perrot, «En marge: célibataires et solitaires», в: Ariès/Duby, t. IV, 1987, pp. 287–303.

Глава 1. Древние культуры

¹ Isée, *Discours*, VII, «La succession d'Apollodoros», § 30, [1960], p. 136.

² Vocquet, 1984, p. 21.

³ Cheminade, 1884, p. 20.

⁴ Что касается древних цивилизаций, то за исключением европейских культур, которые мы рассмотрим более внимательно, Боке ссылается на индийские законы, согласно которым холостой человек исключался из права на наследство: Vichnou, XV, 32; Gautama, XXVIII, 43; Vāsishtha, XVII, 54 (p. 37); Manou, IX, 201, 202 (p. 41).

⁵ Cântiparva, Adhy, 157, цит. по Vocquet, 1894, p. 35.

⁶ Plutarque, *Vie de Lucullus*, 18, 3–8; 1964, t. VII, pp. 82–83.

⁷ Sad-dar, chap. 18, éd. West, 1987, pp. 278–281.

⁸ *Tanna* («образование») — учитель Мишны; первая часть Талмуда состоит из кодификации устного закона. Шимон бен Азай — учитель (*tanna*) третьего-четвертого поколения (II век н.э.). См. статью, посвященную ему В. Бакером в *Jewish Encyclopedia*, New York et Londres, Funk & Wagnalls, 1902, t. II, pp. 672–673.

⁹ *Aggadoth du Talmud de Babylone*, ordre Nachim, Ketouboth, 20–13, trad. A. Elkaïm-Sartre, Paris, Verdier, 1982, pp. 640–642.

¹⁰ *Midrach Rabba*, t. I, *Genuse Rabba*, chap. 34, § 14, trad. B. Maruani et A. Cohen-Arazi, Paris, Verdier, 1987, pp. 361–362.

¹¹ Legrand, 1964, p. 14, где цит. L. Köhler, *Der hebräische Mensch*, 1953, p. 76.

¹² Ben 'Azai, Talmud, *Yebamoth*, 62, 63, цит. по Vocquet, 1894, p. 56.

¹³ Schuhl, 1878, nos. 823, 825, t. 1, p. 292.

¹⁴ Rabbinowicz, 1880, t. 1, p. 87, *Jebamoth*.

¹⁵ *Ibid.*, p. 90, *Jebamoth*.

¹⁶ Plutarque, *Vies*, t. IV, «Pélopidas», § 3, 6 (1964, p. 137). Плутарх, Павсаний, Диодор Сицилийский, Корнелий Непот считают Эпаминонда холостяком. Только Полиен, историк,

внушающий мало доверия, ссылается на пикантные анекдоты о жене и сыне Эпаминонда. См. исследование Seran de la Tour, pp. 179–180. Два слова Корнелия Непота (*Epaminondas*, § 4, 1, 1992, p. 88) заставляют подозревать Эпаминонда в гомосексуальности. Как считается, царь Артаксеркс пробовал подкупить молодого человека, которого «очень любил» (*plurimum diligebat*) Эпаминонд. Ничто в этом кратком замечании не позволяет нам рассматривать этот случай из жизни Эпаминонда как нечто выходящее за границы того, что считалось нормальным и законным в то время, то есть зарождающуюся и временную педерастию, что было бы свободной интерпретацией этих двух слов Непота. Исключительная и продолжительная связь между мужчинами, нравственно предосудительная в сознании греков, не могла не быть поставлена ему в упрек.

¹⁷ Cornélius Népos, § 5, 5, 1992, p. 90.

¹⁸ Cornélius Népos, § 10, 1992, p. 94.

¹⁹ *Encyclopédie*, t. II, p. 803, s.v. *célibat*.

²⁰ В различных мифологиях основателем обычно является сын девственницы, чтобы обозначить разрыв с прежним порядком. Кофейнон (Caufeunon, 1926, p. 38) отмечает в восточных мифологиях бога Хака (Япония), бога Фо (Тибет), бога Саммокадама (Сиам) и, конечно, Будду Шакьямуни. Если мы встретим эту тему в некоторых греческих легендах (как легенду философа Пифагора), то заметим, что антропоморфизм допускает божественное вмешательство в чудесные рождения. Мать Ромула и Рема была посвященной девственницей, но девственности ее лишил бог Марс.

²¹ Слова Κρόνος (*Кронос*, имя бога) и χρόνος (*хронос*, время).

²² Uzanne, 1912, p. 29; 1890, pp. 7–9. Исходный тезис взят из *Grand Dictionnaire universel du XIX siècle* Пьера Ларусса (Borie, 2002, p. 67).

²³ Vocquet, 1894, p. 94. Артемида, правящая «на территории, где развернулась охота, вне города», также была богиней-девственницей, «нетронутой, как девственная природа, которую человек не окультурил». Jean-Louis Lambland, *L'oiseau nègre*, Paris, Imago, 2003, p. 98.

²⁴ Vocquet, 1894, p. 90, ссылка на Polybe, *Excerpt. Vatican.*, XII, 6.

²⁵ Plutarque, *Vie de Lycurgue*, XV, § 1–3; 1964, t. 1, pp. 140–141.

²⁶ L. XIII, 2, цит. по Cartier, 1902, p. 11, и Caillemer (Darembert et Saglio, 1877, t. I, p. 130).

²⁷ Кайемер (Caillemer) в Darembert et Saglio, 1877, t. I, p. 130 (s.v. *Agamiou graphê*) утверждает, ссылаясь на Стобея (Stobée; *Serm.* LXVII, 16), что предполагалось наказание атимией (лишением политических прав). Термин «атимия», однако, принадлежит афинскому праву (*ibid.*, s.v. *Atimia*, t. I, p. 521).

²⁸ См. Caillemer, *Agamiou graphê*, в Darembert et Saglio, 1877, t. I, p. 130 и Vocquet, 1894, p. 84. Речь идет о намеке Плутарха в *De amore proliis*, 3. Намеки на афинское действие *agamiou graphê* появляются в античной лексике и в перечне *graphai* у Поллукса.

²⁹ Platon, *Banquet*, 192b; 1992, p. 34.

³⁰ Во всяком случае, это то, что, как кажется, следует из отрывка о Динархе, который упрекает Демосфена в том, что тот принес присягу перед судом, поклявшись головами своих детей, хотя он и потерял до этого свою единственную дочь. *Contre Démosthène*, 71; 1990, p. 22.

³¹ Platon, *Lois*, l. VI, 721b–d; 1975, pp. 73–74.

³² Platon, *Lois*, 773e и 774a–c; 1975, pp. 138–139.

³³ Platon, *Lois*, l. XI, 923a; 1976, p. 23.

³⁴ Цит. по Vocquet, 1894, p. 96.

³⁵ Aulu Gelle, livre V, chap. 11; 1978, pp. 16–17.

³⁶ Platon, *Banquet*, 208e–209e; 1992, pp. 65–67.

³⁷ Он называет себя холостым в оде III, 8, которую можно датировать 29 годом до н.э. В этот момент ему 36 лет.

³⁸ Fustel de Coulanges, 1984, p. 51.

³⁹ Denys d'Halicarnasse, livre IX, chap. V, § 10 (1723, t. II, pp. 379–380). Этот случай произошел во время войн против жителей города Вейи (277 или 279 год от основания Рима). Фабийцы находились в осаде в Кремере, которую римляне основали для внимательного наблюдения за Тирренией. Жители тирренийских городов упрекали жителей Вейи в том, что те догово-

рились с римлянами о мире и потребовали у города, чтобы римляне устроили эвакуацию населения Кремеры. Голодные фабийцы вышли, чтобы дать сражение, и их жестоко убили.

⁴⁰ Dion Cassius, livre LVI, § 6; 1845, t. VIII, p. 21.

⁴¹ Marcus Furius Camilius и Marcus Postumius Albinus Regillensis. Факты взяты из Valère Maxime, livre II; chap. 9, § 1 (1995, t. I, pp. 205–206).

⁴² Aulu Gelle, livre IV, chap. 20; 1967, t. I, pp. 223–224. Эта формулировка была предназначена для того, чтобы отличить разведенных граждан.

⁴³ Valère Maxime, 1995, t. I, p. 131.

⁴⁴ Aulu Gelle, livre I, chap. 6, § 2; 1969, t. I, p. 30. Согласно Олю Желю, речь идет о Квинте Метелле Нумидийском, но, как и Август в своей речи против холостых граждан, он ссылается на знаменитую речь Квинта Цецилия Метелла Македонского, цензора в 131–130 годах (Tite-Live, *Periochae*, 59, 8–9). Современная критика находит ошибку у Олю Желля. Квиритами обозначают римских граждан (особенно невоенных).

⁴⁵ Plaute, *Miles gloriosus*, acte III, scène 1; 1990, t. IV, pp. 215–223.

⁴⁶ Tacite, livre XIII, chap. 52, § 2; 1990, t. IV, p. 54.

⁴⁷ Appien, *Sur les guerres civiles*, l. II; Plutarque, *Vie de César*, 55, 5; 1964, t. IX, p. 205; p. 285 — соответствующее примечание. Цифры, приведенные Плутархом, как кажется, соответствуют не переписи, а распределению припасов.

⁴⁸ Suétone, *Jules César*, chap. 42; 1992, t. I, pp. 56–58, chap. 20, *ibid.*, p. 26.

⁴⁹ Dion Cassius, livre LVI, § 1–10; 1845, t. VIII, pp. 5–31.

⁵⁰ Законы Августа не сохранились; они нам известны от Диона Кассия, Светония, Тацита и от юристов Мартина (l. XIX, *De ritu nupt.*), Гая (*Instit. Juris civilis comm.*, II, § 111, 144, 186), Ульпиана (*Liber singularis regularum*, t. XIV, *De poena legis Juliae*, t. XV, *De Decimi*, t. XIV, *De solidi capacitate...*, titre XVII, *De Caducis*), pub. Girard, 1890. Об этих законах см. Cartier, 1902, pp. 114–124; Girard 1978; Bocquet 1894; Lefebvre, 1900, pp. 99–129.

⁵¹ Gaius, *Instit. Juris civilis comm.*, II, § 111; 1991, p. 56; Dion Cassius, LX, 24, 3; 1866, t. VIII, p. 549.

⁵² Ulpian, *Liber singularis regularum*, t. XIV, *De poena legis Juliae*, Girard, 1890, t. I, p. 385.

⁵³ Интерпретация Жирара (Girard, 1978, p. 928). Согласно Картье (Cartier, 1902, p. 130), *solitarius pater* (разведенный вдовец с ребенком) не подпадает под действие закона.

⁵⁴ Ulpian, *Liber singularis regularum*, titre XVII, *De Caducis*, Girard, 1890, t. I, p. 386.

⁵⁵ Светоний (Suétone, *Auguste*, 44; 1992, t. I, p. 194) и Марциал (Martial, *Epigrammes*, V, 41) говорят о сохраняемых званиях для женатых мужчин, что Марциал запрещает внукам.

⁵⁶ *Sénatus-consulte de ludis saecularibus*, a. 787, éd. C. G. Bruns, *Fontes iuris romani antiqui*, Mohr, 1893, p. 183 (44). Ночные спектакли были запрещены для *iuvenes* со времен Августа (Suétone, *Auguste*, 31; 1992, t. I, p. 172).

⁵⁷ Ulpian, t. XVI, § 3; Girard, 1890, t. I, p. 386 (выбрана форма «Pernicien»).

⁵⁸ Dion Cassius, 1845, t. VII, p. 485.

⁵⁹ Tacite, L, XV, chap. 19; 1990, t. IV, p. 150.

⁶⁰ Gaius, II, § 286; 1991, pp. 89–90.

⁶¹ Tacite, livre II, chap. 51; 1990, t. I, p. 113.

⁶² Plutarque, *De l'amour de la progéniture*, 2 (*Œuvres morales*, 32), éd. et trad. Jean Dumortier, Paris. Les Belles Lettres (coll. «Budé»), 1975, t. VII, I, p. 185.

⁶³ Juvénal, *Satires*, IX, v. 82 sq., trad. J. Gérard, Paris, Les Belles Lettres, 1983 (coll. «Budé»), p. 118.

⁶⁴ Тот, кто отменил первое завещание вторым, в котором все наследники подпадали под действие закона Юлия. Наследники, указанные в первом завещании, не могли предъявить свои права (Gaius, II, § 144; 1991, p. 63).

⁶⁵ Tacite, livre III, chap. 28, § 3 (1990, t. I, p. 165) и livre III, chap. 25 (1990, t. I, pp. 162–163).

⁶⁶ Закон Константина сохранился в *Code théodosien* (435–438), livre VIII, titre 16, éd. Mommsen, 1905, t. I, 2. p. 418 и в *Code Justinien* (528–534), livre VIII, titre 58, *De infirmandis poenis caelibatus et orbitatis*, trad. Tissot, 1807, t. III, p. 475. Об этом законе см. так

же Eusèbe, *De Vita Constantini*, I. IV, chap. 26, P.G., t. 20, col. 1174; P.L., t. 8, col. 76. Закон, изданный в апрельские календы под 10-м консульством императора Констанция и 1-м консульством императора Константа; Константин, Констанций и Констант были императорами. В 534 году Юстиниан сурово осуждает закон Папия—Поппея, который он называет давно устаревшим (*Code*, livre VI, titre 51, éd. Tissot, 1807, t. III, p. 95).

⁶⁷ Daremberg et Saglio, 1877, t. II, 2, p. 1455 (s.v. *gallus*); t. III, p. 1419 (s.v. *lustratio*); t. V, p. 753 (s.v. *vestales*).

⁶⁸ Aulu Gelle, *Nuits attiques*, livre X, chap. 20, § 22–23; 1967, pp. 167–168.

⁶⁹ Daremberg et Saglio, s.v. *Vesta*, 1877, t. V, p. 746.

⁷⁰ О Филоне Александрийском см. Cottiaux, 1982, pp. 470–505.

⁷¹ О школе дхадов, богатую библиотеку которой нашли в Кумране, и о мыслях, которые подтолкнули группу исследователей отказаться от традиционной идентификации с ессеями, см. Michael Wise, Martin Abegg Jr. et Edward Cook, *Les Manuscrits de la mer Morte*, trad. Fortunato Israël, Paris, Perrin, 2003, pp. 22–46. Ссылки, приведенные в манускриптах Кумрана, отсылают к этому изданию.

⁷² Eusèbe, *Préparation de l'Évangile*, I. VIII, chap. XI, P.G., t. 21, col. 644C. Несохранившийся отрывок, который принадлежит Филону.

⁷³ Cottiaux, 1982, pp. 429–498.

⁷⁴ Coppens, 1978, pp. 295–303. Коппен, работе которого мы следуем в этом абзаце, приписывает ессеям тексты из Кумрана.

Глава 2. Христианская революция

¹ Об этом см. Abbot, 2000, pp. 54–55.

² Bologne, 1995, pp. 79–88. Об этом вопросе см. Marie-Odile Métral, *Le Mariage, les hésitations de l'Occident*, Paris, Aubier-Montaigne,

1977; Charles Munier, *Mariage et virginité dans l'Eglise ancienne (Ier–IIIe siècle)*, Berne, Peter Lang, 1987; Emile Schmitt, *Le Mariage chrétien dans l'œuvre de saint Augustin*, Paris, Institut d'études augustiniennes, 1983.

³ *Sed apud Adam nondum maritum, nondum aures sibi debentem...* («Перед Адамом, который не был еще ее мужем и не обязан был выслушивать все подряд...», Квинт Септимий Флорент Тертуллиан. Избранные сочинения. М.: Прогресс, 1994. С. 320–333. Пер. Ю. Панасенко). Tertullien, *Liber de patientia*, chap. V, в: Migne, P.L., t. 1, col. 1257. О цитатах из письма своей супруге см. Tertullien, 1980.

⁴ Tertullien, *Exhortation à la chasteté*, chap. IX, 4, trad. J.-C. Fre-douille, Paris, Cerf, 1985, p. 101 (*Sources chrétiennes*, n° 319).

⁵ О Тертуллиане см. T. D. Barnes, *Tertullian, a Historical and Literary Study*, Oxford, Clarendon Press, 1971; René Braun, *Approches de Tertullien*, Paris, Institut d'études augustiniennes, 1992; Marie Turcan, «Le mariage en question, ou les avantages du célibat selon Tertullien», *Mélanges Boyancé*, Rome, 1974, pp. 711–720.

⁶ Tertullien, *Exhortation à la chasteté*, chap. XIII, 4, op. cit., p. 117.

⁷ Actes de Pierre, «La fille de Pierre et Ptolémée», Bovon, 1997, t. I, pp. 1049–1051.

⁸ Augustin, *Du bien conjugal*; Thomas d'Aquin, *Somme théologique*, IIIa, q. XLI (искушение Христа); IIa IIae, q. 151 и 152 (воздержание и девственность); IIa IIae, q. 186, § 4 (воздержание монахов).

⁹ Abbot, 2000, p. 61.

¹⁰ Fournier, 1978, t. III, p. 1013. Речь идет о Пьере Мори, который не заинтересован в браке, поскольку с законной супругой грешат так же, как и с любой другой женщиной. Он женился поздно, не обвенчавшись, и позволил другу-катару расторгнуть свой «брак» несколько дней спустя (*ibid.*, pp. 918, 975).

¹¹ Actes de Paul, III, Bovon, 1997, t. I, pp. 1129–1133.

¹² Actes de Philippe, I, 3, Bovon, 1997, p. 1191.

¹³ Bovon, 1997, t. I, pp. 879, 945.

¹⁴ На эту тему см. Bologne, 1995, pp. 84–88 и особенно Emile Schmitt, *Le Mariage chrétien dans l'œuvre de saint Augustin*, op. cit.

¹⁵ *De conjugis adulterinis*, II, chap. XX, 22, в: Migne, P.L., t. 40, col. 486. Трактат был написан ок. 419 года. Письма Синезия были опубликованы и переведены А. Гарзя (A. Garzya, *Synésios*, 2000).

¹⁶ Об истории церковного celibата см. Naz, s.v. *celibat des clercs*; Esmein, *Le Mariage en droit canonique*, 1929, t. I, pp. 299–334; Cabrol/Leclercq, 1908, s.v. *celibat*. О современном положении церкви см. Solesmes 1984; Stickler 1988; *Code de droit canonique*, 1983. Напомним, что духовенство (клир) делилось на тех, кто живет по орденскому уставу и приносит орденские обеты (монахи и монахини, каноники) и «епархиальное духовенство», живущее вне орденских правил (епископы, кюре и пр.). Таинство священства, теоретически, могло быть совершено над «орденским» и над «епархиальным» духовенством, но на практике относилось только к «епархиальному» клиру. «Епархиальный клир» имел семь чинов, разделенных на две группы: низшие чины или причетники: привратники, чтецы, аколиты, экзорцисты, иподиаконы – и высшие чины: диаконы, епископы и пресвитеры (священники). Реформа Павла VI упразднила низшие церковные чины: чтецы или аколиты больше не принимают таинство священства, они просто устанавливаются и могут быть мирянами и женатыми людьми; также был упразднен иподьяконат, зато епископы стали принимать таинство священства. Таким образом, на данный момент церковные чины – это епископы, диаконы и пресвитеры.

¹⁷ Ambroise, II Co 11, 2, в: Migne, P.L., t. 17, col. 320.

¹⁸ Tertullien, *De monogamia*, VIII, 4; 1988, pp. 165, 167.

¹⁹ Jacques de Voragine, 1967, t. I, p. 386 (Pétronille); t. I, pp. 330–331 (Philippe).

²⁰ Clément d'Alexandrie, *Stromates*, III, 12 (P.G., t. 8, col. 1191). Каброль и Леклерк опубликовали 8 эпитафий епископов и 17 эпитафий женатых священников, сочиненных в первые века н.э. (Cabrol/Leclercq, t. II, 2, col. 2823 ss., s.v. *celibat*).

²¹ Jérôme, *Contra Vigilantium*, § 2, в: Migne, P.L., t. 23, col. 341.

²² Mansi, t. II, col. 1099–1111, canon 4 (*Si quis de presbytero qui uxorem duxit, contendat, non oportere [sic] eo sacra celebrante oblatoni communicare, sit anathema*), 9 (*Si quis virgo sit, vel continens, a matrimonio tamquam abominando recedens, & non propter ipsam virginitatis pulchritudinem & sanctitatem, sit anathema*), 10 (*Si quis propter Deum virginitatem professus, in conjugio positos per arrogantiam vituperaverit, anathema sit*), 21. Каноны сохранились в четырех версиях с существенными разночтениями.

²³ Concile d'Elvire, canon 33 (Mansi, t. II, col. 10–11).

²⁴ Migne, P.L., t. 13, col. 1139 C. Эта ссылка на раннехристианский закон содержится не во всех манускриптах.

²⁵ Письмо II святому Виктрицию, епископу Руанскому (395–418), § 9, в: Migne, P.L., t. 20, col. 476.

²⁶ Stickler, 1998, p. 27.

²⁷ Concile d'Hippone, 333, canons 22, 28; Hefele, 1973, t. II, 1, pp. 87, 88.

²⁸ Canon 4: «*Ut clericus, cui nubendi datur licentia, internuptam non accipiat uxorem; quod si fecerit, ultimum in officio clericali teneat locum*». *Corpus christianorum, Series Latina*, t. 148, *Consilia Galliae*, 314–506, p. 145.

²⁹ Justinien, *Code*, livre I, chap. III, loi 44, éd. Krueger, 1877, p. 30. Бодри-Лакантинери (Baudry-Lacantinerie, 1900, t. II, p. 177) считает, что император мог сам отменить это распоряжение, которое в любом случае не было принято на Западе.

³⁰ Письмо папы Захария Пипину Короткому, q. 11, в: Migne, P.L., t. 89, col. 934.

³¹ Jacques Voisenet, «Figure de la virginité ou image de la paillardise: la sexualité du clerc au Moyen Âge», *Le Clerc au Moyen Âge*, 1995, p. 572.

³² Grégoire de Tours, livre VIII, § 19, livre VI, § 36; 1995, t. II, pp. 149, 55–59.

³³ Hefele, 1973, t. I, pp. 327 (Néocésarée), 312 (Анцусре), 536 (Нисée). Интерпретация знаменитого третьего канона очень спорная. Он категорически запрещает духовные браки (с сест-

рой-монахиней), возможности «грехопадения» у клириков, воодушевленных лучшими намерениями, но в нем нет ни слова о законных супругах. Он позволяет жить вместе с женщинами «выше всяких подозрений», но по выразительности документа кажется, что выбор супруги невозможен. Вмешательство епископа Пафнутия Египетского, закреплявшего с 325 года закон, принятый в 692 году, несомненно апокрифично, но свидетельствует о мысли, идущей в том же направлении с V века — времени, в которое она появилась у Сократа и Созомена. См. Stickler, 1998, pp. 63–66.

³⁴ Hefele, 1973, t. III, 1, pp. 560–578.

³⁵ [...] *exulavi, patriam et parentum larem utpote puer inscius deserui: haud propria voluntate vel aliqua inedia cogente perpetravi — nam verum ut fatear, genitores mei illis temporibus ditissimi erant — sed sane Ricuardi avunculi mei totum actum est qui me iacentem adhuc in cunis a matre mea sibi dari postulaverat, quae fuit eiusdem germana.* Lamberti Waterlos, *Annales Cameracenses*, année 1115, M. G. H. *Scriptores*, t. 16, p. 512.

³⁶ Flandrin, 1983, p. 42.

³⁷ Moschus, *De vitis patrum liber decimus*, 1, 3, в: Migne, P.L., t. 74, col. 124b.

³⁸ Hincmar, *De diuortio Lotharii regis et Tetbergae reginae*, в: Migne, P.L., t. 125, c. 689.

³⁹ Hefele, 1973, t. IV, 2, p. 919.

⁴⁰ Если юридические термины не используются, текст понятен: *separentur, matrimonium non esse censemus* («служители церкви пусть будут разделены; мы считаем, что это не брак»). Concile de Latran II (1139), canon 7, Mansi, t. 21, col. 527–528. Менее ясные указания появляются уже во время соборов в Реймсе (1119) и первого собора в Латеранском дворце (1123) (Baudry-Lacantinerie, 1900, t. II, p. 178).

⁴¹ На этот аргумент еще будут ссылаться в конце XIX века, когда celibat священников снова станет объектом живой полемики. О нем сообщает Ларманди (Larmandie, 1904, p. 73).

⁴² Jean de Meung, vv. 19619–19625, 1974, p. 520.

⁴³ Champion, 1913 (1984), t. 1, pp. 97–98.

⁴⁴ См. резюме, которое приводит Николь Гриви-Пон в своем введении к трактату Гийома Сенье.

⁴⁵ «*Sacerdotibus magna ratione sublatis nuptias maiori restuendas uideri*», *Platinae historici liber de vita Christi ac pontificum omnium*, éd. J. Vercelesensis, 1485, без нумерации страниц, конец главы о Пие II.

⁴⁶ La Chèvre, 1909–1928, t. XIII, pp. 127–204.

⁴⁷ Session XXIV, canon 9, 1563. Hefele, 1973, t. X, pp. 552–553; Mansi, t. 33, col. 151.

⁴⁸ Session XXIII, décret de réformation, chap. 18, 1563. Hefele, 1973, t. X, pp. 501 sq.; Mansi, t. 33, col. 146 sq.

⁴⁹ Stickler, 1998, pp. 55, 86, 87, 91 (цитата Иоанна Павла II). См. также *Code de droit canonique*, canon 277, § 1 (p. 204).

⁵⁰ См. в Solesme 1984: Benoit XIV, *Ad nuptiale convivium*, 29 juin 1756 (цит. p. 103); Pie XII, *Sacra virginitas*, 25 mars 1954 (цит. pp. 15, 111); Paul VI, *Sacerdotalis coelibatus*, 24 juin 1967 (цит. pp. 112–115) и *Evangelica testificatio*, 29 juin 1971 (цит. p. 102).

⁵¹ Larmandie, 1904, pp. 72–73.

⁵² См. аудиенции Иоанна Павла II (1982) в: Solesme, 1984, pp. 22–26.

⁵³ Abbé Prévost, *Œuvres*, éd. P. Berthiaume et J. Sgard, Presses universitaires de Grenoble; 1978, t. I, p. 375.

⁵⁴ Flandrin, 1993, pp. 272–279.

⁵⁵ О Франсуа Пари см. [Barthélémy Doyen], *Vie de Monsieur de Pâris diacre du diocèse de Paris*, 1731; Paul Valet, *Le Diacre Pâris et les convulsionnaires de Saint-Médard*, Paris, Champion, 1900.

⁵⁶ Mémoire de l'abbé de Saint-Pierre, *l'Encyclopédie de Diderot/d'Alembert*, art. «célibat», t. II, p. 805.

⁵⁷ Voltaire, *Dictionnaire philosophique*, art. «abbé».

⁵⁸ *Le Triomphe des bonnes mœurs sur le faux honneur célibataire, discours de Pierre Dolivier, curé de Mauchamp, à ses paroissiens, pour les disposer à son mariage, légalement contracté le 7e Novembre, l'an premier de la République Française*, Etampes, chez Dupré [1792].

⁵⁹ *A nosseigneurs des états généraux, mémoire sur le célibat des curés de campagne (1789), Lettres sur le célibat des prêtres, par un jeune homme à qui cette institution a fait quitter l'Etat ecclésiastique*, par M. Le Fèvre de Meaux (1789).

⁶⁰ *Motion faite dans l'Assemblée générale du District de Saint-Etienne-du-Mont, pour le mariage des Prêtres*, [par l'abbé de Cournand], 18 décembre 1789, pp. 6–7.

⁶¹ *Contrat de mariage du sieur Remi Vinchon, curé d'Herbisse, du diocèse de Troies*, s.l., s.e., s.d. Этот контракт, опубликованный в газетах того времени, вызвал полемику, отрывки которой мы можем найти в: *Annales révolutionnaires*, t. II, 1909, pp. 567–568, t. IV, 1911, pp. 372–374.

⁶² *Le Mariage des prêtres, ou Récit de ce qui s'est passé à trois séances des assemblées générales du district de Saint-Etienne-du-Mont...* (1790), pp. 10, 44–45.

⁶³ Жан-Поль Рабо Сен-Этьен (1743–1793), сам сын пастора, посвященный в сан в 1764 году, женился в 1768 году, был председателем Национального собрания с 15 марта по 1 апреля 1790 года. См. André Dupont, *Rabaut Saint-Etienne*, Paris–Genève, Labor et Fides, 1989 (1946), особенно p. 94.

⁶⁴ Duvergier, t. I, p. 100 (декрет от 13 февраля 1790 года) и t. III, p. 242 (Конституция от 3 сентября 1791 года, titre II, art. 7).

⁶⁵ Цифры определены после рассмотрения заметок из Lemaу 1991. Конечно, гипотеза состоит в том, что члены духовенства, о браке которых у нас нет упоминаний, остались холостыми. Даже если это так (брак назначенного клирика имеет больше шансов быть упомянутым), гипотеза остается гипотезой.

⁶⁶ См. Baudry-Lacantinerie, 1900, t. II, pp. 182–184 и Juris Classeur Dalloz, *Civil*, 2002, 144 à 147, fasc. 10, p. 26, § 100.

⁶⁷ Le Fort, 1867, pp. 475–476.

⁶⁸ Garnier, 1875, pp. 320–328.

⁶⁹ *Ibid.*, pp. 302–303, 331–338.

⁷⁰ Jehan Le Brun, *Registre criminel du Châtelet de Paris, 1861*, t. I, p. 53.

⁷¹ Albert Camus, *L'Étranger* (1942), Paris, Gallimard, 1994, p. 169.

Глава 3. Средневековые модели

¹ Письмо папы Захария опубликовано в: Migne, P.L., t. 89, col. 930–938. Именно из этого ответа папы мы знаем о просьбе Пипина Короткого.

² «*Ut omnes homines laici publicas nuptias faciant, tam nobiles, quam ignobiles*» (canon XV, Mansi, t. XII, col. 583). Только первые 12 канонов содержатся в наиболее достойном доверия манускрипте; канон XV скорее всего написан несколько позже проведения синода.

³ Pierre Toubert, «Le moment carolingien», в: Burguière e.a., 1986, t. I, p. 359.

⁴ Jonas d'Orléans, *De institutione laicali*, в: Migne, P.L., t. 106, col. 122–123.

⁵ О проблемах, поставленных этими полиптихами, см. P. Toubert, в: Burguière e.a., 1986, t. I, pp. 336–345; Emily R. Coleman, «Medieval Marriage Characteristics; A Neglected Factor in the History of Medieval Serfdom», *The Journal of Interdisciplinary History*, t. II, 1971, pp. 205–219.

⁶ Исходя из *Le polyptique et les listes de cens de l'abbaye de Saint-Rémi de Reims (IXe–XIe siècle)*, éd. critique par Jean-Pierre Devroey, travaux de l'Académie nationale de Reims, t. 163, 1984, pp. 64–67.

⁷ Регламентарный надел для одной семьи (*mansus integer*, целый манс) со времен Людовика Благочестивого измерялся 12 боньерами (16,62 га). Предназначенный для раздела на семью, с ростом населения он часто делился на две или четыре части. В зависимости от региона его площадь занимала от 5 до 30 га.

⁸ Georges Duby, *Guillaume le Maréchal ou le Meilleur Chevalier du monde*, Paris, Fayard, 1984, p. 93. *L'Histoire de Guillaume*, переложённая в стихи Жаном Ле Трувером, была опубликована Полем Мейером в серии «Société de l'Histoire» (Paris, 1891–1901). Следующие цитаты взяты из Duby, pp. 138, 152.

⁹ Russel, p. 36. Демографический рост продолжался в некоторых странах с 650 года и более заметно — во Франции начиная с 1000 года.

¹⁰ Heers, 1993 (1974), p. 82. Об этом пункте см. *ibid.*, pp. 81–90.

¹¹ Упрек Адовардо в: L.B. Alberti, *I libri della famiglia*, livre I, éd. R. Romano et A. Tenenti, Turin, Einaudi, 1969 (1994), p. 41.

¹² Duby, 1973, p. 214. Об этом абзаце см. статью «Les “jeunes” dans la société aristocratique», pp. 213–225.

¹³ Charles de La Roncière, в: Ariès/Duby, 1985, t. II, p. 297.

¹⁴ См. Georges Duby, «A propos de l'amour que l'on dit courtoise», *Mâle Moyen Âge*, pp. 74–82 (цит. p. 78); см. также Duby, 1999, ch. XI, «littérature»; 1973, pp. 222–223; Monique Santucci, «Amour, mariage et transgression dans le Chevalier au lion ou Il faut transgresser pour progresser», *Amour, mariage et transgression au Moyen Âge*, Göppingen, Kümmerle Vlg, 1984, pp. 161–171.

¹⁵ Duby, 1999, p. 158.

¹⁶ Юристы классической эпохи считали, что от усыновления отказались в IX–X веках, и это мнение продолжает существовать. См. Gutton, 1993, *passim*, особенно pp. 13 sq. Франк Руми (Franck Roumy, *L'Adoption dans le droit savant du XIIIe au XVIIe siècle*, Paris, LGDJ, 1998), напротив, показал, что усыновление постоянно подразумевается в средневековых текстах. На практике, как кажется, оно встречается редко, но возможны другие виды искусственного родства (pp. 189, 198–214). Об усыновлении, разрешенном холостым и клирикам, см. pp. 138, 156.

¹⁷ Olivier-Martin, 1948, § 199, p. 268.

¹⁸ Его свидетельство опубликовано в томе III Fournier, 1978, pp. 914–1032. Однако его имя появляется и в других положениях, особенно у Арно Сикра и Гийома Морса. Цит. pp. 759 («Et pourtant...»), 971 («pas de quoi...»), 973 («vivre pour son compte»), 971 («Je lui répondis...»), 918 («il nous ordonna»). См. также Emmanuel Le Roy Ladurie, 1982, pp. 133–196.

¹⁹ Цит. по Le Roy Ladurie, 1982, p. 178.

²⁰ *Registre criminel du Châtelet de Paris*, 1861, t. I, pp. 52–73.

²¹ Со времени Высочайшего указа 1438 года бесхозное имущество полагалось людям, имеющим ученую степень университета. Две трети этих людей были занесены в список университета, что подтверждали особые рекомендательные пись-

ма. Так и произошло в случае Вийона. Об этом см. Champion, 1913 (1984), t. I, pp. 39–43. Я ссылаюсь на произведения Вийона по l'éd. Mary, Paris, Garnier-Flammarion, 1965.

²² Léo Moulin, *La Vie des étudiants au Moyen Âge*, Paris, Albin Michel, 1991, pp. 51–52.

²³ «*Si habeat beneficium corone, coronam habeat talem, nec super hoc poterit aut debeat reprehend*», *Chartularium universitatis parisiensis*, 1891 (n° 201, t. I, p. 228).

²⁴ Arthur Christian, *Etudes sur le Paris d'autrefois, Les juges, le clergé*, Paris, Roustan, Champion, 1904, p. 79.

²⁵ Yves Grava, «Le clerc marié», *Le Clerc au Moyen Âge*, 1995, pp. 238–239.

²⁶ Marie-Thérèse Lorcin, «Les clercs notaires dans les testaments foréziens des XIVe et XVe siècles», *Le Clerc au Moyen Âge*, 1995, pp. 387–397, цит. p. 390.

²⁷ Danielle Jacquart et Claude Thomasset, *Sexualité et savoir médicale au Moyen Âge*, Paris, PUF, 1985, pp. 38–40.

²⁸ *Chartularium universitatis parisiensis*, 1891, n° 565 (t. II, p. 39).

²⁹ Этот трактат опубликован в *Adversus Jovinianum*, I, 47 (Migne, P.L., t. 23, col. 276–278).

³⁰ Я привел в доказательство несколько примеров, взятых у Эсташа Дешана, Ламберта Заики, Элоизы, в моей книге *Histoire du mariage en Occident*, Paris, Jean-Claude Lattes, 1995, p. 158. См. выше, с. 30 и ниже, pp. 260–269.

³¹ О врачах в Средние века обобщенно см. Jacquart 1981 и Delaunay 1948.

³² Jacquart, 1981, p. 380.

³³ *Chartularium universitatis parisiensis*, 1891, n° 909 (t. II, p. 341) и 1403 (t. III, p. 222).

³⁴ Dubarle, 1844, t. I, p. 261; Tuilier, 1994, t. I, p. 246–248; Wickersheimer, 1979, t. I, pp. 97–98.

³⁵ Dubarle, 1844, t. II, p. 32.

³⁶ Tuilier, 1994, t. I, pp. 425, 461.

³⁷ Charles Jourdain, *Histoire de l'Université de Paris au XVIIe et au XVIIIe siècle*, Paris, Hachette, 1888, t. I, pp. 466–468.

³⁸ Caradeuc de La Chalotais, 1763, p. 18.

³⁹ Loi du 11 floréal an X, titre IV, art. XVIII, *Bulletin des Lois*, n° 186, p. 220. Décret du mars 1808, titre XIII, n° 185, p. 164.

⁴⁰ Orderic Vital, *Historia ecclesiastica*, I. VII, éd. A. Le Prévost, Paris, Renouard, 1845, t. III, p. 168.

⁴¹ Norwich, 1981, pp. 223–227, 251.

⁴² Pierre Lombard, *Sentences*, I. IV, dist. XXX, 4, в: Migne, P.L., t. 192, col. 918, «*de causa finali conjugii*».

⁴³ Duby, *Le Chevalier, la femme et le prêtre*, 1999, p. 47.

⁴⁴ Dom Léon Guilloreau, «Anne de Bretagne, quelques détails relatifs à sa captivité», *Revue de Bretagne et de Vendée*, t. XXXVII, 1907, pp. 257–275, 326–336.

⁴⁵ См. Bologne, 1995, pp. 105–107.

⁴⁶ Однако Монтень не точен: он присутствует на церемонии Фомина воскресенья (ок. 1235), датированной в его дневнике между 31 марта (приступ рези) и 3 апреля (отъезд в Рим). Пасха в 1581 году была 26 марта, Благовещение – 3 апреля (оно отмечается на следующий день после Фомина воскресенья). Следует заключить, что церемония имела место в воскресенье, что объясняет путаницу Монтеня.

⁴⁷ Montaigne, journal de voyage, *Œuvres complètes*, Paris, Gallimard, coll. «Bibliothèque de la Pléiade», 1962, pp. 1235–1236. О церемонии см. Carlo Bartolomeo Piazza, *Emerologia di Roma christiana, ecclesiastica e gentile*, t. I, 1713, p. 210; Carlo Bartolomeo Piazza, *Eusevologio romano, ovvero delle opere pie di Roma*, Roma, 1698, t. I, tr. VI, c. XXXV, pp. 422–425.

⁴⁸ Herlihy/Klapisch-Zuber, 1978, p. 404.

⁴⁹ Обе истории см. Francesco da Barberino, 1995, pp. 31, 42.

⁵⁰ Norwich, 1981, pp. 45–64.

⁵¹ *Recueil des historiens de la France*, t. XXIV, 1, p. 342.

⁵² *Ibid.*, pp. 49, 44, 85.

⁵³ Géraud, 1837, *passim*, pp. 36–37.

⁵⁴ Margaret Wensky, «Women's Guilds in Cologne in the Later Middle Ages», *Journal of European Economic History*, t. 11, 1982, p. 647.

⁵⁵ *Recueil des historiens de la France*, t. XXIV, 2, pp. 486–487.

⁵⁶ Margaret L. King, «The Religious Retreat of Isotta Nogarola

(1418–1466): *Sexism and Its Consequences in the Fifteenth Century*», *Signs*, III, 3, 1978, pp. 807–822, цит. pp. 807, 810.

⁵⁷ Fournier, 1978, t. III, p. 197.

⁵⁸ О бегинках см. Naz, t. 2, col. 277–287; M. Lauwers et W. Simons, *Béguins et béguines à Tournai au bas Moyen Âge*, Louvain-la-Neuve, 1988.

⁵⁹ Joseph Geldolpho a Ryckel, *Vita s. Beggae*, Louvain, C. Coenestenius, 1631, pp. 203–205.

Глава 4. Новое время

¹ Muchembled, 1983, p. 92.

² Rossiaud, 1976, pp. 71–72.

³ Delay, 1987, p. 508.

⁴ Эти и другие игры перечислены в Pellegrin, 1982, pp. 153–200.

⁵ Muchembled, 1983, p. 91.

⁶ Muchembled, 1988, p. 298. По этой теме см. pp. 294–315; также Rossiaud 1976; Pellegrin 1982; Muchembled 1983; Davis 1979; Delay 1987.

⁷ Chr. Vandenbroeke, «Het seksueel gedrag der jongeren in Vlaanderen sinds de late 16de eeuw», *Bijdragen tot de Geschiedenis*, 62e année, 1979, pp. 193–230, résumé par Muchembled, 1988, pp. 318–320.

⁸ Philippe Ariès, *L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime* (1960), 1973, pp. 48–50.

⁹ По поводу происхождения рассуждений о мастурбации см. *Annales Economies, Société, Civilisations*, août 1974, p. 1016; Flandrin, 1993, p. 206. Об инфибуляции см. Thévenin, «Traité des opérations de chirurgie», *Œuvres*, 1658, chap. 63, p. 81; Thévenin, *Traité des opérations de chirurgie, démontrées au jardin royal*, Paris, Laurent d'Houry, seconde édition, 1714.

¹⁰ Менетра с 1764 по 1802 год выпускал газету. Она хранилась в Исторической библиотеке Парижа и была опубликована Даниэлем Рошем в 1982 году.

¹¹ *Compagnonnage*, n° 523, novembre 1987; *Encyclopédie du compagnonnage*, Rocher, 1998, s.v. *femmes*.

¹² Об этой легенде рассказано в: Omer Englebert, *La Fleur des saints* (1946), Paris, Albin Michel, 1984, p. 383. См. Jacques de Voragine, 1967, t. II, pp. 386 sq.

¹³ Pierre Barret, Jean-Noël Gurgand et Claire Tiévant, *Almanach de la mémoire et des coutumes*, Paris, Hachette, 1980, 25 novembre. Песня на манер «Martyre de sainte Catherine» (XVIII в.?) опубликована в: Davenson, 1946, p. 260.

¹⁴ Пословицы собраны в: L. Dufour, *Calendriers et croyance populaires*, Paris, Maisonneuve, 1978, pp. 224–226.

¹⁵ Clark, 2000, p. 194.

¹⁶ «[...] within some months of either side of 21, unmarried and resolved not inconsiderately to rush into a state of life [which] even the wisest cannot foresee whether it shall be more happy or miserable, without making the trial», Clark, 2000, p. 205.

¹⁷ Clark, 2000, pp. 205–206.

¹⁸ Suchon, 1700. См. также по этой теме Geffriaud Rosso, 1988, pp. 669–678.

¹⁹ Suchon, 1700, t. I, p. 2. Следующая цитата взята из обращения к читателю, не пронумеровано.

²⁰ В. С.-F. Vergnaud-Romagnési, *Mémoire sur les fausses Jeanne d'Arc*, Orléans, Pagnerre, 1854 (впервые опубликованы заметки о трех воинственных женщинах, две из которых замужем). Стефани Шандле (Stéphanie Chandler, *La Revue belge*, 1930, I, pp. 53–63) упоминает о двух других, но не называет источники.

²¹ Четыре песни, приведенные по этой теме в: Davenson, 1946, n° 62 à 65, pp. 373–380, принадлежат тому времени.

²² Rabelais, «Tiers Livre», chap. 30, *Œuvres*, éd. J. Boulenger, Paris, Gallimard, coll. «Bibliothèque de la Pléiade», 1951, p. 460.

²³ Pothier, 1822, t. VII, pp. 435, 447.

²⁴ Loysel, 1846, 178, t. I, p. 207.

²⁵ Coutume de Paris, éd. P. Le Maistre, 1741, p. 161, art. 223. Это мнение принадлежит адвокату Буржону, XVIII век, цит. по Olivier-Martin (1948, § 490, p. 654): «здоровая неспособность» женщины делает общество убежищем «неопытности, легкомыслия и женских капризов». Потье более осторожен. В разных случаях, где власть мужа осуществляется или не осуществляется, см. Pothier, 1822, t. VII: женщина приходит в суд, если муж отсутствует (p. 439), в случае конфликта, подвергающего опасности личные интересы женщины (p. 439), в случае слабоумия мужа (p. 445) или если неизвестно, что стало с мужем (p. 446). Тогда женщина может сама управлять принадлежащей ей торговлей (p. 443), и она вновь обретает свою власть, если муж лишился гражданских прав (p. 445). Таким образом, согласно Потье, власть мужа отличается от власти над несовершеннолетней, поскольку она не основана на слабости разума, «так как у замужней женщины разум более слаб, чем у незамужней или вдовы, которым не нужно разрешение» (p. 436). Это различие остается как минимум очень умозрительным.

²⁶ Loysel, 1846, 109, t. I, p. 148.

²⁷ Pothier, «Traité des Personnes», *Œuvres*, 1822, t. XIII, pp. 429–434.

²⁸ Michèle Bordeaux, «Droit et femmes seules. Les pièges de la discrimination», в: Farge, 1984, pp. 27–28.

²⁹ Denis le Chartreux, цит. по L. Hoest, 1990, p. 82.

³⁰ Marie de Gournay, *Egalité des hommes et des femmes* (1622), 2002, t. I, pp. 987–988. О Мари де Гурне см. также Mario Schiff, *La Fille d'alliance de Montaigne, Marie de Gournay* (1910), Genève, Slatkine, 1978 и *Marie de Gournay, fragments d'un discours féminin, textes établis, présentés par Elyane Dezon-Jones, José Corti*, 1988.

³¹ Furetière, 1958, pp. 1010–1011.

³² Pure, 1938, t. I, p. 116.

³³ Цитаты этого абзаца: Pure, 1938, t. II, pp. 50, 54, 114. История о «притворной жеманнице» — в t. II, pp. 128–138.

³⁴ Maître, 1999, pp. 582, 584.

³⁵ *L'Eschole des filles* (1657), 1672, pp. 194–195 (опасности красоты), 195–197 (посредственность ума), 198–201 (условия, чтобы остаться в девушках).

³⁶ Эти два примера из лексики и языка Мольера (éd. Ch. Livet, 1897) и Расина (éd. P. Mesnard, 1888), s.v. *Madame ou Mademoiselle*.

³⁷ Ghislaine Andréani, *Le Nouveau Savoir-Vivre*, Paris, Hachette, 1987, p. 123.

³⁸ *Ibid.*, p. 138.

³⁹ Дата рождения варьируется от 1616 до 1623 года, упоминание крещения Нинон в 1620 году может показаться определяющим, но оно оспаривается свидетельством самой Нинон. См. Duchêne 1984, Debriffe 2002 и Tallemant des Réaux, 1961, t. II, pp. 440–449. Если нет других пометок, то цитаты взяты у биографа Нинон Таллемана де Рео.

⁴⁰ Duchêne, 1984, p. 14.

⁴¹ *Ibid.*, pp. 152–153.

⁴² *Remarques journalières et véritables de ce qui s'est passé dans Paris et ailleurs les années 1648-1657*, рукопись из Национальной библиотеки Франции, цит. по Tallemant des Réaux, 1961, t. II, p. 1288, note 3. Ср. Duchêne, p. 304, n° 4, p. 58. Событие происходит между 10 и 22 марта 1656 года. У Дюшена «старая» означает «опытная».

⁴³ Duchêne, 1984, p. 196.

⁴⁴ Lebrun de la Rochette, 1643, цит. по Michèle Bordeaux, «Droit et femmes seules. Les pièges de la discrimination», в: Farge, 1984, p. 24.

⁴⁵ Tallemant des Réaux, 1961, t. II, pp. 452-457.

⁴⁶ Tallemant, в: Duchêne, 1984, p. 141. История Шарлотты де Монморанси и Генриха IV рассказана в: Bassompierre, *Mémoires*.

⁴⁷ La Chèvre, 1909–1928, t. XIII, p. 12. Франсуа Пайо де Линьер (1626–1704), сын советника короля, более известен как друг Сирано де Бержерака, который защитил его от сотни забияк в драке, увековеченной Эдмоном Ростаном. В отличие от большого количества распутников того времени, которые мирились с религией перед смертью, он закончил жизнь пьяницей, атеистом и был презираем всеми.

⁴⁸ Tallemant, 1961, t. II, p. 581. О святом Аливерго см. Jacques E. Manceron, *Dictionnaire des saints imaginaires et facétieux*, Paris, Le Seuil, 2002, p. 155. В его имени видели корень «verge» («член») или сочетание слов «aliver» («анус») и «gaut» («член»).

⁴⁹ Tallemant, 1961, t. II, p. 649.

⁵⁰ Furetière, 1958, p. 1030.

⁵¹ *La France devenue italienne avec les autres désordres de la Cour* («Франция стала итальянской вместе с другими распутствами двора»), анонимный памфлет, который описывает период 1670–1688 годов. Этому же посвящены *Histoire amoureuse des Gaules Bussy-Rabutin*, 1857, t. III, pp. 345–509 и *La France galante, ibid.*, t. II, pp. 424–426.

⁵² Tallemant des Réaux, 1960, t. I, p. 392.

⁵³ Chamfort, *Caractures et anecdotes*, n° 1018.

⁵⁴ Bacon, «Du mariage et du célibat», *Essais*, VIII, p. 35.

⁵⁵ Suchon, 1700, t. I, p. 29.

⁵⁶ Bacon, «Du mariage et du célibat», *Essais*, VIII, pp. 33–35; «Des parents et des enfants», VII, p. 31.

⁵⁷ Serge Chassagne, *Oberkampf, un entrepreneur capitaliste au siècle des Lumières*, Paris, Aubier, 1980, особенно pp. 78–81.

⁵⁸ Chamfort, *Maximes et pensées*, n° 389.

⁵⁹ «*The unmarried Ladies and Gentlemen in this City, of moderate Fortunes, which are the great Bulk, are unable to support the Expense of a Family with any Magnificence...they, therefore, acquiesce in Celibacy; Each Sex compensating itself, as it can, by other Diversions*» («Холостые леди и джентльмены Лондона, с умеренным состоянием, которых большинство, не могут обеспечить расходы семьи на какую-либо пышность... поэтому они соглашаются на celibat, и каждый пол вознаграждает себя другим времяпрепровождением») (Corbyn Morris, *Observations on the Past Growth and Present State of the City of London*, 1751, цит. Хаджжалом в Glass/Eversley, 1965, p. 113).

⁶⁰ Pierre Clément, *Lettres, instructions et mémoires de Colbert*, Paris, Imprimerie impériale, 1863, t. II, 1, pp. 68–69.

⁶¹ Isambert, t. 18, pp. 90–93.

⁶² Georges Robert, *Une politique familiale et démographique au XVIIe siècle*, 1984, p. 18. О демографической политике Кольбера в 1666–1670 годах см. документы и критику, собранные в данной работе. См. также Edmond Esmonin, *La Taille en Normandie au temps de Colbert, 1661–1683* (1913), Paris, 1978, pp. 260–262.

⁶³ Montesquieu, *De l'esprit des lois*, livre 23, chap. IX, X, XXI, XXVIII, XXIX, 1990, t. II, pp. 104, 105, 123, 127–129.

⁶⁴ Dr. Thomas Short, *New Observations, Natural, Moral, Civil, Political and Medical, on City, Town and Country Bills of Mortality*, Londres, Longman et Millar, 1750, pp. 247–248. Я глубоко благодарен Пьеру Руди за его перевод.

⁶⁵ Townsend, *Dissertation on the Poor Laws*, 2e éd. 1787, p. 89, цит. по Malthus, t. II, p. 285.

⁶⁶ Pichon, 1765, pp. 32, 33, 48, 50.

⁶⁷ О Картуше см. Robert Deleuse, *Cartouche, prince des voleurs*, Paris, Dagorno, 1994.

⁶⁸ Jean-Jacques Rousseau, *Julie ou la Nouvelle Héloïse*, VI, lettre VI, éd. René Pommeau, Paris, Garnier, 1988, p. 656.

⁶⁹ Diderot, статья из *Encyclopédie*, s.v., t. II, pp. 801–806, цит. p. 804.

⁷⁰ «Questions à résoudre sur le célibat», *Journal encyclopédique*, 15 décembre 1770, t. VIII, 3, pp. 450–452.

⁷¹ *Journal encyclopédique*, 1er janvier 1771, t. I, 1, p. 173.

⁷² «Observations au sujet de la souveraineté du Pape sur les Ecclésiastiques, adressées aux auteurs de ce journal», *Journal encyclopédique*, 1er avril 1771, t. III, 1, pp. 111–114.

⁷³ Chasmond, 1771, pp. 441–442.

⁷⁴ Dorat, 1776, p. 38 (acte II, scène IV), p. 94 (acte IV, scène VI), p. 120 (acte V, scène IX).

⁷⁵ Об Армане Аруэ см. статью Огюстена Газье (Augustin Gazier) в *Revue des Deux Mondes*, 1906, t. II, pp. 615 sq. О его отношениях с конвульсионерами Сен-Медара см. Carté de Montgeron, *La Vérité des miracles opérés à l'intercession de M. De Paris et autres appelans, à Cologne, chez les libraries de la Compagnie*, 1745.

⁷⁶ Pichon, 1765, p. 26.

⁷⁷ Suchon, 1700, t. I, p. 47.

⁷⁸ Об истории парламента см. Marcel Rousselet, *Histoire de la magistrature française des origines à nos jours*, Paris, Plon, 1957.

⁷⁹ La Bruyère, «Caractères», *Du mérite personnel*, n° 25 (1865, t. I, p. 159).

⁸⁰ La Chèvre, 1909–1928, t. XIII, pp. 207–254.

⁸¹ Pichon, 1765, pp. 23–27.

⁸² Robert, 1802, p. 78, где сообщается об этом предрассудке.

⁸³ L. Schiller, цит. по Larcher, 1858, p. 179. Я не нашел этого мнения, которое принадлежит некоему Кератри.

⁸⁴ Garnier, 1887, p. 246. Гарнье, конечно, пишет в эпоху, когда военных заставляли отказываться от целибата.

⁸⁵ Voltaire, *Dictionnaire philosophique*, art. «mariage», *Oeuvres complètes*, Paris, Garnier, 1879, t. XX, p. 27.

⁸⁶ Voltaire, «L'homme aux quarante écus», *Romans et contes*, Paris, Garnier, 1960, p. 319.

⁸⁷ Young, 1983, pp. 103–117.

⁸⁸ 6 лет в 1818 году, 8 лет с 1824 года, 7 лет с 1832 года, 9 лет (из которых 4 года запаса) в 1868 году.

⁸⁹ Le Fort, 1867, pp. 476–479.

⁹⁰ Garnier, 1887, p. 247.

⁹¹ Alain Corbin, в: Ariès/Duby, t. IV, 1987, p. 536.

⁹² Père Toulemont, jésuite, «La question de la population», *Etudes religieuses, philosophiques, historiques et littéraires*, mars 1873, p. 434.

⁹³ Lagneau, 1885, p. 53.

⁹⁴ Garnier, 1887, p. 246.

⁹⁵ 2 года в 1905 году, 3 года в 1913 году, 18 месяцев с отсрочкой в 1923 году, 1 год в 1928 году, 2 года в 1935 году, 1 год в 1946 году, 18 месяцев в 1956 году, 24 месяца в 1959 году, 16 месяцев в 1963 году, 12 месяцев в 1970 году, 10 месяцев в 1992 году.

Глава 5. Современный холостяк

- ¹ Henry Gidel, *Coco Chanel*, Paris, Flammarion, 2000, p. 94.
Я следую в основном этой биографии.
- ² Perrot, Ariès-Duby, t. IV, 1987, p. 302.
- ³ Bard, 1995, p. 194.
- ⁴ Perrot, Ariès-Duby, t. IV, 1987, p. 302.
- ⁵ Duby/Perrot, t. V, 1992, p. 42.
- ⁶ Colette (1911), 1984, t. I, p. 1176.
- ⁷ Duncan (1927), 1998, pp. 28, 133, 28–29.
- ⁸ Pelletier, 1933, pp. 61, 242, 117.
- ⁹ Marcel Prévost, *Les Vierges fortes*, Paris, Lemerre, 1900, t. I, «Frédérique», pp. 102, 365, 102, 455, t. II, «Léa», p. 494.
- ¹⁰ Pelletier, 1933, p. 222; 1908, p. 77.
- ¹¹ Pelletier, 1911, pp. 36, 70.
- ¹² Цитата Женевиэвы Дюамеле в *Les Inépousées*, 1919, p. 253.
- ¹³ Montier, 1926, pp. 1, 4, 10; Grimaud (1933), 1946, p. 64.
- ¹⁴ Muzat, 1909, p. 83.
- ¹⁵ Antoinette Montaudry, *Vielle fille tu seras*, Paris, 1912, p. 201; René Bazin, *Mémoires d'une vieille fille*, Paris, 1908, p. 9.
- ¹⁶ Abbot, 2001, pp. 307–309. О Фрапье см. G. Fraisse, в: Farge, 1984, pp. 273–286, где я взял эту цитату (p. 275).
- ¹⁷ Montreynaud, 1995, pp. 419–420; Marlène Cacouault, «Diplôme et célibat, les femmes professeurs de lycée entre les deux guerres», в: Farge, 1984, pp. 177–203.
- ¹⁸ Yvonne Knibiehler, «Vocation sans voile, les métiers sociaux», в: Farge, 1984, p. 167. Об этом абзаце см. pp. 163–176.
- ¹⁹ Kaufmann, 2001, pp. 168–169; *Annuaire statistique de la France*, 1892–1894.
- ²⁰ Daniel Aranjó, *Tristan Derème (1889–1941), le télescope et le danseur*, Anglet, Atlantica, 2002. Приведенные стихотворения — pp. 115 и 207.
- ²¹ Montherlant, 1959, t. I, p. 809.
- ²² Pierre Longone, «Variations sur le mariage», *Population et sociétés*, n° 14, mai 1969, p. 2.

²³ Sophie Delaporte, *Les Gueules cassées*, Paris, Noésis, 1996, p. 163.

²⁴ Paul Valéry, «La crise de l'esprit», *Nouvelle Revue française*, 1919 (*Œuvres*, Gallimard, coll. «Bibliothèque de la Pléiade», 1957, t. I, p. 989); Breton, *Entretiens* (1952), Paris, Gallimard, 1969, coll. «Idées», pp. 55–57; Philippe Souppault, *Mémoires de l'oubli*, Paris, Lachenal et Ritter, 1997, t. II, pp. 58, 75.

²⁵ Tristan Tzara, *Sept Manifestes dada, lampisrerries*, Paris, Pauvert, 1978, p. 34.

²⁶ Bourdieu, 1962, p. 33: процентное соотношение от 8,5 до 9 % в 1911 и 1921 годах падает до 4,3 % в 1931 и 1936 годах и возрастает до 9,5 и 7,4 % в 1946 и 1954 годах (количество браков по отношению к общей численности населения).

²⁷ Курс лиры значительно колебался в 1926–1927 годах. Согласно таблицам ISTAT (Итальянского института по сбору статистики), 25 лир 1927 года соответствуют примерно 17,18 евро; 800 лир соответствуют примерно 549,76 евро.

²⁸ Hitler, 1982, pp. 250–251, 134–135, 402.

²⁹ *Ibid.*, pp. 251, 246. 412.

³⁰ Процент рождаемости, который достигал или даже превосходил 30 % перед Первой мировой войной, упал до 20 % в 1920-е годы и опустился до 16–15,1–14,7 % в 1931–1933 годах. Koch, 1936, p. 8; Friedrich Burgdörfer, *Volk ohne Jugend*, Berlin, K. Vowinckel Verl., 1932, p. 15.

³¹ Lafforgue, 1939, p. 35; Koch, 1936, p. 24.

³² Koch, 1936, p. 24.

³³ Lafforgue, 1939, p. 2; Koch, 1936, pp. 7, 28.

³⁴ «Размер общего налога на прибыль повышен на 25 % для налогоплательщиков старше 30 лет, холостых или вдовых, у которых нет никого на попечении», Dalloz, 1920, *Lég.*, p. 292, art. 9.

³⁵ Naury, 1923, pp. 17–18. Два издания не были датированы, но сразу получили приз в 1923 году. Цитата из первого издания более прямолинейна: «Несомненно, по отдельности их можно уважать, особенно если они бесплодны не по своей воле,

если им этого не позволяет религия или состояние здоровья. Но остается фактом, что они получили жизнь, но не дали ее никому; с этой точки зрения в целом они — паразиты. Так, они составляют четверть французов в возрасте, при котором можно иметь детей». Вторая формулировка вводит понятия разборчивости (которое не соответствует «невольному бесплодию» в первом издании, так как разборчивость, напротив, предполагает добровольно сделанный выбор) и ограничения взаимозависимости, что представляет собой важную эволюцию в понятии целибата не только религиозного, но и мирского.

³⁶ Ledoux, 1924, pp. 1, 5, 16, 25.

³⁷ Lafforgue, 1939, pp. 3, 6.

³⁸ *Ibid.*, pp. 7–11, цит. pp. 11, 13.

³⁹ *Ibid.*, pp. 43–52; Landais 2003; Dalloz, 1939, pp. 369–371.

⁴⁰ Общий кодекс законов о налоге (code général des impôts), art. 194.

⁴¹ Alexandre Roubakine, «La prétendue dépopulation en France», *La Prophylaxie antivénérien*, n° 2, février 1935, pp. 96–99, цит. p. 99.

⁴² Sicard de Plauzoles, «L'avenir de l'espèce humaine», *La Prophylaxie antivénérien*, n° 2, février 1935, pp. 69–91, цит. pp. 74, 87.

⁴³ Montreynaud, 1995, p. 212.

⁴⁴ Abbot, 2000, pp. 197–229.

⁴⁵ Durkheim, 1990, pp. 304–305.

⁴⁶ Шейкеры представляют собой общину девственных мужчин и женщин, основанную Энн Ли (1736–1784). Община была образована в Англии около 1770 года и переместилась в США в 1774 году. В секту вступали не только холостые люди. Ее членами также могли быть состоящие в браке, в эту религию они могли обращаться с детьми, но, вступив в секту, становились братьями и сестрами.

⁴⁷ Caufeynon, 1926, pp. 10, 92.

⁴⁸ Beauvoir, 1949, t. I, p. 259.

⁴⁹ Caufeynon, 1926, pp. 108–109.

⁵⁰ Guérin de la Grasserie, ca.1912, p. 174; Fischer, s.d., t. II, p. 616. По поводу сертификата о добрачном обследовании см. Bologne, 1995, p. 364.

⁵¹ Fischer, s.d., t. I, pp. 266–273.

⁵² *Ibid.*, t. II, p. 549.

⁵³ Об интересе того времени к сексуальному поведению холостых см. Ellis (1963, trad. fr. 1968); Oraison 1966; Célibat et sexualité, 1970; Simon 1972; Mauco 1973; Eck 1974.

⁵⁴ Simon, 1972, pp. 376–377.

⁵⁵ Eck, 1974, p. 68. Подробнее об этом абзаце см. *ibid.*, pp. 68–71, 110–122 и 156–168.

⁵⁶ Abbot, 2000, pp. 208–219; Caufeynon, 1926, p. 42; Ellis, 1963, p. 7.

⁵⁷ Mathieu Ozanam, «La chasteté, nouvelle révolution sexuelle?», статья опубликована по адресу www.doctissimo.fr.

⁵⁸ Bourdieu, 1962, p. 51.

⁵⁹ Flandrin, 1993, p. 85; Bourdieu, 1962, pp. 55–56, 61.

⁶⁰ René Bazin, *Mémoires d'une vieille fille*, Paris, 1908, p. 166.

⁶¹ Об этой эволюции см. Bourdieu, 1962, pp. 59–80, цит. p. 75.

⁶² Robert Cheize et Sylvie Chédemail, *Les Religions françaises, Atouts et problèmes*, Paris, Berlin, 2003, p. 196.

⁶³ Marie Apollinaire, «Célibataires, la nouvelle cible», *Le Journal du dimanche*, 1 février 2004, p. 39.

⁶⁴ Mollin, 1888, pp. 12–16; Cadet de Vaux, *Dissertation sur le café*, 1806, pp. 92–93.

⁶⁵ Bushnell, 2000, pp. 12–13.

⁶⁶ Georges Duhamel, *La Nuit de la Saint-Jean* (1953), Paris, Livre de Poche, 1964, p. 109.

⁶⁷ Pierre Longone, «Paris, ma grande ville», *Population et sociétés*, n° 36, mai 1971, p. 2.

⁶⁸ Pierre Longone, «Le mariage en question», *Population et sociétés*, n° 94, sept. 1976, p. 3.

⁶⁹ Об этих общежитиях см. Vandromme, 1996, passim.

⁷⁰ Finnamore, 1999, p. 198.

⁷¹ Stoll, 1974, p. 36.

⁷² *Ibid.*, p. 41.

⁷³ *Ibid.*

⁷⁴ Marie Apollinaire, «Célibataires, la nouvelle cible», *Le Journal du dimanche*, 1 février 2004, p. 39.

⁷⁵ Kaufmann, 2001, p. 37.

⁷⁶ Solesmes, 1954, pp. 118, 127.

⁷⁷ *Population et sociétés*, n° 131, janvier 1980, p. 2; Kaufmann, 2001, pp. 36–39, 170–171.

⁷⁸ Maucó, 1973, p. 63.

⁷⁹ *Population et sociétés*, n° 68, avril 1974.

⁸⁰ *Population et sociétés*, n° 77, février 1975; *The Economist*, 14 juin 2003, p. 37; *Bilan démographique 2003*, INSEE, février 2004; Beauvoir, 1949, t. II, p. 661.

⁸¹ Первый ребенок при обложении налогом учитывается в половинной доле от совокупного дохода, что выгодно родителям, не зарегистрировавшим брак официально и облагаемым налогом поодиночке. Сейчас только один из родителей (но не оба) имеет право считать общего ребенка живущим на его попечении.

⁸² *Annuaire statistique de la France*, éd. 2002, p. 77; *The Economist*, 14 juin 2003, p. 37.

⁸³ Lamourère, 1987, p. 34; Stéphanie Nicolopoulos, *Le Nouvel Observateur*, n° 2060, 29 avril 2004, p. 12.

⁸⁴ Lamourère, 1987, pp. 13, 21; *Le Journal du dimanche*, 1 février 2004, p. 38.

⁸⁵ «Le нувель обсерватер» (n° 2060, 29 avril 2004, pp. 12, 14) объявил, что с переписи 1999 года их количество увеличилось еще на 5 миллионов человек. Этим сведениям трудно поверить, и еще труднее их проверить.

⁸⁶ «Célibataires, la vie en solo, mode d'emploi», *Le Point*, n° 1499, 8 juin 2001, p. 65. Выделенная цитата – Жан-Клода Кауфмана.

⁸⁷ См. репортаж в: *Le Parisien*, 7 août 2002.

⁸⁸ *Le Point*, n° 1499, 8 juin 2001, p. 67 (Werber); Kaufmann, 2001, pp. 216–218; *Le Nouvel Observateur*, n° 2060, 29 avril 2004, p. 22 (Arditi).

⁸⁹ Borie, 2002, p. 174.

⁹⁰ Kaufmann, 2001, pp. 42–44.

⁹¹ Mathieu Bélézi, *Une sorte de Dieu*, Monaco, le Rocher, 2003, pp. 152–153.

⁹² Pascal Quignard, *Les Ombres errantes*, Paris, Grasset, 2002, p. 145.

⁹³ Jacques Vallet, *Alibabli*, Paris, Zulma, 2003, p. 24.

⁹⁴ Jean-Claude Kaufmann, *Le Point*, n° 1499, 8 juin 2001, p. 66.

⁹⁵ Kaufmann, 2004.

⁹⁶ Arnaud, 1990, p. 15. О «перевороте представления о мире» в XVIII веке см. Kaufmann, 2001, p. 24. Кауфман опирается в основном на работу: Marcel Grachet, *Le Désenchantement du monde*, Paris, Gallimard, 1985. См. также Kaufmann, 2004, особенно первая часть.

⁹⁷ Voltaire, *Correspondances*, D104 (avril 1772), à M-me la Presidente de Bernière, éd. T. Besterman, université de Toronto, 1966, t. 85 (*Correspondance, I*), p. 117.

⁹⁸ Kaufmann, 2001, pp. 165, 177; 2004 *passim*, особенно pp. 98–108.

⁹⁹ Lamourère, 1987, p. 152.

¹⁰⁰ Doucet, 1989, p. 62.

¹⁰¹ *The Economist*, 14 juin 2003, p. 37.

¹⁰² *Gazette du Palais*, 4 juin 1963, *Jurisprudence*, pp. 405–406.

¹⁰³ Demarrets, 2000, pp. 46–47. Советы по подготовке к собеседованию для устройства на работу см. на сайте: www.letudiant.fr/emploi/500-reponses/situ-fami.asp. Советы выложены 23 сентября 2003 года.

¹⁰⁴ *INSEE Première*, n° 482, août 1996, p. 1.

¹⁰⁵ Finnamore, 1999, p. 206.

¹⁰⁶ Beauvoir, 1949, t. II, pp. 608–610; 643–645.

¹⁰⁷ *Le Point*, n° 1600, 16 mai 2003, p. 62.

¹⁰⁸ *Oraison*, 1966, pp. 52–54.

¹⁰⁹ Maucos, 1973, pp. 9–10, 48–49, 75, 102.

¹¹⁰ Bushnell, 2000, p. 40; Wolf, 1999, p. 24.

¹¹¹ *Le Point*, n° 1499, 8 juin 2001, p. 65.

¹¹² Ответы, которые были получены в ходе опроса, проведенного Клер Лепле в 1945–1947 годах в Бельгии в буржуазной среде. Цитируются Симоной де Бовуар: Beauvoir, 1949, т. II, p. 231.

¹¹³ Приводится в: Doucet, 1989, p. 86.

¹¹⁴ *Le Point*, n° 1600, 16 mai 2003, pp. 56–57.

¹¹⁵ Jean-Paul Courtheoux, *La Politique des revenus*, Paris, PUF, coll. «Que sais-je?», n° 1222, 1968, p. 70.

¹¹⁶ *Le Point*, n° 1499, 8 juin 2001, p. 70.

¹¹⁷ Shanani, 1982, p. 14. О намерении Сартра и Симоны де Бовуар заключить брак официально см. *Sartre, un film d'Alexandre Astuc et Michel Contat*, Paris, Gallimard, 1977, p. 36.

¹¹⁸ Doucet, 1989, p. 62.

¹¹⁹ *Vous d'abord*, 31 mai – 6 avril 2003.

¹²⁰ *Le Journal du dimanche*, 1 février 2004, p. 38.

¹²¹ Jean-Mary Audry: Lucan, 1999, p. 266.

¹²² *Services*, lettre aux sociétaires de Mutuelle de Poitiers Assurances, n° 14, décembre 2003, pp. 4–5.

¹²³ *Le Journal du dimanche*, 1 février 2004, p. 39, рекламный проспект «Салона для холостяков».

¹²⁴ Kaufmann, 2004.

БИБЛИОГРАФИЯ

Abbot (Elizabeth), A History of Celibacy, New York, Scribner, 2000.

Des accordailles aux épousailles, catalogue de l'exposition, galerie CGER, Bruxelles, 1988.

Alliance nationale pour l'accroissement de la population française, Programmes et statuts, Paris, imprimerie Schiller, 1896.

Alternatives économiques, hors-série, n° 58, 4e trimestre 2003. «Les chiffres de l'économie».

Ariès (Philippe) et Duby (Georges) (dir.), Histoire de la vie privée, Paris, Le Seuil, 1985–1987.

Arnaud (Margot), Le Guide des célibataires, Paris, Hermé, 1990.

Aulu Gelle, Nuits attiques, éd. et trad. par René Marache, Paris, Les Belles Lettres, coll. «Budé», 1967.

Bible de Jérusalem, Cerf et Les temps qui courent, CD-Rom, 1995.

Bacon (sir Francis), Essais, trad. Maurice Castelain, Paris, Aubier-Montaigne, 1979.

Balzac (Honoré de), La Comédie humaine, éd. P. G. Castex, Paris, Gallimard, coll. «Bibliothèque de la Pléiade», 1976–1981.

Bank (Melissa), Manuel de chasse et de pêche à l'usage des filles, trad. F. Cartano, Paris, Payot/Rivages, 1999.

Barberjno (Francesco da), Reggimento e costumi di donna, éd. Giuseppe-E. Sansone, Rome, Zauli, 1995.

Bard (Christine), Les Filles de Marianne, Paris, Fayard, 1995.

Baudry-Lacantinerie (G.) et Houques-Fourcade (M.), Traité théorique et pratique de droit civil des personnes, Paris, Larose, 1900.

Beauvoir (Simona de), Le Deuxième Sexe (1949), Paris, Gallimard, 1976, coll. «Folio/Essais», 1994.

Beauvoir (Simona de), Mémoires d'une jeune fille rangée, Paris, Gallimard, 1958 (1992).

Bertillon (Jacques), «Les enfants illégitimes et leur mortalité», rapport au Congrès d'hygiène de La Haye, *Revue d'hygiène et de police sanitaire*, 1884, pp. 893–897.

Bertrand (Jean-Pierre), *Biron (Michel)*, *Dubois (Jacques)* et *Paque (Jeaninne)*, *Le Roman célibataire, D'À rebours à Paludes*, Paris, José Corti, 1996.

Bocquet (Lucien), *Esquisse historique du célibat dans l'Antiquité*, thèse de doctorat, Paris, Girard et Brière, 1894.

Bologne (Jean Claude), *Histoire du mariage en Occident*, Paris, Jean-Claude Lattes, 1995.

Bologne (Jean Claude), *Histoire du sentiment amoureux*, Paris, Flammarion, 1998.

Borie (Jean), *Le Célibataire français*, Paris, Grasset, 2002 (Livres de Poche).

Bourdieu (Pierre), «Célibat et condition paysanne», *Études rurales*, avril-septembre 1962, pp. 32–135 (École pratique des hautes études, VF section, n° 5–6).

Bovon (François) et *Geoltrain (Pierre)*, *Écrits apocryphes chrétiens*, Paris, Gallimard, coll. «Bibliothèque de la Pléiade», 1997.

Bretonnière (Jean de La), *Pour le célibat*, 1891 (extrait de la Grande Revue, Paris et Saint-Petersbourg).

Burguière (André), *Klapisch-Zuber (Christiane)*, *Segalen (Martine)* et *Zonabeno (Françoise) (dir.)*, *Histoire de la famille*, Paris, Armand Colin, 1986.

Bushnell (Candace), *Sex and the City* (1996), trad. D. Rinaudo, Paris, Albin Michel, 2000.

Busson (abbé C. J.), *Instructions et conseils aux filles de service et à tous les domestiques en général*, Paris, Gaume frères, 1842.

Bussy-Rabutin, *Histoire amoureuse des Gaules*, C. Livet et Boiteau, Paris, Jannet, 1857.

Cabrol (Fernand) et *Leclercq (Henri)*, *Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie*, Paris, Letouzey et Ane, 1908–1953.

Caradeuc de la Chalotais (Louis-René), *Essai d'éducation nationale ou Plan d'études pour la jeunesse*, s.l. s.e., 1763.

Cartier (Ernest), *Le Célibat à Rome*, Paris, Plon, 1902.

Caufeynon (Dr. Jean Fauconney), La Virginité, Paris, Brenet, 1926 (collection populaire illustrée des connaissances médicales, n° 10).

Célibat et sexualité, colloque du Centre catholique des médecins français (commission conjugale), Paris, Le Seuil, 1970.

Chamfort, Maximes et pensées, caractères et anecdotes, éd. Jean Dagen, Paris, Garnier-Flammarion, 1968.

Champion (Pierre), François Villon, sa vie et son temps, 1913, Genève, Slatkine reprints, 1984.

Charlularium universitatis parisiensis, éd. Denifle et Châtelain, Paris, Delalain, 1889.

Chasmond (de), «Le Philogame, ou Réponse aux observations au sujet de la souveraineté du Pape sur les ecclésiastiques», Journal encyclopédique, 15 juin 1771, t. IV, 3, pp. 437–443.

Cheminade (Georges), Etude sur le célibat au point de vue physiologique et médical, Bordeaux, Feret et fils, 1884.

Clark (George), Les Habitations des classes ouvrières en France, nouveau système de logements garnis pour célibataires à Paris, Paris, N. Chaix, 1854.

Clark (Peter), British Clubs and Societies. 1580–1800. The Origin of an Associational World, Oxford, Clarendon Press, 2000.

Le Clerc au Moyen Age, XXe colloque du Centre universitaire d'études et de recherches médiévales d'Aix, 1995, Senefiance, n° 37.

Code de droit canonique (1983), trad. par la Société internationale de droit canonique et des législations religieuses comparées, Vatican, 1983 (texte latin) et Paris, Centurion, Cerf, Tardy, 1984 (texte français).

Code Justinien, éd. et trad. P.-A. Tissot, Metz, Behmer, puis Lamort, 1807–1810.

Colette, Œuvres, Paris, Gallimard, coll. «Bibliothèque de la Pléiade», 1984.

Coll., «La question de la population à propos des résultats du recensement de France en 1872», Journal des économistes, février 1873, pp. 327–343.

Coppens (J.), «Le célibat essénien», dans M. Delcor, Qumrân, sa piété, sa théologie et son milieu, Paris/Gembloux, Duculot, et Leuven University Press, 1978, pp. 295–303 (Colloquium Biblicum Lovaniense, 1976).

Corbièr (Prosper Honoré, abbé), L'Économie sociale au point de vue chrétien, Paris, A. Jouby, 1863.

Cornélius Népos, Traité sur les grands généraux des nations étrangères, livre XV, Épaminondas, trad. Anne-Marie Guillemin, Paris, Les Belles Lettres, coll. «Budé», 1992 (1923).

Corrard (Joseph), Le Célibat et l'impôt sur les célibataires, Le Mans, imprimerie Monnoyer, 1907.

Cottiaux (Jean), La Sacralisation du mariage, de la Genèse aux incises matthéennes, Paris, Cerf, 1982.

Couailhac (Louis), Physiologie du célibataire et de la vieille fille, Paris, Laisné, 1841.

Croze (Marcel), Tableaux démographiques. La population en France, histoire et géographie, Paris, INSEE, 1988.

Dalloz, Recueil périodique et critique de jurisprudence, de législation et de doctrine, Paris, Dalloz, 1845 ss.

Darblay (Pierre), Physiologie de l'Amour, Pau, Bibliothèque des publications physiologiques, 1892 (1887).

Daremberg (Charles) et Saglio (Edmond), Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, Paris, Hachette, 1877–1906.

Davenson (Henri), Le Livre des chansons, Neuchâtel, La Baconnière, coll. «Cahiers du Rhône», 1946.

Debay (A.), Philosophie du mariage (faisant suite à l'hygiène du mariage), études sur l'amour, le bonheur, la fidélité, les sympathies et les antipathies conjugales, jalousie, adultère, divorce, célibat, Paris, E. Dentu, 1865.

Debriffe (Martial), Ninon de Lenclos, la belle insoumise, France Empire, 2002.

Delaunay (Paul), La Médecine et l'Église, Paris, Hippocrate, 1948.

Delay (Valérie), «Compagnies joyeuses», La Fête au cœur, numéro spécial de la Revue du Nord, t. LXIX, n° 274, 1987, pp. 503–514.

Deleau (J. J.), L'Heureux Célibataire ou les Avantages du célibat, Tours, Letourmy, 1817.

Delvau (Alfred), Dictionnaire de la langue verte, Paris, Marpon et Flammarion, 1883.

Denys d'Halicarnasse, Les Antiquités romaines, trad. par M *** [Bellanger], Paris, chez Philippe-Nicolas Lottin, 1723.

Deparcieux (Antoine), Essai sur les probabilités de la durée de la vie humaine, Paris, frères Guérin, 1746.

Desmarests (Bénédict), Guide juridique et pratique du célibataire, Paris, de Vecchi, 2000.

Desportes (Pierre), «La population de Reims au XVe siècle d'après un dénombrement de 1422», Moyen Âge, t. LXXII, 1966, pp. 463–509.

Dictionnaire civil et canonique, par M^c *****, avocat au parlement, Paris, Besoigne et Bobin, 1687.

Dinarque, Discours, trad. Laurence Dors-Méary, Paris, Les Belles Lettres, coll. «Budé», 1990.

Dion Cassius, Histoire romaine, éd. et trad. par E. Gros et V. Boissée, Paris, Librairie Firmin-Didot, 1845–1870.

[*Dorat (Claude Joseph)*], Le Célibataire, comédie en cinq actes et en vers, représentée par les comédiens-français le 20 septembre 1775, Paris, chez Delalain, 1776.

Doucet (Evelyne), Situation de famille: célibataire, Paris, Hachette, 1989.

Dubarle (Eugène), Histoire de l'Université de Paris, Paris, Didot, 1844.

Du Buisson (Paul-Utric), Le Vieux garçon, comédie en cinq actes, en vers (1782), Paris, A. Jombert, 1783.

Duby (Georges), Hommes et structures du Moyen Âge, Paris, École pratique des hautes études et Mouton, 1973.

Duby (Georges), Le chevalier, la femme et le prêtre, Paris, Hachette, coll. «Pluriel», 1999.

Duby (Georges) et Perrot (Michelle) (dir.), Histoire des femmes en Occident, Paris, Plon, 1992.

Du Cange, Glossarium mediae et infimae latinitatis, Paris, Firmin-Didot, 1840–1850.

Duchêne (Roger), *Ninon de Lenclos, la courtisane du Grand Siècle*, Paris, Fayard, 1984.

Duncan (Isadora), *Ma vie (1927)*, trad. Jean Allary, Paris, Gallimard, 1932; Gallimard, coll. «Folio», 1998.

Duneton (Claude), *Le Bouquet des expressions imagées*, Paris, Le Seuil, 1990.

Dupâquier (Jacques) et al., *Histoire de la population française*, Paris, PUF, 1982.

Durkheim (Emile), *Le Suicide*, Paris, PUF, coll. «Quadrige», 1990.

Dutour (Thierry), *La Ville médiévale*, Paris, Odile Jacob, 2003.

Duvergier (Jean-Baptiste), *Collection complète des lois, décrets, ordonnances, règlements et avis du Conseil d'État*, Paris, 1824–1849.

Duvergier de Hauranne (Ernest), «La Suisse et sa constitution», *Revue des Deux Mondes*, t. CIV, 15 avril 1873, pp. 753–800.

Echols (Anne), *Williams (Marty)*, *An Annotated Index of Medieval Women*, New York & Princeton, Markus Wiener Publishing; Oxford, Berg Publishers, 1992.

Eck (Marcel), *La Sexualité du célibataire*, Paris, Éditions universitaires, 1974.

Elias (Norbert), *La Société des individus*, Paris, Fayard, 1991.

Ellis (Dr. A.), *Célibat et sexualité*, trad. J. R. Major, Paris, La Table ronde, 1968.

Engels (Friedrich), *Les Origines de la société (Famille, Propriété privée, État) (1885)*, Paris, G. Jacques, s.d. (Bibliothèque d'études socialistes, XIV).

L'Eschole des filles, en dialogue, Paris, Champhoudry, 1672 (1657).

Farge (Ariette) et Klapisch-Zuber (Christiane) (dir.), *Madame ou Mademoiselle, itinéraires de la solitude féminine, 18e–20e siècle*, Paris, Arthaud-Montalba, 1984.

Finnamore (Suzanne), *Mariée ou pendue*, trad. Hélène Collon, Paris, Calmann-Lévy, 1999.

Fischer (Anna), *La Femme, Médecin du Foyer*, ouvrage d'hygiène et de médecine familiale, trad. L. Azéma et M. Kaplan, Paris, Muller, s.d.

Flandrin (Jean-Louis), *Un temps pour embrasser. Aux origines de la morale sexuelle occidentale, VI–XI siècle*, Paris, Le Seuil, 1983.

Flandrin (Jean-Louis), *Les Amours paysannes*, Paris, Gallimard/Julliard, 1993 (Le Grand Livre du mois, 2000).

Flora (Peter), *State Economy and Society in Western Europe 1815–1975*, Frankfurt/Chicago/London, Campus, 1983.

Fournier (Jacques), *Registre d'inquisition de Jacques Fournier*, éd. Jean Duvernoy, Paris, Mouton, 1978.

Les Français peints par eux-mêmes, Paris, Curmer, 8 vol., 1840–1842.

Frey (Michel), «Du mariage et du concubinage dans les classes populaires à Paris (1846–1847)», *Annales Économies, Sociétés, Civilisations*, 1978, t. 33, n° 4, pp. 803 ss.

Furetière, *Le Roman bourgeois, Romans français du XVIe siècle*, Paris, Gallimard, coll. «Bibliothèque de la Pléiade», 1958.

Fustel de Coulange (Numa Denis), *La Cité antique*, Paris, Flammarion, coll. «Champs», 1984.

Gainot (Bernard), *Dictionnaire des membres du Comité de Salut public*, Paris, Tallandier, 1990.

Gaius, *Institutes*, éd. et trad. par Julien Reinach, Paris, Les Belles Lettres, coll. «Budé», 1991.

Garnier (Dr. Pierre), *Célibat et célibataires, caractères, dangers et hygiène chez les deux sexes*, Paris, Garnier, 1887.

Gaudemet (Jean), *Les Communautés familiales*, Paris, Rivière, 1963.

Gay (Sophie), *Physiologie du ridicule, ou Suite d'observations, par une société de gens ridicules*, Paris, Vimont, 1833 (t. I, chap. X, «Les vieilles filles», chap. XV, «Les vieux papillons»).

Geffriaud Rosso (Jeannette), «Gabrielle Suchon: une troisième voie pour la femme?», *Ouverture et dialogue. Mélanges offerts à Wolfgang Leiner*, Tübingen, G. Narr, 1988, pp. 669–678.

Géraud (Hercule), Paris sous Philippe le Bel, d'après des documents originaux, et notamment d'après un manuscrit contenant le rôle de la taille imposée sur les habitants de Paris en 1292, Paris, imprimerie du Crapelet, 1837.

Girard (Paul-Frédéric), Textes de droit romain, Paris, A. Rousseau, 1890.

Girard (Paul-Frédéric), Manuel élémentaire de droit romain, Paris, Duchemin, et Vaduz, Topos Verlag, 1978.

Glass (D. V.) et Eversley (D. E. C.) (dir.), Population in History, Essays in historical Demography, éd. Londres, Arnold, 1965.

Gournay (Marie de), Œuvres complètes, éd. sous la dir. de J.-C. Arnoult, Paris, Champion, 2002.

Grand-Carteret (John), Mariage, collage, chiennerie, Paris, Méricant, s.d. (vers 1911).

Grégoire de Tours, Histoire des Francs, trad. Robert Latouche, Paris, Les Belles Lettres, 1995.

Grévy-Pons (Nicole), Célibat et nature, une controverse médiévale. À propos d'un traité du début du XVe siècle, Paris, CNRS, 1975 (Centre d'histoire des sciences et des doctrines).

Grimaud (abbé Charles), À celles qui s'en vont solitaires... non mariées (1933), Paris, Téqui, 1946 (12e édition).

Guérin de la Grasserie (Raoul), Psychologie et sociologie de l'eunuchisme et du célibat, Paris, H. Daragon, s.d. (ça 1912).

Guiral (Pierre) et Thuillier (Guy), La Vie quotidienne des domestiques en France au XIIe siècle, Paris, Hachette, 1978.

Gutton (Jean-Pierre), Domestiques et serviteurs dans la France de l'Ancien Régime, Paris, Aubier, 1981.

Gutton (Jean-Pierre), Histoire de l'adoption en France, Paris, Publisud, 1993.

Haury (Paul), La Vie ou la mort de la France, Paris, Vuibert, 1923.

Heers (Jacques), Le Clan familial au Moyen Âge, Paris, PUF, coll. «Quadrige», 1993 (1974).

Hefele (Carl Joseph), Histoire des conciles, Hildesheim, New York, G. Olms Verlag, 1973 ss. (1908).

Herlihy (David) et Klapisch-Zuber (Christiane), Les Toscans et leurs familles, une étude du catasto florentin de 1427, éd. de l'École des hautes études en sciences sociales, 1978.

Hesse (Carla), The Other Enlightenment, Princeton University Press, 2001.

Hitler (Adolf), Mein Kampf (Mon combat), trad. J. Gaudefroy-Demombynes et A. Calmettes, Paris, Nouvelles éditions latines, 1982 (1934).

Horace, Odes et épodes, épîtres, satires, trad. F. Villeneuve, Paris, Les Belles Lettres, 1989–1991.

Höweler (C.), Sommets de la musique, trad. R. Harteel, Paris, Flammarion, 1967.

Huber (M.), Bunte (H.) et Boverat (F.), La Population de la France, son évolution et ses perspectives, Paris, Hachette, 1965.

Hubert, Statistiques de la France, chez l'auteur, Paris, 1883.

Insee, Études et documents, n° 10, Population par sexe, âge et état matrimonial de 1851 à 1962, Paris, Imprimerie nationale, 1968.

Insee. Publications de l'Insee: Annuaire statistique de la France; Bilan démographique; Bulletin mensuel de statistiques; Insee première; Population et société... Les plus récentes sont disponibles sur le site de l'Insee: <http://www.insee.fr>.

Isambert (F. A.), Decrusy et Jordan, Recueil général des anciennes lois françaises depuis 420 jusqu'à la Révolution de 1789, Paris, Belin-le-Prieur et Verdière, 1822 ss.

Isée, Discours, trad. Pierre Roussel, Paris, Les Belles Lettres, coll. «Budé», 1960.

Jacquart (Danielle), Le Milieu médical en France du XIe au XVe siècle, Paris, Droz, 1981.

Jacques de Voragine, Légende dorée, trad. J.-B. M. Roze, éd. Garnier-Flammarion, 1967.

Jean de Meuno et Guillaume de Lorris, Le Roman de la Rosé, éd. Daniel Poirion, Paris, Garnier-Flammarion, 1974.

Jouvenel (Léon de), «Proposition de loi tendant à modifier la législation électorale», annexe au procès-verbal de la séance du

31 juillet 1871, Assemblée nationale, année 1871. Impressions, projets de loi, propositions, rapports, etc., n° 4, Versailles, Cerf, 1872, n° 435.

Kafka (Franz), Œuvres complètes, trad. C. David, A. Vialatte et M. Robert, éd. Claude David, Paris, Gallimard, coll. «Bibliothèque de la Pléiade», 1980–1984.

Kashiwagi (Takao), La Trilogie des célibataires d'Honoré de Balzac, Paris, Nizet, 1983.

Kaufmann (Jean-Claude), La Femme seule et le prince charmant, Paris, Nathan, 1999 (Press Pocket, 2001).

Kaufmann (Jean-Claude), L'Invention de soi, Paris, Armand Colin, 2004.

Kinsey (Alfred C.), Le Comportement sexuel de l'homme, trad. P. Desclaux (dir.), Paris, Le Pavois, 1948.

Kinsey (Alfred C.), Le Comportement sexuel de la femme, trad. P. Jacquemart (dir.), Paris, Amiot-Dumont, 1954.

Knibiehler (Yvonne), «Le célibat, approche historique», dans F. de Singly, La Famille, l'état des savoirs, Paris, La Découverte, 1991, pp. 75–82.

Koch (Marcel), «Les problèmes démographiques du troisième Reich», L'Allemagne contemporaine, 17e année, n° 1, janv. 1936, pp. 7–9, et n° 2, févr. 1936, pp. 24–28.

La Bruyère, Œuvres, éd. G. Servois, Paris, Hachette, 1865.

La Chèvre (Frédéric), Le Libertinage au XVIe siècle, 1909–1928, t. III, Disciples et successeurs de Théophile de Viau; t. XIII, Les Derniers Libertins, Genève, Slatkine reprints, 1968.

Lafforgue (Claude-Pierre-François-Louis), «Les causes de la dénatalité et ses remèdes, avec considérations sur les mesures prises en Allemagne et en Italie», thèse pour le doctorat, Faculté de médecine de Strasbourg, Rennes, H. Riou-Reuzé, 1939.

Lagneau (Gustave), Remarques démographiques sur le célibat en France, Paris, 1885, extrait des Comptes rendus de l'Académie des sciences morales et politiques.

Lamourère (Odile), Nous, les célibataires, Paris, Hachette, 1987.

Lamy (Angelina), L'Impôt sur les célibataires, Marseillaise féminine, musique de Charles Pourny, Lyon, A. Lamy, 1867.

Landais (Camille), «Le quotient familial atil stimulé la natalité française? Estimation de l'efficacité des politiques d'incitations financières à la fécondité (1915–1998)», École normale supérieure (Ulm), École des hautes études en sciences sociales, séminaire du 25 novembre 2003, publié sur Internet: <http://pythie.cepremap.ens.fr/piketetty/lunch/Landais2003.pdf>.

Langlade (Jacques de), Brummel ou le Prince des dandys, Paris, Presses de la Renaissance, 1984.

Larcher et Jullien (P.-J.), Ce qu'on a dit du mariage et du célibat, Paris, Hetzel, 1858.

Larmandine (Léonce de), Un homme de lettres, Fernand Lafargue, Paris, 1904.

Ledoux (Dr.), Le Problème de la population française, Besançon, imprimerie Dodivers, 1924.

Lefebvre (Charles), Leçons d'introduction générale à l'histoire du droit matrimonial français, Paris, L. Larose, 1900.

Le Fort (Léon), «Du mouvement de la population en France», Revue des Deux Mondes, 15 mai 1867, pp. 462–481.

Lemay (Edna Hindie), Dictionnaire des constituants, 1789–1791, Paris, Universitas, 1991.

Leorand (Lucien), La Virginité dans la Bible, Paris, Cerf, 1964.

Le Play (Frédéric), L'Organisation de la famille, selon le vrai modèle signalé par l'histoire de toutes les races et de tous les temps, Tours, Marne, 1884.

Le Roy Ladurie (Emmanuel), Montaillou, village occitan de 1294 à 1324, Paris, Gallimard, 1982 (1975).

Lhoest (Benoît), L'Amour enfermé, Paris, Olivier Orban, 1989.

Lombroso (Cesare), L'homme de génie, trad. Fr. Colonna d'Istria, préf. de Charles Richet, Paris, F. Alcan, 1889.

Longchamp (Sébastien), Mémoires sur Voltaire et sur ses ouvrages, Paris, A. André, 1826.

Loysel (Antoine), Institutes coutumières, éd. M. Dupin et E. Laboulaye, Paris, Durand et Videcoq, 1846.

Lucan (Jacques), Eau et gaz à tous les étages: Paris, 100 ans de logement, Paris, Picard, 1999.

Maitre (Myriam), Les Précieuses. Naissance des femmes de lettres en France au XVIe siècle, Paris, Champion, 1999.

Malthus (Thomas Robert), Essai sur le principe de population (1798–1817), trad. P. et G. Prévost (1823), Paris, Garnier-Flammarion, 1992.

Marbo (Camille), A travers deux siècles, souvenirs et rencontres, Paris, Grasset, 1967.

Mauco (Georges), Les Célibataires, Paris, Aubier-Montaigne, 1973.

Ménétra (Jacques-Louis), Journal de ma vie, éd. Daniel Roche, Paris, Montalba, 1982.

Menter (Emile-Justin), Barrière à la dépopulation de la France par l'impôt sur les célibataires civils, cléricaux et monastiques des deux sexes, Paris, S. Heymann, 1876.

Méry (Joseph), Une veuve inconsolable, Paris, Gabriel Roux et Cassanet, 1847.

Méry (Joseph), L'Essai du mariage, comédie en un acte, Paris, Librairie nouvelle, 1855.

Migne (abbé Jacques-Paul), Patrologie latine, Paris, 1844–1864.

Migne (abbé Jacques-Paul), Patrologie grecque, Paris, Migne, 1857–1866.

Moheau, Recherches et considérations sur la population de la France, Paris, Moutard, 1778 (éd. R. Gonnard, Paris, Geuthner, 1912).

Molin (J. J.), Le Célibataire. Pamphlet humoristique sur cet inutile personnage, Saint-Jean-de-Maurienne, imprimerie Vulliermet, 1888.

Mols (Roger), Introduction à la démographie historique des villes d'Europe du XIVe au XVIIe siècle, Gembloux, Duculot, 1955.

Monnier (Alexandre), Histoire de l'assistance dans les temps anciens et modernes, Paris, Guillaumin, 1857.

Monter (Edward), Lettre sur l'amour, à celle qui ne se mariera pas, Paris, Association du mariage chrétien, 1926 (3e éd.).

Montesquieu, De l'esprit des lois, éd. R. Derathé, Paris, Garnier-Flammarion, 1990.

Montherlant (Henry de), Romans et œuvres de fiction non théâtrales, Paris, Gallimard, coll. «Bibliothèque de la Pléiade», 1959.

Montreynaud (Florence), Le XXe siècle des femmes, Paris, Nathan, 1995 (1989).

Moreau (Jacques-Joseph), La Psychologie morbide dans ses rapports avec la philosophie de l'histoire, Paris, V. Masson, 1859.

Muchembled (Robert), «Des jeunes dans la ville: Douai au XVIe siècle», Mémoires de la Société d'agriculture, sciences et arts de Douai, 5e série, t. VIII, 1983, pp. 89–96.

Muchembled (Robert), L'Invention de l'Homme moderne, Paris, Fayard, 1988.

Moulin (Léo), La Vie des étudiants au Moyen Âge, Paris, Albin Michel, 1991.

Mussolini (Benito), Le Grand Discours de Mussolini à la Chambre des députés, Paris, éd. L'Italie nouvelle, 1927.

Muzat (abbé Louis), Les Vieilles Filles, Paris, Librairie des Saints-Pères, 1909.

Naz (R.), Dictionnaire de droit canonique, Paris, Letouzey et Ane, 1935.

Norwich (John Julius), The Normans in the South, Londres, Solitaire Books, 1981 (1967).

Olivier-Martin (F.), Histoire du droit français des origines à la Révolution, Domat-Montchrestien, 1951 (1948).

Oraison (Marc), Le Célibat, aspect négatif, réalités positives, Paris, Le Centurion, 1966.

Passy (Frédéric), Le Principe de la population, Malthus et sa doctrine, Paris, Hachette, 1868.

Pekin (Charles), De la richesse dans les sociétés chrétiennes, Paris, Lecoffre/Guillaumin, 1861.

Pellegrin (Nicole), Les Bacheleries. Organisations et fêtes de la jeunesse dans le Centre-Ouest, XIVe–XVIIe siècle, Poitiers, Société des antiquaires de l'Ouest, 1982.

Pelletier (Madeleine), La Femme en lutte pour ses droits, Paris, Giard et Brière, 1908.

Pelletier (Madeleine), L'Émancipation sexuelle de la femme, Paris, Giard et Brière, 1911.

Pelletier (Madeleine), La Femme vierge, Lille, V. Bresle, 1933.

Perkenoud (Alfred), «Malthusianisme et protestantisme», Annales Économies, Sociétés, Civilisations, t. 29, n°4, août 1974, pp. 975–988.

Pichon (abbé Thomas-Jean), Mémoire sur les abus du célibat, dans l'ordre politique et sur le moyen possible de les réprimer, Amsterdam, 1765.

Pickvance (Ronald), Van Gogh, catalogue de l'exposition Pierre Gianadda, 2000.

Picot (Georges), Les Garnis d'ouvriers à Paris, Paris, Société d'économie sociale, 1900.

Platon, Œuvres complètes, trad. L. Bodin, E. Chambry, M. et A. Croiset, Les Places, A. Diès, L. Méridier, A. Rivaud, J. Souilhé, P. Vicaire, Paris, Les Belles Lettres, 1970–1993 (coll. «Budé»).

Plaute, Comédies, éd. et trad. Alfred Ernout, Paris, Les Belles Lettres, 1990.

Plutarque, Vies, éd. et trad. Robert Flacelière, Emile Chambry et Marcel Juneaux, Paris, Les Belles Lettres, coll. «Budé», 1964 (1957).

Poirson (C.), Manuel élémentaire de morale à l'usage des écoles primaires et des cours d'adulte, Paris, Librairie de l'Écho de la Sorbonne, 1876.

Poncet de la Grave (Guillaume), Considérations sur le célibat, Relativement à la Politique, à la Population, et aux bonnes Mœurs, Paris, chez Moutardier, an K, 1801.

Poncet de la Grave (Guillaume), Défense des considérations sur le célibat, Relativement à la Population, aux Mœurs et à la Politique, Paris, chez Moutardier, an X, 1802.

Population de la France. Recensement général de la population de 1990, Paris, INSEE, 1990.

Pothier (Robert-Joseph), Œuvres, Siffrein, Paris, 1822–1823.

Pouthas (Charles H.), La Population française pendant la première moitié du XIIe siècle, Paris, PUF, 1956 (JJSTED, Travaux et documents, cahier n° 25).

Pure (Michel de), *La Pretieuse*, éd. Emile Magne, Genève, Droz, 1938.

Rabbinowicz (Israël-Michel), *Législation civile du Thalmud*, Paris, chez l'auteur, 1877–1880.

«Recueil de chansons: recueil factice des années 1830, Paris, BNF, Ye 56375», *Registre criminel du Châtelet de Paris*, Paris, C. Lahure, 1861.

Robert (Edmond), *Les Domestiques: étude de mœurs et d'histoire*, Paris, Germer Baillère, 1875.

Robert (Louis Joseph Marie), *De l'influence de la révolution française sur la population*, Paris, Allut et Crochard, an XI (1802).

Ronsin (Francis), *La Population de la France de 1789 à nos jours*, Paris, Le Seuil, 1997.

Roscher (Wilhelm), *Principes d'économie politique*, trad. L. Wolowski, Paris, Guillaumin, 1857.

Rossiaud (Jacques), «Fraternités de jeunesse et niveaux de culture dans les villes du Sud-Est à la fin du Moyen Âge», *Cahiers d'histoire*, Lyon, 1976, t. XXI, pp. 67–102.

Roynette (Odile), *Bons pour le service*, Paris, Belin, 2000.

Russel (J. C.), «Population in Europe 500–1500», dans Carlo M. Cipolla (éd.), *The Fontana Economic History of Europe*, vol. I, *The Middle Ages*, Glasgow, Harvester Press Ltd, 1976, pp. 25–70.

Saint-Simon, *Mémoires*, éd. Y. Coirault, Paris, Gallimard, coll. «Bibliothèque de la Pléiade», 1983.

Schuhl (Moïse), *Sentences et proverbes du Talmud et du Midrasch*, Paris, Imprimerie nationale, 1878.

Segalen (Martine), *Amours et mariages de l'ancienne France*, Paris, Berger-Levrault, 1981.

Seran de la Tour, *Histoire d'Épaminondas*, Paris, Didot, 1739.

Sewrin, *Le Pour et le contre, ou le Procès du mariage, comédie en cinq actes et en vers*, Paris, Barba, 1822.

Shanan (Lynn), *Comment aimer vivre seul (1981)*, trad. A. Yanacopoulo, Montréal, Le Jour, 1982.

Simon (Pierre), *Rapport sur le comportement sexuel des Français*, Paris, Charron/Julliard, 1972.

Solesmes (Moines de), *Le Problème féminin*, Paris, Desclée, 1954 (Les Enseignements pontificaux, t. II).

Solesmes (Moines de), *Le Célibat pour Dieu dans l'enseignement des papes*, Solesmes, abbaye Saint-Pierre, 1984.

Spencer (Herbert), *Une Autobiographie (1889)*, trad. Henry de Varigny, Paris, Alcan, 1907.

Stickler (cardinal Alfons Maria), *Le Célibat des clercs*, trad. S. Wallon et J. Pottier, Paris, P. Téqui, 1998.

Stoll (André), *Astérix, l'épopée burlesque de la France (1974)*, trad. par l'auteur, Bruxelles, Complexe, 1978.

Suchon (Gabrielle), *Du célibat volontaire ou la Vie sans engagement*, Paris, J. & M. Guignard, 1700.

Suétone, *Œuvres*, éd. et trad. angl. J. C. Rolfe, Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1992 (1913).

Synésios de Cyrène, *Correspondance*, trad. Antonio Garzya, Paris, Les Belles Lettres, coll. «Budé», 2000.

Tacite, *Annales*, éd. et trad. Pierre Wuilleumier, Paris, Les Belles Lettres, coll. «Budé», 1990 (1974).

Tallemant des Réaux, *Historiettes*, éd. Antoine Adam, Paris, Gallimard, coll. «Bibliothèque de la Pléiade», 1960–1961.

Taricat (Jean) et Ve Lars (Martine), *Le Logement à bon marché, chronique*, Paris, 1850–1930, Boulogne, Apogée, 1982.

Tassoni (Alessandro), *Pensieri e scritti preparatori*, a cura di Pietro Puliatti, Modène, Panini, 1986.

Tertullien, *À son épouse*, trad. Charles Munier, Paris, Cerf, 1980 (Sources chrétiennes, n° 273).

Tertullien, *De monogamia*, trad. Paul Mattei, Paris, Cerf, 1988 (Sources chrétiennes, n° 343).

Terwangne (Adolphe), *Le Célibat*, manuscrit de 8 pages daté de 1868 et conservé à la BNF, Paris, Rp–12570.

Thackeray (William Makepeace), *Le Livre des snobs*, trad. Georges Guiffrey, Paris, Hachette, 1857.

Toulemont (S. J.), «La question de la population», *Études religieuses, philosophiques, historiques et littéraires*, A. 17, 5° série, t. III, février (p. 217), mars (p. 423), avril (p. 481), mai (p. 726), 1873.

Библиография

Tuilier (André), Histoire de l'Université de Paris et de la Sorbonne, Paris, Nouvelle Librairie de France, 1994.

Uzanne (Octave), Le Paroissien du célibataire, Paris, Librairies-imprimeries réunies, 1890, réédité sous le titre Le Célibat et l'amour, traité de vie passionnelle et de dilection féminine, Paris, Mercure de France, 1912.

Vaisse (Maurice) (dir.), Aux armes, citoyens, Paris, Armand Colin, 1998.

Valère (Maxime), Faits et dits mémorables, éd. et trad. Robert Combes, Paris, Les Belles Lettres, 1995.

Vandromme (Xavier), Vieillir immigré et célibataire en foyer. Le cas de la résidence sociale du Bourget en Seine-Saint-Denis (1990–1992), Paris, CIEMI et L'Harmattan, 1996.

Van Gogh (Vincent), Correspondance générale, trad. M. Beerblock et L. Roëlandt, Paris, Gallimard, 1990.

Verne (Jules), Clovis Dardentor, Paris, 10/18, 1979.

Wafflard et Fulgence, Le Célibataire et l'homme marié (1822), comédie en 3 actes, Paris, Barba, 1823.

Wartburo (Walther von), Französisches Etymologisches Wörterbuch, Basel, Zbinden, 1948–1967.

West (E. W.), The Sacred Books of the East, vol. 24, 3, Pahlavi Texts, Dehli, Motilal Banarsidass, 1987 (1885).

Wickersheimer (Ernest), Dictionnaire biographique des médecins en France au Moyen Âge, avec supplément de Danielle Jacquart, Genève, Droz, et Paris, Champion, 1979 (Centre de recherches d'histoire et de philologie de la IV section de l'École pratique des hautes études, hautes études médiévales et modernes, n° 34/35).

Wolff (Isabel), Les Tribulations de Tiffany Trott, trad. Denyse Beaulieu, Paris, Jean-Claude Lattes, 1999.

Young (Arthur), Voyages en France en 1787, 1788 et 1789, trad. Henri Sée, Paris, Armand Colin, 1976 (1931).

[*Young (Peter)*], Les combattants. Histoire des soldats de l'Antiquité à nos jours, trad. Maurice Conrad, Paris, Atlas, 1983.

Артемида, неприступная богиня-девственница.
Археологический музей Кирены

Холостяк Платон не слишком жаловал себе подобных.
Музей Ватикана

Женатый человек отдает душу Богу, в мир иной его провожают
домочадцы. Душу холостяка забирает дьявол.
Литография, изданная La bonne presse, XIX век

Замужнюю женщину традиционно изображали с покрытой головой, незамужнюю — с непокрытыми волосами.

Квентин Массейс. Алтарь Св. Анны (фрагмент), 1507–1508

Пьетро Сайя. Весталка, 1803. Казертский дворец

Старый холостяк забавляется со служанкой.
Гравюра Гранвиля к песне «Старый холостяк» Пьер-Жана де Беранже
Из книги: Béranger P.-J. de. Musique des chansons. P., 1856

Холостяк и женщина, которой наскучил муж,
читают «Молитвенник любви».

Гравюра Гожана к книге Теодора Юзанна
«Молитвенник любви», 1890

Оноре Домье. Из серии «День холостяка».
Гравюра 12 «Девять часов вечера». Le Charivari. 15 сентября 1839

Иллюстрация к роману Оноре де Бальзака «Кузен Понс».
Рисунок Шарля Гюара. Paris, 1914

Опасности холостячества.

Она: «Вы знаете, а ведь женатые мужчины живут дольше, чем холостяки». Он: «Да нет же. Просто их годы тянутся дольше!»

Рисунок Ксавье Гозе. Le Témoin. 10 августа 1907

Поль Гоген. Старые девы бредут по зимнему саду в Арле, 1888.
Цинкография. Музей искусств Райта, Белойт-колледж, штат Висконсин

Открытки со Святой Екатериной отправлялись девушкам,
которые пока не нашли мужа

В начале XX века ухажеры отправляли девушкам старше 25 лет открытки со Святой Екатериной. Позже эти открытки стали восприниматься как издевка.

NOUVELLES LITANIES
DES
FILLES A MARIER

A réciter chaque jour,
pieds nus, en chemise,
à son lever et à son
coucher.

- Saint Henri. — Je voudrais un mari.
Saint Léon. — Que ce soit un bon garçon.
Saint Vincent. — Qu'il soit beau et grand.
Saint François. — Qu'il ne fasse pas d'autre choix.
Saint Albert. — Qu'il n'ait rien de travers.
Saint Edmond. — Qu'il n'ait pas le nez trop long.
Saint Hilaire. — Qu'il ait tout pour me plaire.
Saint Hector. — Qu'il soit cousu d'or.
Saint Narcisse. — Qu'il me fasse tous mes caprices.
Saint Exupère. — Qu'il ne se mette pas en colère.
Saint Abel. — Qu'il me soit fidèle.
Saint Gontran. — Qu'il soit très caressant.
Saint Siméon. — Qu'il ne soit pas crampon.
Saint Maurice. — Qu'il ait plus de vertu que de vice.
Saint Denis. — Qu'il ait beaucoup d'esprit.
Saint Clément. — Qu'il soit entreprenant.
Saint Bernard. — Qu'il n'arrive jamais en retard.
Saint Anatole. — Qu'il m'adore, me cajole.
Saint Blaise. — Que jamais ses desirs ne s'apaisent.
Saint Elol. — Qu'avant de dormir il pense à moi.
Saint Germain. — Qu'il ne remette rien au lendemain.
Saint Boniface. — Qu'en tout il tienne bien sa place.
Saint Roger. — Que je puisse l'aimer.
Saint Theophile. — Ainsi soit-il !

«Новые молитвы для девушек на выданье.
Читать каждый день, босой и в рубашке, утром и вечером»

Афиша «XI Матримониального полдника» в Экоссин-Лалене, 1913

Отель для холостяков открылся в 1911 году на рю Шарон. После Первой мировой войны холостяков почти не осталось, и в 1925 году это здание превратилось в гостиницу для женщин, служащих в Армии спасения. – «Пале-де-ла-фам» («Дворец женщины»). Зданием до сих пор распоряжается Армия спасения.

Эжен Тирион. Явление архангела Михаила Жанне д'Арк, 1876

Эжен Жиро. Портрет Гюстава Флобера

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От переводчика</i>	5
ВВЕДЕНИЕ	6
У безбрачия нет истории	6
Безбрачия не существует	9
 <i>Глава 1</i>	
ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ	19
Культурное наследие: персы	23
Культурное наследие: иудеи	25
Греция: философия безбрачия?	30
Рим: налог на безбрачие	45
Требование чистоты	63
 <i>Глава 2</i>	
ХРИСТИАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	74
Новый Завет	74
Ортодоксальность или сектантство?	79
Целибат священников: истоки	87
Безбрачие священников: женоненавистничество в Средневековье (XII–XVI века)	97
Целибат духовенства: священное призвание (XVI–XVIII века)	104
Обсуждение безбрачия	112
 <i>Глава 3</i>	
СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОДЕЛИ	124
Семья в Каролингскую эпоху	125
Новый порядок	130
Безбрачие и бедность	140
Профессии холостяков: ученая братия	145
Незамужняя женщина	159

Оглавление

Глава 4

НОВОЕ ВРЕМЯ	174
Объединения молодых людей	175
Конфрерии холостяков	183
Расхожие клише безбрачия: благочестивая одинокая женщина	193
Расхожие клише безбрачия: куртизанка	212
Секта холостяков	221
Новое бедствие?	229
Безбрачие и преступники	238
На службе у короля	247
Профессии холостяков: солдат	251

Глава 5

СОВРЕМЕННЫЙ ХОЛОСТЯК	259
Современная женщина	259
Профессии одиноких женщин	272
Время между войнами: старые и новые стереотипы	280
Сексуальная революция и новое целомудрие	298
География безбрачия	318
Герой-холостяк	329
Холостяки-победители и холостяки-одиночки	347
Новая свобода нового холостяка	364
Почему становятся холостяками?	375
Планета холостяков?	391

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	405
------------------	-----

Примечания	428
Библиография	459

Жан-Клод Болонь

ИСТОРИЯ БЕЗБРАЧИЯ И ХОЛОСТЯКОВ

Редактор серии

А. Красникова

Дизайнер

С. Кистенев

Редактор

Н. Лауфер

Корректор

О. Семченко

Компьютерная верстка

С. Петров

Налоговая льгота – общероссийский
классификатор продукции ОК–005–93, том 2;
953000 – книги, брошюры

ООО «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес редакции:

129626, Москва, И-626

а/я 55,

тел.: (495) 976-47-88

факс: (495) 977-08-28

e-mail: real@nlo.magazine.ru

сайт: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 84x108 ¹/₃₂. Бумага офсетная № 1.
Офсетная печать. Печ. л. 15. Тираж 2000. Зак. № 237.
Отпечатано в ОАО «Типография "Новости"»
105005, г. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

Издания

«Нового литературного обозрения»

(журналы и книги)

можно приобрести в магазинах:

Интернет-магазин издательства «НЛО» — www.nlobooks.mags.ru

в Москве:

«Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, 6, т. (495)924-46-80

«Москва» — ул. Тверская, 8, т. (495)629-6483, 797-87-17

«Московский Дом книги» — ул. Новый Арбат, 8, т. (495)789-35-91

«Молодая гвардия» ул. Большая Полянка, т. (495)238-50-01

«У Кентавра» — РГГУ, ул. Чаянова, д.15, т. (495)250-65-46

«Гилея» — Институт ИНИОН Нахимовский просп. 51/21, 3 этаж,
т. (499)724-61-67

«Книжная лавка писателей» — ул. Кузнецкий мост, 18; т. (495)624-46-45

«Культ-парк» — магазин в здании ЦДХ на Крымском Валу

«Старый свет» — книжная лавка при Литинституте. Тверской бульвар, 25
(вход с М. Бронной), тел. (495)202-86-08

ГЦСИ — ул. Зоологическая, д.13, т. (495)254-06-74

Галерея книги «Нина» — ул. Бахрушина, 28, т. (495)959-20-94

Киоск «Новой газеты» на Страстном бульваре

«Фаланстер» — М. Гнезниковский пер., д.12/27, т. (495)629-88-21

Проект ОГИ Потаповский пер., 8/12, стр. 2 т. (495)627-56-09

Книготорговая компания «Берроунз» т. (495)971-47-92

в Санкт-Петербурге:

Склад издательства — Лиговский пр., д. 27/7, т. (812)579-50-04

«Академкнига» — Литейный пр., 57, т. (812)230-13-28

«Вита Нова» — Менделеевская линия, 5, т. (812)328-96-91

Киоск в Библиотеке Академии наук ВО — Биржевая линия, 1

Киоск в Доме кино — Караванная ул., 12 (3 этаж)

«Книги и кофе» — наб. Макарова, 10 (кафе-клуб при Центре современной
литературы и искусства), т. (812)328-67-08

Книжная лавка писателей Невский пр., 66, (812) 314-47-59

Книжная лавка в фойе Академии художеств — Университетская наб., 17

Книжные мастерские — Наб. реки Фонтанки, 15 (магазин при РХГА),
т. (812)310-50-36

Книжные салоны при Российской национальной библиотеке

Садовая ул., 20; Московский пр., 165 т. (812)310-44-87

«Книжный окоп» — Тучков пер., д.11/5 (вход в арке), т. (812)323-85-84

Книжный салон — Университетская наб., 11 (в фойе филологического
факультета СПбГУ), т. (812)328-95-11

Книжный магазин-клуб «Квилт» Каменноостровский пр., 13,
т. (812) 232-33-07
«Подписные издания» — Литейный пр., 57, (812) 273-50-53
«Ретро Стенд» № 24 (1 этаж) на книжной ярмарке в ДК Крупской;
ул. Обуховской обороны, 105
«Санкт-Петербургский Дом книги» (Дом Зингера) — Невский пр., 28,
т. (812) 448-23-57
«Фонотека» — ул. Марата, 28, т. (812)712-30-13

в Екатеринбурге:

«Дом книги» — ул. Антона Валека, т. (343)358-12-00

в Нижнем Новгороде:

«Дирижабль» — ул. Б.Покровская, д.46, т.(312)31-64-71

в Воронеже:

«Галерея»

в Красноярске:

«Русское слово» — ул. Ленина, д.28, т. (3912)27-13-60

в Ярославле:

Книжная лавка гуманитарной литературы, т.(4852)72-57-96

в Минске:

ИП Людоговский А.С. — ул. Козлова, 3.

ООО «МЕТ» — т. 10-375-172-84-90-21, 10-375-172-84-36-21(факс)

в Киеве:

ООО «АВР» — т. (044)273-64-07

Интернет-проект «Лавка Бабуин» ул. Юрковская, д. 36, оф. 10,

т.(044)53- 22-43

в Стокгольме:

Русский книжный магазин «INTERBOK» Hantverkargatan, 32, Stockholm, т.
08-651 1147

а также в Интернете:

www.ozon.ru

www.bolego.ru

www.lavkababuin.com/shop

www.mkniga.com

Известный бельгийский историк **Жан-Клод Болонь** рассказывает об эволюции церковного и светского безбрачия, об отношении к нему в разные эпохи, об образах и типажах холостяков и, конечно, о знаменитостях: ведь у многих писателей, художников, ученых семьи не было.

КОГДА-ТО БЕЗБРАЧИЕ БЫЛО ДЛЯ МНОГИХ
«ЗАЛОМ ОЖИДАНИЯ», В КОТОРОМ
ЗАДЕРЖИВАЛИСЬ ТОЛЬКО СТАРЫЕ ДЕВЫ
И УБЕЖДЕННЫЕ ХОЛОСТЯКИ. ОДИНОЧЕК
ЖАЛЕЛИ, НАД НИМИ СМЕЯЛИСЬ. В НАШЕ
ВРЕМЯ СВОБОДА В БОЛЬШЕЙ ЧЕСТИ: ЖЕНЯТСЯ
ПОЗЖЕ, РАЗВОДЯТСЯ ЧАЩЕ. МОЖЕТ,
ХОЛОСТЯКАМ ДАЖЕ ЗАВИДУЮТ?

ISBN 978-5-86793-763-8

9 785867 937638